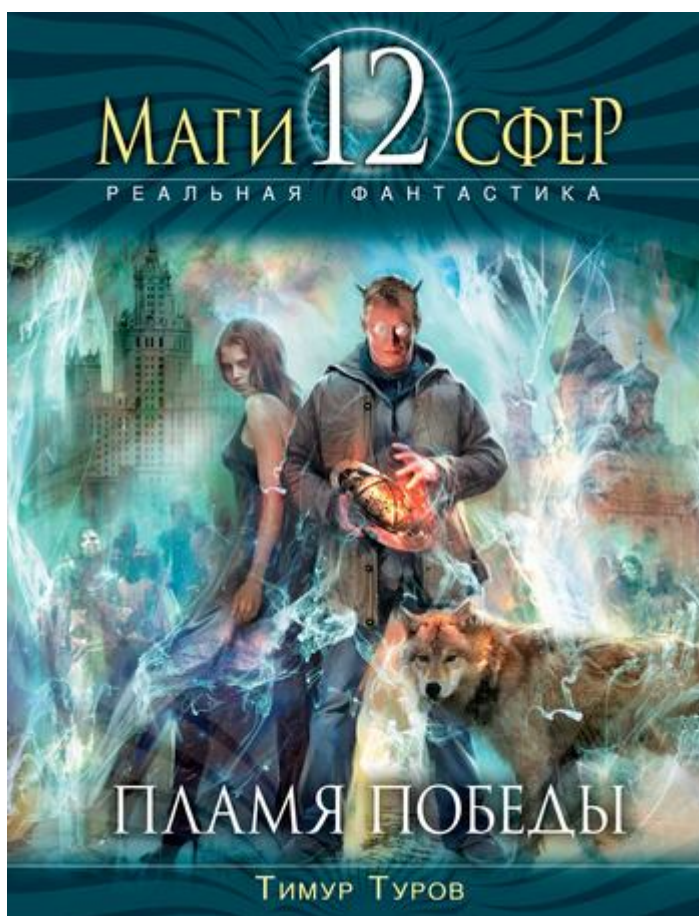

**Тимур Туров
Пламя Победы**

Маги 12 сфер – 8

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624725
«Пламя Победы»: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49182-7

Аннотация

Обычные люди живут в обычных городах и занимаются обычными делами. А рядом с ними живут совсем иные существа – джинна, дэйвона, сатра, верог, альвы и прочие, попавшие на Землю в незапамятные времена. Люди не видят их истинного облика, скрытого Пеленой.

Свои магические способности эти иные существа поддерживают с помощью источников, которые тоже невидимы для простых смертных. А что случится, если источники в один далеко не прекрасный для сатра, верог и других день вдруг исчезнут? Известное дело – начнутся разборки, поиски виновных, взаимные подозрения и обвинения.

Оказавшийся волей случая втянутым в эти разборки врач Карим Сатин и его друг маг Илья Скоробогатов погружаются в водоворот событий и постепенно докапываются до сути происходящего.

Не стоит играть с огнем, даже если это «пламя Победы»...

**Тимур Туров
Пламя Победы**

*Роман основан на реальных событиях.
Имена героев и отдельные детали изменены.
Любые совпадения имен и названий случайны.*

Глава 1

Пасмурным субботним днем в начале марта две тысячи десятого года с электрички Крюково – Москва, прибывшей на Ленинградский вокзал, сошел маленький человек.

Он был одет и обут по погоде: серая меховая куртка, купленная в подростковом отделе «Детского мира», на голове – утепленная кожаная кепка, на ногах – коричневые «гады». В руке человек держал сумку-кейс, наподобие тех, в которых носят ноутбуки, его левое запястье охватывал ремешок часов – самых обычных, на вид даже старомодных, похожих на «командирские», с большим корпусом, арабскими цифрами и нервной секундной стрелкой.

Если приглядеться, на циферблате можно было различить рисунок – что-то вроде трехступенчатой ракеты.

Но людям, в этот субботний день заполнявшим площадь Трех вокзалов, некогда было рассматривать этого ничем не примечательного жителя пригорода. В отличие от большинства пассажиров электропоезда, сердито и торопливо выталкивавших баулы, рюкзаки и тележки в узкий проем наполовину не открывшихся дверей прямо в раскисшую слякоть, человек с кейсом не спешил.

Не давая увлечь себя бурлящему людскому потоку, он отошел к краю платформы и только минуты через две уверенной пружинистой походкой двинулся к спуску в метро. Очутившись перед самой лестницей, он помедлил, прищурился, втянул воздух, поведив головой из стороны в сторону.

Кажется, если бы у него была возможность пошевелить кончиком носа, как это делают животные, он бы с радостью ею воспользовался. Так, принюхиваясь, он бросил взгляд на турникеты, на окошечко кассы. Затем скатился со ступенек, глянул на темный зев станции «Комсомольская», передумал и пошел к турникетам направо, через которые мог добраться до цели, минуя метро.

Поднырнув под турникет, человек с часами двинулся через зал, где ожидали поездов дальнего следования. Проходя мимо кафе-забегаловки, из которой тянуло кофейным духом вперемешку с запахом свежеразогретых хот-догов, он на мгновение задержался, прислушиваясь к желудку, и даже хлопнул себя по карману. Но в следующий момент фыркнул, словно сердясь сам на себя, и прибавил шаг.

Людей на вокзале было немало, но человек ловко маневрировал между ними.

Быстро миновав вереницу киосков с книгами, лекарствами, цветами и прочими стандартными для вокзала товарами, а также кассы, автоматы все с тем же кофе и газировкой, человек вылетел из душного помещения на свежий воздух. Здесь он тяжело, будто обреченно, вздохнул и, втянув голову в плечи, зашагал в сторону Старой Басманной.

Он сосредоточенно глядел себе под ноги и не заметил по пути ни гостиницу-высотку, ни церковь с колокольней – а ведь кое-кто из здешних обитателей с вождением взирал на эту колокольню, точнее, на то, что она в себе таила. Он постарался как можно быстрее проскочить «бомжатник» – переход вдоль железной дороги, миновал подвальчик, где угнездился уютный ресторан, и в конце концов Старая Басманная улица вывела его в Басманный тупик, прямо к дому дореволюционной постройки с имитацией колонн на фасаде.

Во время этой недолгой прогулки в лицо гостя из Подмоскovie дул отвратительный порывистый ветер, и человек был рад наконец увидеть желанную цель. Хотя с этого момента для него все только начиналось, и одному Великому было известно, какой предстоит финал.

У подъезда ждал набыченный лысый секьюрити, и человек с часами, внутренне сжавшись, сообщил ему вполголоса свое имя. Охранник кивнул и жестом попросил гостя

следовать за ним.

В полутемном вестибюле сидел на ресепшене еще один сердитый страж, такой же «волосатый», как две капли воды похожий на первого, а рядом с ним – эффектная девушка с рыжей шевелюрой.

«Брат-близнец» сидящего охранника перегнулся через стойку и что-то буркнул в самое ухо девушке. Та кивнула и, пошарив в компьютере, с милой улыбкой попросила у приезжего паспорт. Человечек поспешно завозился, выуживая из недр куртки пластиковую зеленую «корочку».

Получив паспорт, девушка застучала длинными ногтями по клавишам, а затем протянула посетителю пластиковый пропуск. Человек прислонил карточку к красной лампочке считывателя и, крутанув турникет, пошел, не оглядываясь, к лестнице.

За ним тяжело топал охранник.

По круто уходящим вверх ступеням они поднялись на второй этаж и, пройдя широким коридором, оказались в просторном офисе, обставленном в современном, даже модерновом, стиле. Бросалась в глаза яркая желто-оранжевая окраска стен, контрастировавшая с натертым до блеска темным паркетом, и такая же кричащая ярко-металлическая офисная мебель.

Посреди комнаты стоял, сверхрадушно улыбаясь, плотный бритоголовый мужчина в дорогом костюме с узким бордовым галстуком-«удавкой».

– Добро пожаловать, добро пожаловать, мастер, – протянул хозяин кабинета, отпуская охранника и широким жестом приглашая посетителя присесть на угловой диванчик – ярко-красный и оттого как нельзя более уместный в этом пекле местного масштаба.

Подскочил еще один гладкоголовый – гибкий и ловкий, с такой же огненной улыбкой, как у хозяина, и помог гостю снять верхнюю одежду, быстро поместив ее в шкаф-купе, о существовании которого в прошлый свой визит человек с часами даже не догадывался – принял за зеркальную стену. Тот, кого называли «мастером», устроился на краешке дивана. Мужчина в костюме с шумом выдвинул из-за стола вертящееся компьютерное кресло и, установив его напротив собеседника, грузно плюхнулся на сиденье.

– Итак, не буду более держать вас в неведении, – начал он, закинув ногу на ногу. – Обсудив ваше нетривиальное и, не буду отрицать, рискованное, но от этого еще более заманчивое предложение, землячество решило его принять. – Он сделал акцент на последнем слове.

Мастер вздрогнул и впился глазами в собеседника.

– Да! Да! – отрывисто повторил тот. – Мы согласны принять участие в этой... в этом... действе.

Мастер кивнул.

– Мне лишь одно здесь непонятно, – внезапно наклонившись к гостю, вкрадчиво произнес хозяин. – Какая вам от всего этого выгода? Вот лично вам, мастер, – какая?

В офис незаметно проникли еще несколько человек в костюмах, расположились полукругом за спиной сидевшего. Но мастер на них не смотрел, выражение его глаз стало хищным, даже злобным, как у грызуна, приготовившегося к схватке.

– У каждого из нас – свои враги, господин Средин, – словно протявкали маленький человек. – Свои привычки, свои боги. Свой город, понимаете? О, я уверен, вы понимаете!

Недобро прищурившись, мастер смотрел на Средина.

Тот усмехнулся, скрестив руки на груди, и, не глядя на гостя, в задумчивости произнес:

– Враги... Да. Только это и вынуждает нас совершить подобное безумие.

Стоявшие позади него молча кивнули.

Хозяин кабинета встал и подошел к окну, отодвинул вертикальные жалюзи и глянул на улицу, туда, где на фоне серого неба вздымалась церковь Никиты Великомученика. Но он смотрел не на церковь, он видел сейчас нечто совершенно иное и вдруг резко обернулся.

– А вы не боитесь, мастер, – задорно спросил он, – что вот сейчас мы попросим вас оставить свой кейс здесь и вежливо выпроводим?

Послышались одобрительные смешки.

Губы гостя непроизвольно расплзлись в улыбке. Он встал, положил сумку на стол и растегнул молнию. Внутри обнаружилась металлическая конструкция в виде цилиндра на треноге.

Понять, для чего предназначается это приспособление, с первого взгляда было нельзя.

– Если хотите воспользоваться этим, – мастер сделал указующий жест, – в одиночку, я с удовольствием застолблю место на галерке.

– И запасусь попкорном, – пробормотал кто-то из присутствующих.

– Точно! А документ я, естественно, с собой не вожу, – фыркнул гость.

– Как же вы... Вы что, помните ритуал наизусть? – с досадой произнес Средин.

Он явно рассчитывал на большее.

– Да, помню. – Мастер убрал странный прибор обратно в сумку. – Но я бы не стал слишком полагаться на свою память в таком деле. Просто все здесь, – он постучал согнутым пальцем по кейсу. – А остальное будет зависеть только от вас.

– Ну что ж, – обреченно вздохнул Средин. – Предлагаю считать договор заключенным. Осталось условиться о дате.

– Да. Я бы предпочел не тянуть, – резко сказал гость.

...Когда маленький человек с устройством в кейсе вышел из дверей дома с колоннами на фасаде, с неба повалил мокрый снег. Мастер взглянул на часы: секундная стрелка все так же, толчками, словно пульс, двигалась по кругу.

Он еще успевал на «быструю» электричку.

– Твой ход. – Карим выжидательно постучал костяшками пальцев по столу. Получилось забойно.

– А мы вот так! – Илья передвинул пешку на две клетки вперед, тем самым подставляя ее под удар.

– И не жалко тебе пешечку? – улыбнулся Карим, почесывая рог.

– Не жалко, – заявил Илья. – Их много, а мне нужно место для маневров.

– Как знаешь! – пожал плечами Карим и взял пешку соперника.

Илья Скоробогатов приехал в гости к своему другу, Кариму Сатину, в Зеленоград. Приехал, кажется, по компьютерную душу, но зачем именно – успел уже благополучно забыть.

– А я – лошадю!

– Конем, – машинально поправил Карим.

– Знаю, что конем. Но лошадь мне нравится больше.

Играли уже вторую партию, первую Илья продул. За окном незаметно темнело, субботний день близился к концу.

– А мы тебе – вилку! – Карим поставил своего коня, угрожая одновременно ферзю и ладье противника.

– Черт, просмотрел! – огорчился Илья. – Злые вы, злые, уйду я от вас!

Он отвел ферзя в сторону, жертвуя ладьей.

– Мы не злые. Мы даже не жестокие. Мы действуем по необходимости, – улыбнулся Карим, забирая ладью.

– Это ты своим пациентам втираешь? – с подозрением спросил Илья.

– Конечно, – Сатин улыбнулся еще шире. Он просто весь светился.

– Надо будет юзерам тоже что-нибудь такое завернуть... – пробормотал Илья, переставляя пешку.

Карим напряженно всматривался в расстановку фигур на доске.

– Ну, задымил, гроссмейстер, – буркнул Илья. – Ходить будешь или как?

Сидели на диване, шахматная доска стояла между ними. Из угла доносилось приглушенное бормотание телевизора: мать Карима, с такими же, как у сына, рожками, безмятежно вязала в кресле перед экраном. В соседней комнате странно похожий на человека отец что-то чертил за компьютером, едва ли отдавая себе отчет, что находится в квартире не один.

Внезапно погас свет.

– Оба-на!

– Что такое? – воскликнули в один голос молодые люди.

В двери появился отец, с горящей зажигалкой в руке.

– Ну ты подумай, а? Два часа работы коту под хвост, – произнес он с досадой.

– Ничего, Артем Андреевич, мы все восстановим, – заявил из темноты Илья.

– Кто это? Илюха, ты, что ли?

– Он уже полтора часа как здесь, – засмеялась мать. – Давайте свечку зажжем, и сходите посмотрите, что там с рубильником...

В этот момент кто-то затарабанил в дверь. Карим, включив подсветку мобильного телефона, пошел открывать. На пороге, в полумраке лестничной площадки, обнаружилась соседка – древняя-древняя старушка Зинаида Михайловна – в вязаной безрукавке поверх халата.

Никто в подъезде не знал, сколько этой женщине лет.

– Каримушка! – крикнула она еще громче, чем только что стучала. – У вас свет есть?

– Нету, тетя Зина, нету. Все погасло, – ответил Карим.

– Нету, да? – переспросила соседка. – А я сидела, чай пила. Сын привез чай – хороший.

С этим... с бегермотом...

– С бергамотом, – поправил Карим.

– Да, с бегермотом. И вдруг – раз! И темно. Я вот чашку даже опрокинула...

– Ай-яй-яй, как же вы так, тетя Зин? Проходите.

Карим посторонился, освещая старушке дорогу телефоном. В комнате ее встретила мать. Соседка начала рассказывать ей все заново. Отец со свечкой в руке вышел в прихожую.

– Пошли, глянем, что там такое...

Они вышли на темную лестничную площадку. Карим нашарил рукой щиток на стене и, открыв дверцу, передвинул рычажок рубильника. Ничего не произошло. Карим спустился на пару ступенек и глянул в окно.

В домах напротив светились окна, горели и фонари.

«Авария, не иначе», – подумал Сатин.

– Ну что там, сынище? – окликнул его отец.

– Авария местного масштаба, пап. Надо идти в диспетчерскую, – сказал Карим, возвращаясь наверх.

– Опять с ними ругаться, – недовольно произнес отец.

– Ничего, пап, я быстро договорюсь. Все будет нормально.

Пока домашние ждали его в квартире, Карим сбегал в соседнее здание, где помещалась диспетчерская, мастерская по ремонту лифтов и прочие технические службы для жильцов окрестных домов. Через пять минут свет зажегся, а вдобавок наконец-то пришел слесарь из ДЭЗа: чинить домофон в одиннадцатой квартире.

– Что ты им сказал? – поинтересовался Илья, когда Сатин вошел в ярко освещенную комнату.

– Ничего, – развел руками тот. – Поулыбался просто...

– Так это и у меня свет зажегся? – поднялась с кресла прикорнувшая в нем соседка.

– И у вас, тетя Зина, и у вас. Пойдемте, я вас провожу.

– Ой, проводи, Каримушка, проводи, – запричитала бабка. – А то я ведь и очки обронила, не найду сейчас...

– Ну, это теперь надолго, – протянул отец, когда Сатин-младший увел соседку. – Сначала очки, потом выяснится, что телефон сломался, затем, что телевизор перегорел, а после этого – замок закрываться не будет. – Он вздохнул.

– Ну что же делать, ведь ей много лет, а живет одна, – сказала мать.

– Угу. А Каримыч наш безотказный, и все на нем ездят, – не преминул вставить свои пять копеек Илья.

Тем временем Карим нашел в квартире у Зинаиды Михайловны завалившиеся под

зеркало очки. Телефон и телевизор, к счастью, не пострадали, а вот лампочка в ванной перегорела. При этом соседка заявила, что ей скучно сидеть одной в темноте – хотя во всей остальной квартире свет исправно включался. Пришлось на время отвести ее снова к родителям Карима.

Оставив соседку на попечение родным и Илье, Сатин надел куртку и отправился покупать лампочку.

У подъезда на лавочке сидел местный алкоголик Вова, небритый и нестриженный, в засаленном пиджаке неопределенного цвета, и тоскливым взором смотрел на звездное небо.

– Каримыч! – воодушевился он, увидев Сатина, и ударил себя кулаком в грудь. – Дай пятьдесят рублей! Трубы горят...

– Бросал бы ты пить, Вова, – остановившись, вздохнул Карим.

– Н-не могу, – мотнув головой, сказал Вова. – Мотивации нет. Помоги, а? В последний раз. – Он смотрел на Сатина полными собачьей преданности глазами.

– Да если б в последний, – вновь вздохнул тот.

Подойдя вплотную к Вове, Карим вытянул руку и щелкнул пальцами. Над головой алкоголика в полутьме что-то вспыхнуло и тут же погасло.

– Ну что, легче? – спросил Карим, опуская руку.

– Д-да. Легче! – кивнул Вова. – Как ты это делаешь?

– Уметь надо, – улыбнулся Карим и зашагал своей дорогой.

Пока он ходил за лампочкой, Илья восстанавливал на жестком диске документы Сатина-старшего, а Зинаида Михайловна рассказывала матери Карима, какой у той хороший сын:

– Вот иду я с рынка, а навстречу мальчонка на лисапед едет. Быстро так едет. Маленький мальчонка, а лисапед большой. Думаю: не дай бог сейчас о камень навернется. И только подумала: точно. Раз – и готово! Падает вместе с лисапедом своим, и в рев. А все идут себе мимо, и всем его жалко, но никто не подходит. Вдруг выбегает Каримушка – и откуда он взялся, я его даже не заметила сначала. Бежит – и к папану. Поднял его на ноги, к лисапеду колесо приделал – отвалилось колесо-то. И дальше пошел. Одним махом приделал колесо-то. А мальчонка остался. И реветь перестал. Всем помогает. Всем помогает!

Тут раздался стук в дверь, мать пошла открывать.

На пороге стояли соседи сверху: молодая женщина с заплаканной дочкой лет восьми. На головах у обеих были такие же рожки, как у Карима и его матери. Кроме того, через отверстие, сделанное сзади в шортах ребенка, выглядывал хвостик. Между рогами на лбу девочки красовалась огромная красно-синяя шишка.

– Добрый день, Айгуль. Дома ли твой сын? – приветливо спросила женщина.

– Нет, но скоро вернется. Проходи, Лариса.

– Здравствуйте, тетя Гуля, – пролепетала девочка.

– Здравствуй, здравствуй, Даша. Что это у тебя? – Айгуль показала на шишку.

– Упала, – хныкнула девочка.

– Потому и пришли, – вздохнула ее мать. – Пусть доктор посмотрит.

...Когда Карим вернулся домой, он застал в квартире не только тетю Зину и Ларису с дочкой, но и соседа снизу, так и не объяснившего толком, что же ему надо. Похоже, он просто хотел пообщаться.

Карим вкрутил лампочку в ванной у Зинаиды Михайловны, осмотрел шишку Даши и чем-то ее намазал. Девочка сразу же повеселела: видимо, перестало болеть. Поговорил с соседом о политике. Разошлись глубоко за полночь, уже после того, как выполнивший свою миссию Илья уехал к себе в Москву.

– Станция метро «Театральная». Переход на станции «Площадь Революции» и «Охотный Ряд», – объявил хорошо поставленный голос.

Илья Скоробогатов выпрыгнул из вагона и, быстро глянув на экран мобильного телефона, устремился в переход на Сокольническую линию. Он, как всегда в понедельник утром, задержался, потому что воскресенье провел у родителей. Они жили в Третьем

Лихачевском переулке, довольно далеко от метро, а маршрутки с утра набиты под завязку.

С тех пор как Илья развелся – а случилось это ровно три месяца назад, двадцать девятого декабря, – ночевки у «предков» стали регулярными. Это устраивало и его, благо родители перестали пилить любимого сына, что тот совсем не появляется, и самих родителей – чадо накормлено и обстирано, хотя бы и раз в неделю. Они, особенно мама, все еще считали двадцатитрехлетнего отпрыска ребенком.

Илья миновал переход, по дороге уловив краем уха сетования пожилой дамы в шляпке, что из-за последних переделок при подъеме на «Охотный Ряд» на стенах не видно сцен балета. Скоробогатов даже успел удивиться: почему всегда кто-нибудь вспоминает про эти барельефы? Он, например, их не замечает, даже когда идет в обратном направлении – с красной ветки на зеленую.

Поезд «Красная стрела» как раз подходил к станции.

Скоробогатов рванул было к ближайшим дверям, но внезапно остановился. Илья был довольно высокого роста, и через головы заходивших людей увидел в глубине вагона женщину. Он даже не придал значения тому, как она одета, и не смог бы, наверное, описать черты ее лица. Все внимание приковали глаза – они были кроваво-красными. И тут же рядом с этой женщиной он с удивлением увидел четырех мужчин с такими же красными глазами. Но даже не это поразило Скоробогатова больше всего.

Вокруг каждого из них словно дрожал воздух, отчего их фигуры казались окутанными маревом.

С трудом оторвавшись от впечатляющего зрелища, Илья интуитивно двинулся в другой вагон, головной, и вскочил в поезд, когда двери уже закрывались. Уцепившись за поручень, он еще некоторое время смотрел сквозь прозрачную дверь в соседний вагон, потом отвернулся, размышляя, что бы это могло значить.

Его знаний хватало для того, чтобы понять, какого рода существ он встретил, и то, как они выглядели, ему совершенно не понравилось.

Потом Илья спохватился, что все-таки опаздывает на работу, и думать забыл о странных типах. Начал прикидывать, стоит на выходе ловить такси или обойтись маршруткой.

Состав прибыл на следующую станцию. Скоробогатов бросил рассеянный взгляд в окно, и в этот момент вагон тряхнуло так, что Илья, не удержавшись, полетел на пол и врезался головой в смежную с кабиной машиниста дверь. Из окон посыпались стекла, рядом упал еще кто-то.

«Перекрытия тоннеля рухнули», – отстраненно подумал системный администратор.

В вагоне закричали, потом раздался голос машиниста, призывавший выходить из поезда. Илья попытался подняться, цепляясь за разломанное сиденье.

В вагоне висел дым, густой и желтый, голова болела, но еще больше кружилась. Люди в вагоне пытались высадить двери – их заклинило и невозможно было выйти.

Кое-как поднявшись, Скоробогатов ринулся было на помощь, но в это время толпа наконец справилась с дверями и вынесла его на перрон. Там оказался все тот же желтый дым, пахло жженым пластиком. Все произошло так быстро, что системный администратор не успел даже испугаться.

Добравшись до мраморной опоры, Илья сел прямо на пол, прислонившись к ней спиной. Когда через несколько минут – а может быть, мгновений, он не решился бы утверждать – дым рассеялся, Скоробогатов увидел лежавших возле искореженного вагона людей.

Другие пассажиры, менее пострадавшие, помогали раненым подняться, но многие просто глазели, снимая происходящее на камеры в телефонах. И тут он вспомнил о женщине с красными глазами и ее спутниках и сразу все понял.

Или ему казалось, что понял.

Сделав усилие, Илья встал сначала на четвереньки, потом, не без труда, на ноги и медленно двинулся к пострадавшему вагону. Увидев вблизи трупы и даже окровавленные

куски тел, Скоробогатов никак на это не отреагировал: казалось, все происходит не здесь, не с ним, а далеко, словно через пелену.

Мысль о Пелене подтолкнула его к действию – он сделал последний шаг и наконец увидел то, что осталось от странной женщины.

Рассеянно шаря взглядом вокруг, Илья пытался обнаружить хоть какие-то следы ее сопровождающих, но всюду были лишь тела других погибших. Возможно, Скоробогатов просто не распознал спутников красноглазой, а может быть, после взрыва от них совсем ничего не осталось.

Он тяжело повернулся и зашагал прочь, к эскалатору: что-то говорила диспетчер, кажется, советовала добираться наземным транспортом; люди вокруг уже не кричали, не толкались, они молча проходили на лестницу; у некоторых были окровавлены лица, разорваны куртки, исцарапаны руки, таких пропускали вперед.

Илья тоже посторонился было, но какая-то старушка потянула его за рукав со словами: «Молодой человек, что вы, что вы, проходите скорее, у вас же кровь! Поднимайтесь наверх». Он узнал в этой женщине ценительницу театральных барельефов и неожиданно обрадовался, что она жива. Машинально приложил руку к макушке, это место больше всего болело. Ладонь оказалась вся в крови.

Женщина поспешно протянула носовой платок, он поблагодарил и взял, приложил его к ране.

Наверху, на станции, навстречу шли люди, с удивлением поглядывали на раненых, многие останавливались, спрашивали, что случилось. Кто-то возвращался назад, но кто-то спускался невзирая на заверения дежурной, что поезда ходить не будут.

Мимо Ильи пробежал милиционер, потом еще один. Скоробогатов не помнил, как одолел подземный переход. Он ужасно устал, кроме того, его начало подташнивать. Мелькнула мысль о легком сотрясении мозга.

Выйдя к Лубянской площади, Илья увидел подъезжающую «скорую помощь». Вдалеке слышался нарастающий гул еще нескольких сирен. Он отошел в сторону, завернул за угол и остановился. Ему совершенно не хотелось сталкиваться с врачами, терять время. Он не знал, известно ли уже средствам массовой информации о происшествии. А если да – его родители, а возможно, и не только они, сейчас сходят с ума. Илья достал телефон. Тот был цел и даже не полностью разрядился, но связь отсутствовала. Необходимо было срочно сделать две вещи, но Скоробогатов чувствовал, что ему хватит энергии только на одну.

Поразмыслив с полминуты и придя к заключению, что с момента взрыва прошло еще очень мало времени, телевидение вряд ли в курсе, а Интернету родители все равно не поверят, Илья сунул телефон в карман и сосредоточился на себе. Карим, травматолог по профессии, научил его одному заклинанию, с помощью которого можно было быстро восстановить силы, снять головную боль.

Заклинаний существовало множество: общеизвестных и уникальных, боевых и защитных, вербальных и невербальных, долгоиграющих и мгновенных, простых и сложных, и даже медицинских. Но арсенал Скоробогатова был не таким уж и большим, и по разным причинам.

Оба родителя Ильи являлись магами, и магами неплохими, так что Илья с детства сталкивался с заклинаниями и магическими обрядами. Но с малых лет он был гораздо больше занят компьютерами, поэтому остальной мир, в том числе и мир за Пеленой, существовал для него очень выборочно, преломляясь через призму виртуальности. Способности Ильи проявлялись преимущественно в одной узкой сфере – он был непревзойденным хакером.

Заклинание, полученное от Карима, называлось тупо и банально: «анальгин». Выполнялось оно очень просто: надо было положить четыре пальца обеих рук на виски и произнести формулу. Со стороны это не привлекало никакого внимания: ну стоит человек, держится за голову.

Подперев спиной стену, Илья занялся собой. Боль действительно уменьшилась,

отступила дурнота. Кроме того, обострились чувства, как будто с глаз сорвали мутные очки, а из ушей вытащили ватные тампоны. И лишь после этого он осознал, что некоторое время назад чуть не погиб.

Вздвигнув всем телом, Скоробогатов направился ловить такси. Только сейчас он заметил, что людей на улице значительно прибавилось, как и возросло количество спецмашин – возле входа в «Лубянку» теснились уже не только обычные «скорые», но и «Медицина катастроф», понаехало милиции. Вдоль дороги голосовала огромная толпа: общественный транспорт, похоже, уже не ходил.

Протанцевав с поднятой рукой добрых полчаса, Илья наконец поймал частника, запросившего три тысячи.

– Да ты что, мужик, озверел? – опешил Илья. – Тут ехать десять минут.

Бомбила досадливо крякнул:

– Пойми, парень, весь центр перекрыт, я сюда уже не вернусь. День коту под хвост.

«У тебя – день, а у тех, кто там остался, – вся жизнь коту под хвост», – мрачно подумал Илья, но вслух этого не произнес.

Таксист между тем продолжал оправдываться:

– Два взрыва было, от «Спортивной» до «Комсомольской» поезда не ходят.

– Как – два? Уже два? А второй где?

– «Парк культуры».

В конце концов сторговались за тысячу – разглядев на лице Скоробогатова следы крови, мужик прикусил язык и перестал наглеть.

Из-за пробок до Чистых прудов добирались не меньше часа. Сеть по-прежнему не ловилась. Можно было бы попытаться наладить связь с помощью заклинания, но Илье оно не всегда удавалось: там нужно было долго концентрироваться, и Скоробогатову обычно не хватало терпения.

Тем не менее он попытался, но ничего не получилось и на этот раз.

И тут телефон разразился звоном: матушка.

Илья улыбнулся: уж ее-то заклинания прорвутся через любые кордоны.

– Да, мам. Жив я, жив, на работу еду... Нормально все... Да не обманываю, клянусь! Ну был рядом, да. Ну ладно тебе. Говорю – жив и не ранен! Ну все, давай. Отцу привет.

Илья едва успел отключиться, как позвонила бывшая супруга, потом – сотрудница из головного офиса, после этого – Карим.

Все хотели знать, что он живой, все переживали, и каждого пришлось убеждать в том, что он давно уже покинул метро, а друг хотел еще и подробностей. Таксист все это время помалкивал, с интересом прислушиваясь.

Звонки прекратились, только когда аппарат разрядился, и Скоробогатов понял, что разговаривать с начальством ему придется уже не по телефону. Наконец, машина остановилась у проходной, Илья сунул водителю обещанную купюру и выбрался на тротуар.

Фирма «Файнэншл траст», где работал Илья, занималась предсудебным урегулированием финансовых споров, а также аудитом и имела несколько офисов в разных районах Москвы. В контору обращались не только люди, но и представители других сфер. Директор местного филиала Антон Инаков тоже был магом, он и предложил в свое время Скоробогатову работу.

В офисе уже знали о случившемся на станциях «Лубянка» и «Парк культуры», как знали и то, что системный администратор Скоробогатов – чуть ли не единственный сотрудник, который ездит на работу на метро. А поскольку Илья, который хоть и являлся в последний момент, тем не менее, никогда не опаздывал, а тут пропал на полтора часа и не отвечает на звонки – сделать самые ужасающие выводы коллективу не составило труда.

Появление Ильи с исцарапанным лицом и запекшейся раной на голове вызвало одновременно и вздохи облегчения, и вопли ужаса среди коллег. Юзеры наперебой загалдели, кинулись с расспросами. Женщины заохали, прижимая руки ко рту, кто-то полез за аптечкой, мужчины, которых, впрочем, в конторе было немного, норовили хлопнуть по

плечу, подбодрить.

Илья говорил мало и односложно – шок понемногу начал проходить, но описывать чудовищную картину в красках Скоробогатов был не готов.

Появился Инаков, очень встревоженный и даже расстроенный.

Если существует на свете хорошее начальство, то Антон принадлежал как раз к нему: подчиненных ценил и не терроризировал. Вдобавок он являлся человеком неконфликтным, в том числе и с «чужими», поэтому чистопрудный филиал «Файнэншл траст» пользовался популярностью. Инаков, Скоробогатов и еще с десятков работавших в фирме магов входили в объединение «Семь холмов», владевшее четырьмя небольшими источниками в разных округах.

– Р-разойдись! Ну чего облепили парня, продохнуть не даете, – стал разгонять любопытных Инаков. Потом начальник углядел запекшуюся рану на голове Ильи. – Еж твою двадцать! А ну, поехали в травмпункт.

– Подождите, Антон Николаевич. Мне вам нужно срочно кое-что рассказать, – начал Илья, но Инаков не захотел ничего слушать.

– Расскажешь в машине, идем.

Впрочем, попасть к врачу Илье было не суждено. Подал голос внутренний телефон, и секретарь попросила директора срочно вернуться в кабинет: важный звонок. Досадливо морщась, Инаков кивнул Илье, приглашая его за собой. Войдя в приемную, где сидела нахохлившаяся секретарша Люда, Скоробогатов опустил на стул.

– Кто там такой важный? – буркнул Инаков, отпирая кабинет.

– Галкин, что-то насчет «Метрос рекламы», – ответила секретарь. – Сказал: срочно.

Василий Галкин возглавлял «Семь холмов», а кроме того, был постоянным клиентом «Файнэншл траст».

Начальник многозначительно покачал головой.

– Скажите, пожалуйста, засуетился, – произнес он вполголоса и плотно прикрыл за собой дверь.

Минут через пять он вызвал к себе Илью.

– Тут такое дело, – начал Антон, когда системный администратор опустился в кресло. – Ну, ты ведь знаешь, что «Метрос реклама» неофициальный монополист?

Илья кивнул – он был в курсе того, что права на продажу мест для рекламы в московском метрополитене принадлежат только одному акционерному обществу. Причем по документам право это лишь преимущественное, но никак не абсолютное, но де-факто больше ни одна рекламная фирма Москвы им не обладает. Хотя очень многие хотели бы. Знал Скоробогатов и то, что хозяином фирмы «Метрос реклама» является не человек, а вампир, или, если говорить правильно – представитель расы верог, красной сферы, в людском обществе носивший фамилию Саркисов.

– Так вот, Саркисов очень просит представителей сильнейших кланов Центрального округа собраться в «Тверской-Марриотт».

– Нас тоже причислили к Центральному округу? – поднял бровь Илья. – И почему не в «Измайловской»?

Обычно переговоры между орденами и кланами велись именно в этой гостинице.

– Ну у нас же есть источник в Центральном, вот и причислил. Я так понял, он не хочет особенно афишировать. Приглашены только мы, джинна, Наблюдатели, сатра – а будет ли кто еще, неизвестно.

– Впервые слышу, что ему есть дело до других, – удивился Илья. – Мне казалось, он как-то в стороне.

– Это правда, – кивнул Инаков. – На самом деле Саркисов беспокоится исключительно за свой бизнес. В метро произошли взрывы, люди будут бояться ездить. Рекламы на какое-то время станет меньше, он недополучит денег – все ж совершенно ясно. Но по официальной версии – он печется о всеобщем благополучии. Опасность угрожает всем, и надо вместе найти виноватых. Кстати, кто-то уже донес ему, что на месте взрывов видели мага из «Семи

ХОЛМОВ».

– Интересно, а про джинна ему тоже доложили? – усмехнулся Илья.

– Ты видел там джинна? Так ты мне это хотел рассказать?

– Угу. Я ехал в первом вагоне, а они – в соседнем, который как раз и взорвался. Я туда потому и не сел, что их увидел: сначала женщину, а потом четверых мужиков. По крайней мере, я только четырех разглядел. У них глаза были красные-красные. Но я даже предположить не мог, чем это грозит.

– Еж твою двадцать, – задумчиво произнес Инаков. – Джинна в метро, да еще в состоянии крайней агрессии. Кто же их так разозлил?.. И что они вообще там делали? «Оранжевые» – и вдруг в метро. Да еще толпой.

– Мне кажется, что делали – очевидно, – убежденно произнес Илья. – Они и взорвали поезд.

– Да что ты, мальчик! – замахал руками Инаков. – Джинна – это тебе не камикадзе. Они, конечно, могли бы взорвать метро, они этим и баловались в начале нулевых, но исключительно ради собственной выгоды. И уж никак себе не во вред. Они себя очень любят.

Илья задумчиво почесал бровь:

– А официальная версия какая? Теракт?

– Для людей, не видящих через Пелену, – да. Собственно, может, так оно и есть. Да, среди террористов действительно довольно часто встречаются джинна, но только не среди смертников. Для этой цели они всегда используют людей.

– А кстати! – вспомнил Илья. – Я потом... пошел посмотреть. И не нашел их. Только женщину. А еще, мне кажется, на них было заклинание.

– Что за заклинание? – насторожился Инаков.

– Не знаю, не разглядел.

– Ладно, – спохватился Инаков, – про заклинание поговорим позже. Нас ждут, поехали. Движение все еще было затруднено, до 1-й Тверской-Ямской добирались долго.

Место для парковки тоже нашли далеко не сразу – центр был запружен автомобилями. Илья с Инаковым вылезли из машины и последние двести метров до гостиницы добирались пешком. Охранник у входа в «Тверскую-Марриотт» покосился на них с подозрением.

– Мы на семинар, – быстро проговорил Инаков.

Охранник с пониманием кивнул:

– Каминный конференц-зал.

– Я там и не был, – шепнул Инаков Скоробогатову. – Ладно, найдем.

Пройдя просторным холлом, они вошли в прозрачную кабину лифта и вскоре оказались на нужном этаже. Попавшийся навстречу служащий в униформе проводил их до дверей зала.

Конференц-зал «Каминный» из-за наклона потолка скорее походил на огромную мансарду. Камин здесь действительно имелся, самый настоящий, в нем ярко пылал огонь, что должно было создавать уют.

Илья же почувствовал себя не в своей тарелке, оказавшись под хмурыми, а порой откровенно неприязненными взглядами собравшихся людей, а если говорить точнее, разумных существ.

Маги коричневой сферы составляли здесь большинство, но кроме них присутствовали двое безволосых джинна, двое Наблюдателей, один сатра и один альв – уроженец голубой сферы, и это если не считать охрану.

В углу за дальним столом восседала единственная в зале женщина с длинными темными волосами. Вид у нее был столь грозный и величественный, что Илье стало как-то неудобно ее рассматривать. Поэтому он не успел понять, к какой расе она принадлежит, но готов был поклясться, что не к человеческой.

Во главе центрального стола сидел бледный и какой-то высохший маг, его длинные пальцы медленно, но непрерывно постукивали по столешнице. Это, очевидно, и был Саркисов.

В целом сборище имело вид достаточно зловещий.

«Мафиози за работой», – невольно подумал Илья.

Последние два года он жил с женой в Зеленограде, в Москву вернулся недавно и успел отвыкнуть от местного сочетания чопорности и наглости.

– Ну наконец-то, – шепнул Галкин, когда Инаков и Скоробогатов сели на стулья рядом с ним.

– По-видимому, больше никого не будет, – растягивая слова, начал Саркисов. – Наши уважаемые коллеги из Центрального землячества джинна почему-то проигнорировали приглашение. Хотя их сложившаяся ситуация должна интересовать в первую очередь.

– Мне показалось, они напуганы, – вставил один из джинна.

– Что ж, возможно, – невозмутимо кивнул Саркисов. – Признаться, я и сам напуган. Господа, всем вам уже известно о взрывах на станциях «Лубянка» и «Парк культуры», среди нас даже есть очевидцы. – Он указал сначала на одного из Наблюдателей, потом на Илью.

Скоробогатов в очередной раз подивился, до чего вездесущи представители бесцветной сферы. Они всегда в курсе ключевых событий – если в эпицентре и не окажется Наблюдателя, можно не сомневаться – где-то поблизости работает установленная им аппаратура слежения: снимает, записывает, транслирует.

Нужна эта информация или нет – для них не имеет значения. Вернее, им надо знать абсолютно все. В этом есть свои плюсы: если нужно добыть ценные сведения, всегда можно надеяться на Наблюдателей. Разумеется, сведения они предоставляют не бесплатно и только если это не противоречит их собственным интересам. А еще ни для кого не секрет, что адепты бесцветной сферы – мастера заговоров и интриг.

– Все мы потрясены чудовищным происшествием, – верог произнес это таким тоном, как будто говорил: «Все в мире бренно».

Похоже, у Саркисова была такая манера говорить.

– То, что произошло, затрагивает нас всех. Мы живем в опасное время, но взрывов в Московском метро не было давно. Наверное, я потерял бдительность, признаю свою ошибку.

Саркисов наклонил голову, помолчал и продолжил:

– Мы должны объединиться перед лицом опасности, чтобы не допустить подобного еще раз. На сегодняшний день главное – узнать, кто и зачем это сделал. Вы согласны, господа... и дамы?

– Версия «чеченские террористы» вас не устраивает? – спросил один из магов-людей.

– Разумеется, не устраивает, – ровно ответил Саркисов. – Она слишком однобока. Тут явно поработал кто-то из магов. А теперь я просил бы нашего гостя из ассамблеи «Семь холмов» рассказать об увиденном.

Все взоры обратились к Скоробогатову. Илья прокашлялся и обстоятельно поведал собравшимся о своей утренней поездке, начиная с момента перехода на «Охотный Ряд». Когда он рассказывал о джинна, маги многозначительно переглядывались, а глаза представителей оранжевой сферы из золотистых стали ярко-желтыми, что свидетельствовало об испуге. Про свою травму молодой человек упомянул вскользь, зато не забыл сказать о поисках останков «оранжевых».

– И еще, – добавил он в заключение. – Не могу утверждать точно, все-таки в вагоне находилось много народу. Но мне показалось, что джинна были окутаны маревом. Вокруг них дрожал воздух.

– А ты, парень, наблюдателен не хуже Наблюдателей, – шепнул Илье Галкин.

– Давайте теперь выслушаем магистра ордена Изумрудных Крыльев, – проскрипел верог.

Из-за соседнего стола поднялся представитель «бесцветных». Он стоял вполборота, и Илья разглядел на его затылке татуировку – два зеленых крылышка.

– Официальное число жертв равно сорока, – начал он высоким голосом. – Среди них – двое уроженцев зеленой сферы из рода Ксенфов и один – из голубой.

Сатра кивнул, а белый туман, клубившийся вокруг сидящего альва, стал гуще – не то в

знак скорби, не то просто от избытка чувств.

– И три мага, представителя коричневой сферы. Двое сейчас в институте Склифосовского, один – в клинике Янаэля.

– Кто-то из наших? – с тревогой спросил Илья у Галкина.

– К счастью, нет, – шепотом ответил тот.

– Кроме того, нам удалось обнаружить среди погибших на «Лубянке» еще пятерых джинна, а на станции «Парк культура» – четверых. Итого – девять. Все они принадлежали к Центральному землячеству. Среди прочих погиб и его глава, известный меж «коричневых» как Сергей Средин.

– Доигрались, – прошипел один из «оранжевых».

– Некоторые останки хранят следы неизвестного заклинания, что зафиксировано нашими приборами. У меня есть необходимое подтверждение.

Он потряс какими-то распечатками, но никто уже не сомневался в его искренности. Илья заметил на пальце левой руки Наблюдателя перстень с крошечным зеленым камешком.

– Есть ли у ордена Изумрудных Крыльев хотя бы предположение о характере этой магии? – спросил Саркисов.

– Ни малейшего. Кроме того, что совершена она была, с большой долей вероятности, самими джинна.

– Могла ли она послужить причиной взрывов?

– Утверждать не берусь, – заявил Наблюдатель и сел.

– Есть ли что добавить уважаемым магам из альвов и сатра? – поинтересовался верог.

Альв, туман вокруг которого уже стал чуть прозрачнее, отрицательно качнул головой. Сатра поднялся. У него была лохматая шевелюра, борода и огромные, во все глазное яблоко, зеленые радужки.

– Мы тоже заинтересованы в скорейшем поиске виновных, – заявил представитель клана Ксенфа. – Предлагаю образовать комиссию по расследованию, и пусть туда войдут все присутствующие.

– А как быть с Центральным землячеством джинна? – подал голос второй Наблюдатель.

Уроженцы оранжевой сферы недобро сверкнули глазами.

– С ними необходимо встретиться и задать пару вопросов, – ответил Саркисов.

– Мы бы хотели взять эту обязанность на себя, – заявил Наблюдатель из ордена Изумрудных Крыльев.

– Возражений нет? – верог обвел присутствующих взглядом красных глаз.

Все молчали.

– Я рад, что все мы поняли друг друга, – сказал он. – Итак, комиссию по расследованию можно считать созданной.

Следующую четверть часа маги потратили на то, чтобы утрясти детали. Собраться вновь договорились через три недели.

Маги расходились, не глядя друг на друга, только Галкин и Скоробогатов с Инаковым шли вместе.

– Значит, будем искать, – заключил Галкин.

– А у вас нет такого же, но без изумрудных крыльев? – пробормотал Инаков.

– Что? – не понял Илья.

– Так, ничего. Цитата.

Мимо царственно проплыла та самая женщина, которую Илья заметил на совещании.

– Кто это? – тихо спросил он Инакова.

– О, брат... Это Дарина, хранительница закона маах`керу из стаи Серохвостов с ВДНХ. Ты с ней не связывайся: волчица! А тебе все-таки надо к врачу.

– Да ладно, я успел «анальгином» воспользоваться, – махнул рукой Скоробогатов.

Галкин усмехнулся:

– «Анальгином»! Тоже мне, заклинание. Нет уж: начальство сказала «в травму», значит

– «в травму». Да, и само собой, обо всех новостях сообщайте лично мне.

У выхода из гостиницы они пожали друг другу руки и разошлись по машинам.

Глава 2

Парк Всероссийского выставочного центра имеет долгую и замечательную историю. Когда-то, еще при Союзе, здесь располагалась Выставка достижений народного хозяйства, и это место служило предметом гордости всей страны.

Выставка здесь есть и сейчас, сохранились старые павильоны, построены новые, появились кафе и многочисленные аттракционы. Но нынешний парк уже совсем иной, как другими стали и люди, приходящие и приезжающие сюда провести досуг.

Прежний дух сохраняет, пожалуй, лишь фонтан «Дружба народов».

Парк, как и весь район ВДНХ, принадлежал маах`керу. Никакие другие маги или уроженцы гостевых сфер поблизости не селились. Оборотни уживались только с обычными людьми, так повелось с незапамятных времен, когда тут еще не было города, а стояли деревни и росли леса.

Последний снег уже счистили, на газонах всюду пробивалась трава. У неработающего фонтана, скрестив руки на груди, стояла немолодая, но все еще красивая женщина с черными волосами. Тени от фонарей ложились на ее озабоченное лицо с несколько резковатыми чертами.

В некотором отдалении от женщины застыл, подобно статуям, украшающим фонтан, мужчина с печальным взором. Он смотрел на женщину с почтением, но еще больше – с обожанием. Короткая стрижка не могла скрыть раннюю седину, уши, казавшиеся несколько более острыми, чем обычно бывают у людей, придавали облику что-то звериное, хотя и не отталкивающее. У мужчины можно было заподозрить быструю реакцию и склонность к решительным действиям.

Из круглого бассейна, выложенного красным гранитом, вокруг которого расположились шестнадцать фигур – шестнадцать республик, включая бывшую Карело-Финскую, которым уже никогда не стать единым целым, – вырывался столб белого света. Он был бледнее и ниже обычного – и это совсем не радовало женщину.

– Станислав, что ты скажешь? – наконец заговорила она низким грудным голосом.

– Источник гаснет, хранильница, – вздохнул мужчина. – Сегодня этого еще никто не заметил, но уже через пару дней обратят внимание.

– А рано или поздно об этом узнают и наши враги, – мрачно заключила хранильница.

– Я тоже этого боюсь, – признался Станислав.

– Одно за другим, одно за другим, – прошептала женщина. – Шестнадцать дней прошло, как отгремели взрывы. Теперь источник... Если конец света существует, то это он. Что будем делать, мой серый маг?

Женщина подошла к Станиславу и положила руки ему на плечи.

– Будем думать, Дарина. Будем очень много думать.

Маг полуприкрыл глаза и потерся носом о щеку хранильницы.

Тот, кого Средин именовал мастером, собрался пойти в ресторан.

Нет, не в один из тех, что подавляют помпезностью, канделябрами, белыми крахмальными скатертями и оркестром после двадцати ноль-ноль. Разные заведения могут носить это гордое название. Макдоналдс ведь тоже ресторан.

Человек намеревался посетить место попроще.

А перед этим заглянул в магазин сувениров.

Продавец читал книгу, а человек с большими часами на запястье тщательно выбирал футболки.

Для сегодняшнего «выхода в свет» важен был не только рисунок, но и цвет.

Картинка должна быть четкой и похожей на оригинал герба, а ткань, на которую она будет нанесена, желательно выбрать не слишком кричащих цветов. Оранжевый отметался

сразу, красный и ярко-желтый – тоже. Оставался зеленый, белый и синий. Синий был бы оптимальным вариантом, но он совершенно не гармонировал с расцветкой герба, пришлось от него отказаться. Зеленый, наоборот – с изображением сливался. Методом исключения была выбрана белая футболка. Впрочем, имелась еще коричневая, тоже безупречная во всех отношениях, кроме одного: не было маленьких размеров.

Мастер расплатился, получил покупку и, довольный, поехал на станцию.

Через час он был уже в стейк-хаусе в центре Москвы.

Он нарочно замедлил шаг, чтоб войти в зал минут на десять позже двух посетителей, которые – он знал это – придут сюда ужинать ровно в шесть. Они всегда приходили в одно и то же время. Здесь очень вкусные стейки, особенно если их не слишком прожаривать. Тогда мясо будет нежным и сок будет течь...

Мастер прибыл вовремя: интересующие его персоны уже сделали заказ, но еще не приступили к еде, а до тех пор были способны замечать, что происходит вокруг. Появись он чуть позже – их уже ничто не интересовало бы, кроме полусырого мяса.

Мастер выбрал столик неподалеку от того, за которым расположилась поужинать столь занимающая его пара.

Отсюда мастер был хорошо виден мужчине с печальным взглядом и острыми волчьими ушами. Женщина сидела к мастеру спиной, ее почти полностью закрывала высокая кожаная спинка дивана. Житель Подмосковья не слышал, о чем они говорят, но догадывался.

Подошел официант, и мастер принялся задавать ему вопросы, тыча пальцем в меню. Он выбирал блюдо очень придирчиво, но в конце концов остановился на самом простом гамбургере из тех, что готовы еще со вчерашнего дня, и их надо лишь разогреть. Он поступил так вовсе не потому, что у него не хватало денег, просто ему надо было уйти раньше тех двоих.

Общаясь с официантом, мастер говорил не то чтобы очень громко, но достаточно для того, чтобы на него хотя бы ненадолго обратили внимание. Мужчина с волчьими ушами его заметил, но тут же и забыл: принесли стейки.

Если бы кто-нибудь еще заинтересовался этой парой, он, наверное, удивился бы, с какой жадностью они поглощают мясо – словно неделю голодали. Но это были постоянные клиенты ресторана: они являлись сюда регулярно вот уже несколько лет.

На большом экране под потолком крутили американский боевик.

Мастер, не торопясь, вынул из кармана некое устройство, напоминавшее по виду слуховой аппарат. Оно и крепилось за ухом на манер слухового аппарата, и мастер не преминул поместить его туда. После этого он стал слышать даже шуршание салфеток за соседним столиком.

Затем спокойно принялся за гамбургер.

А хранительница и Станислав, покончив с едой, вернулись к разговору.

– Мне кажется, на источник надежды нет, – печально произнес мужчина, вытерев губы салфеткой. – Он угас окончательно. А с амулетами мы долго не протянем, станем уязвимыми для соседей. Все зарятся на парк ВДНХ – ну как же, прибыль...

– Кто? – гневно сверкнула очами Дарина. – Кто посмеет? Альвы, slash, элохим?

– Джинна, – коротко сказал Станислав.

– Эти – могут, – опустив глаза, согласилась она со вздохом.

Человек в белой футболке с эмблемой доел незатейливый ужин и попросил счет. Он оставил деньги на столе и, не дожидаясь сдачи, прошел мимо соседей к вешалке. В этот момент маг поднял голову и зацепился взглядом за герб маленького подмосковного городка. Если до последней минуты он и сомневался в принятом решении, то сейчас утвердился в нем окончательно.

– Значит, область? – говорила в это время Дарина, глядя прямо перед собой. – Это очень непросто. В восточном направлении источников мало, хозяева будут драться за них до последнего. На юг соваться нечего, сатра не пропустят...

– Сатра везде, – уверенно заявил Станислав. – И чужого нам не надо. Но у нас есть

право владеть крюковскими источниками. Думаю, настало время напомнить об этом. Что ты думаешь насчет северо-запада?

– Крюковские источники? То есть – Зеленоград? – удивилась хранительница. – Слишком хорошее место, кто его отдаст? К тому же в этом городе никогда не было маах`керу. Как ты собираешься доказывать наше право на источник?

– В городе – не было, – подтвердил Станислав. – Но городу чуть больше пятидесяти лет...

...Человек с большими часами вернулся на вокзал и отбыл в Зеленоград. Дальнейшее развитие событий от него уже не зависело.

По Пятницкому шоссе от Москвы двигались четыре автобуса «Мерседес», и на боку у каждого красовалась пестрая надпись: «Золотое кольцо России». В этот вечерний час машин на дороге становилось чуть меньше, чем в дневное время, и пробок можно было не опасаться.

Лица сидевших в «Мерседесах», преимущественно молодых парней, были решительны и хмуры. Умеющий правильно смотреть определил бы, что перед ним не люди, а оборотни – маах`керу. Простые смертные же могли заметить лишь голодный, почти животный блеск в глазах этих существ.

– Г-гибное дело, г-гиблая дорога, зачем мы туда премся? – оскалился один из сидевших в переднем автобусе оборотней, самый молодой и беспокойный из всех, Влад Митич.

– Ты же слышал, что сказала Дарина, – ответил другой, постарше, сведя косматые брови.

– Ага. Слышал. П-проблемы с источником, п-поэтому мы едем в Зеленоград за новым – вот и все, что она сказала, по сути д-дела. Готовьте клыки, когти и п-пистолеты, так это называется.

– Иначе сами станете мясом, – прибавил кто-то с задних сидений.

– А я н-не хочу становиться мясом! – взревел Влад. – Или хочу п-понять, п-по крайней мере, ради чего я кидаю свое д-драгоценное мясо на алтарь ч-чужих интересов!

– О-хо-хо-хо... – протянул маах`керу с косматыми бровями. – В каких это заведениях тебя научили так изъясняться? Почему же чужих? Это наши интересы. Не будет источника – маги ослабнут. Стая останется без защиты, и нас всех будут ждать большие, большие, большие проблемы.

– Л-лично я не м-маг! – зло отрезал Влад. – А п-постоять за себя могу и сам, без заклинаний.

И он продемонстрировал бицепсы. Сзади одобрительно загудели.

– А ну прекратили все разговоры! – рявкнул густобровый. – Да что на вас нашло, ребята? Неужели вы думаете, что хранительница не о вас печется?

– Вообще-то да...

– Оно так, но все-таки, – раздалось неуверенно.

– Н-не знаю. Но у меня т-такое чувство, что п-половина из нас сегодня сдохнет н-ни за что! – хмуро проговорил Митич. – Б-бензином еще воняет... Д-да мы тут как звери в клетке!

– Ты еще скажи: как шавки, которых везут на убой! – осадил его густобровый. – Каждый сам выбирает: шавкой ему быть или волком. Запомните! К тому же, возможно, до драки не дойдет.

– Д-да как же, не д-дойдет! – вновь взвился Влад. – Ведь хозяева города – с-сатра! С-сатра, козлы в-вонючие! Они нас на дух не п-переносят. Как Дарина д-думает выкупать у них источник – мне вот, уб-богому, не ясно.

– Не отдадут, – подал голос кто-то в хвосте автобуса.

– Станислав сказал, что у нас есть право на источник, – серьезно заявил густобровый. – Наши предки жили здесь до войны и умирали в войну...

– Д-да слышали уже, – махнул рукой Влад. – Но какое дело с-сатра до этого?

Он замолчал и отвернулся к окну.

– Сатра придется с этим считаться, – спокойно добавил густобровый.

Они въехали в город уже в темноте, и пока их никто не останавливал.

Теодоракес из рода Акалонов был одним из заместителей префекта Зеленоградского округа Москвы. Естественно, у него имелись другие имя и фамилия, человеческие, но те, кто видел сквозь Пелену, называли его именно так.

Сатра из клана Акалонов пришли в Зеленоград в день основания города, одновременно с Часовщиками. Только те стекались в молодой город со всей страны – на заводы, в конструкторские бюро, в институты, а представители зеленой сферы прибыли из близлежащих районов. Они пустили корни в населенном пункте среди лесов и озер и считали Зеленоград своим.

Теодоракес был среднего роста, крепок и бородат, как все сатра, а светло-серый костюм от Армани скрывал сильно волосатое тело и вывернутые назад колени. Ботинки Теодоракес не носил – мало кому из представителей зеленой сферы приходило в голову покупать обувь.

Копыта с успехом скрыты от непосвященных окружающих Пеленой – сложнейшим из заклинаний, благодаря которому гости из погибших миров живут, не шокируя людей внешним видом.

Здание префектуры располагалось не в центре города, как следовало бы ожидать, а ближе к его юго-восточной окраине, и находилось оно на холме. На этом же холме угнездились: «свечка» бизнес-центра, о которой после терактов в США ходили анекдоты (якобы американцы собирались перебраться в эту башню взамен снесенных), Дворец культуры, супермаркет «Седьмой континент», сбербанк и несколько небольших магазинов и офисов.

Окна кабинета Теодоракеса выходили на парк Победы, туда, где в каскаде фонтанов помещался главный источник зеленоградских Акалонов.

С противоположной стороны мимо холма пролегал Савелкинский проезд, соединявший два муниципальный района: Матушкино и Савелки, а перпендикулярно ему проходил Центральный проспект, тянувшийся по мосту через озеро Ангстрем и переходивший в Солнечную аллею, на которой занял почетное место институт электронной техники.

В этот вечер Теодоракес задержался на работе допоздна. В связи с недавними терактами префект взвалил на него заботу о безопасности детских учреждений. А это значило, что он лично должен проконтролировать, все ли калитки в детских садах и школах своевременно запираются на замок.

Толку от такой заботы было немного, людям это больше мешало, зато возни и нервов – предостаточно.

Наконец Теодоракес встал из-за письменного стола, намереваясь ехать домой. Но в этот момент ожил внутренний телефон: звонил начальник службы безопасности.

Теодоракес снял трубку:

– В чем дело, Георгий?

– В город въехали маах`керу.

– То есть? – не сразу понял Теодоракес.

– Четыре автобуса «Мерседес» с оборотнями въехали в Зеленоград.

– Когда?

– Минут десять-пятнадцать назад, с Пятницы. Двигутся по старому мосту. Я вызвал магов, взял на себя смелость.

– Вот не было печали... Так они через пять минут здесь будут. Как их до сих пор не остановили?

– А основания? Едут с московскими номерами. Автобусы якобы туристические. А на въезде в город с той стороны постов ГИБДД нет, вы же знаете. Ну а в городе – как засекли, так сразу приняли меры.

– Источники?..

– Прикрыты, как обычно.

– Хорошо. Все силы сюда. Не дадим застать себя врасплох.

– А они, похоже, уже здесь...

– Сейчас я выйду, разберемся.

Теодоракес швырнул трубку и кинулся к окну, выходившему на Центральный проспект: с моста съезжали автобусы. Кроме них, Теодоракес разглядел еще и темно-синий «Бентли». Въехав в парк Победы, машины остановились на берегу озера Ангстрем.

Теодоракес вызвал охрану и спустился вниз. Во двор префектуры как раз въехал «рафик» и несколько автобусов с сатра. Начальник службы безопасности клана Акалонов подошел к Теодоракесу:

– Маах`керу настаивают на переговорах лично с вами, шеф.

– Москвичи?

– Да, Серохвосты с ВДНХ.

– Что за поразительная наглость? – изумился Теодоракес. – Вторглись без предупреждения в чужой город и ставят условия!

– Все так, – кивнул начальник службы безопасности. – Но, может быть, имеет смысл...

– Давай, поехали, – не дослушав, махнул рукой Теодоракес.

Он сел в свою «Тойоту» и в сопровождении вооруженного эскорта двинулся к парку Победы.

Навстречу выбравшемуся из машины фактическому хозяину Зеленограда направились вышедшие из «Бентли» хранительница закона маах`керу Дарина и маг Станислав.

Оба были одеты просто и неброско – главное для маах`керу не щегольнуть туалетом, а вовремя расстаться с ним. В некотором отдалении от них держались высыпавшие из автобусов бойцы.

Главу клана Акалонов сопровождали три телохранителя – такие же бородатые сатра. Следом за ним направились выбравшиеся из рафика маги. Незваные гости явно ничего не боялись, что окончательно разозлило заместителя префекта.

– Приветствуем тебя, почтенный Теодоракес из клана Акалонов, да будет вечно легок твой бег, зелен твой лес и богат твой город! – выдала Дарина ритуальную фразу.

– И да будут маги твоего клана искусны и благополучны, – добавил Станислав.

– Не кажется ли вам, уважаемые, что ваши приветствия несколько запаздывают? – сухо спросил Теодоракес. – Если у вас какое-то дело ко мне, что мешало вам договориться о встрече заранее? Или вы забыли, что есть устройство, именуемое телефоном?

– Жизненная необходимость, почтенный Теодоракес, – сказала Дарина. – Только жизненная необходимость. Мы просим разрешения арендовать один из ваших источников. Любой, на выбор клана Акалонов.

– Что? – изумленно переспросил сатра.

Он решил, что ослышался.

– Мы предлагаем шесть амулетов-эхо за право аренды источника и по семь тысяч условных единиц ежемесячно.

– Вы шутите, уважаемые? – холодно спросил Теодоракес.

– Ни в коем случае, – ответил Станислав.

Амулеты, которые в других сферах назывались не иначе как «эхо маах`керу», давали возможность быстро связаться друг с другом и попросить помощи. Конечно, существуют мобильные телефоны, но оборотню, находящемуся в звериной ипостаси, довольно проблематично ими воспользоваться. Для сатра с их склонностью прибегать к мимикрии это тоже очень ценная вещь. Когда-то их сделали в своих мастерских Часовщики – мастера на все руки, и сделали именно для маах`керу, по их заказу.

– Нет! – отрезал Теодоракес.

В городе с двумястами с лишним тысячами населения уживались представители девяти сфер: сатра, дейвона, верог, джинна, Часовщики, Наблюдатели, слаш, альвы и, конечно, люди. Но пускать сюда еще и маах`керу, которых сатра с незапамятных времен не любили, Теодоракес был совершенно не намерен.

Дарина и Станислав, казалось, не были разочарованы ответом.

– Назовите вашу цену, – громко, так что услышал каждый из присутствующих, заявила

Дарина.

– Невозможно. Мы не сдаем в аренду источники. И более того, ни один клан в Зеленограде без нашего согласия не отдаст вам источник. Так что не старайтесь.

– К сожалению, у нас нет выбора, – спокойно произнес маг-оборотень. – Жизненная необходимость. Мы приехали сюда с намерением получить источник и возьмем его любой ценой. Но нам бы очень хотелось уладить дело без кровопролития и не ссориться с будущими соседями.

– Вот как? – усмехнулся Теодоракес. – С каких это пор маах`керу претендуют на чужую собственность? Влияние кризиса?

Последнее он произнес уже с сарказмом – все знали, что «фиолетовые» очень гордятся своим благородством: оборотни никогда не брали чужого.

– По крайней мере два источника Зеленограда наши по праву первенства! – с достоинством ответил Станислав.

– Вот даже как? – изумился Теодоракес. – Ну-ка, ну-ка, интересно. А известно ли уважаемым господам, что наш клан, клан Акалонов, находится в городе со дня основания? С пятьдесят восьмого года. Раньше здесь появились разве что «коричневые» и Часовщики, да и то это спорный вопрос. Дейвона, альвы, слаш и Наблюдатели пришли значительно позже. Джинна и верог – так и вовсе после развала Союза. А ваших в городе, извините, не было.

Станислав гордо поднял голову:

– Мы потомки тех маах`керу, что погибли здесь в годы войны.

– О! – с искусственным пафосом воскликнул сатра. – Это, разумеется, меняет дело. И все равно: нет!

Маг-оборотень нахмурился:

– Вы не оставляете нам выбора.

– Вы угрожаете мне, милейший Станислав? – искренне удивился Теодоракес.

– Нет. Мы лишь оставляем за собой полную свободу действий.

Теодоракес поднял брови, как бы осмысливая услышанное, затем перевел взгляд на стоявшего рядом молодого мага Дениса. Тот фактически исполнял обязанности первого чародея клана.

– Убирайтесь вон, господа, – произнес Денис очень вежливо, если только можно высказать такое вежливо. – Вы явились без предупреждения, ведете себя бесцеремонно и на что рассчитываете – непонятно.

– А вот на что, – улыбнувшись, произнес Станислав и поднял руку.

В ту же секунду раздался выстрел.

Станислав рефлекторно схватился рукой за грудь, под пальцами расплывалось темное пятно. Он упал, даже не вскрикнув. Это уже мало кто видел, потому что маах`керу и сатра тут же бросились друг на друга.

Телохранители, образовав коридор, закрыли Теодоракеса, помогая ему покинуть место общей свалки.

С обеих сторон прогремело еще несколько выстрелов, застрекотавший было «калашников» сразу же захлебнулся.

Никто уже не пытался сохранять видимость игры по правилам и уважение к противной стороне. Сатра и маах`керу с ненавистью дрались, те, у кого было оружие, – пустили его в ход.

Всем известно, что оборотни обладают гораздо большей силой и выносливостью, находясь в зверином облике, но битва началась стихийно – обратиться успели не все. Кто-то лихорадочно скидывал с себя одежду и был застрелен на месте, кто-то бросился в бой в человеческом обличье, выставив нож или кинжал, а то и просто кулаки.

Но некоторые маах`керу, перекинувшись, в исступлении вцепились противнику в горло, поддерживаемые горечью от потери мага, которого в этой свалке просто растоптали.

– Валите отсюда, шавки остроухие! – завизжал один из Акалонов.

Но никто ему не ответил.

Влад Митич выхватил из-за пояса длинный изогнутый нож и бросился на ближайшего противника – низкорослого, но очень могучего сатра, в руке у которого был короткий кинжал с трехгранным лезвием. Сатра казался неповоротливым, но удивительно легко увернулся от обрушившегося на него удара, оказавшись у Влада за спиной, так что тот едва не пропустил удар сзади.

Разозлившись, он принялся делать выпад за выпадом, пытаясь достать противника. Но тот двигался так легко и быстро, словно кости его были резиновыми. Влад начал жалеть о том, что не переменял облик.

Огненными вспышками взрывались пущенные магами друг в друга заклинания. Влад старался не попасть под этот «перекрестный огонь»: ему надо было достать противника во что бы то ни стало.

Быстро, как молния, взвилась рука соперника с оружием. Влад, скорее рефлекторно, нежели успевая сообразить, выставил верхний блок. Сатра отпрыгнул, уворачиваясь от тут же последовавшего удара снизу.

Маах`керу вновь начал стремительно наступать. Он оттеснял «зеленого» к берегу. Тот вновь сделал выпад – на этот раз обманный. Защитив верхним блоком шею и грудь, Влад получил удар ножом в живот. Перед глазами все поплыло. Зажимая рану пальцами, из-под которых сочилась кровь, маах`керу отступил на шаг назад.

Быстро, как фокусник, переложив нож в руке лезвием наружу, он сделал всего одно движение. Легким поперечным взмахом Влад перерезал противнику горло. Сатра рухнул с берега в воду, вряд ли успев понять, что произошло.

Денис, фактически спровоцировавший побоище, предложив «фиолетовым» убираться вон, сотворил «призрачный клинок». Противник попался серьезный: густобровый маах`керу – слабый маг, но очень хороший воин. Созданный им «щит» – оборонительное заклинание – почти не попадал под удары «призрачного клинка», а сам оборотень то и дело бросался в контратаку.

Поняв, что силой и ловкостью ему не превзойти маах`керу, Денис напустил на того «муравьиный чих».

В самом начале драки густобровый скинул куртку, оставшись в одной майке. Мохнатые руки «фиолетового» оказались незащищенными, из выреза майки выглядывала волосатая грудь.

С руки Дениса вдруг сорвалась призрачная летучая мышь и впорхнула прямо в вырез майки оборотня. Маах`керу скривился и рефлекторно подался назад, ощутив, как все его тело, покрытое волосами, начало невыносимо зудеть.

Густобровый на несколько мгновений отвлекся, и сатра добил его «призрачным клинком», вновь стремительно вылетевшим из его кулака. Получив режущий удар, тот осел на землю и уже не поднялся.

В ту же секунду на Дениса налетел наколдованный непонятно кем «осиный рой» – стайка черных капель с прозрачными крылышками. От «призрачного клинка» сатра не осталось и следа. А в следующее мгновение мощным ударом в челюсть мага отправили в нокаут.

А битва продолжалась. От схлестнувшихся заклинаний трещали, гнулись и ломались ветви, свистел ветер. Небо над городом, и без того темное, совсем почернело, звезды пропали. В эту ночь не одно дерево упало на оставленный во дворе автомобиль, а на стройке по соседству рухнул подъемный кран.

Маах`керу в свалке приходилось туго: энергия, расходуемая на заклинания, стремительно таяла.

Из гущи сражения выбралась девушка-оборотень. Никем не замеченная на фоне темных деревьев, она двинулась по невысокому склону влево, туда, где на узкой асфальтовой дорожке за кустами боярышника стояла синяя «Тойота» Теодоракеса.

Предводитель клана «зеленых» в отличие от хранительницы закона, находившейся в самом пекле битвы, не участвовал в сражении. Он предпочел наблюдать и выбрал для этого

отличное место.

Замерев в тени дерева и почти не дыша, маах`керу разглядывала сидевших в салоне. Зрение у уроженцев фиолетовой сферы в темноте куда острее, чем у людей, и поэтому от нее не укрылось досадливое нетерпение на лице сатра. Кроме Теодоракеса и шофера, в машине было двое охранников.

Что ж, чем больше – тем лучше!

Достав гранату, девушка извлекла из нее чеку, выждала несколько секунд и метнула в машину. Прогремел взрыв, и дальнейшего маах`керу не видела: взрывной волной ее отбросило далеко в сторону моста.

Денис очнулся и, поднявшись с земли, быстро оценил обстановку и сотворил новое заклинание.

У Дарины сильно закружилась голова, в глазах потемнело, почва начала уходить из-под ног.

«Ветер перемен», – поняла хранительница закона, отчаянно сопротивляясь заклинанию.

Это заклинание полностью отключает вестибулярный аппарат. Стоит попасть под его воздействие – перестаешь понимать, где небо и где земля, словно находишься на стремительно несущейся по кругу карусели.

Дарина все еще стояла на ногах, хотя голова отчаянно кружилась, к горлу подкатывала тошнота, звенело в ушах. Что и говорить, использовать заклинания в таком состоянии хранительница закона маах`керу не могла, не могла она и сражаться.

– Слушайте все! – мощный, словно из мегафона, голос разнесся над парком. – Предлагаю прекратить бессмысленную драку!

Голос принадлежал Денису, но казалось, говорит каждое дерево.

– Маах`керу, забирайте своих и уходите! Мы не будем вас преследовать! Но если вы еще раз попытаетесь хотя бы посмотреть в сторону Зеленограда, обещаю: у ваших потомков не будет возможности вспомнить легендарное прошлое отцов и дедов!

Дарина не могла понять, что это: иллюзия или какое-то заклинание, усиливающее звук? И еще она чувствовала, как действие «ветра перемен» исчезло.

Но и у нее не осталось сил.

– Хорошо! – сказала хранительница единственное, что было возможно в данной ситуации.

Ураган прекратился.

Оборотни собирали остатки своего войска и спешно грузились в автобусы.

Погибших оказалось не так много, но каждый из оставшихся в живых был серьезно ранен. Раны быстро заживут, однако возможность получить здесь источник утеряна навсегда, это хранительница хорошо понимала.

Пока они возвращались домой, в Москву. Но что дальше? Этого она не знала.

И некому теперь дать ей нужный совет: Станислав, столько лет служивший ей опорой и утешением, замолчал навсегда. Его тело погрузили в первый автобус вместе с другими погибшими – кроме тех, кто остался в водах Ангстрема.

И еще одна мысль не давала Дарине покоя: ни среди живых, ни среди убитых не нашли ее дочь. Амулет-эхо, который должен был находиться у девушки, безмолвствовал. Это могло означать, что она без сознания или погибла, ведь потерять амулет или отобрать его нельзя.

Не в силах заплакать, хранительница смотрела прямо перед собой.

Ей оставалось только надеяться и ждать.

Глава 3

– До шестьдесят пятой годовщины великой Победы осталось двадцать семь дней...

Телевизор едва не лопался от сквозившего в голосе диктора патриотического пафоса. Мелькали кадры из хроники Великой Отечественной войны, призывая помнить, скорбеть, гордиться... Звучала музыка, то бравурная, то лирическая. На экране бежали, стреляли, с

криками «ура» неслись в атаку и падали люди, дейвона, гр-хч-сг-от...

Карим Сатин валялся на диване, наслаждаясь последними часами отдыха перед ночным дежурством. Он был, как всегда, в хорошем настроении несмотря на мерзкую погоду, задержку обещанной премии и предстоящую тяжелую ночь. А в том, что смена вновь предстоит напряженная, он почти не сомневался: количество травм и аварий в Зеленограде с приходом весны не только не уменьшилось, но даже наоборот – возросло.

Население увеличивалось, темп жизни ускорялся, горожане жили в постоянно нараставшем ритме: торопились на работу, бежали с работы, летели утром в детские сады и школы, стремясь забросить полусонных отпрысков в «заведения» до образования настоящих пробок. А пробки в маленьком городке встречались почти московского масштаба. Не замечали светофоров, не включали «поворотники», иногда не пропускали пешеходов... Тем, кто ходил пешком или пользовался общественным транспортом, приходилось еще хуже.

И несмотря на то что период зимних отморожений и гололеда прошел, город никак не мог перестроиться на «летнее время» – травмпункты поликлиник и травматологическое отделение городской больницы едва ли не дымились от нескончаемого потока пострадавших. Причем жертвами происшествий чаще всего становились люди, уроженцы гостевых сфер больше заботились о своей жизни и здоровье.

Такого не было давно, обычно в апреле для врачей-травматологов и среднего медперсонала наступает небольшая передышка до полного открытия сезона роликов, скейтов, велосипедов, а теперь еще и популярного паркура.

Но в этом году обошлось без нее.

Медики стонали, но Карим ни на что не жаловался. Ему нравилась работа, нравился коллектив, вызывал симпатию новый главный врач, изо всех сил старавшийся поднять провинциальную больницу до европейского уровня. А главное – он любил своих пациентов. Поэтому на дежурство всегда шел с удовольствием.

Вот и сейчас ничто не могло вывести Карима из состояния равновесия, даже заказной телевизионный патриотизм и навязчивое мелькание по «ящику» георгиевских ленточек, хотя многие коллеги не стеснялись высказываться по поводу лицемерия властей, вспоминая о ветеранах лишь накануне очередной «даты».

Карим родился полукровкой. Отец его был обычным человеком, а мать принадлежала к сфере дейвона, к «серым». Поэтому чуть ли не весь клан ждал от Карима небывалых чудес, выдающихся способностей и вообще всяческих особенностей. Полукровки, как правило, обладают какими-то уникальными свойствами, всем известно: полукровки самые умные, самые красивые, талантливые и прочая и прочая.

Карим действительно был красавчиком: вьющиеся каштановые волосы, огромные глаза, длинные ресницы. С возрастом прибавились мускулы, где надо, и сохранился правильный, характерный для человека овал лица, а не «треугольник» дейвона – слишком узкий подбородок и широкие скулы. Впрочем, скулы действительно были широкими, но это лишь придавало их обладателю колорита.

В детстве Карим ничем не болел и к врачам не ходил.

Лицом к лицу с эскулапами он столкнулся только в военкомате, уже будучи старшеклассником. И когда он понял, что ни один из тамошних врачей не видит сквозь Пелену и не замечает его рогов и хвоста, он был поражен. В тот день Карим поклялся себе, что всегда будет стоять на страже чужого здоровья, и не важно, существо какой сферы нуждается в помощи.

Так он оказался в мединституте, потом в интернатуре по хирургии, а затем в ординатуре по травматологии.

Кроме общей программы, он занимался еще и на кафедре, изучающей болезни «чужих», что позже ему очень пригодилось. Родители не возражали. Все родственники по материнской линии – клан, к которому принадлежали дейвона, – тем более одобряли выбор. Врачи среди представителей всех сфер, кроме коричневой, очень ценились. Карим втайне гордился уважением со стороны материнской родни и, считая необходимым придерживаться

традиций дейвона, носил на шее медальон с изображением свирепой львиной морды, символа клана.

За что и был прозван еще на пятом курсе «язычником» – пожилой анестезиолог заметил медальон, когда Карим переодевался на операцию. С тех пор юноша стал прятать украшение под мороком. Знак видеть перестали, но прозвище осталось.

Карим поднялся с дивана, потягиваясь, словно кот. Подошел к шкафу и стал надевать джинсы, то и дело поглядывая сквозь белоснежный тюль на улицу и качая головой – за окном не на шутку разбушевалась буря: крутило, вертело, завывало, гнуло к земле деревья.

Он заканчивал застегивать рубашку, когда вошла мать.

– Сынок, не ходи сегодня, – с тревогой сказала она. – Поменяйся.

– Что ты, мам, в последний момент? Кого ж я найду? – он подошел и чмокнул ее в щеку, потом зашагал в прихожую.

– Говорю тебе: останься дома! Это необычный ураган. В городе война. – Она умоляюще сложила руки на груди.

– Какая война? С кем? Откуда ты знаешь? – натянувший куртку Карим настороженно взглянул на мать.

– Нам звонили. Мать клана хочет, чтоб все были осторожнее. Пока точно неизвестно, кто и с кем, но дерутся в парке Победы. В городе чужаки, сынок.

– Должно быть, сатра, кого они еще туда пустят? – пробормотал Карим. – Тем более я должен быть на своем месте.

Он подхватил сумку, сделал матери прощальный жест и шмыгнул за дверь.

Лифт пришел быстро, и через пару минут Карим был уже на улице.

Седьмой микрорайон, где он жил, как и любой другой микрорайон старого города, совершенно не походил на все остальные. По-умному это называлось «имел индивидуальную застройку». Дома здесь были двух видов: пять двенадцатизэтажных одноподъездных серых «башен», в одной из которых и жил Карим, и пять длинных не менее серых четырехподъездных девятиэтажек. Имелся также детский сад, одна штука, и магазин, тоже одна штука.

До больницы можно было добраться минуты за полторы, требовалось лишь миновать двор и перейти через узкую дорогу с односторонним движением.

Выйдя из подъезда, Карим еще сильнее ощутил тревогу – поблизости, совсем рядом, что-то происходило. Он обернулся в сторону Ледового дворца – ощущение угрозы шло откуда-то от озера, и, возможно, война, если это все-таки война, действительно бушевала в парке Победы.

Он посмотрел вверх – в небе мелькали сполохи, как от очень далекого фейерверка, а в воздухе, несмотря на раннюю весну, ощущалось присутствие озона.

«Заклинания», – подумал Карим и прибавил шаг.

Белоснежный больничный комплекс состоял из четырех корпусов, соединенных между собой как подземными, так и надземными переходами. К главному корпусу, что тянулся параллельно дороге, примыкала, как обычно бывает, обширная парковка со шлагбаумом.

Карим вошел в больницу через приемный покой.

Кроме дежурного терапевта, там, вопреки обыкновению, находился еще и нейрохирург – маленький, кругленький и лопоухий Бочкин. Коллеги за глаза звали его Бочонком. В отличие от коллег он всегда носил на работе красную «пижаму» – медицинский костюм, состоящий из куртки и штанов. Другие ходили в зеленом, в голубом, а то и попросту в белых халатах. Карим сочетал халат с хлопчатобумажными голубыми брюками и тоже не выделялся из общей массы. Бочонок же в своем кровавом прикиде был виден издалека.

– О, ординатор наш пожаловал, – подмигнул терапевту нейрохирург. – Иди-иди, там сегодня такое...

– Здравствуйте! – улыбнулся Карим. Так мог улыбаться только он. Когда он говорил кому-то «здравствуйте», человек словно молодел лет на пять. – Что случилось? Авария?

– Почти, – ухмыльнулся терапевт, достал из кармана полупустую пачку сигарет и

закурил. – Потасовка в парке. Хорошая такая. Ваши уже на ушах стоят, пять «скорых» было.

– А что делили-то? – спросил Карим на ходу.

– А пес его знает, – терапевт затынулся.

На улице завывала сирена.

– О! – Бочонок поднял кверху маленький толстый палец. – Чур, я ушел. Надеюсь, этот без черепно-мозговой.

Он подскочил, словно мяч, и опрометью кинулся к лестнице. Карим быстрым шагом последовал за ним, чтобы успеть переодеться.

Он едва успел облачиться в штаны и халат, как его вызвали вниз, в приемный покой.

Замотанные «скорпомовцы» уже успели сдать очередной подарочек терапевту и с чистой совестью уехали. На каталке лежал человек, и Карим не сразу понял, что это девушка: одежда и кожа пострадавшей были перепачканы мелкой серой пылью.

Создавалось впечатление, что ее вытащили откуда-то из глубокой ямы.

Беглым взглядом Карим отметил две шины Крамера, прибинтованные к голеним с захватом соседних суставов, и короткую деревянную шину, наложенную на область правого запястья. Но, судя по многочисленным гематомам на теле, это могли быть не единственные переломы. Медсестра быстро и ловко добавляла что-то в капельницу из шприца. Пострадавшая была в сознании, но на вопросы отвечать не хотела, лишь кривилась от боли. Терапевт строчил в истории болезни.

– Ух ты! – вырвалось у Карима. – Это что ж за явление такое?

Продолжая разглядывать девушку, он прикидывал: удастся ли обойтись малой операционной? Обе большие уже были заняты.

– Да п-пес его знает, – смачно выговорил терапевт, не переставая писать. – Переломы обеих большеберцовых, перелом правого луча в типичном месте и подозрение на перелом ребра. Привезли из парка, возле моста нашли. Лежала, вся землей засыпанная, одна голова торчала. Машина там перевернулась, что ли, я не понял. Они сами не поняли. Вызвали «Скорую» подростки, зачем там шарились – неизвестно. Однако повезло ей, могли бы только утром найти.

– Вроде не бомжиха, – вставила медсестра, разворачивая каталку к лифту.

– Да нет, нормальная девка. Но без документов. И говорить не хочет. Давай сразу «клинику»...¹ или «тройку»²? Нет, «клинику», не нравится она мне. На группу, СПИД, эрвэ³.

Медсестра схватила за ящик с пробирками.

– И пожалуйста – свертываемость и ретикулоциты, – попросил Карим. – Остальное уж мы сами.

С лестницы скатился недовольный Бочонок. Сердито зыркнул на медсестру, чтоб не мешала, запрыгал вокруг каталки, светя девушке в глаза фонариком, и забормотал:

– На коже лицевой части черепа видимых повреждений нет, зрачки симметричны, на свет реагируют. Мозговая часть черепа...

Он сунул фонарик в карман, извлек оттуда же перчатки, натянул их на руки, быстро, как фокусник, ощупал девушку голову.

– Фу, какая гадость! Ты что, в пещере живешь? – он подмигнул пациентке и, не дожидаясь ответа, спросил: – Как тебя зовут, красавица?

– Снежана, – еле слышно произнесла та.

– О! А говоришь: ступор. Мозговая без особенностей. Нет тут ЧМТ. Но ты пиши: под

¹ Клинический анализ крови. (Здесь и далее примечания автора).

² Более краткий анализ крови, смотрят всего три параметра, отсюда название.

³ RW, реакция Вассермана – анализ на сифилис.

вопросом. На всякий случай рентген сделай.

Бочонок кивнул Кариму и убежал.

Терапевт закончил писать, захлопнул историю и сунул ее Кариму:

– Забирай, твоя. Может, с тобой разговорится, – он ухмыльнулся.

– Слушай, ты там статус... – начал Карим, заглядывая в историю.

– Я кратко, сам напишешь. Тут – вон, не до того.

Подошел грузовой лифт, медсестра, как раз закончившая брать кровь, стремительно впихнула в кабину каталку с девушкой и с ящиком наперевес зашагала в лабораторию. Больше свободного места в лифте не оставалось. Лифтерша закрыла двери. Карим, махнув терапевту, побежал по лестнице.

Травматология находилась на третьем этаже. Причем расположено отделение было так, что попасть в него можно было только с одной стороны. При входе с лестничной площадки длинный коридор просматривался полностью. Видны были оба поста, мужской и женский, двери в палаты, передвижная лампа-кварц, вечно маячившая где-нибудь посреди коридора.

У кабины каталку встретила другая медсестра, уже из «травмы».

Сегодня дежурила маленькая носатая Светлана, всегда молчаливая и сосредоточенная. Карим ужасно любил с ней работать: она заменяла собой целое отделение. Разве что поговорить с ней общительному ординатору совсем не удавалось: сама она никогда ни о чем не спрашивала, отвечала всегда односложно, как будто с усилием. И даже в своем имени не выговаривала вторую букву, так что получалось «Сэт-лана». Но в работе пожаловаться на нее не смог бы никто, а уж Сатин – в последнюю очередь.

– Света, давай на рентген ее! Операционные свободны?

Медсестра помотала головой.

– Тогда потом в перевязочную. Студенты есть?

Вновь последовал отрицательный жест.

– Ладно, сами справимся.

Медсестра молча кивнула и деловито схватилась за каталку. Карим бросился в отделение. Ему уже приходилось оперировать без ассистента и даже без анестезиолога. Со Светой он ничего не боялся. Возможно – зря. В пустой ординаторской он зажег свет, вызвал из реанимации анестезиолога и помчался в перевязочную, но по дороге его окликнула медсестра с мужского поста:

– Карим Артемович, вас просят срочно спуститься в лабораторию!

Ординатор резко затормозил.

– Что за новости, у меня нет времени по лабораториям бегать, – удивился он, хватая трубку внутреннего телефона.

– Ординатор Сатин. Здравствуйте! Что случилось?.. Как – не телефонный? Но у меня пациентка... Хорошо, сейчас. Оленька, передайте Свете, чтоб готовила перевязочную, если анестезиолог спросит – история в ординаторской. А я быстро.

– Хорошо, Карим Артемович.

Медсестра улыбнулась, а Карим уже бежал дальше.

Затормозив перед входом в лабораторию, он чинно вошел и снова сказал «здравствуйте».

– Чем я могу помочь? – осведомился он у лаборанта средних лет, который, прищурившись, разглядывал за столом тарелку с каплями крови.

На вопрос Карима тот не ответил, лишь поманил его пальцем:

– Смотрите сюда, доктор.

Лаборант почти ткнул пальцем в первую каплю, рядом с которой красным маркерным мелком была сделана пометка «А».

– Агглютинация⁴ есть? – таинственным голосом спросил он.

⁴ Склеивание и выпадение в осадок из однородной взвеси бактерий, эритроцитов и других клеток, несущих антигены, под действием специфических антител – агглютининов.

Карим внимательно посмотрел на кровь. В капле не было ни сгустков, ни хлопьев.

– Нет.

– Ладненько. А здесь?

Лаборант указал на каплю с пометкой «В». Она тоже была совершенно однородной.

– И здесь нет, – уверенно сказал Карим.

– Чудненько, – кивнул лаборант. – Какая группа?

– Сколько времени прошло?

– Да уж минут семь как...

– Первая, – пожал плечами Карим.

Что за вопросы? Он уже давно не интерн, и пациентка ждет.

– Первая? – переспросил лаборант. – Отлично! Подождем.

«Зачем ждать?» – хотел спросить Карим. Как вдруг прямо на глазах капли помутнели, в них появилась взвесь.

– Ох, ну вы что! – укоризненно покачал головой травматолог. – Я же спрашивал, сколько прошло времени. Четвертая группа, похоже. Но давайте физраствором проверим.

– А давайте, – легко согласился лаборант.

Он взял пробирку с кровью и дважды капнул на тарелку. Затем вскрыл на глазах у Карима ампулу с физраствором, хотя рядом стоял початый флакон, и осторожно добавил к обеим каплям.

– Для чистоты эксперимента, – пояснил он, после чего смешал обе капли с соответствующими реактивами. – Ну как, есть агглютиногены?

Капли были мутными.

– Есть, – с досадой сказал травматолог. – Но ведь с физраствором реакции быть не должно! Просроченные антитела?

– Просроченные? А вы сюда посмотрите...

Он указал на две первые капли, в которых уже снова не было никаких хлопьев.

– Ух ты! – вырвалось у Карима.

– Ну так, какая группа? – ехидно переспросил лаборант.

– Не человеческая, – вздохнул ординатор.

– Именно что! Не человеческая. Предупреждать же надо! Я ее уже как человека оформил, придется переписывать. – Лаборант покачал головой. – Обычно такими случаями заведующий занимается, а сейчас его нет. Так что, давайте, я пишу: «группа не определяется», с соответствующей пометкой, а вы не забудьте предупредить гематологов. Плазма у них есть, эритроцитарная масса тоже. До пятисот миллилитров можете лить любую. Ну а дальше уж... сами смотрите.

– Да, конечно, спасибо! – с чувством поблагодарил Карим. – Извините, что так...

– Ничего, – махнул рукой лаборант. – Сегодня все в запарке. Вот анализы ваши, кстати, заберите.

Он сунул ординатору пачку бланков.

– А резус... тоже? – начал Карим, хотя ему все уже было ясно.

– Ну какой уж там резус... – картинно развел руками лаборант.

Карим кивнул и побежал назад в отделение, на ходу просматривая клинический анализ крови.

Лейкоцитарная формула, впрочем, была соизмерима с человеческой: наблюдалось небольшое воспаление. А вот показатели красной крови заметно отличались: гемоглобин значительно превышал верхнюю границу нормы, и много было ретикулоцитов, что говорило о стремительной регенерации. На столь быстрое заживление тканей были способны уроженцы только одной сферы.

Сердце доктора Сатина забилося так, что чуть не выпрыгнуло из груди.

Девушка, в этом не было сомнений, принадлежала к маах`керу, и почему же он, маг, не

увидел ауру? Карим поразился собственной ненаблюдательности: ну как можно было не увидеть – кто перед ним? И неужели эта девочка – маг, да еще более сильный, чем он сам?

Карим преодолел последний лестничный марш и увидел «хвост» каталки, которую Светлана как раз завозила в коридор.

Маах`керу – это несложно. Организм практически тот же, но заметно отличается строение костей. Быстро регенерируют. Повышенная чувствительность к наркозу. Склонность к аллергическим реакциям на антибиотики. Зато меньше предрасположены к госпитальной инфекции.

Он все это знал, помнил из курса «Клиническая сферология», загвоздка была только в одном: он никогда не сталкивался с «фиолетовыми» на практике. В Зеленограде не жили представители этой сферы.

Однако Снежана не первая пациентка сегодня.

– Света, – начал Карим, входя в малую операционную, а попросту говоря, перевязочную, – кого сегодня привозили по «Скорой»?

Светлана молчала, лишь выжидательно поглядывала на Карима, при этом разматывая Снежане повязку. Девушка лежала тихо, с закрытыми глазами. Казалось, она дремлет.

– «Коричневых»? – вполголоса спросил ординатор.

Медсестра улыбнулась, отрицательно мотнув головой.

– Маах`керу? – нахмурился Карим. – Кроме Снежаны?

Светлана покачала головой и подала травматологу снимки. Тот установил их на специальном экране и включил подсветку.

– Джинна, дейвона, верог, ваших? – продолжал спрашивать ординатор.

Медсестра беззвучно рассмеялась.

– Сатра. Мерзких сатра, – произнесла Снежана, не открывая глаз.

– Понял, – произнес Карим, впервые взглянув на девушку не только с врачебным интересом, после чего занялся снимками.

У пациентки имелось два осколочных перелома большеберцовых костей, перелом правой лучевой кости по типу «зеленой ветки», с неповрежденной надкостницей, что больше характерно для детей. Подозрительное ребро, на которое указали в направлении работники «Скорой помощи», сломанным не было, зато присутствовал осколочный перелом хирургической шейки плеча, который в суматохе пропустили.

При этом Карим отметил на всех снимках наличие развитых эпифизарных хрящей, какие бывают у растущего организма, но не у взрослого человека.

«Все правильно, – вспомнил он, – маах`керу за счет них способны перекидываться».

Вошел анестезиолог, поздоровался и начал осмотр девушки.

Он не видел сквозь Пелену, а значит, Кариму придется корректировать назначения самому: надо не забыть предупредить Светлану уменьшить дозу анальгетика и не вводить антибиотик. Времени на раздумья оставалось мало. Перелом луча и даже перелом плечевой кости при таком расположении отломков для оборотня – ерунда. Гипс – и уже завтра все срастется. Но именно по этой же причине осколочный перелом – это довольно опасно. Срастется быстро и неправильно. Поэтому надо немедленно сопоставить разрозненные части костей. Причем открытым способом, вручную. А значит, кровопотеря во время операции действительно может быть.

Карим подошел к телефону и набрал номер отделения гематологии.

– Вот лист назначений, – говорил в это время анестезиолог, протягивая Светлане бумагу. – Премедикация стандартная, фентанил, дроперидол, димедрол, омнопон...

За его спиной Карим сделал предупреждающий жест Светлане, затем заказал кровь.

– Я буду через десять минут, – сказал анестезиолог и вышел.

Снежана, раскрыв глаза, испуганно смотрела на Карима, Светлана ждала, держа лист назначений обеими руками.

– Все будет хорошо, – улыбнулся доктор Снежане. – Света, значит, смотри...

Через две минуты, отдав распоряжения, доктор Сатин пошел мыть руки перед

операцией.

Анестезиолог произвел интубацию⁵, высказав шумное одобрение по поводу короткой широкой гортани пациентки. Задышал аппарат искусственной вентиляции легких, Снежана провалилась в глубокий медикаментозный сон.

Репарация отломков напоминает работу ювелира. А еще – игру в детский конструктор или складывание пазлов. Разница лишь в том, что материал под руками живет, дышит, истекает кровью. Работали быстро, но без нервозности. Присутствие Светланы придавало Кариму уверенности. К тому же он быстро вошел в привычный ритм: маах`керу на столе, человек, дейвона, сатра или кто другой – какая, по сути, разница? Он – врач, они – пациенты. Главное, делать свое дело и не заморачиваться.

Как всегда – вдох, скальпель в позиции смычка, разрез.

Кожа, под ней – жировая клетчатка, фасция...

– Желобоватый зонд!

Вот и он, Светлана начеку. А дальше – мышцы, и под ними – раздробленная большеберцовая кость. Хорошо, что пациентка – маах`керу. Человеку, да и не только ему, такие повреждения грозили бы жировой эмболией⁶. Крючки Фарабефа в ране, главное – не зацепить две добавочные артерии. Теперь можно спокойно «собирать конструктор»... Спокойно, но быстро. Пот со лба медсестра промокнет стерильной салфеткой.

Посреди операции Карим вдруг заметил слабое фиолетовое свечение вокруг девушки. Сначала он принял его за тело Силы – ауру, которой обладает любой организм, но скоро понял, что ошибся.

«Светился» браслет на руке Снежаны, до этого невидимый, камень-глазок, вставленный в полоску кожи, укрепленную каркасом. Как раз в вене этой руки, чуть выше, торчала игла от капельницы, на другой была закреплена манжета тонометра: анестезиолог время от времени проверял давление.

Ни работники «Скорой помощи», ни врач приемного покоя, ни даже Карим со Светланой, а уж тем более – нейрохирург и анестезиолог браслет не заметили. Вероятно, он был скрыт, так же, как была скрыта его аура, которая обрисовалась, когда пациентка погрузилась в глубокий наркоз. Интересно, что ее собственная аура, или тело Силы, так и не обозначилась. Вероятно, амулет – а то, что браслет обладает особыми свойствами, не вызывало сомнений – надежно защищал хозяйку.

Но отвлекаться, раздумывая над свойствами браслета и силой магии маах`керу, не было времени, предстояла еще репозиция костей на второй голени.

...Когда Карим вышел из операционной, стояла глубокая ночь.

Он устал, как будто разгружал движущийся поезд, но был уверен: сделал все правильно. Кости срастутся за сутки, и без всякой магии, и это только благодаря его усилиям и живучему организму Снежаны.

Карим вышел на крыльцо приемного покоя покурить. Обычно он не злоупотреблял этим пагубным дурманом, но сейчас хотелось спокойно подумать. А можно ли ожидать, что врача-травматолога оставят в покое хоть где-нибудь, кроме курилки? Это священное место – понимают даже больные.

Но оказалось, что обитель греха уже оккупирована Бочонком и еще одним врачом, пожилым реаниматологом Сергеевым. Впрочем, Бочонок долго не задержался. Буркнув что-то по поводу горячей ночи, он пожелал коллегам удачи и отправился спать.

Сергеев и Карим остались вдвоем.

– Ну, как у тебя? – спросил реаниматолог, стряхивая пепел. – Вам сегодня счастья привалило, я слышал...

⁵ Введение специальной трубки в гортань и трахею. Используется для подключения наркозного аппарата.

⁶ Закупорка кровеносных сосудов каплями жира.

– Так и есть, – кивнул Карим. – Сатра штук пять привезли, двое на вытяжении, троих прооперировали. А мне маах`керу досталась, с осколочными. Под заклинание попала, видимо, – сама бы так не расшиблась.

Он выпустил кольцо сизоватого дыма.

– Даже? – удивился Сергеев, потирая лоб. – Давно не видел здесь маах`керу. А может, и вообще их в городе не видел. Покажешь?

– Конечно, заходите. Только быстрее. А то завтра-послезавтра на выписку пойдет.

– У них же все – как на собаке, – понимающе кивнул реаниматолог. – И откуда она тут взялась? Молодая?

– Угу. Лет двадцать.

– Маах`керу и сатра, значит. Вот оно как, – задумчиво произнес Сергеев. – Дрались, что ли? Не одна же она была?

– Да вот, не знаю. Молчит. Очнется после наркоза – расспрошу.

– Ты вот что. Ты за ней на всякий случай приглядывай. Молодая девчонка, только что после операции, одна в чужом городе... Нам, конечно, в дела сатра влезать ни к чему, но наши больные – это наши больные. Мы за них отвечаем, что бы там ни думали хозяева города.

– Это да, – согласился Карим. – Она в боксе сейчас, Света там рядом.

– Это та, носатенькая? – улыбнулся Сергеев. – Сет-Лана?

– Угу.

– Хорошая медсестра. Таких сейчас днем с огнем не сыщешь!

– А что, маах`керу вообще никогда не жили в Зеленограде? – осведомился Карим, гася бычок о край перил.

Реаниматолог мотнул головой:

– Нет. В деревнях они тут раньше жили, но в начале войны почти все погибли. Холм на сорок первом километре знаешь?

– Само собой.

– Вот там они и лежат. Люди тоже, конечно. И дейвона, и элохим. Но больше всего – маах`керу. Можно сказать, Москву они защитили. С Панфиловым так точно стояли маах`керу. И там, в Силино, где сейчас десятый район. Там окопы были. Мне отец рассказывал, он с ними рядом в окопе и сидел...

Сквозь разорвавшуюся густую пелену тумана сияло солнце. Оно стояло уже высоко над полем, и лучи его падали почти отвесно. Местность просматривалась далеко: пашня, а у горизонта темнеет лес.

– Противник накапливает силы, видимо, готовится нанести нам мощный удар, – говорил лейтенант Сергеев, из окопа с помощью стереотрубы внимательно наблюдавший за неприятелем. – Придется сделать перегруппировку. Вы пойдете на левый фланг. Бойцов там осталось мало, могут не удержаться. А я возьму центр. Сами справимся, я думаю. Если все ясно, можете идти.

Младший лейтенант Алесь Довжук поднялся и тихо произнес:

– Иду. Постараюсь удержаться на позициях, не допустить паники.

– Основное – выдержка и спокойствие. Враг не страшен. Нужно только хорошо подготовиться к его встрече. Подпустите немцев поближе, а потом поражайте автоматным огнем и карманной артиллерией. Когда первые ряды будут расстроены, поднимайте своих в контратаку.

Алесь вылез из окопа.

– В рост не идите, пробирайтесь ползком. Сигнал контратаки – белая ракета в сторону противника, – добавил Сергеев, под командованием которого сегодня была целая рота. – Амулет с вами?

– Так точно!

– Не забудьте воспользоваться.

Довжук полз, почти слившись с землей, пробирался на левый фланг. Сергеев смотрел

на него и восхищался, как тот быстро и бесшумно двигается. При каждом разрыве снаряда Алесь плотнее прижимался к земле, замирал на какое-то время, потом продолжал свой путь...

«Добрался бы живым», – подумал Сергеев.

Снаряды и мины все рвались, вокруг выло, жужжало, осколки шлепались в бруствер, пролетали над окопами.

Немецкая пехота лежала, но один вражеский солдат, как удивленно отметил Сергеев, вновь глянув в стереотрубу, украдкой полз к нашим окопам.

– Разрешите мне поймать этого фрица? – обратился к командиру связист Мирослав Зыгмантович, тоже «фиолетовый», как и Довжук.

– Каким образом?

– Поползу навстречу и схвачу.

– Он может вас пристрелить, и потом, за его движениями наверняка наблюдает противник. Вы можете вызвать его огонь на себя.

– Я не по этой борозде поползу, а по той, что левее. А вы дайте сигнал: как только поравняюсь с противником, активируйте амулет.

– Хорошо, выполняйте. А вы, Нестеренко, все время держите немца на прицеле. В случае чего, не дайте ему возможности выстрелить в Зыгмантовича...

– О, Нестеренко не промахет, – похвастался командир отделения Коротков. – Он у меня лучший стрелок.

– Вот и посмотрим, – сказал Сергеев.

Зыгмантович с ловкостью волка выскочил из окопа.

– Старый охотник! Умеет выслеживать и подбираться к своей жертве, – гордился уже другим бойцом Коротков.

Зыгмантович двигался вперед быстро и ловко, и враг его пока, кажется, не замечал.

Сергеев достал из кармана похожий на янтарь продолговатый камушек, вделанный в полоску кожи. Немец подползал все ближе и ближе. Приподнял голову, посмотрел кругом, потом прижался к земле и вновь пополз вперед...

– Смотрите! Кажется, Зыгмантович уже поравнялся с ним! – закричал Коротков.

– Да, время подавать сигнал, – сказал Сергеев и потер камушек амулета.

Зыгмантович кивком дал понять, что сигнал принят, и, повернув вправо, пополз прямо на немца. Между ними осталось всего несколько метров, и все в окопе, затаив дыхание, следили за поединком.

Прыжок, другой, и Зыгмантович навалился на фрица. Пока тот очнулся и понял, в чем дело, в руках Зыгмантовича очутился его автомат, на голову немца посыпались удары кулаков...

– Смотрите! Наш Мирэк оседлал немца, как лошадку! – восхитился кто-то из бойцов.

Зыгмантович, прижимая немца к земле, пригнувшись, сидел на нем верхом и колотил кулаками.

Немцы увидели эту картину и открыли пулеметный огонь. Но Зыгмантович не обратил внимания на свинцовый ливень и потащил пленного. Фриц боялся даже пошевелиться под огнем.

Вскоре они оба были в окопе.

Среднего роста, коренастый, откормленный немецкий солдат, к тому же, как оказалось, – джинна, в глубокой каске, на которой красовалась свастика и буквы «СС», стоял перед Сергеевым и смотрел на него каким-то тупым взглядом. Он весь сжимался и, казалось, вообще не понимал, как подобное могло случиться.

Не успел лейтенант сказать хотя бы слово, как со стороны противника показалась семерка «юнкерсов-88», с ревом несущихся на Москву. Самолеты, пролетев линию обороны, начали делать разворот.

Артподготовка усилилась, за грохотом пушек, треском снарядов и гулом моторов уже ничего нельзя стало разобрать. Подозвав к себе командира отделения и отдав ему

необходимые распоряжения насчет пленного, Сергеев вылез из окопа.

– Бомбы! – крикнул Коротков.

В нескольких метрах со страшной силой рванула тяжелая бомба, за ней – вторая, третья.

Бомбы падали по всей передовой линии и в глубине нашей обороны.

«Надо успеть добраться до центра, скоро немцы перейдут в наступление», – ползя вперед, думал Сергеев.

Старшина-дейвона Нигматулин отдавал распоряжения командирам отделений своего взвода. Когда Сергеев забрался в его тесный окоп, тот доложил о готовности, как он выразился, намылить шею фрицам и гансам.

– Хорошо! – похвалил лейтенант и обратился к одному из бойцов: – Как себя чувствуете?

– Прекрасно, товарищ лейтенант. Утомляет только ожидание атаки. А подарки для фрицев давно готовы! – весело ответил тот, показывая несколько гранат «Ф-1» и «РГД».

– А какие вкуснее?

– Эти! – солдат предъявил «Ф-1». – Враги режут, как скотина, если такая штучка попадает в их кучку.

– Молодец. Не падаете духом.

– А они у нас все такие! – с гордостью заявил Нигматулин.

Сергеев хотел еще что-то сказать бойцу, но, увидев, как тот вдруг строго глянул вперед и, схватив автомат, прильнул к брустверу, повернулся и посмотрел в сторону противника.

По борозде прямо к ним полз немецкий солдат, а следом за ним, на некотором расстоянии, двигался целый батальон. Все поле покрывалось коричневой чумой.

– Накапливаются на рубеже для атаки, – сделал вывод лейтенант, вынимая пистолет, и скомандовал: – Приготовиться к бою!

Артиллерия прекратила огонь, немецкая пехота поднялась и с криком устремилась к окопам. Их встретили дружным огнем. Самые шустрые фрицы падали, но на их месте появлялись другие. Сергеев понял, что огнем из окопов не отбить натиск врага, и дал сигнал к контратаке.

Полетели из окопов сотни гранат, захлопали разрывы, осколки волной хлестнули по врагу, ряды немцев на время расстроились.

– За мной, вашу мать! – скомандовал Сергеев и выскочил из окопа. – За Родину! За Сталина! Не допустим врага к Москве!

Он бросился вперед.

– Ура-а-а! – прокатилось по линии контратакующих и из глубины...

Солдаты вклинились в ряды врага, завязалась кровавая схватка.

На Нигматулина набросились сразу несколько фрицев, и в неравном бою гибель его была неизбежна. Сергеев заметил это и поспешил на помощь. Собираясь нанести удар высокому лысому противнику, он вдруг поскользнулся и упал. Джинна выстрелил в него в упор, пистолет выпал из руки Сергеева...

Несколько бойцов, расчищая путь, подхватили лейтенанта и унесли в тыл.

Узнав о ранении командира, лейтенант Довжук взял командование ротой на себя. Но едва он успел направиться туда, где сражался первый взвод, как остановился и пошатнулся. Бойцы заметили, как по его брюкам расползается кровавое пятно – правая нога лейтенанта была прострелена двумя пулями...

– Отразили атаку? – спросил Карим, про себя улыбаясь.

Ему было приятно, что в трудный момент перед наступлением самым неунывающим оказался именно его сородич, дейвона.

– Конечно! Ты сомневался? – Сергеев затушил сигарету.

– А что за амулет? Ну, камушек этот.

– Толком не знаю. Отец говорил, у многих маах'керу они были, такие камушки. У командиров вделаны в ремешок от часов, у рядовых бойцов... не знаю, как-то иначе

крепилась. А ему достался от убитого оборотня – очень удобно поддерживать связь с бойцами... У отца он долго хранился, пока не сперли...

«Надо будет поискать в Интернете», – подумал Карим.

Конечно, сведения об амулетах военного времени просто так в Сети не валяются. Но на специальных сайтах есть много чего, надо только подобрать ключик. И Сатин даже знал, кого он попросит об этом.

Глава 4

Поспать удалось недолго.

Карима, прикорнувшего в ординаторской на кожаном диване, разбудил гам на посту: Светлана сдавала смену худенькой остроносой Леночке.

«Счастливый человек, – подумал Сатин. – Она не видит сквозь Пелену. Она не знает, как устроен этот суетный мир...»

Спокойно поразмышлять ему тоже не дали – Леночка ворвалась в ординаторскую, сияя, как начищенный бикс, и с твердым намерением напоить доктора Сатина крепким кофе.

Карим не любил кофе, но ему не хотелось обижать заботливую медсестру, так отчаянно стремившуюся выйти замуж – пока безрезультатно. Хмуро взирая на бледное небо за окном, он глотал обжигающее темно-коричневое пойло, раздумывая, успеет ли позвонить Скоробогатову до пятиминутки.

Если не успеет, придется дергать того уже на работе.

Вскоре стало ясно, что не успеет – ординаторская наполнилась людьми: врачами, медсестрами. Пришел заведующий отделением, вприпрыжку принеслась старшая сестра с журналом. Началась рутинная: сколько поступило, сколько операций, состояние, кто на выписку, происшествия...

Карим тоже доложил о своей маах`керу. Очухался он только через полчаса, когда вся «травма» разлетелась по рабочим местам. Взглянул на часы, увидел, что до обхода есть еще время, и набрал номер Ильи.

– Абонент ответит. Он сейчас, сейчас ответит. Ну ты подожди, подожди, не клади трубку! – заорал в телефоне энергичный мужской голос, и Карим едва не подпрыгнул.

Через секунду прозвучало:

– Привет, серый. Как оно ничего?

– Здравствуй! Что за шайтан у тебя в трубе?

– Понравилось? – Илья хрюкнул. – По-моему, оригинально. Все лучше, чем простые гудки.

– Да уж. Слушай, ты занят?

– Да не, я на работе. Балду пинаю.

– Понятно. Хочу тебя попросить: амулетик один глянуть надо. Очень надо.

– Да без базара. Что за фенька?

– Название не знаю. Выглядит как кусочек янтаря на браслете от часов. Пользуются, предположительно... – Карим понизил голос, – маах`керу... Еще со времен Великой Отечественной.

– А не раньше?

В трубку было слышно, как Илья стучит по клавиатуре.

– Что-то мне подсказывает, что не раньше.

– Данных маловато. Еще что-нибудь?

Карим задумался.

– Используется как средство связи. Возможно, скрывает тело Силы...

– О, другое дело! – воодушевился Илья и через минуту радостно крикнул: – Нет такого!

– Ух ты! Как это нет? Ты где смотришь?

– Как где? В «Гугле»!

Карим едва удержался, чтоб не выругаться.

– По-твоему, я сам не могу в поисковике набрать?
– Раз звонишь, то, наверное, не можешь, – заявил Илья со всей непосредственностью.
– По-моему, это не я, а ты сегодня не спал, – вздохнул Карим. – Вруби «анальгин», полегчает.

Илья перестал валять дурака и сказал полупшепотом:

– Я тебя понял. У меня здесь уши и глаза. Посмотрю, но позже, тогда брякну, ок?

– Угу, давай. Спасибо!

– Пока не за что, – сделав акцент на первом слове, бросил Илья и отключился.

А Карим отправился делать обход.

Бокс, который занимала маах`керу, предназначался для «блатных», а вовсе не для случайных девушек без документов, просто больше положить ее было некуда. В палате поэтому имелись телевизор и кондиционер.

Снежана не спала. Она сидела на кровати в казенной ночной рубашке, смотря в одну точку.

Наконец Кариму удалось как следует разглядеть ее: худенькая нервная девушка с прямыми черными волосами до плеч, характерными для представителей ее расы остренькими ушками и беспокойными темными глазами. Лицо ее не казалось красивым: слишком резкие черты.

А вот фигура, угадывающаяся под рубашкой, заставила сердце Карима биться не так ровно, как ему хотелось бы. На заостренные ногти на руках был нанесен маникюр: желтый месяц на фиолетовом фоне с серебряными точками звезд. Такой же Сатин заметил и на ногах, еще вчера.

При виде травматолога девушка оживилась.

– Снимите с меня это! – вместо приветствия заявила она, подняв руку в гипсе. – Мне надо домой, меня ждут.

– Подождут! – строго сказал Карим. – Я вас только что прооперировал. В таком состоянии не то что на выписку – из палаты неделями не выходят. И сели вы рановато...

– Ты же видишь, кто я, дейвона! – неприветливо сказала Снежана. – Со мной уже все в порядке. А если останусь здесь дольше, меня убьют сатра.

Карим плотно прикрыл дверь бокса и присел на кровать рядом с девушкой, смотревшей на него исподлобья.

– Почему ты так решила? – серьезно спросил он, рассудив, что нет смысла «выкать» и дальше.

Маах`керу сердито дернула плечом:

– Потому что... У нас с ними произошли некоторые разногласия.

– Ух ты! Об этом я догадался. Но здесь тебе ничего не угрожает. Лучше давай, я запишу твою фамилию...

– Ну зачем тебе моя фамилия, доктор? Напиши, что я из Серохвостов, и довольно.

– Ты одна так отделала сатра? – не удержавшись, спросил Карим.

– Тебя не касается! Наши дела – это наши дела. «Серому» лезть в них не надо.

– Это, видимо, вместо благодарности за то, что я собрал из кусочков твои красивые ножки, – произнес Карим, в упор глядя на девушку.

Снежана ничуть не смутилась:

– Спасибо. А теперьними с меня гипс и повязки, мне нужно к матери. Я даже не знаю, жива ли она.

– А связаться с ней ты не можешь?

– Уже пробовала, просила у медсестры мобильник. У нее телефон не отвечает, заблокирован.

– А твой амулет? – тихо спросил Карим.

Снежана наградила врача таким пронзительным взглядом, словно хотела просверлить в нем дыру.

– А ты глазастый, дейвона.

– Короче! – Карим встал. – Сейчас тебе сделают антибиотик, потом – на рентген, и в зависимости от результатов – подумаем.

Не дожидаясь ответа, он быстрым шагом вышел из бокса.

«Интересная девчонка... Характер, правда, стервозный, но это ее не портит».

Травматолог вовсе не собирался выписывать пациентку сегодня. С какой бы скоростью ни протекала регенерация у маах`керу – есть же здравый смысл, и лучше застраховаться от последствий. Ему просто не хотелось спорить с упрямой девчонкой.

На остальных пациентов он потратил больше времени, чем планировал. Всех осмотрел, подкрутил аппараты остеосинтеза, заполнил листы назначений, двоих направил на выписку. Заглянул он и к сатра, хотя это были не его палаты: четверо лежали в одной, а пятый, самый «тяжелый» – отдельно, в нейрохирургическом боксе.

Никто из них не чувствовал себя и вполтину так же бодро, как Снежана.

«Вот что значит разница между сферами», – в который раз подумал ординатор.

Он направлялся взглянуть на тяжело пострадавшего «зеленого», когда в коридоре его окликнули:

– Эй, любезный!

Карим отлично понял, что обращаются к нему, но предпочел сделать вид, что не слышит, – ему не нравилась такая манера обращения.

– Доктор!

На сей раз Карим обернулся:

– Да?

Окликнувший был сатра, и, похоже, непростой, слишком высокомерно он держался. Чуть поодаль у стены жались еще двое, в халатах поверх черных костюмов – видимо, охрана.

– Вы курируете эту палату? – спросил сатра.

– Нет, – ответил Карим не без облегчения.

Ему вовсе не улыбалось общаться с незваными посетителями и выполнять все их требования.

– А кто? – резко спросил визитер.

– Доктор Бочкин.

– Спасибо, – не глядя на травматолога, ответил сатра и широкими шагами направился к ординаторской.

«Ведут себя, как дома», – подумал Карим.

Тут позвонил Илья, и он поспешил поскорее нырнуть в кабинет сестры-хозяйки, чтобы, примостившись между стеллажами с бельем, спокойно поговорить.

Самой сестры на месте не было – она, как всегда в это время, болтала со старшей.

– Але!

– Радуйся, дева Мария! – воскликнул довольный Скоробогатов.

– Нашел, что ли? Рассказывай! – оживился Карим и присел на корточки, облокотившись на стопку лежащих на полке подушек.

– Значится, так. Амулет в виде продолговатого камня, напоминающего янтарь. Называется «глаз маах`керу». Был изготовлен действительно из янтаря в эпоху рыцарей-крестоносцев, в XIII веке.

Производитель и первый владелец неизвестны. Достался Александру Невскому в битве на Чудском озере. С периода после татаро-монгольского ига считался утерянным. Сведения о нем всплывают только в Первую мировую войну: использовался генералом Самсоновым как средство связи в битве при Танненберге. После самоубийства генерала амулет пропал.

– Опять пропал. Дальше?

– Дальше вновь огромный пробел, и появляется он только в тридцать девятом году. А тут интересно: амулет был расплавлен Часовщиками с целью добавления его эссенции в опытную партию...

– Что? В партию? КПСС? – захохотал Карим.

– Чего ты ржешь?

– Да фраза дикая.

– Фраза нормальная. Обычная канцелярская фраза. К тому же не я ее придумал, – обиделся Илья.

– Ладно, дальше давай.

– Да, была выпущена партия количеством тридцать штук, называлась «Амулет-эхо», автором разработки официально считается Часовщик Хар-Мей.

– Храмеев, что ли?

– Видимо, он. Амулет маскирует тело Силы, обладает свойством передавать невербальную информацию...

– Какую это невербальную?

– Тут дальше очень много букв. Но я так понял: с его помощью нельзя переговариваться, просто можно подать сигнал: «Я тут».

– Как маячок, что ли?

– Ну да. Короче, он работает с телом Силы: может маскировать, может послать сигнал об опасности и позвать на помощь. Но действует только в том случае, если один из «абонентов» – маах`керу или сатра. То есть мы с тобой не могли бы воспользоваться. В дальнейшем след его утерян. Это то, что тебе было нужно?

– Да. Спасибо огромное. Ты где это нарыл?

– А не скажу. С тебя пиво.

– Само собой. Ладно, давай, я побежал.

«Ну хоть не взрывается», – подумал Карим, не переставая поражаться мощности амулета, маскирующего тело Силы даже под наркозом.

Но почему Снежана не может связаться с матерью? Вероятно, у той такой же амулет. Или это хитрость, чтоб побыстрее выписаться? Нет, выписывать ее еще рано...

Карим вышел из кабинета сестры-хозяйки, и тут его раздумья были прерваны самым неожиданным образом.

– Что значит: не можете сказать? – бушевал у женского поста уже знакомый сатра, чуть не с кулаками подступая к Леночке. – А я говорю, мне необходимо видеть Снежану Серову...

«Ух ты! – подумал Карим. – Как быстро отыскали».

– В чем дело? – холодно спросил он, подходя к посту.

Сатра обернулся:

– Это вы? Я ищу одну... даму.

– Здесь у нас не дом свиданий, – отрезал Карим. Он почувствовал, что было бы неправильным тотчас рассказать этому неприятному типу, где находится маах`керу.

– Что? – опешил сатра.

– Вы же не будете утверждать, что она ваша родственница или близкий друг семьи? – вкрадчиво спросил травматолог.

Сатра явно не ожидал такого поворота, его лицо пошло пятнами. Он усиленно соображал, что бы такое сказать, но Карим не дал ему такой возможности.

– Посещения тяжелых больных разрешается только близким родственникам! – заявил он.

– Да вы... да ты, – чуть не задохнулся «зеленый». – Вы что себе позволяете?

– Что здесь происходит? – раздался хриловатый голос.

Карим и не заметил, как подошел заведующий. Очень многие медики видят сквозь Пелену – это целесообразно. Врач, не знающий о существовании чужих, может нечаянно причинить им вред. Многие. Но заведующий к их числу не относился.

– А тут вот... – Карим не знал, что и придумать, чтоб объяснить положение.

– Этот господин без халата и без бахил, а хочет пройти к тяжелобольной! – вмешалась Леночка.

– Не вижу никакой проблемы, – нахмурился заведующий. – Разве на посту нет дежурных бахил? А с вами мне необходимо переговорить, прошу вас пройти ко мне в

кабинет. – Это было сказано гораздо более любезным тоном и предназначалось уже сатра. Может, заведующий и не видел ауру, зато всегда безошибочно определял состояние кошелька родственников пациентов. – Вы ведь по поводу...

Они удалились, а Карим поспешил в палату к Снежане. Медсестра еле успела сунуть ему в руки свежие снимки. Ординатор быстро просмотрел их на просвет у окна: кости срослись.

В палате работал телевизор, но девушки не было.

Рассердившись, Карим повернул было обратно, но тут из-под кровати послышался шорох, и появилась растрепанная Снежана.

– А, это ты! Я думала, опять сатра. Они сюда только что заглядывали, два «шкафа» в халатах. Охранники. Слушай, помоги мне выбраться отсюда, а? Очень прошу, – затараторила она, не давая Кариму опомниться.

Ординатор вздохнул:

– Помогу, если честно скажешь, что натворила. Ты моя пациентка и потому неприкосновенна. Но сама понимаешь: я живу в этом городе. – Он развел руками.

– Боишься? – презрительно бросила маах`керу.

– Не боюсь. Но искать приключений на голову себе и своим родным не хочу, пойми. А вдруг ты убила кого? – улыбнулся он.

– Да. Убила! – тихо, но четко произнесла Снежана. – Местную шишку, Теодоракеса. И положила всю его охрану. Доволен? Он для нас главный вражина.

Голос ее слегка дрогнул. Карим стоял, раскрыв рот.

– Что, не поможешь теперь? – зло спросила Снежана. – А если бы твоего отца убили, или брата, или...

– Подожди.

Карим взял с кровати пульт и прибавил звук в телевизоре.

– ...отделался легким испугом, – раздалось оттуда. – Комментарии он дать отказался. Покушение совершено предположительно...

– Это его ты убила? – усмехнулся Карим, убавляя звук.

На заднем плане, наполовину закрытый внушительным корпусом журналистки, мелькал Теодоракес.

– Живой, значит, – разочарованно протянула Снежана.

– И невредимый, между прочим, – заметил Карим. – И для тебя это лучше, поверь.

Девушка ничего не ответила.

– Ты в Москве живешь? – задумчиво спросил ординатор.

– Да. Мне на автобус надо. Принеси мою одежду, а? Пожалуйста.

Маах`керу как-то скисла. Ее уверенность в себе улетучилась.

– Да ладно, я могу иллюзию сотворить, – невинно произнес Карим, глядя в потолок.

– Из чего? Из ночной рубашки? – фыркнула Снежана.

– Не-ет. Рубашка казенная, ее придется здесь оставить, – ординатор изо всех сил изображал серьезность.

Девушка посмотрела на него, как на ребенка:

– Вчера, что ли, не налюбовался?

– Да мне не до того было, – признался травматолог.

Маах`керу, наконец, улыбнулась и на мгновение стала очаровательной.

– Честно говоря, – продолжал Карим, – ничего от твоей одежды не осталось, одни лохмотья.

Улыбка сползла с лица Снежаны.

– Вот что, – решил Карим. – До конца моей смены еще час. Сейчас снимем гипс и повязки, а потом я заброшу тебя на физио...

– Мне не нужно никакое физио! – горячо возразила Снежана.

– Ты не могла бы помолчать, а? Если хочешь, иди домой прямо сейчас. В коридоре тебя дожидается обаятельный мужчина. Даже трое. И все с копытами.

– Вот козлы, – с досадой буркнула девушка.
– Очень надеюсь, что тебе не придет в голову им это сказать. Они в лицо тебя знают?
– Ну, видели мельком, в полутьме. А я даже морок сотворить не могу, – жалобно прибавила она.

– Почему?

Снежана вновь взглянула на него исподлобья:

– Не спрашивай, дейвона. Просто помоги.

– Кстати, меня зовут Карим.

– Читать я умею, – процедила маах`керу, кивнув на бейдж.

Пока Карим снимал гипс и разматывал бинты на ногах маах`керу – в перевязочную решили не ходить, чтоб лишний раз не светиться в коридоре, и ординатор принес инструменты в палату, – Снежана сидела спокойно. Но как только он закончил, девушка вновь занервничала.

Карим задумался: чтоб добраться до лестницы или до лифта, придется пройти через все отделение, и незаметно это сможет сделать разве что альв. Он осторожно выглянул в коридор: сатра не было видно, но в любую секунду они могли появиться.

Наводить иллюзии – привлекать лишнее внимание, но благодаря амулету аура Снежаны не определяется, и в этом ее счастье...

– Я придумал. Сиди здесь.

Он выскочил из палаты и вскоре вернулся с белым халатом, шапочкой и маской.

– Надевай это и иди не спеша к лестнице. А я следом.

Снежана молча облачилась в халат – он оказался ей велик, – нацепила «намордник» и глубоко надвинула шапочку, закрывая уши. Над раковиной висело зеркало, в которое она не замедлила взглянуть.

– Я похожа на мумию.

– Сойдет. Тебе не на подиум.

Карим выглянул из палаты и, не обнаружив сатра, пропустил Снежану вперед. Она резво зашагала по коридору, шаркая больничными тапками. Прикрыв дверь бокса, Сатин медленно двинулся за ней. На посту он для виду прихватил несколько историй болезни.

Никто не обращал на маах`керу внимания, но как только она поравнялась с кабинетом заведующего, оттуда вышел он сам вместе с уже знакомым сатра.

«Да что ж так не везет сегодня», – с досадой подумал Карим.

К счастью, сатра не обратил на девушку внимания. А вот заведующий проводил ее недоуменным взглядом. Но тут же отвлекся и забыл. Карим догнал свою подопечную уже на лестнице и быстро препроводил в физиокабинет.

– Анна Ивановна, – вкрадчиво, с придыханием начал он, наклоняясь над пожилой медсестрой с пережженным перекисью мелированием. – Сделайте девушке электрофорез с кальцием. И не выпускайте ее, пока я не вернусь. Пожалуйста.

– Все поняла, доктор, – заговорщицки улыбнулась медсестра физиокабинета. – Не волнуйтесь.

Как только ординатор вернулся в отделение, перед ним как из-под земли вырос «зеленый».

– Где маах`керу? – резко спросил он. – Я знаю, это ваша больная. Где она?

– Зачем она вам? – Карим тянул время.

– Давайте сразу все выясним, уважаемый Карим Артемович, – заговорил сатра, расставив ноги на ширину плеч, словно боялся упасть. – Она преступница: чуть не убила четверых представителей нашего клана. И у господина Теодоракеса есть горячее желание с ней побеседовать. Пока просто побеседовать. С вашей ли помощью, без вас ли, но его желание осуществится. Наш клан в хороших отношениях с местными дейвона, и, думаю, не стоит их портить. Тем более в столь тяжелое для страны время. Так где, вы говорите, находится Снежана Серова?

– Разумеется, вы можете с ней побеседовать, о чем речь? Надеюсь, вас устроит

разговор в палате? Снежана еще слишком слаба, чтобы...

– Доктор, вы не поняли меня, – мягко проговорил сатра, беря Карима за плечо. – Ее нет в палате, и я это знаю. Давайте не будем осложнять положение.

– Это вы не поняли! – Карим сдвинул брови. – Серова на процедурах. Как только она вернется в бокс, у вас будет возможность поговорить с ней.

Сатра внимательно взглянул на Карима, но ничего не сказал. Повернувшись, он зашагал прочь.

«Наконец-то», – с облегчением подумал ординатор и направился к посту. Можно, конечно, попросить помощи у медсестер, но тогда разговоров будет на все отделение.

И не только сплетни беспокоили Карима.

Зайдя в безлюдную ординаторскую, он набрал номер матери.

– Мама? Помогите мне, пожалуйста.

Мать выслушала его сбивчивый рассказ – большая часть была правдой, недостающие детали женщина-дейвона дорисовала сама.

– Ты опять нашел себе бурную страсть, сын?

– Да нет, ну... Не думаю. Просто очень нужно, – смутился Карим.

– В этом я и не сомневаюсь. Жди, сейчас буду.

Через пятнадцать минут мать подошла к приемному покою. Ждавшему там сыну она передала огромный полиэтиленовый пакет со своей старой курткой, джинсами «для дачи», зимними сапогами и еще кое-какой мелочью.

Карим не рассчитывал, что Снежана захочет вернуться в отделение, но на всякий случай заглянул в бокс. Там оказалось пусто. На полу лежал какой-то предмет, и, чтобы разглядеть его получше, травматолог сделал два шага вперед.

Предмет зашевелился и вытянулся вверх: он напоминал небольшую рогатку, состоящую из фрагментов, как будто четки или бусы. Карим на всякий случай попятился. Странная штуковина развернула рожки (антенну?) и поползла в его сторону. Травматолог невольно вжался в стену.

Он точно не знал, что это, но отлично понимал: подобные вещицы просто так на полу не валяются.

Есть «магические штуковины», рядом с которыми лучше не двигаться, есть те, от которых надо бежать без оглядки, и попадаются такие, от которых убежать бесполезно. Карим просто ждал.

«Рогатка» подползла почти вплотную к его ногам и застыла. Между «усиками» появилось неяркое зеленое свечение, но тут же исчезло. По-видимому, потеряв к дейвона всякий интерес, странная змейка выбралась в коридор.

Не зная, как поступить, Карим осторожно двигался следом, держа в руке пакет. «Рогатка» уверенно скользила по отделению, лавируя между попадавшимися ей людьми, которые ничего не замечали.

Достигнув лестницы, она на какое-то время задержалась. Похоже, она «принюхалась», затем бодренько заскользила вниз по ступеням. И тут Карим понял: этот предмет как-то настроен на Снежану, он ищет ее! И что будет, когда найдет – неизвестно. Травматолог стремглав бросился к лифту.

Он ворвался в физиокабинет в ту минуту, когда неизвестная хреновина находилась уже рядом с кушеткой Снежаны.

Девушка все еще лежала с прицепленными к ноге электродами, две соседние кушетки тоже были заняты пациентами. За столом, перед аппаратом УФО, сидел еще один. Медсестра поднималась со стула, чтобы взять лоток с парафином.

«Рогатка» растопырила усы, между ними появилось зеленое свечение...

Карим тут же бросился к этой штуке и схватил ее. Заметавшись по кабинету и лихорадочно соображая, что делать, он увидел в углу двадцатилитровую канистру с антисептиком. Не будучи уверенным, что поступает правильно, он в два прыжка оказался рядом с канистрой и, быстро открутив крышку, сунул в узкое отверстие опасный предмет,

затем плотно закрыл емкость.

– Ложись! – только и успел крикнуть Карим, бросаясь на пол.

Рвануло, с громовым хлопком пластиковая канистра разлетелась на куски, облив пергидролем стены, пол, приборы... Раздались крики. Карим поднялся, весь промокший со спины. К счастью, ожогов он не получил. Снежана успела кинуться на пол, женщина слева от нее – закрыть лицо подушкой. На них обеих плеснуло жидкостью и забросало мелкими осколками – тоже без серьезных, кроме синяков и царапин, последствий. Мужчина справа не успел ничего предпринять, но ему повезло – он лежал далеко.

Вся сила удара досталась медсестре и юноше, сидевшему за столом. Ей обожгло и расцарапало кисти рук, да еще брызги умеренно горячего парафина попали на лицо. Что же касается парня – пергидролем окатило сзади его стриженную под ежик голову.

На шум прибежали врачи и медсестры из соседних кабинетов.

Пока все занимались Анной Ивановной и юношей, выслушивали очень эмоциональный рассказ женщины, все еще державшей в руках подушку, и вытирали лужи, Карим счел за благо поскорее увести Снежану. Крепко держа ее за руку одной рукой, а в другой сжимая пакет с одеждой, который он так и не бросил, Карим потащил ее за собой в подвал, в переход между корпусами.

– Шайтан знает, что творится. Похоже, я недооценил этих сатра...

– Это они послали? Что это за штука была? – еле поспевая за травматологом, спросила Снежана.

– Поисковичок. Штучка такая, настроенная на тебя.

– Так ты мне, что ли, опять жизнь спас? – тяжело дыша, осведомилась Снежана.

– Не знаю точно. То, что она взорвалась в замкнутом сосуде с жидкостью, еще ничего не значит. Может, парализовала бы. Или усыпила.

– Все равно дрянь. Спасибо. А куда мы?

Длинный подземный коридор заканчивался, впереди была лестница наверх, к выходу из главного корпуса.

– Слушай и не перебивай. Вот тебе одежда.

Карим сунул в руки Снежане пакет. Девушка заглянула в него.

– Э-э-э... – произнесла она неуверенно.

– Какую достал. Быстро переодевайся.

– Прямо здесь? – возмущенно вскрикнула девушка.

– Ну негде больше, негде, извини. Не хочу тебя вести обратно в отделение, может, там еще три таких «улитки» ползают. Ну вон, можешь под лестницей спрятаться.

– Ладно, – буркнула маах`керу.

– Оденешься – так и сиди там, одна не выходи. Я сейчас смену сдам и тебя провожу. А то мало ли что еще по дороге случится...

– А если ты удержишься? – спросила Снежана, вываливая содержимое пакета прямо на пол. Сапоги громко стукнули каблуками о металлическое покрытие.

– Постараюсь не задерживаться.

Забежав в отделение и быстро отрапортовав сменившему его травматологу, Карим в два счета переоделся и сунулся было в приемный покой. Но через окно заметил на улице одного из знакомых охранников-«зеленых». Не удивившись, ординатор вернулся в подземный переход.

Снежана ждала его там, чужая одежда пришлась ей как раз по размеру, а вот сапоги были явно великоваты.

– Через главный выход не пойдем, у приемного пасут, айда через столовую, – тихо сказал Карим, увлекая за собой девушку.

– Почему ты мне помогаешь? – спросила маах`керу.

Карим картинно поднял брови:

– По-моему, кто-то сам меня об этом просил.

– Только поэтому?

Дойдя до развилки, они повернули направо и оказались перед лифтом. Карим нажал кнопку вызова.

– А разве этого недостаточно?

Пришла кабина, двери открылись, и молодые люди забились внутрь: лифт был довольно тесным.

– Недостаточно! – уверенно сказала Снежана. – Должен быть мотив.

– Ну считай, что я Дон Кихот. Приехали!

Из лифта вышли в одно из подсобных помещений. Уверенно ведя девушку мимо раковин и мусорных бачков и не обращая внимания на восклицания и ругань работников кухни, Карим прошел через столовую и достиг «черной» лестницы.

Снежана едва поспевала за ним, ей неудобно было передвигаться в сапогах на два размера больше.

– Как беженцы. Сюрреализм какой-то, – пробормотала она.

– Что ты умеешь? – спросил Карим. – Чтоб я знал, какие у нас возможности. Ты ведь маг? Твою ауру я до сих пор не вижу.

Снежана помедлила, но все же нехотя ответила:

– Сейчас я ничего не могу. Вообще ничего. Даже «длинную руку».

– Почему?

Девушка молчала.

– Проблемы с источником? – догадался Карим.

– Да, – скривилась она.

– Так, может, тебя подзарядить? Я бы мог...

– Нет! – быстро сказала Снежана. – Это очень больно, я пробовала. Не хочу.

Они подошли к выходу.

– Постой, я выгляну, – сказал Карим.

На заднем дворе никого не было.

– Пошли скорей, – произнес травматолог.

Они пересекли двор, миновали старое здание роддома, женскую консультацию и приблизились к забору, за которым виднелась детская площадка.

– А там что? – спросила Снежана.

– Санаторий. Думаю, в этом направлении нас не будут искать. Лезь, я помогу. Только не прыгай, я тебя сниму.

Девушка без лишних слов вскарабкалась на забор, Карим помог ей перекинуть ногу. При этом он подумал, что если бы кто-нибудь еще сегодня утром сказал ему, что больная через десять часов после репозиции костей будет скакать по заборам, он бы в лучшем случае посмеялся.

Одним махом взлетев на забор, Карим спрыгнул с другой стороны и помог спуститься Снежане. По узкой дорожке мимо беседки и качелей они вышли к зданию, миновали обширный газон, уставленный деревянными фигурками зверей, и достигли калитки.

– Эй, а вы к кому, молодежь?

Карим обернулся: к ним спешил неизвестно откуда взявшийся местный охранник весьма ветхого вида.

– Мы уже уходим, – как можно более дружелюбно произнес Карим, подняв обе руки.

– А ну, стойте!

– Нам некогда, папаша, – крикнул травматолог, открывая калитку.

Они выскользнули наружу. Позади доносились гневные крики стража.

– Ну чего распыляется? – вполголоса сказал Карим. – Преступников нашел, тоже мне.

Снежана как-то жалобно вздохнула.

Пройдя мимо дома, в котором жил Карим, они свернули на Озерную аллею, а по ней вышли к Сосновой. Им повезло: горел зеленый свет.

– Пойдем скорее! – Карим подхватил Снежану под локоть, и они быстро перешли дорогу.

На остановке автобуса было пусто.

– Тебе в Москве куда? – спросил травматолог.

– ВДНХ.

– Тогда удобнее на электричке.

Карим вынул из кармана телефон и взглянул на время.

– Ух ты. Отпадает электричка, сейчас окно. Значит, четырехсотый. Пешком далековато.

Пошли на автобус, – решил он.

К остановке как раз подходила «двойка». Карим и Снежана зашли в полупустой автобус и сели.

Позади них вроде бы никого не было, но неожиданно кто-то положил руки на плечи Снежане и обхватил Карима за шею. Девушка вскрикнула, у ординатора перехватило дыхание. На переднем сиденье вырос сатра, тот самый, что не так давно командовал в отделении как у себя дома.

Немногочисленные пассажиры не обращали на эту сцену никакого внимания.

– Ну наконец-то! – сказал сатра. – Молодцы, что сели в автобус. Как я устал за вами бегать, лани мои быстроногие. Видно, вы действительно прекрасный врач, юноша, судя по марафону вашей подопечной. – Он усмехнулся. – Но теперь тихо и без глупостей, иначе мои ребята могут вас нечаянно придушить. На следующей остановке выходим. Вы вообще совершенно напрасно ввязались в эту историю, доктор. Я же предупреждал.

Карим ничего не отвечал – да и трудно было разговаривать в таком положении.

Он думал о двух «зеленых», сидевших позади плечом к плечу.

Организм сатра в принципе такой же, как человеческий, разве что – в нем больше сосудов. Надо только четко представлять себе сердце и круги кровообращения, иначе ничего не получится. Много, много крупных и мелких артериолок и венул с тонкими податливыми стенками, мышечные волокна которых хорошо сокращаются, делая просвет широким.

И вот уже все сосудистое русло разом расширяет свои стенки, давление падает...

– Выходим! – скомандовал главный сатра.

Его охранники одновременно поднялись, увлекая за собой пленников.

«Падает, падает, коллапс», – мысленно произнес Карим.

После чего оба охранника, ослабив хватку, грохнулись на пол. Старший сатра обернулся и тут же получил кулаком в переносицу. Охнув, он схватился за лицо. Двери автобуса раскрылись.

– Бежим! – Карим подтолкнул едва опомнившуюся Снежану к выходу.

– Что ты с ними сделал? – спросила девушка, когда они были уже далеко от автобуса. – И как быстро, я даже не заметила.

– Обморок. Давление упало – и они вместе с ним.

– Научи меня!

– Невозможно. Для этого надо шесть лет копать во внутренностях. Иначе ничего не поймешь. Да и талант особый надо иметь.

Снежана с уважением взглянула на Карима.

Они миновали жилой микрорайон и оказались в лесопарке.

– Как нарочно, отцу на сегодня машину дал, – вздохнул Карим. – Сейчас были бы уже по дороге в Москву.

Московский проспект, где располагалась крайняя перед выездом из города остановка четырехсотого автобуса, находился сразу за пролеском. Но прошло уже несколько минут, а Карим и Снежана все еще бежали среди деревьев, стволы так и мелькали по обеим сторонам дорожки.

– Далеко еще, Сусанин? – задыхаясь, крикнула девушка.

– Да нет, немного осталось...

Снежана резко остановилась.

– Слушай. А вдруг они ждут нас там, на остановке?

– Все может быть, – пробормотал Карим, всматриваясь вперед сквозь деревья.

– Знаешь что? Я буду тебе гораздо полезнее, если перекинусь. Источник, похоже, совсем загнулся, я его не чувствую. А драться... – она хмыкнула. – Нет, я умею драться. Но волком делать это легче и приятнее.

Говоря это, Снежана быстро расстегнула куртку и, сняв ее, сунула в руки медленно соображавшему Кариму.

– Мне надо обернуться, отвернись. Одежду только не забудь собрать, а то как я потом...

– Но... ты уверена?..

Карим почувствовал, как кровь бросается ему в лицо.

Он снова открыл было рот, но девушка схватила его за плечи и развернула на сто восемьдесят градусов:

– Давай, давай, времени мало!

– Слушай, я, конечно, классный травматолог, но я не могу гарантировать, что ты сейчас не переломаешь себе все кости, – промямлил Карим.

– Вот и проверим! Если что, ты меня понесешь, – заявила Снежана.

«Да, так ты, несомненно, будешь мне гораздо полезнее», – подумал Сатин.

Он стоял с курткой в руках, чувствуя себя полным идиотом.

Через минуту он почувствовал, как его дергают за штанину, и обернулся.

Перед ним стоял волк, а точнее, волчица: серая, мохнатая и зубастая, вот только выражение глаз у нее было знакомое.

Не отрывая взгляда от новой Снежаны, Карим собрал валявшиеся на земле вещи и, досадуя, что выбросил пакет, завернул все в куртку, связав рукавами. Волчица, нюхая землю, затрусила по тропинке. Так они и пошли: впереди средней величины собака, похожая на овчарку, без поводка и намордника, следом немного пришибленного вида парень с живописным узлом в руках.

На сей раз напали на них внезапно, без предупреждения и сантиментов. Карим мельком заметил зеленоволосую сатрессу, как в лицо вдруг дохнуло ледяным ветром.

«Заморозка», – только и подумал ординатор.

В глазах потемнело, и он упал, успев увидеть прыжок Снежаны.

Сквозь полудрему Карим слышал визг и возню, потом все прекратилось. Он лежал некоторое время и очнулся оттого, что его облизывали. Открыл глаза и, увидев прямо перед собой волчью морду, невольно вздрогнул.

– Нельзя же так пугать! – отмахнулся он.

Волчица послушно отошла.

Карим поднялся, отряхивая с себя землю и прошлогодние листья, огляделся в поисках поверженного врага. Но никого не обнаружил, только он и Снежана стояли на опушке. Впереди между деревьями маячила остановка.

Ординатор посмотрел на маах'керу:

– А где сатресса?

Та ничего не ответила, только облизывалась.

– Ты что, ее съела? – недоверчиво спросил Карим.

Маах'керу помотала головой, потом покосилась в сторону дороги.

– Убежала?

Волчица кивнула.

– С тобой не соскучишься, – усмехнулся Карим.

«Странно все это, – подумал он. – Посылают по одному, как будто силы экономят. А может, думают: слабая, больная девчонка и неумелый маг? Ну это они лоханулись...»

О том, что будет после того, как он проводит Снежану и вернется, как он объяснит все родителям и остальным, чем обернется история с бегством его пациентки в больнице и стоит ли при таком раскладе вообще возвращаться, Карим старался пока не думать.

В автобус четырехсотого маршрута Зеленоград – метро «Речной вокзал» вошел потрепанного вида парень с лохматой собачицей на поводке и бесформенным комом

одежды под мышкой. На собаке был намордник, но все равно, пассажиры заволновались – очень уж грозный вид был у этой псины. И только несколько Наблюдателей, расположившихся в конце салона, видели, что и намордник, и поводок – всего лишь иллюзия, да и сама овчарка – вовсе не овчарка, а волк, точнее – волчья ипостась маах`керу.

Но это их ничуть не испугало и даже, казалось, совсем не заинтересовало.

Снежана уселась у ног Карима, изо всех сил изображая добропорядочного пса.

– Маршрут четырехсотый. Следующая остановка – «Метро «Речной вокзал». Остановка «Кинотеатр «Нева» осуществляется по требованию, – объявил голос из динамиков, и двери закрылись.

Автобус тронулся. В это время к остановке подрулила черная «Мазда», из которой выскочил сатра, не их старый знакомый, с разбитым носом, а совсем молодой парень. Понимая, что не успел, он сердито сплюнул и залез обратно в машину.

Автобус стремительно удалялся, автомобиль двинулся следом.

«В ближайшей пробке они нас достанут», – подумал Карим, глядя через плечо в заднее стекло.

Глава 5

Ехать было скучно. «Мазда» тащилась позади в некотором отдалении, припекало апрельское солнышко, пассажиры сидели, уткнувшись носами в книжки и газеты.

Снежана задремала, положив голову на колени Кариму. Порывшись во внутреннем кармане куртки, травматолог достал гарнитуру для мобильного и, воткнув ее в уши, врубил «Xandria».

Музыканты этой немецкой группы были исключительно маах`керу и верог. И хотя состав все время обновлялся, – видимо, участники не могли долго уживаться друг с другом, – качество музыки не страдало.

Композицию он выбрал, пожалуй, слишком женственную – «Ravenheart», обычно Карим предпочитал что-нибудь потяжелее. Но сейчас ощутимо потянуло на романтику. Проснулась Снежана и повела ушами. Недолго думая, он извлек один наушник и осторожно пристроил его в волчьем ухе. Маах`керу музыка понравилась.

Так они и продолжали путь, уже гораздо веселее.

Когда проезжали мимо химкинских «ежей», Снежана неожиданно забеспокоилась: подняла голову и завозилась, как будто ей стало вдруг тесно в автобусе.

– Что, что такое? – негромко спросил Карим.

Может, ее волнует близость сатра? Но ведь всю дорогу она ими не интересовалась.

Карим спрятал телефон и наушники и огляделся – кажется, ничего не изменилось. Наблюдатели переговаривались между собой, люди занимались своими делами.

– Что случилось? Опасность? – еще раз спросил Карим.

Маах`керу помотала головой.

– Что-то хорошее?

Она завиляла хвостом, совсем как собака.

Раздумывая, что бы это могло значить, Карим бросил взгляд в окно.

В это время автобус остановился окончательно.

«Да уж, хорошее. Вечно тут пробка», – с досадой подумал Карим.

Он увидел, как «Мазда», водитель которой демонстрировал чудеса маневрирования, протискивается к левому боку автобуса – как раз с их стороны.

Кариму это совсем не понравилось: некоторые заклинания работают и через стекло. Находясь в столь опасной близости, нельзя быть уверенным, что не получишь чем-нибудь оглушающим по башке.

Карим глянул в окно на противоположной стороне: там высился огромный магазинный комплекс. Он увидел громадную вывеску «IKEA», желтым по синему, и чуть дальше – «MEGA». Не раздумывая долго, травматолог показал Снежане на выход. Она поднялась с

пола, пропуская его вперед.

Карим подошел к кабине и склонился над окошком водителя:

– Откройте, пожалуйста, дверь.

Карим прикинул: если постараться быстро добежать до одного из магазинов, есть шанс затеряться в толпе. Пока сатра сообразят, пока организуют погоню... Интересно, сколько их там? Кто-то обязательно останется, не бросят же они машину в пробке. И можно будет попробовать сделать еще кое-что, а потом сесть на маршрутку, одну из тех, что отходят прямо со двора «Меги».

Водитель смерил Карима недовольным взглядом, но дверь открыл. Снежана, видимо, разгадав замысел спутника, грациозно спрыгнула с подножки и, первой достигнув тротуара, стремительно понеслась в сторону торгового комплекса. Карим постарался не отставать, крепко прижал к себе узел с одеждой.

Обернувшись, краем глаза заметил двух преследователей – пора было действовать.

Требовалось сбить противника со следа, иначе дальнейшие «пряталки» в магазине очень осложнятся.

Сатин заметался по дорожке, ведущей к «Меге», лихорадочно оглядываясь.

Для того чтобы сотворить «чернильное облако», подходящее к ситуации заклинание, требовался объект, который легко разрушить. Закон сохранения энергии ведь никто не отменял, просто не во всех магических действиях он проявлялся так наглядно.

А время поджимало: сатра приближались.

Карим достал из кармана носовой платок – большой, в синюю и зеленую клетку. Сосредоточившись, представил, как платок распадается на мелкие части, а потом трансформируется в нечто аморфное...

На месте платка в его ладони закружилось маленькое черное облачко. Карим убрал руку. Облачко медленно расползалось, увеличивалось, вот оно уже поднялось высоко, захватывая все больше пространства.

Предоставив заклинание самому себе, Сатин бросился бежать дальше.

Минут пять у него будет, и этого должно хватить, чтоб оторваться от сатра.

Тут Карим с недоумением заметил, что Снежана мчится к подземному гаражу, но потом сообразил: она просто ищет укромное место, чтоб перекинуться. Волчица нырнула в полутемное нутро гаража, Карим рванул за ней.

К счастью, не все отделения были заняты машинами, нашелся пустой угол, отгороженный бетонной стенкой. Положив на пол сверток с одеждой, Сатин поспешил наружу, чтоб взглянуть, как там «зеленые».

«Надеюсь, у нас хватит времени», – с беспокойством думал он.

«Чернильное облако» понемногу рассеивалось. Ордinator едва успел спрятаться, когда увидел, что сатра продолжают свой путь. К счастью, напрямик к главному входу в торговый центр. Подбежав к стеклянным дверям, они исчезли за ними.

«Надо что-то придумать, иначе они так и будут висеть у нас на хвосте», – решил Карим.

Тут кто-то тронул его за плечо, и он, вздрогнув, обернулся, готовясь пустить в ход кулаки.

– Испугался, дейвона? – улыбнулась Снежана.

– Я уже и забыл, как ты выглядишь в человеческом виде, – оглядев девушку, заявил Карим.

– Да ладно! Где наши «друзья»?

– Они... А вот и они. Бежим!

Сатра выскочили из стеклянных дверей. Увидели они беглецов или вычислили – но припустили точно в их сторону. Карим потащил девушку обратно в гараж, из него можно было на эскалаторе попасть прямо в магазин.

– Я не сказала тебе самого главного! – крикнула Снежана. – Амулет «проснулся», я связалась с мамой. Она жива! Она в Москве. Нам только надо продержаться до ее приезда.

– Это сколько?

– Минут сорок. Или час.

– Ух ты, – только и сказал травматолог. – Хорошее дело...

Лестница вынесла их к секциям.

– Берем тележку и держимся поближе к народу, – решил Карим. – Тянем время. Бардак по возможности не устраиваем.

– Тебя это волнует? – Снежана сморщила нос.

– Ты знаешь, кто хозяин здешних лесов и полей?

– Что?

– Кто хозяин магазинов, знаешь? Маги, немаги, люди, нелюди?

– Без понятия. Но не сатра.

– Вот и я не знаю. Поэтому – ведем себя тихо. И вообще, надо как-то натравить на сатра хозяев.

– А как? – с интересом спросила Снежана.

– Ну, не знаю пока. Как-то вынудить их действовать и привлечь к себе внимание.

Сатра не замедлила появиться. Карим наконец разглядел их: оба очень молодые, одеты просто, в джинсы и ветровки. Они шли с тележкой на приличном расстоянии, делая вид, что присматриваются к вину, но дистанция неуклонно сокращалась.

– Совсем пацаны, – пробормотал Карим.

– Наверное, всех сильных магов мы «сделали» вчера. А это – те, кто остался, – не без гордости прошептала маах`керу.

– Или тому есть другая какая причина, – протянул Карим.

– Может, вынудить их швырять в нас бутылки? – мечтательно произнесла маах`керу, оглядывая полки с шампанским.

– Увы, я не знаю такого заклинания, – вздохнул Карим.

– А ведь здесь совершенно негде спрятаться. Сколько мы так пробродим? Может, иллюзии?

Карим покачал головой.

– Я не Танзор, мои иллюзии их не одурачат. Разве что... – начал он, но девушка не дала ему договорить.

– «Молот»! – закричала Снежана, схватив Карима за руку.

Они едва успели метнуться в сторону, заметив мелькнувшую в воздухе «длинную руку», которая тут же была втянута сотворившим ее сатра.

– И как ты... его... увидела?! – еле переводил на ходу дыхание Карим. – Сейчас бы... огребли...

– Повезло просто, – выдохнула Снежана.

«Недооценил я «зеленых» – второй раз уже за сегодня», – подумал Карим.

«Длинная рука» снова вытягивалась, пытаясь достать их.

– Предлагаю свернуть! – с трудом выговорил Карим, схватил Снежану за руку и бросился с ней в боковой проход.

Их тележка осталась стоять посреди дороги. «Длинная рука» врезалась в нее и опрокинула.

– Придумай что-нибудь, а? – взмолилась Снежана. – А то они нас тут умоют. Может, ты свет умеешь вырубать?

– Конечно. Могу лампочки побить. Только потом нам хозяева портянку выставят.

– Что выставят? – не поняла Снежана.

– Огромный счет, вот что.

Карим задумался.

– Могу еще, правда, кое-что другое... Тогда быстро давай за угол направо и жди меня там.

– А ты? – испуганно спросила Снежана.

– А я сейчас.

Снежана послушно нырнула за поворот. Карим остановился, развернувшись лицом к сатра. Те увидели, что он ждет их, и в последний момент сбавили скорость. Но расстояние между Сатиным и преследователями оказалось вполне достаточным.

Заклинание называлось «ночная тьма», оно накладывалось быстро и без особенных энергозатрат, но требовало большой точности, хорошей реакции и мастерства.

Подпустив сатра поближе, Карим быстро посмотрел в глаза одному, затем сразу – второму. После чего бросился бежать вслед за Снежаной и в два прыжка нагнал ее. Сзади оглушительно загремело: похоже, кто-то налетел на пирамиду консервов. Банки раскатились во все стороны.

Вокруг слышались недовольные и испуганные крики.

– Что ты сделал? – спросила Снежана.

– Закрыв им зрачки на короткое время. Свет не попадает – они ничего не видят.

– Класс! – прошептала Снежана.

– Да не совсем, минуты на три хватит. Ну максимум – на пять.

– О-о! – разочарованно протянула Снежана.

– Угу. Не одни мы такие умные, они тоже маги, – вздохнул травматолог. – Хоть и молодые. И чего они к тебе привязались?..

Пока шли через секции с полуфабрикатами, молоком и бакалеей, сатра не появлялись. Не возникли преследователи, и когда они очутились в отделе бытовой химии.

– Странно это, – нахмурилась Снежана.

– Подозрительно, да, – согласился Карим.

Они благополучно миновали кассы, но когда попытались выйти на улицу, Карим заметил еле заметное свечение по периметру двери.

– Стой! – он схватил Снежану за руку, указывая на закливание.

– Что это? – нахмурилась маах`керу.

– Я думаю, это что-то сигнальное. Пройдем – зазвенит, грубо говоря...

– Дождались...

Травматолог досадливо махнул рукой:

– И когда успели поставить? Пойдем через верх.

Они повернули обратно.

Торговый комплекс «Мега» вмещал в себя пять разных магазинов. Каждый имел отдельный вход, каждый был соединен с подземной парковкой. Но попасть из одного в другой можно было и изнутри, не замечая границ.

Просто перейти из отдела в отдел, если, конечно, на пути не установлено какое-нибудь закливание.

«Сигнализация» стояла и здесь. Карим и Снежана видели в пяти шагах впереди красочные вывески бутиков, путь к которым преграждала тянувшаяся по полу тоненькая светящаяся ниточка. Мимо шли покупатели, наступая на эту «ниточку», которую не замечали, толкаясь и ворча по поводу молодых людей, что мешают пройти.

– Оно на нас одних настроено? – мрачно спросила Снежана.

– Вот уж не знаю, – ответил Карим. – Возможно – на тебя одну. Или только на меня. Я в этих тонкостях не разбираюсь. Можно, конечно, попытаться его снять. Я бы смог, думаю. Но время дорого...

– Может, нам разделиться? – несмело предложила Снежана. – Заодно и узнаем. Например, я пойду здесь, а ты...

– ...свалю и брошу тебя на растерзание парнокопытным, да? С чего бы вдруг? Ну уж нет. Пошли в переход.

– А если нас там ждут? – Маах`керу сердито посмотрела на Карима, как будто это он был во всем виноват.

– А мы аккуратно... – вкрадчиво произнес травматолог.

Они снова спустились в подземный гараж, машин там заметно прибавилось.

– Обложили меня, обложили, – пробормотал Карим. – Постой. Они наверняка

рассчитывают, что мы сразу попытаемся выйти к маршруткам. А мы, давай, туда не пойдем. Погнались вперед!

Он внезапно рванул вдоль ряда столбов, мимо машин. Снежана, прорывав что-то нечленораздельное, устремилась за ним, совершенно не уверенная, что они поступают правильно. Но тут со стороны выхода до нее донеслись крики: «Стойте!» и «Куда, зараза?» – после чего она больше не сомневалась. Как ни прост был план «зеленых», он сработал бы, если бы они сразу сунулись к выходу.

Это был очень долгий и очень изнурительный бег. Тот, кто спроектировал и построил этот огромный подземный переход, вряд ли предполагал, что его будут использовать с такой целью. На деле же – здесь вполне можно было устроить ралли, не то что какие-то там «догонялки».

Снежана бежала, не отставая от Карима, но ей очень мешала обувь – большие, не по размеру, сапоги.

В конце концов, она кое-как сбросила их и припустила дальше босиком. Вслед беглецам был пущен «кокон Артемиды», едва не накрывший их, затем вновь попытались дотянуться «длинной рукой».

Но им все еще везло, либо сатра и в самом деле были неумелыми юнцами, отправленными в погоню за неимением лучших.

Покружив по подземной галерее, беглецы выскочили на лестницу, ведущую в соседний магазин, тот самый центр со множеством бутиков. Преследователи наконец отстали или посчитали бессмысленным продолжать погоню в гуще народа.

Карим и Снежана не сразу заметили, что за ними больше никто не гонится, и все продолжали бежать, минуя один магазинчик за другим. Посетители с удивлением оглядывались на них, некоторые крутили пальцем у виска. Наконец, Снежана поняла, что сатра оставили их в покое, и остановилась, тяжело дыша. Карим, бежавший следом, чуть не налетел на нее.

– Ты сквозь стену ходить умеешь? – еле переводя дух, спросила она.

– Смогу, наверное, если тонкая, – с хитрой улыбкой ответил Карим. – А почему ты спросила?

– А отсюда? – Девушка обвела рукой вокруг.

– Через стену этого магазина? Ты шутишь? – фыркнул Карим и закашлялся.

Маах`керу помолчала.

– Жалко. Смотри, какой здесь источник! – без всякого перехода сказала она, усаживаясь на скамейку, которых вокруг было предостаточно.

В сердце торгового комплекса располагался искусственный каток. А в центре его светился широкий энергетический столб – яркого белого цвета в середине и более бледный к периферии. На льду с упоением катались люди и нелюди, которые не видели этого сияющего стержня. Вокруг катка теснилось довольно много кафе и ресторанчиков.

– Да, неплохо придумано, – заметил травматолог.

– Я устала, как собака, голодна, как волк, и домой хочу. К своим.

– Чисто по-человечески? – усмехнулся Карим.

– Не смешно!

– Ты точно не полукровка?

– Нет. Чистокровная.

Карим внимательно осмотрелся, насколько хватало взгляда.

– Можно рискнуть и попробовать забросить под хобот. Вон, хотя бы пиццу...

Вдруг Снежана вскочила и шумно втянула воздух.

– Чувствуешь? – тревожно спросила она.

– Что, запах пиццы? Еще бы, аж желудок сводит!

– Хвоей пахнет. Очень сильный запах.

Карим тоже попытался принюхаться.

– Ух ты, да, действительно. Еле-еле.

– Очень сильный запах, – медленно повторила Снежана, потом встала и направилась к одному из выходов.

– Ты куда? – удивился Карим.

Девушка ничего не ответила, продолжая идти вперед.

Сатин встревожился. Вскочив, он быстро догнал ее и тронул за плечо:

– Снежана!

Никакой реакции – маах`керу уверенно шла дальше. Запах хвои чуть-чуть усилился.

Карим испугался – на Снежану воздействовали каким-то заклинанием, в этом не было сомнений. Но что это за заклинание и есть ли способ бороться с ним, он не знал, он даже не слышал ни о чем подобном. Слабо надеясь на успех, он все же попытался задержать девушку. Обогнал, встал перед ней, схватил за руки.

– Снежана! Снежана, очнись! Это я, Карим. Дейвона! Снежана, погляди на меня! Зачем ты туда идешь?

Снежана внимательно посмотрела на травматолога.

Ее глаза не походили на безумные или «стеклянные», взгляд был совершенно осмысленным.

– Я устала, как собака, – повторила она. – Очень хочу спать. Мне нужно... Мне надо пойти туда. Отпусти, иначе я умру.

Руки Карима опустились. С отчаянием он смотрел вслед девушке, не зная, что предпринять. Схватить и не пускать? А вдруг ей станет хуже?

Снежана между тем поднималась по лестнице. Она шла, никого не замечая. Карим плелся следом, пытаясь отыскать в своей памяти хоть что-нибудь, хоть какие-то знания, пригодные для борьбы с неизвестной напастью. Но память, как назло, молчала.

Они поднялись на второй этаж, где располагались кинотеатры и зал игровых автоматов.

Сеанса в этот час не было, не было тут и посетителей. За стойкой бара уныло курили бармен. Снежана шла так уверенно, как будто знала куда. Бармен оживился и проводил девушку заинтересованным взглядом, но ничего не сказал и не тронулся с места. Подойдя к двери, ведущей в кинозал, маах`керу рывком распахнула ее и вошла. Кариму ничего не оставалось, как последовать за ней.

– Эй, куда? – крикнул продавец, роняя сигарету, но с места не сдвинулся.

В зале царил темнота. Снежана шла между рядами кресел, приближаясь к экрану.

Карим включил подсветку телефона и, нервно оглядываясь, пытался хоть что-нибудь разглядеть. Внезапно он обо что-то споткнулся и со всего размаху полетел на пол. В следующий момент сверху на него навалились, заломив руки за спину.

– Что ж тебе все нейдет-то, доктор? – говоривший был скорее доволен, чем зол, он явно праздновал долгожданную победу над врагом. – Ну чего ты за ней таскаешься? Мохнатеньких любишь? – Сатра заржал, довольный собственной шуткой.

– Убери копыта! – мрачно сказал Карим.

– Рога себе обломай! – загоготал сатра, находившийся в отличном расположении духа. Потом крикнул кому-то: – Леха, выводи ее через зал автоматов, я сейчас...

– Давай, не возись! – откликнулся невидимый Леха.

Сидевший верхом на Кариме «зеленый» в два счета связал травматологу руки, а потом и ноги.

– К тебе у нас нет особых претензий, – миролюбиво пояснил он. – Полежи пока здесь, отдохни. Мы уж как-нибудь без тебя справимся.

– Зачем вам девушка? Что вы собираетесь с ней делать? – стараясь, чтобы голос прозвучал как можно спокойнее, поинтересовался Карим.

– Да ничего с ней не случится, обменяем на... и вообще, это не твое дело! – спохватился сатра. – Ну все. Бывай, демократ.

Сатра поднялся и поспешил к выходу.

– Гиппократ... – машинально поправил Карим.

«Обменяют? А это уже интереснее», – подумал он.

– Да какая, на фиг, разница? – донеслось издалека. – Хоть гиппопотам.

Карим остался лежать на брюхе в темном кинозале.

«Надо было спросить, чем это они приманили Снежану», – запоздало подумал травматолог.

Досадуя на собственную глупость и нерасторопность, он попытался пошевелиться. Со второй попытки ему удалось перевернуться на бок, потом на спину. Это оказалось ошибкой: подняться из такого положения для человека, не занимающегося спортом, практически невозможно.

Сесть – да, что Карим и сделал. Встать – нет.

Шло время. Сейчас сатра уже, наверное, уволокли Снежану неизвестно куда. То есть – почему неизвестно? Как раз известно – в машину, а потом в Зеленоград. Карим почувствовал, что начинает злиться.

Он испытывал подобное чувство редко. Можно даже сказать – он вовсе никогда не злился. Сердился, бывал раздосадован, огорчен. Нечасто – обижен... Но настоящей злости, пожалуй, не переживал никогда.

Но все когда-нибудь бывает в первый раз.

Сатин рванулся изо всех сил, но веревки оказались слишком крепкими.

Оставалось применить магию – но и это непросто будет сделать.

– Тьфу ты, фак-келы ада! – наконец выругался Карим, злясь сам на себя и на подлого сатра.

Он перевернулся и встал на колени, потом, навалившись корпусом на сиденье, кое-как поднялся. Но сделать хотя бы один шаг, даже подпрыгнуть, со спутанными ногами все равно было нереально. Карим опустил в кресло, лихорадочно соображая, как поступить. Ползти? Чудесная будет картина, когда он появится в таком виде из темного кинозала. Да и чем он тогда поможет Снежане? Смех, да и только.

Карим сполз на пол, подтянув согнутые в коленях ноги к животу. Единственный способ освободиться – сотворить немножко огня и пережечь веревки.

Иногда знания не так уж и нужны, нужно просто везение. Ну что с того, что Карим знал, откуда в его организме берется энергия? Да, ее вырабатывают митохондрии. Но как выудить хотя бы одну завалиющую толстенную митохондрию и заставить ее поджечь веревки?

Карим напрягся, изо всех сил всматриваясь в узел, которым были затянуты путы на ногах. Смотреть надо, не отрываясь. Обычно рекомендуют представить огонь – но здесь надо не просто представить, его надо как-то перебросить.

Карим смотрел, смотрел на этот узел, он уже злился на этот узел, он просто ненавидел его, мысленно насылая на него все пламя всех пожаров, но тот все не загорался, даже тлеть не думал.

И только когда воображение нарисовало огненный смерч, узел вспыхнул ярко-алым пламенем, так, что прогорели штаны, да еще Карим получил пузырящиеся ожоги над лодыжками. По шкале эмоций его состояние можно было бы обозначить как «ярость», зато он был свободен.

Испытывая острое желание подвергнуть пленившего его сатра медленной и мучительной смерти, Карим бросился вон из кинозала, морщась от боли. Веревки на руках он разорвал без всяких заклинаний, если только не считать магией свежеразогретую ярость.

«Зеленых» он догнал уже возле катка – им приходилось идти достаточно медленно: один из них вел под руку уже ничего не соображавшую Снежану. Карим налетел на них и свалил провожатого девушки ударом в ухо.

Если травматолог и не был спортсменом, то немощью тоже не отличался.

Второй сатра обернулся и бросился на Карима. Сцепившись, они покатались по полу. Без всякого морoka. Без иллюзий, без защитных заклинаний. Кое-кто из оказавшихся рядом людей заспешил прочь, кто-то, наоборот, подошел поближе, чтобы посмотреть.

«Фигуристы» с интересом толпились у края катка, превратившись в зрителей. Кто-то

звал милицию. Снежана безучастно сидела на полу. А дейвона-полукровка и подающий надежды маг-сатра, словно два тривиальных «коричневых», не видящих сквозь Пелену, грубо и примитивно били друг другу морды.

Хозяева торгового центра появились внезапно.

Незаметно подошли два лысых двухметровых охранника с огромными крыльями за спиной и выражением лиц, как у алебастровых статуй. Дерущихся они разняли одной вспышкой. Затем вокруг словно появилась прозрачная стена – заклинание «воздушный колокол».

Посетители магазина по ту сторону от нее вновь занялись своими делами, словно забыв о только что происходившей тут драке. Снежана, наоборот, пришла в себя и в недоумении поднялась с пола, тараща глаза на алебастровых пришельцев и сатра.

– Пока действует изолирующее заклинание, – холодно начал один из крылатых, – вам лучше быстро объяснить, по какому праву вы устроили беспорядок на принадлежащей нам территории.

Карим, Снежана и сатра заговорили одновременно, перебивая друг друга.

– Стоп! – поднял руку старший элохим. – Вранье. Кто так бесцеремонно колдовал здесь? Кто использовал «зов тайги» и сигнальную нить?

Карим не без злорадства взирал на «зеленых».

– Я, – нехотя признался драчливый сатра. Очевидно, в паре он был главным. – Исключительно по необходимости!

– Ты Ксенфа? – спросил второй элохим.

– Акалон, – буркнул «зеленый», вытирая ладонью кровь с губы.

Элохим, как по команде, нахмурились.

– Москвичи?

– Зеленоград.

– Ну и сидите в своем захолустье, – высокомерно произнес первый элохим. – Никто не давал вам права распоряжаться чужой территорией как своей собственной. Чего вы сюда полезли?

Сатра ничего не ответил, лишь зло посмотрел на элохим – очевидно, тот наступил на большую мозоль.

– Что у вас за ожоги? – невозмутимо спросил «белый», не глядя на Карима, лишь слегка поведя рукой в его сторону.

Снежана, только сейчас взглянув на ноги своего спутника, хмыкнула.

– Обжегся заклинанием, – буркнул травматолог.

Момент был упущен – он так ничего и не сказал.

Элохим переглянулись.

– Разборки устраивайте за пределами Химок, – сказал старший из них все тем же бесцветным голосом. – А сейчас убирайте все ваши творения и уходите, сатра.

«Воздушный колокол» исчез. «Зеленые» повернулись и молча потопали убирать «сигнализацию», понимая, что легко отделались.

– А нам... можно задержаться? – устало спросил Карим.

– На нейтральной территории, – ответил элохим, после чего они оба развернулись и ушли, считая, очевидно, инцидент исчерпанным.

– Пойдем шоколад кушать, – криво усмехнулся травматолог.

Сеть кофеен, на эмблеме которых красовалось кофейное зерно в шляпе-котелке и в пенсне, действительно считалась для всех магов и чужих-немагов нейтральной территорией. Ее хозяином был обычный человек, к миру за Пеленой никоим образом не причастный.

Посетителей привлекал сюда в первую очередь уютный интерьер, маленькие столики, тихая музыка – словом, камерная атмосфера. Сюда приходили в основном посидеть, поговорить, посмотреть друг на друга, выпить кофе... А вот те, кто действительно собирался хорошо поесть, заглянули бы сюда в последнюю очередь. Но у Карима и Снежаны не было выбора.

Кое-как обмотав одну ногу носовым платком, найденным в кармане материнской куртки, а ожогу на другой, чуть меньшему по размеру, предоставив подсыхать самостоятельно, Карим выбрал самый дальний столик в зале для некурящих и поспешил забиться в угол. Снежана, окончательно пришедшая в норму, проявила некое сострадание к его «ранам», чего травматолог от нее не очень-то ожидал.

Усевшись напротив Карима, она с сомнением оглядела кафе. Задержав взгляд на выставленных в витрине десертах, маах`керу скривилась так, словно ее напоили уксусом. Затем, процедив: «Я, между прочим, не завтракала вашей больничной пшенкой», – принялась листать меню.

Карим только сейчас заметил, что рисунок на ногтях Снежаны не одинаковый: луна проходит все фазы, от новолуния и тонкого серпа месяца до полнолуния.

– Да здесь же нет ничего! – заявила девушка, надув губы, как ребенок, которого обманули взрослые. – Булка с кунжутом? Кусочки курицы? Грибы какие-то, тьфу! Этим волчонка не накормишь.

Она отодвинула меню и скрестила на груди руки, свирепо глядя на Карима.

Он виновато вздохнул:

– Ну... Все ж лучше, чем ничего. Я вот тоже не позавтракал. Не успел. – Он улыбнулся как можно лучезарнее.

Подошел официант. Буркнув что-то по поводу геноцида, маах`керу заказала рулет с мясом, пирог с курицей, запеканку, бейгл с индейкой и простой черный чай. От кофе и шоколада отказалась наотрез, поразив официанта до глубины души. Карим остановился на грибном супе и неизвестном ему кулинарном шедевре под названием «панини с телятиной», чем вновь вызвал сочувственный взгляд Снежаны.

– Что там с тобой такое было? – спросил травматолог, ожидая, пока принесут хоть что-нибудь.

– Когда?

– Да пятнадцать минут назад. Мы сидели возле катка, ты говорила про источник, потом внезапно встала и пошла, как зомби. Я – за тобой, а ты мне: «Отпусти, а то я умру».

Кариму принесли вкусно пахнувший суп, и он нетерпеливо схватился за ложку.

Снежана подумала с полминуты и лишь потом ответила:

– Это, похоже, зов. Мерзкие сатра приманили меня зовом.

– Зов? – переспросил травматолог. – Я что-то слышал об этом, но в жизни не сталкивался. Дейвона никаким зовом уж точно не владеют.

– Где уж вам! – усмехнулась девушка. – Это только мы умеем. Хотя и сатра, значит, могут...

Принесли остальные блюда, и маах`керу на долгое время выпала «из зоны доступа». Кое-как утолив голод, она снова стала разговорчивой.

– Вообще, это у физиков надо спрашивать. Я в физике ничего не понимаю, знаю только, что для зова используются волны. Ну, какие-то там колебания. Звуки, например: музыка, шум ветра, дождь. Шуршание гальки... Или запахи. А что там используют сатра – не знаю.

– Запах... да, точно. Запах хвои был.

– Хвои? – удивилась Снежана. – Так это «зов тайги». Проклятые «зеленые», как же они узнали...

Она замолчала, закусив губу.

– Ух ты! Вспомнил. – Карим отставил пустую тарелку и принялся за бутерброд. – Элохим спросили: «Кто использовал «зов тайги»?»

– Еще и элохим? – почти закричала Снежана.

– Тихо! – шикнул Карим. – Развопилась тут. Мы же не в лесу.

Снежана замолчала, и на этот раз надолго.

Но то ли чай возымел на нее благотворное действие, то ли присутствие Карима заменяло собой успокоительное – мало-помалу расположение к ней вернулось.

– Расскажи с самого начала, что у тебя произошло, – попросил травматолог.

И маах`керу начала свою историю. Говорила она тихо, но быстро.

Их стая занимает в Москве район ВДНХ. Возглавляет ее хранительница закона – Дарина, она же – мать Снежаны. Источник один, очень крупный. Пару дней назад он внезапно начал гаснуть, а сейчас, видимо, иссяк окончательно. Как назло, в стае довольно много магов.

– «Как назло»? – оторопел Карим. – Да это же здорово.

– Здорово, здорово, когда есть энергия! – рассердилась маах`керу. – А когда «жрать» нечего, хоть вон беги. Кому нужен маг-пустышка?

– Ух ты. Вот вы и побежали, значит, – понял Сатин.

– Побежали, – кивнула девушка.

– А причину найти не пытались? – поинтересовался Карим.

Снежана снова разозлилась:

– Какая причина? Кто ее знает? Это у разбитой морды есть причина: по ней ударили! А источники, кто их разберет, кто на них может повлиять? Угас – и угас.

– Ну, может быть... – пробормотал Карим.

– В поисках решения Дарина советовалась со Станиславом. Это наш лучший маг. Он погиб. – Снежана потупилась.

Карим осторожно тронул ее за плечо, но маах`керу отдернула руку и продолжила рассказ.

Именно Станислав принял решение искать новое место. И почему-то именно в Зеленограде, хотя все знали, что здесь главенствуют сатра, с которыми маах`керу почти всегда на ножах.

– Я слышал, что маах`керу жили там раньше, до войны, – осторожно сказал Карим.

– Да, Станислав так и объяснил, – нехотя призналась Снежана. – Но ждать от сатра, что они уступят нам источник только потому, что наши предки когда-то полили землю, на которой он позже возник, своей кровью – это было наивно и слишком рискованно. И вообще самоубийство. – Это она сказала уже совсем тихо.

– Не все в этом мире прагматики, кто-то должен быть наивным и благородным, – убежденно произнес ординатор.

– Да какое там благородство, – отмахнулась Снежана. – Разве сейчас можно быть благородными? Мы тоже хороши, если подумать. Приперлись без предупреждения. Чего было ждать от сатра? Что поднесут нам колодец на блюдечке с синей каемочкой?

– С голубой, – машинально поправил Карим.

– Какая разница? На самом деле, я думаю, Станислав выбрал Зеленоград еще и потому, что тут Теодоракес, который поссорился с главой московских Акалонов и с тех пор связи с ними не поддерживает. Он точно знал, что помощи из Москвы им не будет, в случае чего. Но они и без помощи обошлись. – Она замолчала, насупившись.

– А как ты хотела... грохнуть Теодоракеса? – спросил Карим, догадываясь, что ей будет приятно об этом рассказать.

– О! – Снежана сразу порозовела. – Я случайно заметила его машину. Все молотили друг друга, а он в тачке сидел, понимаешь? Наблюдал. И тогда я подкралась и швырнула в них гранату. Я думала, они взорвутся к лешему, а они как-то выжили, – почти обиженно произнесла она.

«Добрая девушка. На редкость добрая и милая», – подумал Карим.

– Тебя ударило взрывной волной? – спросил он.

– Наверное, да, – пожала плечами девушка.

– Тебе повезло, что ты оборотень, – глядя в глаза Снежане, сказал травматолог. – Уроженца другой сферы убило бы.

– Только не элохим. И не «черного», – возразила Снежана.

– Ух ты! Элохим такой ерундой не балуются, – парировал Карим. – А слаш вообще нет ни до чего дела. Так что они не в счет. И вообще, не стоит тебе заниматься такими вещами,

это не женское дело.

– Гендерный шовинизм! – заявила Снежана.

– Нет. Просто разумный подход, – улыбнулся Карим.

– По-моему, мой разум тогда вообще отключился, – поморщилась Снежана. – Эмоции, эмоции, сплошные эмоции... – Она тяжело вздохнула и добавила: – И я не жалею.

– Ну и правильно. Что сделано, то сделано.

– Ну вот. Что было потом, я совсем не помню. Очнулась уже утром – спасибо тебе, кстати, – и поняла, что энергии никакой, связи с матерью нет, что случилось – неизвестно... ну, дальше ты знаешь. – Она допила остывший чай. – Слушай, и все-таки почему ты стал мне помогать? Отсыпался бы сейчас на уютном диванчике. А теперь сидишь в задрюканной кафешке, замученный, грязный, в ожогах весь и без всяких перспектив.

– Что, совсем без перспектив? – вырвалось у Карима.

Снежана слегка покраснела.

– Я не в том смысле. Я про то, что никто тебе не поможет. Даже свои.

– Об этом подумаем позже, – вздохнул Карим.

В кофейню вошли трое: статная черноволосая женщина, напоминавшая Снежану, но гораздо красивее ее, и два коротко стриженных молодых человека, похожих друг на друга, как близнецы. Девушка вскочила и бросилась женщине на шею.

Карим узнал Дарину, вокруг мужчин различил еле заметную зеленоватую ауру.

Внезапно он вспомнил, что устал и что предстоит нелегкое объяснение дома, а может быть, и что-нибудь похуже, и снова ощутил притихшую было боль от ожогов... Приключение закончилось, пора было возвращаться в реальный мир.

Снежана вместе с матерью и братьями – в том, что это были ее братья, травматолог ни минуты не сомневался – подошли к столику, за которым сидел Карим. Тот машинально поднялся.

– Мама, это мой спаситель дейвона, – серьезно сказала Снежана. – Он все знает, ему можно доверять.

– Здравствуйте, дейвона, – улыбнулась хранительница.

– Здравствуйте, Дарина, – ответил Карим внезапно севшим голосом.

От этой женщины-маах`керу исходило ощущение силы, пугающей, но одновременно завораживающей, и Сатин не сразу сообразил, что просто стоит и разглядывает ее. Он понял это и смутился.

Дарина усмехнулась и обратилась к дочери:

– Не могу понять, почему так долго не было связи. Мы даже не знали, где ты, девочка моя. И тут приходит сигнал... – Дарина покосилась на Сатина.

– Он видел амулет, мам, – вздохнула Снежана.

– Вы настолько сильный маг, молодой человек? – изумилась хранительница закона.

– Н-нет, – замялся Карим. – Я неплохой врач, надеюсь. Я делал вашей дочери операцию. Амулет обнаружил себя, когда Снежана была под наркозом.

– Вот оно что, – спокойно сказала Дарина. – Расскажите же мне все, дети.

Она уселась за столик, братья-маах`керу устроились за соседним. У тут же подлетевшего официанта попросили три чашечки капучино, чтоб просто отвязаться. Других посетителей в кофейне не осталось, но все равно говорили тихо.

Хранительница закона выслушала их историю молча, не перебивая. Трудно было понять, какие чувства она испытывает. Когда Снежана, временами дополняемая Каримом, закончила, ее мать внимательно посмотрела на Сатина:

– Карим, спасибо вам. Вы не просто несколько раз спасли моей дочери жизнь, вы рисковали всем – жизнью, здоровьем, магической силой, даже репутацией. Словом – всем. Маах`керу такого не забывают. Отныне вы наш друг. И если вам понадобится помощь, любая – а я боюсь, она вам скоро понадобится, – для вас мы сделаем все, что в наших силах.

Смущенный настолько сильным проявлением благодарности Карим не сразу нашел слова для ответа. Пока он собирался с мыслями, Дарина достала из кармана небольшой

плоский кожаный футляр и раскрыла его. Внутри обнаружились часы с большим циферблатом, в ремешок которых был вделан овальной формы камушек, похожий на кусочек янтаря.

Глаза Снежаны расширились.

Мать посмотрела на нее, как бы задавая вопрос, и девушка, подумав, кивнула.

– Вы ведь знаете, что это? – спросила Дарина.

– «Эхо маах`керу», – ответил Карим.

– Да, это амулет-эхо. Он принадлежал моему близкому другу. А теперь мы со Снежаной очень просим вас, Карим, принять его в подарок.

Сатин понял, что не стоит отказываться, и взял часы в руки – камушек блестел, освещенный падавшими в окно лучами солнца.

– Спасибо, – сказал он и хотел было убрать часы в карман.

Но Снежана запротестовала:

– Ну куда? Его надо носить на руке.

После недолгого прощания маах`керу вышли.

Карим посмотрел на часы и понял, что его давным-давно ждут дома.

Глава 6

Денис из клана Акалонов вышел из автобуса злой не на шутку.

Сначала его поисковая змейка вместо того, чтобы найти беглую девчонку, оказалась уничтоженной без толку. Затем он сам получил в нос от докторишки-«серого», а тот вместе с маах`керу удрал.

Денис собирался продолжить начатое, более не церемонясь с девчонкой и дерзким дейвоном, но все планы сорвал телефонный звонок. Пробубнив что-то, Денис достал из кармана пальто «Моторолу» и, распахнув ее, приложил к уху.

– Да, шеф, я слушаю. – Маг даже вытянулся по привычке, хотя Теодоракес не мог его видеть.

– Немедленно приезжайте в «Царское село»! Девчонку взяли? – Голос Теодоракеса был напряженным, чувствовалось, что он нервничает.

– Н-нет еще, шеф. Но я продолжаю...

– Пошлите кого-нибудь из младших магов, остальные нужны здесь и срочно! – почти прокричал Теодоракес.

– Понял. Еду! – ответил Денис и отключился.

Оба охранника уже очухались от непонятного обморока, один из них подогнал машину, оставленную неподалеку на стоянке. Залезая в свою «Ауди», маг набрал нужный номер.

– Алексей? Слушай внимательно. Сейчас к остановке «четырёхсотого» на Московском проспекте выйдут самка маах`керу и мужчина-полукровка дейвона. Их надо задержать...

Исключительно из-за срочного вызова начальства в погоню за Каримом и Снежаной отправились совсем не лучшие маги сатра. У возглавляемых Теодоракесом «зеленых» возникли другие проблемы, куда более серьезные, чем доктор Сатин и его пациентка.

«Царским селом» назывался пятый микрорайон Зеленограда.

Такое прозвище он носил потому, что в шестидесятые годы, когда район строился, его кирпичные двенадцатитажные башни считались элитным жильем. Селилось здесь в основном начальство – работники городской администрации, директора предприятий и школ, главврачи больниц, – а также сотрудники КГБ и органов внутренних дел, герои Советского Союза, академики, а позднее – бизнесмены.

Правда, некоторому количеству простых смертных из снесенных деревень удалось получить здесь квартиры, и даже совершенно на законных основаниях. Но их оказалось немного.

И даже спустя пятьдесят лет этот район, расположенный фактически целиком на территории лесопарка, оставался одним из самых дорогих в городе. Теодоракес тоже жил

здесь, рядом с почти всей остальной элитой Зеленограда.

Денис добрался минуты за три.

«Царское село» состояло из двух частей, разделенных лесопарковой зоной. Именно в этой зоне и находился источник.

Оставив одного из охранников в машине, маг в сопровождении второго охранника направился по дорожке в лес. Группу сатра он увидел еще издали, они стояли слева от тропинки, окружив пятачок, уставленный деревянными кормушками для птиц и белок.

Именно тут из земли обычно вырывался светящийся белый столб. Сейчас его не было.

Денис ускорил шаг, не веря своим глазам. Приблизился к понуро стоящим сородичам, и те молча расступились.

На месте источника на земле бледно-желтым светом сияло полуразмытое пятно. Вокруг пели птицы, пахло хвоей, под ногами шуршали прошлогодние листья, и только колодца больше не было.

Маг, с трудом оторвав взгляд от пятна, посмотрел на Теодоракеса. Тот стоял, скрестив руки на груди, с самым мрачным выражением лица.

– Ну-с, что вы думаете по этому поводу? – произнес Теодоракес.

– А остальные источники? – быстро спросил Денис.

Теодоракес кивнул:

– Хороший вопрос. Источник в парке Победы – в таком же виде. Остался самый маленький, на Черном озере. Его охраняют.

Денис достал из кармана платок и вытер пот со лба.

– Вряд ли это поможет. Источники появляются и гаснут произвольно. Но чтоб сразу два и в разных местах...

– И оба – у нас, заметьте, – угрюмо добавил Теодоракес.

– Вы думаете, это диверсия?

– А вот вы мне это и скажете! Есть же способы обнаружить следы чужих заклинаний?

– Да, разумеется.

– Что у вас с лицом?

Денис осторожно потрогал опухший нос и махнул рукой:

– Досадное недоразумение. Ерунда.

– Хорошо. Приступайте. О результатах доложите лично мне! – Теодоракес быстрым шагом ушел с поляны.

Рафаэль Маркаров был обыкновенным вампиром и возглавлял строительную компанию «Индастриал-строй-инвест».

Обитал он на двадцать седьмом этаже красной кирпичной башни, возвышавшейся посреди молодежно-жилищного комплекса, который сам же Маркаров и построил. Правильнее было бы называть его «золотым молодежно-жилищным комплексом», поскольку жили тут люди и не люди с очень хорошими деньгами.

МЖК отдельным островком располагался на юге Зеленограда. Добраться туда человеку, не имеющему личного транспорта, было крайне непросто, поскольку в МЖК ходил лишь один автобус номер двенадцать. Неподалеку возвышался Никольский храм, в котором прятался источник верог. В МЖК имелась своя – разумеется, элитная – школа, свой детский сад – естественно, специализированный. И вообще, каждый дом здесь походил больше на шедевр архитектуры, чем на обычное жилое здание.

Одни напоминали крепостную стену, другие располагались ступенчато, и каждый подъезд имел разное количество этажей. Третьи отличались арками, колоннами и прочими архитектурными причиндалами. Весь этот ансамбль дополняли ажурная беседка и фонтаны.

Надо ли говорить, что планировка в домах из красного кирпича была до того необычной, что человеку, попавшему туда в первый раз, например участковому врачу, долго приходилось плутать в коридорах, чтобы отыскать там хотя бы лифт. И уж, конечно, – в каждом холле сидела консьержка, всякая дверь запиралась на кодовый замок.

Неподалеку располагался пансионат «Никольский парк», по сути, являвшийся элитным

домом престарелых. Оборудован он был по последним европейским стандартам и больше походил на дорогой отель, в котором имелись, в том числе, и все приспособления для того, чтобы облегчить жизнь человеку в инвалидной коляске. Вот только попасть туда мог лишь очень хорошо обеспеченный инвалид, поэтому «Никольский парк» никогда не был заполнен больше чем наполовину.

Утро у Рафаэля началось как обычно.

Маркаров выехал на объект – надо было наведаться на стройплощадку в деревне Кутузово, которая находилась на территории Зеленограда, официально являлась его частью и где еще оставались упорные жители семи домов, никак не желающие освободить место для коттеджного поселка. Хотя все вокруг давно уже было изрыто котлованами, возле которых стояли фургончики гастарбайтеров.

Когда черный «Вольво S80» Рафаэля поравнялся с Никольским храмом, Маркаров ощутил беспокойство. Повернув голову вправо, верог чуть не выпустил руль: над куполами не вздымался, как обычно, белый энергетический столб. Маркаров резко затормозил, сзади оглушительно засигналили. Опомнившись, верог кое-как прижался к обочине, а затем, пропустив вереницу машин, развернулся в неположенном месте и повел машину к храму. Припарковался и почти бегом устремился к крыльцу.

Службы в этот час не было, батюшка был чем-то занят, девушка из киоска, где продавались свечи и иконки, мирно дремала, и Маркаров стоял перед алтарем совершенно один.

Колодец, которым он привык пользоваться, потух.

Забравшись с ногами на обшарпанную тахту и распечатав огромный пакет чипсов, мастер включил телевизор.

Пресс-конференция шла в прямом эфире, на экране в креслах восседали трое представительных мужчин, в костюмах, при галстуках, с серьезными лицами.

– Господа, – начал сидевший в центре грузный брюнет, – большое спасибо, что вы пришли на нашу пресс-конференцию. Для начала я хотел бы познакомить вас с ее участниками. Моя фамилия Слюсарь, я генеральный директор акционерного общества «СКБ «Горизонт». Слева от меня...

Всех их мастер знал по именам. Все они были людьми.

– ...И наконец, Артем Сатин, ведущий конструктор.

При этих словах мастер презрительно фыркнул и засунул в рот горсть чипсов.

– Вот уже тридцать лет мы являемся единственным предприятием в стране, занимающимся разработкой оптико-электронных систем защиты бронетанковой и авиационной техники от всех видов ракет с инфракрасными головками самонаведения... – Сатин говорил, краснея и волнуясь.

Мастер решил сходить на кухню и включить чайник.

Всю историю конструкторского бюро он знал наизусть, как и суть самого проекта, в который вложил немало усилий. Этот человек, Артем Сатин, только недавно получивший должность ведущего конструктора и начальника лаборатории, не ушел бы далеко без него, скромного инженера Рас-Села.

Налив в чайник воды, мастер включил его и мимоходом глянул в окно.

По соседскому участку земли ездил асфальтоукладчик.

Увидев его, Рас-Сел довольно улыбнулся. Прошло всего несколько дней, как он надоумил соседа отправить президенту письмо с фотографией своего дома и двора, целиком занятого огромной ямой с водой, вырытой строителями, и подписью: «На конкурсе «Московский дворик-2010» мой участок займет первое место, потому что на нем есть котлован, круглые сутки заполненный водой. Купаться можно бесплатно, спасибо строительной фирме». По всему выходило, что письмо дошло до адресата: яму не только закопали, но даже закатали асфальтом.

Чайник вскипел.

Налив в огромную синюю пиалу кипятка и крепкой пахучей заварки, мастер вернулся в

комнату.

Говорил опять Слюсарь:

— ...Для выполнения дальнейших заказов Министерства обороны, связанных с перевооружением Российской армии, мы планировали развернуть массовое производство в Солнечногорском районе...

Рас-Сел вновь непроизвольно глянул в окно.

Вот она, эта земля. Всего в нескольких десятках метров от деревни Кутузово территория уже не принадлежит городу. Там начинается Солнечногорский район. Когда-то этот участок хотели отдать под строительство информационного центра.

Даже успели возвести несколько корпусов. Но не сложилось. И вот теперь...

— ...На здания, где предполагалось организовать производство, претендует торговый комплекс «Зеленый город».

Худенькая шатенка опередила коллег:

— Юлия Рыжикова, газета «Сорок один плюс». Не идет ли речь о рейдерстве?

— Безусловно! — кивнул Слюсарь. — Имела место прямая подделка основных документов, предоставлявшихся в суд и налоговые органы...

За окном загрохотало, так что мастер поспешил выключить телевизор и выглянул на улицу.

Начиналось очередное светопреставление.

Утром бизнесмена Александра Александрова, как всегда, разбудила громкая музыка.

Его недавно построенный дом находился в опасной близости от Дворца творчества детей и молодежи, бывшего Дворца пионеров. Там каждое утро какая-то особенно рьяная секция проводила зарядку под бодрые песни второй половины прошлого века.

На сегодня не было назначено никаких важных встреч и деловых переговоров, поэтому, накрыв голову подушкой, бизнесмен предпочел досмотреть сон.

Проснулся он к полудню и начал вспоминать предыдущий вечер, морщась от головной боли. Вчера он решил отметить удачное заключение сделки на полную катушку, так что в его двухэтажном кирпичном особняке собрались гости, пожаловал даже Маркаров. Впрочем, они разъехались относительно рано, оставив Александрова в компании рыжей вертлявой девицы и целой батареи бутылок с «огненной водой».

Александров, бывший по крови джинна, не любил ни детей, ни альвов, облюбовавших расположенный по соседству Дворец творчества, это пристанище культуры, но в остальном место ему нравилось.

Добровольное садоводческое товарищество инженерно-технических работников «Трамвай», где он за бешеную сумму выкупил участок, с двух сторон подступало к лесу. Частично оно строилось на месте старого поселка, но изрядный кусок был отхвачен у зеленого массива всего несколько лет назад. Говорили, что когда-то на этом месте был запланирован парк аттракционов, но те времена канули в Лету.

Александрову посчастливилось обосноваться в самом центре города и прямо в лесу, а этим мог похвастаться не каждый.

Восстановив в памяти эпизоды вчерашней гулянки, Александров обнаружил, что рядом с ним на диване лежит рыжеволосая красотка. Желая убедиться, что она не снится ему, джинна, затаив дыхание, провел ладонью по бедру девушки. Та сладко замурлыкала, но вдруг застрекотал мобильный.

— Ну какого дьявола! — ругнулся он, потянувшись за трубкой. — Александров слушает!

Девушка притихла.

— Какой источник, при чем здесь я, я ничего не понимаю! — пробурчал джинна, протирая глаза свободной рукой.

Голова гудела, никак не удавалось сосредоточиться на том, что ему говорят.

В трубке начали что-то горячо объяснять.

— Подождите... Как погас, почему? Гром и молния... Ну что вы там, без меня не можете, что ли, ничего?.. Еду, еду, хорошо.

Тряхнув головой, но еще плохо соображая, Александров слез с дивана. Нащупав ногой шлепанцы, не одеваясь, направился в ванную. Телефон он, повинуясь внутреннему чутью, захватил с собой.

Ванна была отделана блестящим черным мрамором, который нравился только ему одному, поскольку смотрелся ужасно. Гости, заходившие сюда, обычно недоуменно морщились.

Положив телефон на стеклянную полочку над раковиной, Александров, пошатываясь, влез в душевую кабину, едва не сломав перегородку. Воду он сделал как можно горячее, насколько хватало выдержки. Застонал от жара, быстро прибавил холодной и начал приходить в себя. В это время экран телефона, лежавшего за прозрачной – с одной стороны – перегородкой загорелся синим светом, а сам аппарат заерзал на месте. Номер не определился.

Высунув руку и голову из кабины, при этом наплескав на пол воды, Александров поднес мобильник к уху:

– Слушаю!

– Здравствуйте, Александр Романович, – подчеркнуто вежливо проговорил знакомый голос.

– Здравствуйте, Рафаэль Рудольфович.

– Вы знаете, что колодцы гаснут один за другим? Полагаю, ваш тоже?

– Да, мне только что звонили. Но я еще, честно говоря, не вникал...

– А вы вникайте. Вникайте побыстрее, дражайший Александр Романович. А то ведь без источников мы все здесь коковать начнем...

На этой ноте верог отключился.

Александров выбрался из кабинки и отправился одеваться.

Карим вернулся домой под вечер.

Мать встретила его в фартуке, руки ее были в муке. Едва Карим успел снять ботинки и куртку, она, кое-как вытерев руки, отозвала его в комнату и плотно прикрыла дверь.

Брови женщины-дейвона были нахмурены, на лбу залегла глубокая складка.

– Что случилось, мам? – обеспокоенно спросил Карим. – У отца неприятности?

– С отцом все хорошо, сидит за компьютером, как всегда, – сурово произнесла женщина. – Расскажи мне, что ты натворил.

– Что именно ты хочешь знать, мам?

Карим чувствовал себя неловко. Мать не садилась, и он не смел присесть и бестолково торчал посреди комнаты. Ожоги саднили, хотелось ими заняться, но мать ждала от него ответа.

Хотя, он готов был поклясться, ожоги она заметила.

– Это правда, что ты дрался с сатра?

– Да, правда. Я защищал женщину, это было необходимо.

– Маах`керу! – уточнила мать.

– Да, маах`керу. Ту самую маах`керу, Снежану из стаи Серохвостов с ВДНХ. Она оказалась дочерью хранительницы закона.

– Сын, это не наш закон. Не наш клан. И даже город не наш.

– Я знаю, мам. Но неужели ты хотела бы, чтобы твой сын оставил на растерзание этим... «зеленым» несчастную девушку?

– Садись, – смиловилась мать.

Карим присел на краешек дивана, женщина опустилась на стул напротив.

– В Зеленограде погасли все источники.

– Как? – вырвалось у Карима.

– Еще ночью и сегодня. Все, кроме одного из источников сатра. И это не может быть случайностью. Сатра подозревают, что виноваты маах`керу. И на тебя они очень злы, сын. Мать клана сердится. Она хочет говорить с тобой.

– Вот это попал я, – пробормотал Карим.

- Переодевайся и иди к ней! – потребовала мать.
- Сейчас, я только... Честно говоря, очень есть хочется. Хотя бы чаю...
- Нет. Мать клана ждет. Иди сейчас, она на дежурстве.

Карим вздохнул и, поднявшись, направился к выходу.

На сей раз он поехал на машине. Старенький, но любимый «мерин» цвета «черный металлик», на котором отец вернулся из Москвы, пришелся как нельзя кстати: тащиться на автобус не было никаких сил. На Центральном проспекте, возле самого круга, как и ожидалось, Карим попал в пробку. С досадой подумал, что надо было ехать по Солнечной аллее. Но внутреннее чутье подсказало: не стоит торопиться, нужно успокоиться, обдумать, что говорить матери клана.

Сатин знал, что не виноват в том, что источники угасли.

Скорее всего, ни при чем и маах`керу, хотя наверняка этого знать нельзя.

Карим взглянул на часы: девятнадцать тридцать. Мама не заметила амулет, увидит ли его мать клана? Может, лучше спрятать в карман, чтоб не привлекал внимания?

Но, с другой стороны, чего ему стыдиться?

Решив оставить часы на запястье, Сатин медленно тронулся: пробка рассосалась.

Не доезжая до Крюковской площади, он выбрался на путепровод и через несколько минут был уже в новом городе. При съезде с моста тоже пришлось постоять, ожидая поворота направо. Сатин начал нервничать.

А что, если мать клана не поверит в его непричастность? Чем это может грозить?

Повернув автомобиль, Карим пересек восемнадцатый микрорайон, затем сделал еще один поворот, уже налево. По правую руку потянулся четырнадцатый, туда Сатин и направлялся, снова выбрав самый длинный путь – через город, хотя можно было объехать кругом, вдоль железной дороги.

На окраине, за пожарной каланчой, два года назад построили роддом. Именно к закрытому шлагбауму, ведущему на его территорию, и подъехал травматолог. Охранник-дейвона высунулся из будки, Карим показал ему медальон. Охранник молча кивнул и поднял шлагбаум.

Родильный дом был огромен. Площадью и размерами корпусов, соединенных круглой галереей, он превышал целый больничный городок в седьмом районе, где работал Карим. В его внутреннем дворе можно было построить несколько внушительных жилых домов.

Травматолог вошел через отделение патологии, предъявив акушерке-дейвона все тот же медальон. Его отвели в санпропускник и, ни о чем не спрашивая, выдали чистую белую «пижаму», одноразовые бахилы, шапочку и маску. Затем акушерка проводила его по лестнице на третий этаж и молча указала на вход в галерею.

Дальше Карим шел один, и его шаги гулко отдавались в пустом коридоре.

Так он добрался до соседнего корпуса, где находился родильный блок. Взад-вперед по отделению прохаживались беременные: кто-то молча, кто-то, издавая тихие стоны, кто-то и не очень тихие.

Увидев мывшую полы пожилую санитарку не из дейвона, Карим поздоровался и назвал ей человеческое имя матери клана. Та ответила, что доктор сейчас в родильном зале, и посоветовала Сатину подождать в ординаторской.

Травматолог вошел в пустое темное помещение и включил свет.

Просторная ординаторская вмещала пять столов с компьютерами, шкаф во всю стену, диванчик, две широкие банкетки, телевизор и кондиционер. Плюс два фантома, изображавших женский таз с тряпичным «младенцем» внутри. Этот роддом, самый большой в Европе, строился в рамках программы по улучшению демографической ситуации, которую в обиходе называли «Рожай – не хочу». Но о старом женщины почему-то говорили с гораздо большей теплотой.

Увлечшись собственными мыслями, Карим не сразу заметил, как открылась дверь и мать клана вошла в ординаторскую. Он скорее почувствовал это, чем услышал, и резко обернулся.

Матери клана было много лет, она казалась Кариму древней, почти вечной, что придавало ей сходство с духом. Очень усталым духом – она только что принимала роды. Лицо ее густо покрывали морщины, но живые зеленые глаза выглядели молодыми.

– Добрый вечер, почтенная мать, – произнес Карим, слегка поклонившись.

Своего голоса он не узнал.

– Здравствуй-здравствуй, Карим, – усмехнулась женщина. – Ты навлек на всех нас неприятности. И очень огорчил меня.

Сатин покраснел. Пока он собирался с ответом, мать заговорила снова:

– Почтенные сатра просят изгнать тебя из города...

Карим раскрыл рот, но нужные слова не приходили. Он был слишком потрясен.

– ...и я намерена удовлетворить их просьбу.

– Как же так? – вырвалось у Карима. – А мои пациенты?

Мать покачала головой:

– Плохо, очень плохо. Плохо, что ты не подумал о них раньше, когда совершал свой безрассудный поступок.

Сатин молчал, но в его душе бушевала настоящая буря. Уехать? Сейчас? Оставить больных? Оставить родителей? Куда? Надолго ли?

Последний вопрос он произнес вслух.

– Пока все не уляжется, – невозмутимо ответила мать. – Или пока ты не сможешь доказать свою невиновность. На работе завтра возьмешь отпуск за свой счет. Я позвоню, тебя отпустят.

Карим подавленно молчал. Он ожидал чего угодно, но не изгнания.

Взявшись за ручку двери, мать клана на мгновение задержалась:

– Так даже лучше, мальчик. Найди, кто это сделал. Тогда мы тебя вернем.

Сказав это, она вышла, оставив Карима в одиночестве и в расстроенных чувствах. Ему ничего не осталось, как отправляться домой и готовиться к отъезду, но надо было еще придумать – куда.

Тем же путем он вернулся в патологию, переоделся и вышел из корпуса. Многоэтажная громадина осталась позади. Карим сел в свой «Мерседес» и поехал объясняться с родителями.

Уже стемнело, когда Рафаэль Маркаров прибыл в «Никольский парк».

Десятиэтажное здание пансионата издали вовсе не выглядело громоздким. Оно напоминало гостиницу где-нибудь в Альпах – точно такую, фотографии которых помещают на рекламных буклетах и которые так привлекают русских туристов, создавая ореол чистенькой ухоженной «заграницы». В пансионате светились все окна. Кроме того, вокруг горели фонари. Все эти световые пятна отражались в озере, над которым и стоял первый в России специальный жилой дом повышенной комфортности.

Оставив «Вольво» на стоянке, верог направился к ярко освещенному входу. Дежурная за стойкой – молодая девушка в брючном костюме цвета кофе с молоком – приветливо улыбнулась.

Обычно принято было звонить и договариваться о визитах заранее, но у Рафаэля был очень насыщенный день, и он попросту забыл об этом. Верог подошел к девушке и не спеша произнес:

– Я бы хотел увидеть Маркарова Рудольфа Эдуардовича. Это можно сделать?

– Одну минуточку! – прошептала дежурная и перелистнула страницу журнала. Найдя данные, которые были ей нужны, девушка удовлетворенно кивнула: – Да, конечно. Ваш паспорт, пожалуйста.

Верог достал из внутреннего кармана пальто документ и молча положил его на стойку.

Дежурная мельком взглянула на фамилию и лицо владельца, такое же бледное, как на фотографии, и совершенно не изменившееся за десять лет. Вернув паспорт Маркарову, девушка сняла трубку и набрала номер.

– Слушаю! – донеслось до Рафаэля.

- Маркаров Рудольф Эдуардович, – четко произнесла дежурная. – К нему сын.
- Он сейчас в бассейне, – ответили в трубке.
- Желаете подождать? – осведомилась девушка у Маркарова.
- Да, я подожду, – медленно ответил тот.
- Родственник подождет. Предупредите пациента.

В трубке ответили, и разговор прекратился.

Рафаэль не видел отца четыре с половиной года, с момента открытия пансионата, да и в тот день они почти не общались. Накануне старый верог позвонил сыну, о котором никогда не вспоминал, и неожиданно сообщил, что хочет жить в «Никольском парке». Рафаэль помог ему попасть туда и регулярно вносил плату. В этом и заключались все их родственные отношения.

– Вы можете пройти в библиотеку, в зал для встреч или подождать вашего отца у него в номере, – прервала его мысли дежурная.

– Я подожду в номере, – произнес верог.

Чем меньше будет свидетелей разговора, тем лучше.

– Второй этаж, номер двести пять.

Дежурная выдала гостю магнитную прокси-карту, и верог, прошедевровав к лестнице, поднялся на второй этаж.

В коридоре было чисто и тихо, на полу лежала бежевая ковровая дорожка, в холле стояла мягкая мебель, шахматный стол и телевизор с плоским экраном.

Номер двести пять располагался напротив холла. Он был просторным и уютным и больше напоминал квартиру – кроме двух комнат, большой лоджии, прихожей и ванной имела еще кухня. Компьютер на столе был включен и, судя по изображению на мониторе, соединен с Интернетом.

Маркаров не успел толком осмотреться, как замок щелкнул и в номер въехало инвалидное кресло. В нем сидел очень бледный старый верог, глаза его были прикрыты. Отец Рафаэля прекрасно мог передвигаться, не нуждаясь в инвалидной коляске. Просто большую часть времени он спал. Кресло везла молодая девушка-компаньонка, ухаживающая за инвалидом. Хотя какой уход требовался совершенно здоровому отцу, Рафаэлю оставалось только догадываться.

Но старый верог так захотел.

– Здравствуй, отец, – негромко сказал Рафаэль.

Старик открыл глаза.

– Привет, сынок. Чего тебе понадобилось?

– Я вас оставляю, – улыбнулась девушка, закатив кресло в комнату, и удалилась, напомнив про кнопку срочного вызова на стене.

– Отец, я пришел посоветоваться, – произнес Маркаров-младший, как только дверь за компаньонкой закрылась.

Старший вампир недоверчиво крякнул:

– Да? Интересно. Прежде тебе не требовались мои советы.

– Времена изменились, отец, – Рафаэль уселся на застеленную кровать. – В городе чрезвычайное происшествие. Внезапно погасли источники.

Старый вампир поднял брови:

– Все двенадцать?

– Одиннадцать. Один из трех источников сатра пока действует, но надолго ли?

– И что ты хочешь спросить у меня? – лениво поинтересовался старик.

– Что делать, отец?

– Я бы поискал места получше, – буркнул старый вампир.

– Но у меня здесь бизнес. Связи.

– Заведешь в другом месте, жизнь – длинная штука.

Казалось, что верог-отец действительно не видит в происшествии ничего такого, о чем стоило бы беспокоиться.

– Я подумаю, – сказал Рафаэль после паузы. – Но отчего это могло случиться?
– Ищи, кому выгодно, – безразлично ответил старый верог.
– Из местных точно никому. Ведь все остались без энергии. Сатра грешат на маах`керу, но я не верю, что оборотням такое под силу.

– А сами «зеленые»? Ты сказал, у них остался источник.
– Сатра как раз не очень выгодно оставаться без союзников, – с сомнением пробормотал верог. – Кроме того, они в такой ярости... Сомневаюсь, что это сделали маги Теодоракеса.

– Ищи врагов, найдешь причину, – буркнул старик. – Все, мне спать пора. Пока, сынок!
С этими словами старик закрыл глаза и моментально уснул.

Рафаэль поднялся с кровати, чуть наклонил голову и вышел за дверь.

Поднимаясь по лестнице к своей квартире, Карим замедлил шаг.

Сейчас он войдет – и придется объясняться с матерью, признаваться в том, что его изгнали из города. Перед дверью Сатин остановился, уперся лбом в прохладный дерматин. Вдруг навалилась усталость, с ней пришло ощущение того, что он совершил непоправимую ошибку.

Такое Кариму уже пришлось однажды испытать, когда у него на столе умер пациент. Это случилось на второй день его самостоятельной, без куратора, работы. Пожилой мужчина попал в аварию и получил несовместимые с жизнью травмы. И хотя все отделение хором убеждало молодого доктора, что его вины в случившемся нет никакой, ощущение безнадежной ошибки осталось.

Стараясь сбросить непрошеное наваждение, Карим встряхнулся, достал ключ и отпер дверь.

В прихожей было темно, но где-то в глубине квартиры горел тусклый светильник. Отец уже лег спать, мать, волнуясь, ждала сына с разогретым ужином.

Карим молча снял и повесил куртку, разулся, прошел в ванную мыть руки: начинать разговор ему не хотелось, отвечать на вопросы – тем более.

Он нарочно долго возился в ванной, чтоб оттянуть неприятный момент. Тщательно намыливал ладони, долго держал их под струей. Потом полез в шкафчик над раковиной, достал стерильные салфетки, пластырь и занялся, наконец, ожогами. Только после этого он выбрался из ванной.

Когда Карим вошел на кухню, мать звенела посудой. Он, все так же молча, сел за стол, и женщина-дейвона поставила перед ним полную тарелку. Что именно он ест, Карим даже не заметил, у него из головы не выходило суровое морщинистое лицо матери клана.

Его собственная мать тоже хранила молчание.

Когда он опустошил тарелку, она убрала ее, поставив перед сыном большую чашку чая. Запах бергамота привел Карима в чувство.

– Мам, – сказал он, подняв на нее глаза. – Меня выгнали из Зеленограда.

Женщина, тихо охнув, опустилась на стул и уронила на колени руки. С минуту они просидели, не двигаясь и не произнося ни слова: Карим перед чашкой горячего чая, его мать – напротив, с состраданием глядя на сына.

– Мать клана сказала: этого требуют сатра.

Лицо женщины-дейвона прояснилось:

– Мать клана просто не хочет идти на конфликт. Что еще она сказала?

– Она хочет, чтоб я выяснил, из-за чего погасли источники, – вздохнул Карим, подперев ладонью голову.

Женщина задумалась.

– Кто же может знать это? – пробормотала она.

Карим машинально стал прихлебывать чай.

– Разве что, – произнесла мать, поднимаясь, – тебе попытаться поговорить с братом твоего деда...

Она поспешно вышла из кухни.

– Ух ты! У деда есть брат? – крикнул вслед ей Карим.

Женщина вернулась, держа в руках потрепанную записную книжку.

– Конечно, сын. В их семье пять сестер и двое братьев.

– Про сестер я знаю, – кивнул Карим. – А вот про брата не слышал ни разу.

Мать перелистывала страницы записной книжки, вглядываясь в неразборчивые строчки.

– Он поссорился с семьей и ушел из дома. Очень горячий был в молодости, – сказала она. – Мой отец – твой дед – почти не поддерживал с ним отношений. Но адрес мне на всякий случай оставил.

Карим удивленно хмыкнул.

Мать вырвала листок из записной книжки и подала сыну.

– Он живет в Москве, метро «Петровско-Разумовская».

– Не так уж и далеко... – машинально отметил Карим, сложил листок пополам и сунул в карман брюк. – А почему ты думаешь, что он может что-то знать?

Мать взяла со стола пустую чашку, отнесла к раковине, открыла воду и, не торопясь, вымыла. Только поставив чашку в сушилку, она обернулась, чтобы ответить:

– Отец говорил: дядя всегда был умным. Слишком умным. Он понимал то, о чем другие не догадывались. Это всех пугало.

– Он – провидец?! – воскликнул Карим.

Мать на секунду задумалась.

– Судя по рассказам твоего деда, – медленно произнесла она, – пожалуй, нет. Он всего лишь очень проницательный дейвона. И очень образованный. А больше я ничего не знаю. Возможно, он подскажет тебе, что делать.

Она замолчала, потирая подбородок. Вернулась к столу и села, поставив локти на клеенку.

– А вот провидцы, сынок... – Женщина перевела невидящий взгляд на стену. – Провидцы, они... странные. Есть в нашем городе одна провидица, но...

– Так скажи мне скорее, где она живет! – воскликнул Карим.

Мать с сомнением посмотрела на сына:

– Она не совсем нормальная, сынок. Я ей не доверяю. Чужая она. – Женщина потупилась.

– Ну... – Карим развел руками. – Если будет говорить явный бред, я не стану ее слушать, только и всего. – Он улыбнулся.

– Ты у меня разумный, – улыбнулась в ответ мать. – Хоть и горячий. Совсем как твой двоюродный дед. Хорошо, я скажу тебе адрес провидицы, записывай: улица Заводская, дом четыре «А», квартира...

– А как ее зовут? – спросил Карим, зафиксировав данные.

Мать наморщила лоб:

– Имя у нее какое-то... Не то Арина, не то Кристина... Не помню, сынок. – Она виновато улыбнулась.

– Ладно, мам, разберусь.

– Скажи, что твоя фамилия Сатин, – тихо добавила женщина. – И она тебя примет, даже если ты не знаешь ее имени.

– Да? – удивился Карим. – Почему?

– Не спрашивай.

Мать встала и вышла из кухни.

Карим пожал плечами и отправился в спальню звонить Илье.

Плотно закрыв за собой дверь, он снял с телефона трубку и набрал городской номер Скоробогатова. Ответили сразу же:

– Алло, да!

– Привет, это я.

– О, серый, это опять ты! Ну что, пригодилась инфа про амулетик?

В трубке шуршало, звук иногда пропадал, и Илью слышно было с трудом.

– Пригодилась, пригодилась, – со вздохом ответил Карим. – Слушай, у меня теперь к тебе дело поважнее. Точнее – просьба...

– Для тебя – все, что хочешь! – горячо заверил его Илья, но тут же уточнил: – Кроме однополый любви.

– Тьфу!

«Вот паразит», – усмехнулся Карим про себя.

– Ну, выкладывай, что там у тебя, – раздалось в трубке.

Звук наконец наладился, было слышно, как Илья стучит по клавишам.

– Во что играешь? – осведомился Карим, собираясь с духом.

– Да ерунда, монстров мочу. Ну, чего мнешься? Денег надо? У меня сейчас как раз есть. Сколько тебе?

– Да нет, – решил Карим. – Ты меня пожить непустишь? Недельки на две?

Илья перестал терзать клавиатуру.

– Ты серьезно? – с радостным недоверием спросил он.

– Абсолютно.

– Конечно, о чем разговор! – завопил Илья. – Я и подумать не мог, что ты бросишь свою богадельню...

– Это не богадельня, – перебил его Карим. – Это городская больница.

– Я и говорю, – ничуть не смутился Илья. – Приезжай прямо завтра. Я тут уже со скуки помираю, от одиночества сам с собой разговаривать начал. Сижу, понимаешь, в четырех стенах...

– Ты же на работу ходишь. Там же люди. Ну, или не люди, – тише добавил Карим.

– Это не люди! – закричал Илья. – Это даже не нелюди. Это юзеры! Лузеры! Ламеры! Как они меня достали!

– Все понял, – усмехнулся Карим. – Спасибо тебе. Говори адрес.

Под диктовку друга Карим записал адрес на уголок того же листочка из записной книжки, где были нацарапаны координаты его двоюродного деда и ясновидающей. Листок он положил обратно в карман.

– Тебя во сколько ждать завтра? – осведомился Илья.

– Часиков в десять.

– Угу. Ладненько, давай, до завтра.

– Пока, увидимся.

Карим положил трубку, облегченно вздохнув, – хотя бы одна проблема решена.

Послышался осторожный стук в дверь.

– Входи, мам, – отозвался Карим.

Женщина-дейвона неслышно вошла в комнату и прикрыла дверь.

– Я договорился с Ильей, поживу у него пока, – улыбнулся Карим.

– Очень хорошо, сынок. Илья – чудесный мальчик.

– А где мне брать энергию в Москве, мам? Наверняка скоро понадобится... – Сатин пытливо посмотрел на мать.

Та на секунду задумалась.

– Попробуй купить у «желтых» из клана Наррхов.

– А что мы отцу скажем? – вдруг спохватился Карим.

Мать вздохнула:

– Скажем, что тебя направили на учебу, ездить надо к восьми утра, куда-нибудь в Юго-Восточный округ, опаздывать ни в коем случае нельзя, поэтому ты решил пока пожить у Ильи.

– Который сам живет в Северном, – закончил Карим, усмехаясь.

Мать махнула рукой:

– Отец не помнит, где живут твои друзья. В случае чего скажем: переехал.

– Тем более что он действительно недавно переехал, – согласился Карим.

Они с матерью проговорили полночи, одновременно собирая вещи. Среди прочего уложили и бутылку домашнего вина – для дяди Мансура, если все-таки выпадет необходимость повидаться с ним. После чего женщина пожелала сыну спокойных снов и отправилась спать.

Глава 7

Утро выдалось ветреным и хмурым.

Карим пришел в отделение рано и сразу направился в кабинет к заведующему писать заявление на отпуск.

Пересменки еще не было, постовые медсестры разносили градусники, больные не торопились просыпаться. Начальник уже сидел на работе, и, как всегда в это время, пока еще не началась каждодневная суета, – в относительно благодушном настроении.

Карим просунул голову в приоткрытую дверь.

– А, Сатин, – едва глянул на него заведующий, просматривавший истории болезни. – Проходите, раз пришли.

Карим поздоровался и вошел.

– Что ж это вы за пациенткой не уследили, а? – усмехнулся начальник. – Сбежала ваша Серова! И как только умудрилась? Ладно. Главный просил вас отпустить недельки на две. Зачем – я так и не понял. Что, так уж необходимо? – Заведующий искоса взглянул на Карима.

– Увы, – горестно развел руками Сатин. – Я бы и сам не хотел, но обстоятельства...

– Обстоятельства, – передразнил заведующий. – А работать за вас кто будет, а? Эх... – Он с досадой махнул рукой.

Карим стоял весь красный, не зная, куда деваться.

– Ладно, – видя его замешательство, смиростивился начальник. – Надо, так надо. Не звери же мы? Передадите свои палаты Гаврилову и Сырцову. Пишите заявление.

Он протянул Кариму лист бумаги и ручку. Тот сел к столу и быстро, ровным почерком, совершенно не похожим на врачебный, накатал заявление на отпуск.

– Да, за свой счет! – предупредил заведующий. – Возможностей других сейчас нет.

– Я понимаю, – кивнул Карим.

Он дописал и протянул бумагу заведующему. Тот быстро подмахнул: «Не возражаю».

– Отнесите старшей, она сама наверх передаст.

Ординатор собрал свои истории, взял заявление и вышел из кабинета.

В коридоре было пусто, но в ординаторской горел свет. Там копошился не выпавшийся после ночного дежурства Сырцов.

– Привет! – поздоровался Карим.

Истории он положил на стол.

– Хай! Ты чего это, бросаешь нас, говорят?

«Все уже в курсе, что ли?» – подумал Карим.

Сырцов протянул Кариму руку, тот пожал ее.

Ничего особенного не делая, шепотом Сырцов умудрялся производить столько шума, что заполнял собой, казалось, всю ординаторскую.

– Я ненадолго, – начал оправдываться Карим.

– Случилось чего? – озабоченно спросил коллега.

– Да, кое-что случилось. Но так, ничего серьезного. Справлюсь. – Карим улыбнулся и осторожно продолжил: – Жуков сказал: отдать тебе палаты.

– Все, что ли? – Сырцов округлил глаза.

– Нет, пополам с Гавриловым.

– Ну, это еще ничего, – протянул Сырцов. – Как делить будем? Девятнадцать пополам, кажется, не делится! – Он захихикал.

– Так уж и девятнадцать, – пробурчал Карим, деля истории на две стопки: мужские и

женские.

– Ну, пять, какая разница? – миролюбиво заявил Сырцов. – Все равно нечетное. Сколько мужских?

– Три.

– Давай, я их возьму, не хочу девок.

– Совсем? – усмехнулся Карим, передавая кипу историй болезни коллеге.

– Вот просто никак! – Сырцов показал, как перепиливает себе горло.

– Ладно, Юрке зато меньше. Передашь ему? Он в вечер вроде. А мне пора.

– У тебя тут тяжелых нет? – Сырцов потряс пачкой историй.

– Нет. Все средние, ничего такого. Разберешься там. – Карим открыл шкаф и забрал свои вещи.

– Ладно. Ну давай, счастливо тебе!

– Пока! – с этими словами Карим вышел из ординаторской.

Он миновал коридор, спустился по лестнице на первый этаж и, миновав охранника, вышел из здания. Поставил в багажник «Мерседеса» сумку с вещами и выехал с территории больницы.

Только на Московском проспекте он вспомнил, что забыл отнести заявление старшей сестре, а оставил его на столе в ординаторской.

«Ладно, – решил он. – Сырцов наверняка найдет и отдаст...»

Выехав относительно рано, Карим добрался до Москвы без пробок. Проезжая мимо супермаркетов в Химках, он невольно вспомнил Снежану и вчерашний променад. Где она сейчас, интересно? Что делает? Возможно, за время его пребывания в Москве удастся встретиться...

До Речного вокзала он добрался за полчаса, а вот дальше пришлось покружить. Карим еще не был в новом жилище Ильи, поэтому нашел его не сразу.

Квартира Ильи оказалась на последнем этаже пятиэтажки. На лестничной площадке витал запах подгоревшей еды. Карим позвонил. Прозвучал обрывок какой-то мелодии, дверь распахнулась, и Илья возник на пороге вместе с усилившимся запахом горелого.

– Привет, серый! – завопил он.

– Привет.

Карим вошел, и друзья обменялись рукопожатием.

– Проходи, располагайся. Будь как дома, но не забывай, что в гостях! – Илья довольно заржал.

Поставив сумку в прихожей, Сатин скинул ботинки, снял куртку и следом за Ильей прошел на кухню. Кухонька, как во всех пятиэтажках, оказалась крошечной, а кроме того, здесь еще и клеенка на стенах поблекла и местами отвалилась, что не добавляло уюта.

– Садись! – скомандовал Илья, кивнув Кариму на стул. – Жрать хочешь, я надеюсь?

– Ну, вообще – да...

– Извиняй, только полуфабрикаты. – Скоробогатов повернулся к Кариму спиной и завозился у плиты. – Моя жена готовить не умела, и я с ней разучился.

Он плюхнул перед Каримом тарелку с тремя блинчиками темно-коричневого цвета.

– Как ты можешь жить в такой обстановке? – вырвалось у Карима.

– А что? – искренне удивился Илья. – Квартира же съемная. На хоромы мне не хватит.

– А ремонт ты тут сделать не хочешь? С хозяйкой не обговаривал?

– Можно, она даже сама предлагала, – нехотя признался Илья. – Но лень. Еще сметана, подожди...

Он метнулся к холодильнику в углу, достал оттуда пластиковую коробочку с котом Матроскиным на крышке и поставил перед Каримом.

– А ты что, не будешь? – поинтересовался гость, вонзая вилку в блинчик.

– Вообще, я только что ел, тебя ожидаючи. Но так и быть.

Илья достал тарелку и себе, положил на нее единственный оставшийся блинчик и, запустив ложку в коробочку, навалил сверху сметаны.

– Может, тебе помочь с ремонтом? Все равно мне делать сейчас нечего... – Карим вздохнул.

– Ну, если оно тебе надо, – пожал плечами Илья и включил стоявший на столе чайник. – Ты сейчас расскажешь, в чем вообще дело, или потом, когда я с работы вернусь?

– А тебе, кстати, не влетит, что так задержался? – обеспокоенно спросил Карим.

– Не, я у Инакова отпросился на полдня, так что все нормально. Но уже скоро двигаться, так что давай, быстрее рассказывай, если хочешь.

Илья достал две прозрачные темно-зеленые кружки и кинул в каждую пакетик «Принцессы Нури».

– Заварки у тебя тоже нет? – удивился Карим.

– Не-а, – радостно сообщил хозяин. – Неохота.

– Ясненько, – кивнул Карим. – Так вот. Прихожу я позавчера вечером на дежурство, и привозят мне девушку...

– Красивую? – любопытствовал Илья.

Карим на секунду задумался.

– Да ты знаешь... Вроде не Анджелина Джоли. Но какая-то она... – он мечтательно закатил глаза. – В общем, девушка оказалась маах'керу.

– Оу! – воскликнул Илья. – Экзотика! Это тебя в ней и привлекло.

Карим смутился.

– Возможно. Значит, привозят ее, а там...

Он подробно рассказал Илье про знакомство со Снежаной, происшествие в больнице и бегство от сатра. Когда дошел до своего возвращения в Зеленоград, Скоробогатов глянул на электронные часы, вделанные в кухонный шкафчик, и взвился, как ужаленный.

– Да елки, время-то!

– Так давай я тебя подвезу, – предложил Карим.

– Только если до метро подкинешь. По центру сейчас смысла нет – встанем.

Выйдя в прихожую, Илья протянул Кариму ключ:

– Вот, держи. Пользуйся.

Они спустились по темной лестнице и вышли из подъезда.

– Где твоя колымага? – осведомился Илья.

– Почему колымага? – засмеялся Карим. – Вон она.

Он направился к «Мерседесу» и щелкнул брелоком.

– О, «мурзик»! Отлично. – Илья радостно потер руки.

– Ну так вот, – продолжал Карим, когда они выехали на улицу. – Прихожу я домой, а мама мне и говорит: «Что ж ты, гад, наделал?»...

Оставшуюся часть истории Илья выслушал уже с серьезной миной, ни разу не перебив. Когда Карим закончил, Скоробогатов произнес: «Мда-а», потом: «Это совсем не тривиально», и наконец: «И что делать-то?»

– Ну ты еще спроси «Кто виноват?» – вздохнул Карим.

– И кто виноват? – послушно повторил Илья.

– Да бес его знает, – тихо ответил Сатин. – Мать дала адрес провидицы, наведаюсь к ней. Вдруг что-нибудь узнаю...

– Я тоже хочу к провидице! – заявил Илья. – Никогда не видел живых провидцев. Мертвых, впрочем, тоже. Это в Зеленограде?

– Угу. Хочешь, поехали вместе? Так даже лучше. Мало ли что... Только я собирался на электричке, не возражаешь?

– Нет, естественно. Вечером пробки.

Впереди замаячили крытые зеленые павильоны перед «Речником».

– Приехали, – сказал Карим, останавливаясь. – Ты во сколько заканчиваешь, в семь?

– Чуть раньше смоюсь. Подгребай на «Комсомольскую» в полвосьмого и поедem. План действий обсудим по дороге. Не скучай!

Илья почти выпрыгнул из машины и понесся к входу в метро.

Рас-Сел наблюдал, как группа крепких парней с масками на лицах вломилась в соседний дом, тот самый, что должен был занять первое место на конкурсе «Московский дворик». Для начала незнакомцы швырнули булыжником в стекло, и оно разлетелось с жалобным звоном. Два человека влезли в окно, трое остались снаружи. У одного из них в руках оказался топор, и парень начал крушить рядом стоящий сарай.

Трещали доски, летели щепки.

Неизвестные трудились быстро и молча. Из дома доносились самые разнообразные звуки: стук, треск, звон и даже скрежет. Воображение Рас-Села заботливо дорисовывало, как ломают мебель, бьют посуду и швыряют на пол все, что подвернется под руку...

Это был не первый погром в деревне Кутузово. Обычно незваные гости глумились над каким-то одним домом, пока хозяев не было. Соседи не вмешивались, опасаясь за собственную жизнь и здоровье. Милиционеры каждый раз опаздывали, а приехав, разводили руками.

Рас-Сел оказался первым, чей дом подвергся нападению.

Как-то, вернувшись, он обнаружил вываленную на пол и разорванную одежду. Собрав пришедший в негодность гардероб, мастер отнес его на свалку, а потом окружил свой дом охранным заклинанием и предпринял еще кое-какие шаги, на которые был способен только он.

С тех пор его не трогали, но погромы в деревне не прекратились. Кто-то очень хотел выселить кутузовцев отсюда любой ценой, но жители оказались упорными.

Звуки погрома смолкли, двое парней вылезли из дома и махнули остальным. Неизвестный с топором оставил в покое развалины сарая, и группа быстро ретировалась по дороге к загородному шоссе.

Рас-Сел удивился, что на сей раз все закончилось на удивление быстро и с минимальными потерями, но тут увидел вырывавшиеся из окна дома языки пламени.

– Пожа-ар! Пожар! – завопил он и выскочил на улицу.

Сбежались соседи, притащили ведра, никто не остался в стороне: пожар – это опасность для всех. Трудно поверить, но на территории современного города водопровод имелся не в каждом доме, поэтому во дворах были вырыты колодцы. В мгновение ока выросла цепочка из десяти человек – четырех охающих женщин, двух подростков, дедка в видавшей виды тужурке, вечно пьяного, но легкого на подъем верзилы без определенного рода занятий и одного сердобольного гастарбайтера, который вспрыгнул прямо на подоконник, чтоб заливать пожар через окно. Замыкал построение Рас-Сел, неутомимо набиравший воду из своего колодца. Соседский находился ближе к горящему дому, но зато колодец мастера имел облегченный, за счет системы рычагов, ворот: можно было доставать сразу по два ведра воды, что значительно ускоряло дело.

– Пожарных вызвали? – крикнул кто-то.

– Танька вызывает, я ей сказал, – откликнулся дедок, с трудом удерживая полное ведро. – Вот поганцы...

– Сволочи! – подхватила женщина в мешковатой красной куртке.

– Удоды долбанутые! – заорал мальчишка, обливая себе ноги водой.

Огонь поутих, зато повалил густой дым, и тут к тушившим присоединился еще один помощник – девушка. Она появилась очень эффектно: лихо промчалась вдоль всей вереницы соседей на скейте, держа в руке темно-синее пластиковое ведро с водой.

На девушке была серая толстовка с капюшоном, из-под которого торчал длинный облезлый хвост. По-видимому, в капюшоне прятался какой-то зверек. И еще имелась в девушке некоторая странность, заметить которую мог только Рас-Сел, ну или другой маг, – у нее не было ауры.

Мальчишки в цепочке раскрыли рты, остальные тоже не могли оторвать от девушки удивленного взгляда. Даже невозмутимый мастер на несколько секунд прекратил крутить ворот – засмотрелся.

Вновь прибывшая подъехала прямо к разбитому окну и кивнула гастарбайтеру. Тот

спрыгнул с подоконника, намереваясь помочь, но девушка легко выплеснула воду в окно, словно в руках у нее была не десятилитровая емкость, а детское ведро. Потом, резко стартанув с места, покатила к колодцу.

Мастер, пытаясь догадаться, с кем свела его судьба, испуганно посторонился. Подмигнув ему, незнакомка наполнила свое ведро и так же легко понеслась обратно. На мгновение из-под капюшона показалась хитрая усатая мордочка: крыса.

Рас-Сел понимал, что хозяйка крысы не из их поселка, но не мог догадаться, как, а главное – зачем она пробралась сюда на своем скейте через заграждения с колючей проволокой.

Самое странное, что лицо девушки казалось ему знакомым – несомненно, он где-то видел ее раньше.

То ли поджигатели спешили, то ли отчего-то пожалели для пожара бензин, но к приезду бравой красной машинки с лестницей жители фактически расправились с огнем. Девушка с ведром укатила так же быстро, как и появилась, никому ничего не сказав.

Пытаясь припомнить, где видел незнакомку, Рас-Сел отправился на работу.

Рафаэль Маркаров сидел за столиком в своем ресторане «Москва», построенном в МЖК около двух лет назад. Здесь сейчас не было других посетителей. Красные мягкие кресла, стены в багровых тонах и приглушенный свет люстр – все соответствовало настроению хозяина, которое можно было бы назвать скрытой агрессией или плохо сдерживаемой неприязнью ко всему окружающему. Вампир ждал гостей: он пригласил Теодоракеса и Александрова, но первый отказался, сославшись на дела, а вместо себя послал Дениса.

Отворилась дверь, и в зал вошли гости.

– Присаживайтесь, господа, – неспешно произнес Маркаров. – Рекомендую филе миньон с кровью. Очень приятная штука.

Едва гости уселись, подошел невысокий мрачноватый человек в форменном черном костюме, на бейджике у него было написано только имя – Алексей. Молча поклонившись, он положил на столик три меню в тяжелых папках и удалился.

Джинна и сатра изучали меню, а Маркаров, лениво откинувшись на спинку кресла, заговорил:

– Дело принимает серьезный оборот. Источники приказали долго жить, надеяться на чудесное избавление от проблемы я бы не стал. Нашему союзу грозит крах. Что будем делать, господа? Есть предложения?

– Есть, – кивнул Александров. – Момент...

Кивком подозвав официанта, он заказал предложенное филе и бутылку бордо.

– Что это у вас, господин Маркаров, совсем нет испанских вин? – буркнул он.

– *Mea culpa*, – вампир прикрыл глаза. – Я думал над этим. К маю вина будут.

– Если в мае здесь все еще будем мы, – еще более сердито отозвался Александров.

Денис также заказал себе филе миньон, официант записал заказ в толстый блокнот и удалился.

– Предлагаю поискать информацию у «бесцветных», – сказал Александров. – Нет такого происшествия, которое бы эти всевидящие не могли засечь.

– Возможно, – кивнул Маркаров. – Но с чего вы взяли, что они захотят сообщить нам об этом?

– Заинтересовать, – улыбнулся Денис.

– Дать побольше – и захотят, – уточнил Александров.

– Мне почему-то кажется, – возведя взгляд к потолку, проговорил верог, – что это не тот случай, чтобы Наблюдатели согласились поделиться знанием. Кто-то очень серьезный хочет... Вот только чего он хочет? Уничтожить город? Избавиться от магов?

– Ну так они и должны это знать, – уверенно заявил Александров.

Принесли заказ, и гости приступили к еде.

Джинна чавкал, ничуть не стесняясь соседей, сатра недовольно ковырялся вилкой в

тарелке, косясь на застывшего вампира.

– А если Наблюдатели виновны в происходящем? – изрек наконец Маркаров.

– «Бесцветные»? – воскликнул Александров с набитым ртом, едва не забрызгав остальных. – Да на черта им это?

– Не знаю... – медленно ответил верог. – Но не исключаю, что для своих целей. Другие предложения будут?

– Игрок? – с сомнением произнес Денис.

Маркаров одобритительно кивнул:

– Хорошая мысль. Тень я беру на себя.

– Ты? – удивился Александров.

Маркаров снова кивнул:

– Она странным образом благоволит ко мне...

– А где ее искать, вы знаете? – тихо спросил Денис.

– Думаю, она сама найдет меня. Она чувствует, когда я в ней нуждаюсь...

– Но она может и не знать ничего или не сказать ничего, – фыркнул Александров. – Игроки – существа странные. Что они хотят и зачем – понять невозможно в принципе.

– Будем надеяться, что нам повезет, – с расстановкой произнес вампир. – Еще?

– Еще могу предложить пойти к провидице, – заявил Александров. И, как бы оправдываясь, добавил: – А куда еще податься?

– У вас есть на примете толковые провидцы? – повернул к нему голову Маркаров.

Александр скривился:

– Есть одна. Не знаю, как насчет толковой... Тетка довольно стремная. Но они такими обычно и бывают.

– Человек? – осведомился верог. – Или альв?

– Нет, почему? Не человек, не альв, а очень даже джинна.

– Вот как? Среди джинна есть провидцы?

Александров быстро взглянул на Маркарова:

– А почему бы нет, интересно? Чем мы хуже других?

– Да, конечно. Прошу прощения, – верог улыбнулся уголками рта.

– Если стремная, я бы не стал пользоваться ее услугами, – заявил Денис. – Плохой провидец может только ввести в заблуждение и спутать все карты.

– Пожалуй, соглашусь, – медленно произнес Маркаров. – Обойдемся без нее.

– А я бы съездил! – возразил Александров. – Плохой провидец лучше никакого провидца. И, кстати, она обычно не ошибается. Правда, это понимаешь уже после. – Он почесал в затылке.

– Тогда мы оставляем это на ваше усмотрение, – сказал Маркаров. – Когда вы сможете поговорить с Наблюдателями?

– А что, я один, что ли? – пожал плечами Александров. – Нашего союза это разве не касается? Можно попробовать встретиться с кем-нибудь из ордена Изумрудных Крыльев прямо сегодня.

Маркаров нахмурился, видно было, что он колеблется.

– Я, к сожалению, не смогу вас сопровождать, господа, – сказал он наконец. – Поезжайте вдвоем. Неотложные дела, увы.

– Сваливаете, значит, дорогой друг, – недовольно отозвался Александр. – Ладно, обойдемся без вас. Так что будем делать в случае неудачи с «бесцветными»?

– Это зависит еще и от моей встречи с Тенью, – сказал Маркаров. – Но боюсь, нам придется уехать из Зеленограда. Без источников он долго все равно не протянет – нет смысла цепляться за мертвый город.

Собеседники примолкли, каждый погрузился в свои мысли.

Уезжать не хотелось никому.

Заметив, что Александров ищет глазами официанта, а сатра полез за кошельком. Маркаров поспешил остановить их:

– Нет-нет. Вы у меня в гостях.

– Ладно, – кивнул джинна. – Денис, вы едете?

Он поднялся, сатра последовал за ним.

– До свидания, господин Маркаров, – сказал сатра.

– Всего хорошего, господа, – эхом отозвался верог.

Карим приехал на «Комсомольскую» чуть раньше назначенного времени и по длинному-предлинному переходу направился к площади Трех вокзалов.

Посредине этого коридора, справа у стены, стоял плохо одетый альв со скрипкой. Перед ним на полу был раскрыт скрипичный футляр, в котором высились горкой монеты, бумажные «десятки», местами – доллары. Музыкант наяривал что-то бравурное, ужасно знакомое, но благополучно забытое. Играл очень хорошо, с чувством, далеко оттопыривая локоть и страстно, почти яростно, прижимая нервными пальцами струны.

Он был уже далеко не молод, худощав и явно утомлен – видимо, стоял здесь не первый час. Глаза альва были полуприкрыты, и Карима он не замечал, он вообще ничего не видел вокруг.

Сатин полез в карман за кошельком, достал пару десятирублевых бумажек и бросил в общую кучу. И заторопился дальше.

Народ все прибывал: в этот час многие спешили на электрички, поскольку ехали с работы по домам, в пригороды, а иногда и в соседние области. Карима выплеснуло на улицу хлынувшей из дверей метро людской волной. Часть толпы потекла направо, к Ярославскому вокзалу, Карим с остальными отправился прямо, к Ленинградскому.

Спохватившись, что не договорился с Ильей, где именно будет ждать его, он остановился у касс, полез за мобильником и только тут сообразил, что именно играл альв. «Вихри враждебные веют над нами» – вот что это было. «Варшавянка», песня времен революции пятого года. Карим даже застыл на несколько секунд, удивляясь своему открытию. Революционных песен он не слышал, наверное, со школы. А в исполнении утонченного альва это казалось вообще сверхъестественным явлением.

Но факт оставался фактом, Танцор играл именно «Варшавянку», и не без успеха: в футляре было гораздо больше бумажных денег, чем мелочи.

Пока Карим, медитируя над телефоном, обдумывал этот факт, на него как коршун налетел Скоробогатов. В руке у него была сумка с ноутбуком.

– Ты здесь, серый! А я звонить собирался. Погнали, там сейчас клинская отойдет!

Карим глянул на часы, потом на расписание, висевшее перед входом в зал пригородных касс.

– Ух ты, не успеваем на клинскую. Следующая в девятнадцать пятьдесят четыре, через восемнадцать минут, крюковская. Пошли билеты брать.

– Это зачем еще? – физиономия Ильи вытянулась. – Да чтобы я платил дорогому РЖД...

– И ты готов прыгать через турникеты, да? – усмехнулся Карим.

– Ну нет, почему? Глаза отведем...

– Да ну, брось. Пошли.

Как честные граждане, они купили в кассе два билета. Правда, Карим взял до Химок, что было чуть ближе и чуть дешевле. Но Илья, похоже, слегка раздосадованный тем, что ему не дали возможности попрактиковаться на «контрах» в мастерстве иллюзий, заявил, что он не жмот, что это дело принципа, а не денег, и приобрел полный до станции Крюково. Гордо пробил его в турникете и через распахнувшиеся с готовностью пластиковые дверцы вышел к платформе вслед за Каримом.

Электричка с табличкой «Крюково» стояла с открытыми дверями.

Карим с Ильей сели в первый вагон, расположившись на ближайшей к входу скамейке.

– Ну, теперь ты мне не запретишь! – заявил Скоробогатов и что-то такое зашептал, прикрыв рот ладонью.

Мгновением позже Карим увидел рядом с собой и на скамейке напротив призрачные

силуэты людей в военной форме и голубых беретах с огромными... рюкзаками? Баулами? Сатин даже не знал, как называются эти вместилки для вещей. Несмотря на то что иллюзии были бесплотными, они шевелились и даже, кажется, разговаривали.

– Ну ты дал! – восхищенно протянул Карим. – Я понятия не имел, что ты так умеешь. Остальные, надо понимать, видят их настоящими?

– Угу, – ответил Илья. Его губы непроизвольно расплылись в довольной улыбке. – Я полгода тренировался, чтоб вот так научиться. Почитал кое-что, потом практика... Первым, кого я удивил, был Инаков. Приходит он на работу, а на моем месте какой-то му... чудак призрачный сидит.

– Ну и что, ругался? – поинтересовался Сатин.

– Кто, Антон? Да ты что! Сказал: «Ну ты, Илюха, меня до инфаркта доведешь» – и все. Доводить его до инфаркта, как ты понимаешь, мне совершенно не улыбается, поэтому на работе я перестал «иллюзировать». Начал дома, – Скоробогатов фыркнул. – Но это уже другая история. Зато к нам никто не сядет, можно спокойно разговаривать.

Люди между тем заходили в вагон, рассаживались, но к друзьям действительно никто не пытался подсесть. Все видели там четверых десантников и двух молодых людей с ноутбуком, и никто не мог отличить настоящих от иллюзорных.

– Я вот что подумал, – вполголоса произнес Илья, когда они с Каримом склонились над включенным ноутбуком. – Провидица – это хорошо. Но не потрясти ли нам еще кого-нибудь на предмет случившейся катастрофы?

– Кого, например? – оживился Карим.

– Давай рассуждать логически. Кто в нашей песочнице самый осведомленный?

– Не знаю, что ты имеешь в виду под «нашей песочницей», – резонно заметил Карим. – Но вообще – Наблюдатели.

– Ага, стоп!

В это время на экране засветилось: «Приветствие». После чего открылся рабочий стол с изображением длинноногой красотицы в красном купальнике, облокотившейся на такую же красную тачку «Хендай Атос» с черным капотом и черными тонированными стеклами.

– Фу, как пошло и банально, – поморщился Карим.

– Да, именно. Пошло, банально и поэтому мне нравится! – заявил Илья. – Так вот...

Он открыл «OpenOffice.org Writer» и написал:

«Предлагаю общаться здесь. Иллюзии иллюзиями, но мало ли кого принесет».

Карим шевельнул левой бровью и, придвинувшись ближе, ответил:

«Понял, согласен. Так что насчет «бесцветных»?»

«Они наверняка что-то знают о колодцах. Ваше руководство к ним не обращалось?»

«Думаю, обращалось. Меня в известность не поставили, естественно. Но Наблюдатели, как я понял, сидят в такой же яме, как все. Если они что-то узнают, они не будут держать это в тайне – невыгодно».

«Ты сам как думаешь: колодцы загнулись без посторонней помощи или кто-то поспособствовал?»

«Я думал, что сами. Не представляю мага такой силы. Но мать клана хотела, чтобы я нашел того, кто это сделал. Значит, она считает иначе».

«Я тоже не верю в апокалипсис. Не могли источники сами погаснуть. Тут кто-то очень хорошо помог. Возможно, их было много».

«Тогда это кто-то не из местных. Нашим это зачем? Все завязаны на колодцах».

«А Игроки?»

Карим откинулся на спинку сиденья, тупо разглядывая последнюю строчку Ильи.

– Ух ты, – сказал он, поворачиваясь к Скоробогатову. – Веришь, мне это даже в голову не пришло.

Илья так и расплылся в улыбке.

– Слушай меня, будешь счастливым, – произнес он и вновь забарабанил по клавиатуре:

«Значит, в Зелике Игроки есть?»

«Есть. Как раз на днях слышал разговоры: недавно в городе появился Игрок. Подробности не знаю никаких».

– Интересно... – протянул Илья.

«Где живет – не в курсе?»

«Нет. Совсем ничего. Ни как зовут, ни как выглядит».

– Это несколько хуже, – заметил Скоробогатов. – Но не смертельно.

«А твои-то знают? Может, у них спросить? Или не скажут?» – набрал он.

«Моя мама точно не знает. Мать клана – может, знает, может, нет. Но если я к ней полез с вопросами, она меня не поймет. Сказала: «Пошел вон» – значит, должен пойти и искать сам».

«Сурово».

«Как есть».

«Тогда сами найдем».

«Как? Из чужих никто не поможет. Я же изгой. И вообще».

«Наблюдателям заплатим».

«Опять ты про них. Не скажут они».

«Скажут. Это разные вещи. В «Greenwings» обратимся, и все нам скажут».

– А что это? – Карим взглянул на Илью.

– Как что? – удивился тот и снова стал печатать:

«Контора наблюдательская. Ты что, не знаешь?»

«Нет».

«Они у нас аудит заказывали. Просили обращаться. Типа частный сыск».

«Прикольно. Я не знал:))».

Тут в вагон стали заходить люди, один за другим, вереницей – судя по всему, приближались контролеры. Обнаружив, что свободных мест нет, вошедшие толпились на площадках или выстраивались друг за другом в проходе, создавая все уплотняющуюся давку.

Среди прочих вошел дейвона средних лет, среднего роста и средней же, не запоминающейся, внешности. Про таких говорят – «никакой». Тем не менее он почему-то сразу привлек внимание Карима и Ильи. Сатину его лицо показалось знакомым, но где и когда видел – вспомнить не смог.

Дейвона прошагал прямо к скамейке, где они сидели, и остановился рядом, колючим цепким взглядом окинув молодых людей и даже не взглянув на «десантников».

– Я был бы весьма признателен, если бы вы освободили место, – сердито буркнул он. – В вагоне сесть негде.

– Конечно, пожалуйста, – с легкой ноткой недовольства произнес Илья, и через несколько секунд иллюзий не стало.

Загадочный пассажир, вне всяких сомнений, бывший «серым», уселся напротив.

«Маг, и из неслабых», – решил Карим, поняв, что ауру странно знакомого типа видеть не может.

С самым довольным видом незнакомец вынул из внутреннего кармана куртки пятитысячную купюру и продолжал сидеть, держа ее в руке и уставившись в окно.

Через секунду появились контролеры, сразу трое: женщина и двое мужчин, все в традиционно синей форме, с миниатюрными кассовыми аппаратами. Они разделились: один из мужчин начал проверять стоящих на площадке, второй занялся сидящими по правую сторону, женщина же начала слева: с Ильи и Карима.

Посмотрев у друзей билеты, она перевела взгляд на мужчину напротив. Тот, улыбаясь во весь рот, полный белоснежных зубов, протянул ей пятитысячную бумажку.

– Сдачи нет, – сказала женщина. – Коля!

Один из ее напарников, бросив своих «жертв», поспешно приблизился.

– Есть у тебя? – женщина кивнула на пассажира с купюрой в руках.

Тот встретил «Колю» торжествующей улыбкой.

– Нет, – покачал головой второй контролер и махнул третьему.

Пока третий контролер пробирался к ним, пассажир с купюрой улыбался все лучезарнее и лучезарнее. Илья с Каримом, сидевшие напротив, молча взирали на него, контролеры переминались с ноги на ногу.

Очередной служащий железной дороги приблизился и, разумеется, оказалось, что у него тоже нет сдачи. Вид у ревизоров стал совершенно несчастный. Собственно, стоять рядом с «зайцем» не имело никакого смысла, единственным вариантом было – уйти и оставить его в покое.

И тут, под аккомпанемент стука колес, раздался совершенно невинный голос Ильи:

– Вам разменять?

Карим увидел, как улыбка, словно в замедленной съемке, сползает с лица дейвона. Зато контролеры, наоборот, воспрянули духом. Взыскав с безбилетника стоимость проезда до Крюково, они направились к дверям, а через пару минут вышли в Химках.

Весь путь незнакомый «серый» сидел, хмуро уставившись в окно. Илья же, наоборот, светился, как начищенный пятак. Карим не знал, как ему реагировать на случившееся: он не ожидал от приятеля такого поступка.

В Малино незнакомец встал и, ни на кого не глядя, вышел из вагона. Поезд тронулся, за окном мелькнуло разноцветное здание школы для детей с ограниченными возможностями. Илья невозмутимо закрыл ноутбук, сунул его в футляр, и они с Каримом приготовились высаживаться в Крюково.

На третьей платформе они оказались последними.

Вагон был хвостовым, поэтому друзьям пришлось пройти далеко вперед, к подземному переходу.

– Как ты его! – не выдержал Карим, когда они спускались в темный зев подземелья.

– Сам виноват. В транспорте билеты надо брать, – картинно пожал плечами Илья.

– Интересно, откуда он? – тихо сказал Карим.

– А что?

– Да так... Показалось, что где-то видел.

Спустившись, они повернули налево.

С той стороны железной дороги располагался новый город, за исключением одного, привокзального, района, который и был целью их путешествия. В переходе, как всегда, продавали цветы, на самопальных прилавках были разложены перчатки, носки, женские халаты, игрушки, какие-то сувениры...

Навстречу Илье и Кариму с первой платформы устремился поток только что приехавших из Солнечногорска, Клина и Твери – пришла встречная электричка.

– Пойдем скорее! – вцепившись Кариму в рукав, Илья буквально выдернул его вслед за собой на лестницу. И сделал это очень вовремя, иначе Сатина оттеснило бы людским напором обратно.

– Адрес какой? – деловито осведомился Скоробогатов.

Карим вынул бумажку:

– Заводская, дом четыре «А».

Глава 8

«Джип-Чероки» Александрова въехал во двор дома номер четыре «А». Дом был таким же кирпичным и серым, как все его соседи.

– Это здесь? – спросил Денис.

– Да, крайний подъезд.

Они вышли из машины и направились к подъезду. Александров набрал на домофоне номер квартиры, и после четырех-пяти гудков прозвучал хриловатый женский голос:

– Кто?

– Регина, это Саня. Я с другом.

Женщина пробормотала что-то невнятное, потом спросила:

– Зачем?

– Вот тебе раз... – удивился Александров. – Повидаться хотел.

– Если по делу, говори! – отрезала Регина.

– По делу, по делу, моя красавица, по срочному. Да пусти же, что на улице держишь? «...чертова баба»! – прибавил джинна уже про себя.

– Ладно, входи, – смиростивилась Регина.

Домофон запиликал, и Александров распахнул дверь.

В подъезде ощутимо воняло кошками.

– Она в самом деле специалистка? – с сомнением в голосе поинтересовался Денис, не решаясь прикасаться к засаленным перилам.

– Она видит немного и недалеко. И... витиевато. Но зато всегда точно, – отозвался Александров.

Они поднялись на последний этаж, и Александров позвонил в дверь. Звонок издал резкий, неприятный звук – такой пробудит от самого крепкого сна.

Дверь открылась, и на пороге появилась высокая рыжеволосая женщина в длинном желто-зеленом платье, напоминавшем сари. Сколько ей лет, сказать было очень сложно, могло оказаться от двадцати пяти до сорока пяти, по человеческим меркам.

– Здравствуй, дорогая. Пустишь? – вальяжно произнес Александров.

Хозяйка, выглядевшая заспанной и недовольной, молча посторонилась. Гости прошли в довольно грязную прихожую, заваленную всевозможным хламом: картонными ящиками, пустыми бутылками и даже автомобильными камерами.

По стенам, обклеенным обоями неопределенного цвета, были развешаны многочисленные фотографии котов, кошечек, котят разных размеров и окраса. На полу лежал коврик, а точнее – половик с рисунком из черных и бордовых кругов. Направо отходил небольшой коридорчик, из которого вели две двери: в ванную и туалет. Заканчивался коридорчик еще одной дверью – белой, с непрозрачным узорчатым стеклом. Она была закрыта.

– У тебя кто-то есть? – насторожился Александров.

Хозяйка бросила на него такой взгляд, словно он сказал небывалую нелепицу: ну кто у нее может быть?

Регина жестом пригласила гостей за собой в комнату.

– Обувь не снимайте, – шепнул Александров Денису.

– Она что, nemáя? – кивнул сатра в сторону хозяйки, забыв, что они только что разговаривали с ней по домофону.

– Просто молчаливая, – ответил джинна.

Комнат было две, и первая, большая, выглядела захлавленной прихожей. Тут вдобавок ко всему высились груды поломанной мебели: спинки стульев, диванные подлокотники, ножки от стола, продавленные кресла с вытертой обивкой, ошметинившиеся пружинами. На вершине пирамиды из мебели сидел огромный рыже-черный котяра с длинными, толстыми, с гитарную струну, усами. Он таращил на незваных гостей круглые желтые глаза. У стены, под пологом, стояла кровать, и другой целой мебели здесь не было.

Вторая комната была поменьше. На входе висели привязанные к притолоке китайские колокольчики – от злых духов. Денис зацепил головой колокольчик и досадливо поморщился от звона: слишком банальной казалась эта штукавина. В комнате едва помещался разложенный диван-книжка, на удивление целый и даже относительно чистый – возможно, благодаря темной обивке – и узкий прямоугольный столик под окном. На столике веером были разложены длинные палочки, напоминавшие ароматические, по бокам стояли две прозрачные пирамидки, а посередине – что-то круглое, зачехленное, на подставке. Напротив дивана, куда хозяйка, опять-таки молча, усадила гостей, висела застекленная полка, до отказа забитая книгами, каких полно на любом развале или в магазине: народная медицина, диагностика кармы, гороскопы, тесты и даже «Клиническая психиатрия».

Заметив недоуменный взгляд Дениса, Александров тихонько пояснил:

– Регина раньше работала психологом в какой-то конторе. А теперь вот...

Встав напротив гостей, хозяйка скрестила руки на груди и замерла.

– Регина, – откашлявшись, начал Александров. – Ты знаешь что-нибудь про источники? Почему они погасли?

Провидица впиалась глазами в сородича, а затем медленно покачала головой.

– А сможешь узнать? Нас интересует все: кто это сделал, зачем, как и чем все это кончится.

Хозяйка повторила жест.

– Но почему? – воскликнул Александров. – Мы заплатим, не беспокойся.

И снова отрицательное движение головой.

– Я же говорил, не надо было приезжать, – не скрывая досады, произнес Денис и поднялся с дивана. – Потерянное время. Идемте, господин Александров.

Джинна тоже поднялся, с упреком глядя на Регину, стоявшую в той же позе. Незадачливые визитеры прошли в прихожую и, не прощаясь, хлопнули за собой дверь. Провидица тут же направилась к кухонной двери и открыла ее.

За овальным столом, накрытым большой плетеной салфеткой, сидели, застыв в напряжении, Илья и Карим.

– Они ушли, – низким голосом произнесла ясновидящая.

Карим облегченно вздохнул.

– Кто это был? – спросил Илья.

– Один джинна, а другой сатра, – ответила Регина. – Они хотели узнать про источники. Все нынче хотят узнать про источники, не вы одни. Но я всем отказываю.

Она включила металлический чайник, который, единственный во всем доме, сиял ослепительной чистотой.

– Почему? – осторожно спросил Илья.

– Не хочу лезть в эти дебри, – пояснила провидица. – Мне это не нравится.

– А нам? Нам вы тоже не скажете?

С такой интонацией Карим обычно разговаривал с пациентками, когда назначал какую-нибудь неприятную и болезненную процедуру. «Ну разве вы не потерпите ради меня?» – говорил он и смотрел на несчастную такими глазами, что она начинала чувствовать себя счастливой и, разумеется, соглашалась.

Регина взглянула ему прямо в глаза. Ему стало неуютно от ее острого взгляда.

– Тебе скажу, Карим Сатин. Пойдем. Твой друг подождет здесь.

Она медленно повернулась и, качая бедрами, неслышно направилась в комнату. Карим поднялся – следовало радоваться, но ему было не по себе.

– Иди-иди, – шепнул, подмигивая, Илья. – Потом расскажешь.

Сатин замахнулся, делая вид, что хочет его треснуть, потом поспешно направился вслед за провидицей.

Она стояла у стола лицом к занавешенному жалюзи окну.

Карим в нерешительности остановился на пороге.

– Закрой дверь, Карим Сатин, – не оборачиваясь, произнесла женщина.

Он повиновался.

– Выключи свет и подойди.

Все больше чувствуя себя не в своей тарелке, Карим выполнил и эти указания. В комнате не стало совсем уж темно: на столе горели несколько длинных свечей. Подойдя, Сатин остановился за спиной у Регины.

– У меня очень мало сил, – произнесла она, не оборачиваясь. – Мне нужна чужая аура, чтобы видеть.

– Что нужно делать? – слегка охрипшим голосом спросил Карим.

– Просто не отходи. И молчи.

Регина сняла чехол с круглого предмета: это оказался хрустальный шар, вернее,

многогранник. Он переливался в свете свечей.

– А теперь не шевелись, Карим Сатин.

Регина не стала смотреть в магический многогранник, она просто положила на него обе руки.

Сатин не видел ее лица, но готов был поклясться, что провидица закрыла глаза.

Некоторое время они стояли неподвижно. Наконец, Регина слегка качнулась вперед.

– Танки, – произнесла она замогильным голосом. – Танки и самолеты И огонь, много огня. Кругом пламя... Пламя победы. Тебе угрожает опасность.

Она замолчала. Карим ждал продолжения, но больше провидица не сказала ничего. Она вновь слегка качнулась, как бы выходя из транса, и принялась засовывать многогранник в чехол.

– Это все? – осторожно спросил Карим.

– Все, – ответила Регина своим обычным чуть хриловатым голосом. – Ответов не проси. Я их не знаю. А сейчас уходи, Карим Сатин, и уводи своего друга. За сеанс ты мне ничего не должен.

– Спасибо, – Карим сделал шаг назад. Затем повернулся и быстро пошел к двери.

– Артем счастлив?

Эта фраза ткнулась ему в спину так неожиданно, что он остановился, в первый момент не сообразив, что речь идет о его отце.

– Да, – сказал Карим, оглянувшись. – Счастлив.

Он ждал, что Регина скажет еще что-нибудь, но она так и стояла молча, не оборачиваясь, словно изваяние. Карим попрощался и пошел забирать с кухни Скоробогатова.

– Ну и что это значит, как считаешь? – недоуменно произнес Сатин, когда они с Ильей вышли из подъезда.

Слова провидицы он передал другу, пока они спускались по лестнице. Про вопрос Регины о его отце Карим решил умолчать.

– Да бред какой-то, – пожал плечами Скоробогатов. – Информация не стоит ни шиша. Сколько она с тебя содрала?

– Нисколько, – тихо ответил Карим.

– Да? – уже более доброжелательно сказал Илья. – Но все равно. Фигня же, согласишься?

– Как знать, – задумчиво сказал Сатин. – Может статься, пригодится. Мы просто расшифровывать не умеем.

– Тоже мне, радистка Кэт, – буркнул Илья.

Пройдя через двор, они вышли на улицу и зашагали к станции.

– Ладно, – решительно сказал Илья. – Завтра после работы я к Наблюдателям смотаюсь, может, больше толку будет.

– Нет, – возразил Карим. – Вместе так вместе. Я поеду с тобой.

– И что, в машине сидеть будешь? – с сомнением спросил Илья. – Они тебя не пустят, рекомендации нужны.

– А тебя пустят?

– А я там уже был. Я же говорил: аудит проводили.

Карим не нашелся, что сказать.

На следующий день Илья, улучив свободную минуту, вышел в Интернет.

Частное сыскное агентство «Greenwings» имело свой сайт, доступный только посвященным, но по виду самый обыкновенный. Заголовок был написан крупными буквами, зеленым готическим шрифтом, под ним шла более мелкая черная надпись: «Частное детективное агентство». Слева в верхнем углу располагался логотип: стилизованное зеленое крыло, какие обычно изображают на военных эмблемах, гербах и знаках различия. Прямого указания на то, что агентство и сайт имеют какое-то отношение к бесцветной сфере и к Изумрудным Крыльям, не было.

Еще ниже шла стандартная разметка: «Главная, услуги, цены, законы, эксперт, партнеры, поиск людей и юриц, контакты». Адрес в «контактах» не указывался, были даны

лишь два номера сотовой связи «Мегафон». Но Скоробогатов и так их знал, впрочем, как и адрес.

По центру шло совсем уж мелкими буквами и без готики:

«Эксклюзивные услуги конфиденциального характера (предоставляются нашим клиентам на доверительной основе по личной рекомендации)».

Илья зашел в этот раздел.

Ему требовались именно «услуги конфиденциального характера».

В разделе имелась специальная форма для заполнения. Потенциальный клиент сообщал о себе всю информацию: фамилию, имя, адрес, место работы, все телефоны и Интернет-контакты. С анонимами и «неблагонадежными» Наблюдатели из агентства не работали. Ниже располагалась графа для собственно заказа. Достоверность информации проверялась в течение нескольких часов, и агент связывался с заказчиком. Обычно это происходило по мобильному телефону, но агент вполне мог воспользоваться любым другим способом связи.

Заполнив графы, Илья написал в строке «Услуга»: «Зеленоград, личность Игрока» и, отправив запрос, приготовился ждать.

Где-то на задворках сознания мелькнула мысль, что неплохо бы согласовать свои действия с начальством. Но как раз сегодня начальства не было, а медлить, считал Скоробогатов, не стоило. И не обсуждать же такие вопросы по телефону? Успокоив таким образом совесть, он вернулся к работе.

...До конца рабочего дня никто так и не позвонил, и Скоробогатов сделал вывод, что зря воспользовался сайтом. Решив завтра обсудить ситуацию с начальником и тогда уже, если не будет возражений, связаться с «Greenwings» по телефону, Илья выбросил проблему из головы и спокойно поехал домой.

Запах он ощутил еще на нижних этажах – ароматный дух витал над лестничной клеткой, манил, звал за собой, заставляя судорожно сжиматься желудок и кружа голову.

Когда Скоробогатов достиг наконец своей двери и, в волнении повернув ключ, распахнул ее, запах атаковал его и захватил в плен.

– Хозяюшка! – как можно жалобнее крикнул Илья. – Дай напиться! А то так есть хочется, что переночевать негде.

В двери кухни появился Карим в клетчатой рубашке с закатанными рукавами и старых, порванных на коленях джинсах.

– Обормот! – сказал он, улыбаясь. – Заходи, долму есть будем.

– Долму-долму, – запел Илья, скидывая куртку.

Карим снова исчез на кухне. Разувшись, Скоробогатов метнулся в ванную, быстро вымыл руки и через минуту уже сидел за столом. Сатин поставил перед ним тарелку с чем-то явно вкусным, но на вид непонятным.

– Это вот и есть оно?

Илья с готовностью схватил вилку и, проигнорировав положенный Каримом нож, принялся отламывать куски и запихивать их в рот один за другим.

– М-м-м! Здорово. А из чего это, а? Сто раз про долму слышал, а что оно такое – толком не знаю.

– Ух ты, – усмехнулся Карим и начал не спеша перечислять, загибая пальцы: – Баранина, рис, лук, яйцо... Само собой – соль и перец. И все это завернуто в виноградные листья.

– Погодь, а где ты взял виноградные листья? – изумился Илья.

– Места знать надо, – загадочно улыбнулся Карим.

Зазвонил городской телефон. Кое-как прожевав, Илья кинулся в комнату и поднял трубку.

– Алло, да!

– Здравствуйте, Илья Олегович, – произнес очень вежливый, но в то же время бесстрастный голос. – Вас беспокоят из агентства «Гринвингз». Мы готовы выполнить ваш заказ. Приезжайте в офис к двадцать двум ноль-ноль. Оплата согласно тарифу. – Раздались

короткие гудки.

Илья не успел даже опомниться, так и стоял, держа в руках телефонную трубку, из которой неслось равномерное «пи-пи-пи».

– Кто звонил-то? – вывел его из задумчивости заглянувший в комнату Сатин.

– Наблюдатели.

– Кто-о? – глаза Карима округлились.

– Я не успел тебе рассказать. Говорил же, что свяжусь с фирмой. Зашел к ним на сайт, сделал заказ: инфа об Игроке. Вот, ответили. Сказали приезжать к десяти. Между прочим, чуть больше часа осталось, придется прямо сейчас и подрываться.

– Не могу поверить, – медленно произнес Карим. – Вот так запросто тебе взяли и ответили Наблюдатели?

– Да что такого-то? Это фирма, понимаешь? Фир-ма! Они этим зарабатывают. Давай, собирайся, поехали. Лучше на твоей тачке, быстрее обернемся.

Илья, как вихрь, пронесся обратно на кухню, чтоб доест оставшуюся долму.

– В каком районе контора-то?

– Да рядом с военкоматом. Что за жизнь, что за жизнь, пожрать спокойно не дадут...

Уже застегивая куртку, Карим спросил:

– В каком виде они информацию предоставят, как думаешь?

Илья пожал плечами:

– На диске, скорее всего.

Ничего не говоря, Карим вернулся в комнату и, сунув ноутбук в сумку, прихватил его с собой.

По ступенькам сбегали чуть ли не вприпрыжку, боясь опоздать. Ехать было минут сорок, а с хорошей скоростью и полчаса, но это по пустой дороге.

Спустившись, быстро залезли в машину. Мотор уже грелся: Карим завел двигатель заранее, с брелока, высунувшись в окно лестничной клетки. Тронулись, выехали со двора, потом на шоссе.

Мягкий ход «Мерседеса» позволял не замечать скорости.

– Сколько запросили? – поинтересовался Карим.

– Две штуки баксов.

– Ух ты... Что-то как-то скромно, – с сомнением протянул Сатин.

– Не думаю, что там будет избыток сведений. Платим пополам?

– Нет, ты что? Я один. Это моя проблема. Ты и так уже столько для меня сделал.

– Да ну, брось! – воскликнул Илья. – Думаешь, тебе деньги не понадобятся?

– Понадобятся, конечно. Это же только начало.

– Ну вот и не гони волну.

Было уже совсем темно, ехали с дальним светом. Первый поворот на Зеленоград оставили позади, чтоб не ехать к нужному месту через город. Повернули налево у Макдоналдса и сразу направились в промзону.

– Как бы тут в темноте не заблудиться, – произнес Карим. – Я вечно поворот пропускаю, а там одностороннее движение...

Логово Наблюдателей располагалось в Северной промзоне между «Московским индустриальным банком» и теплостанцией. Обычные люди видели протянувшийся вдоль Панфиловского проспекта внушительных размеров холм с торчащими из-под земли трубами. Точнее, это были даже два холма, разделенных одноэтажным квадратным зданием, чем-то вроде проходной. Почему-то никто из местных жителей толком не мог сказать, что же там находится.

Некоторые считали, что под землей расположен секретный завод – «почтовый ящик». Другие утверждали, что там некое подземное хранилище. Третьи никогда об этом не задумывались. Даже на всех картах и планах таинственный объект никак не был расшифрован: просто наносился в виде прямоугольника.

За Пеленой надземная часть здания не превышала размерами ту самую «проходную»,

которую видели обычные люди. Только была она не квадратной, а скорее напоминала толстый бочонок, светившийся во мраке всеми окнами. На фасаде горели два огромных изумрудных крыла.

– Меня все-таки смущает, что они так вот запросто согласились сообщить нам информацию об Игроке, – вновь затянул Карим.

– Не будь ты таким недоверчивым. Обычный бизнес. Оплачиваемый, между прочим. На такие бабки можно два месяца жить.

– Ну, это смотря кому и смотря где, – уточнил Карим.

– Угу. И всколькером, – съязвил Илья. – Замолкни, зануда. Приехали.

Машину поставили чуть в стороне.

– К тому же для них в этом нет ничего ценного, – продолжал Илья. – Подумаешь, ну покажут нам Игрока. Его и так уже некоторые знают, а кто не знает – познакомится со временем. Это нам приспичило, за что и платим.

Карим подумал и согласился.

– Так. Дальше я иду один, ты ждешь меня здесь, – сказал Илья, отстегиваясь.

Карим вытащил пачку слегка примятых банкнот и протянул Скоробогатову:

– Держи, меценат.

– Не меценат, а спонсор, – возразил Илья, тоже вынимая деньги. – Я тебе помогу, но ты всем расскажи, какой я хороший!

– Договорились, – засмеялся Карим. – Давай, удачи!

Сунув приготовленные купюры во внутренний карман куртки, Илья вышел из машины и направился к подъезду. Когда он был здесь вместе со своими аудиторами, всех разом запустили через служебный вход с противоположной стороны, ведущий в обычное офисное помещение.

Клиентов, скорее всего, принимают не в нем.

Темные двери главного входа были так плотно пригнаны друг к другу, что между ними не угадывалось даже щели, они казались единым целым.

Скоробогатов надавил кнопку видеофона – единственную выпуклость на гладкой, под мрамор, стене.

– Вас слушают, – раздался бесстрастный голос.

– Меня зовут Илья Скоробогатов, я по договоренности на двадцать два часа, – сообщил Илья в едва заметную прорезь в виде зигзага.

– Проходите.

Темные двери дрогнули, одна уехала вверх, вторая ушла вниз. Открылся прямоугольный проход. Илья вошел в небольшой полукруглый холл – совершенно пустой, если не считать расположенных по всему периметру откидных сидений.

На полу полумесяцем лежал ковер – то ли на самом деле изумрудного цвета, то ли казавшийся таким из-за света утопленных между панелями потолка лампочек. Напротив входа находились двери лифта – ничем вроде бы не отличавшиеся от входных.

Скоробогатов нажал кнопку вызова. Двери разъехались, Илье явилось его собственное отражение.

Он вошел в полностью зеркальную кабину, двери закрылись.

Никаких кнопок, прорезей, рычажков – вообще ничего на гладкой зеркальной поверхности не было.

– Ну и как тут... – произнес вслух Илья, но в ту же секунду лифт едва заметно вздрогнул и поехал вниз.

Непонятно откуда, словно бы в голове у Скоробогатова, зазвучала тихая музыка.

– Ясненько. Они сами знают, кого и куда везти, – отметил Скоробогатов, не замечая, что разговаривает сам с собой. – А скорее всего, всех визитеров сгоняют в одно место.

Он хмыкнул, довольный собственной сообразительностью.

После недолгого спуска кабина остановилась. Двери раскрылись все тем же непривычным образом, и Илья вышел в точно такой же по размерам холл, откуда он только

что приехал, но уже не изумрудный, а насыщенного травяного цвета.

Ковер на полу казался черным, сидений по стенам не было. В центре стоял небольшой овальный столик типа журнального. Его стеклянная столешница лежала на мощной каменной опоре. На столе стояло небольшое устройство, смутно знакомое Илье, но он никак не мог вспомнить, где такое видел. Полукругом располагался узкий мягкий диванчик. У стола стоял Наблюдатель лет сорока с небольшим, его костюм отдаленно напоминал парадную форму ВВС.

В руке он держал прозрачную коробку с диском.

– Добрый вечер, – начал Скоробогатов.

– Ваш заказ здесь, – не отвечая на приветствие, сказал Наблюдатель. – Желание совершить обмен подтверждаете?

– Да, – ответил Илья и полез было за деньгами, но тут же передумал.

– Могу я сначала ознакомиться с информацией? – спросил он. – Хотелось бы знать, за что плачу. – Он широко улыбнулся.

Наблюдатель отнесся к словам Ильи совершенно спокойно.

– Фирма гарантирует качество продукта, – произнес он бесстрастно. – В случае, если информация не соответствует заявленным требованиям, вы сможете подать жалобу.

– И часто подают жалобы? – недоверчиво протянул Скоробогатов.

– Пока ни одной не было.

«Еще бы, с вами связываться», – подумал Илья.

– Ладно, давайте, – решил он, вытаскивая деньги.

– Одну секундочку, – произнес Наблюдатель, приняв купюры.

Он загрузил их все разом в машинку, стоящую на столе, та издала быстрый «вжжик» в сопровождении синей вспышки.

– Все в порядке, – заявил Наблюдатель, передавая Скоробогатову диск. – До новых встреч.

Поняв, что аудиенция окончена, Илья повернулся и подошел к лифту. После вызова зев кабины раскрылся, впуская визитера, затем двери вернулись на свое место, и под ту же тихую музыку Скоробогатов был доставлен наверх.

– Такое впечатление, что нас гипнотизируют, мистер Фикс, – поежился Скоробогатов, выходя в холл.

– Или они по жизни такие, мистер Фикс, – ответил сам себе Илья.

Двери выпустили его на свободу. Илья приблизился к «Мерседесу», держа коробку с диском в руке.

– Предлагаю посмотреть прямо сейчас, не отходя от кассы, – сказал он. – Ты же не зря ноут взял?

– Естественно, – кивнул Сатин. – Только давай отъедем, не хочется у них под носом стоять...

Он направил «Мерседес» в первый микрорайон и остановил напротив «итальянского квартала». Карим так называл про себя эти дома из-за необычного расположения необычных же балконов. Они были как минимум трех видов: длинные, короткие и скошенные. Все располагались в шахматном порядке и вызывали стойкую иллюзию на итальянские фильмы: там именно через такие балконы тянулись нескончаемые веревки с многочисленным бельем, итальянки переругивались, стоя у перил, а внизу, во дворе, носились чумазы итальянские детишки.

Вытащив ноутбук из сумки, лежавшей на заднем сиденье, Карим включил его, подсоединил сиди-ром, извлек из коробки диск и вставил его в гнездо. Когда все было готово, запустил ролик.

На экране горел дом – одноэтажный, деревянный, люди, одетые один хуже другого, выстроившись в цепочку, тушили пожар, набирая воду из колодца.

– Ух ты! – вырвалось у Карима.

– Это что такое? – воскликнул Илья. – Я думал, они мне фотографию Игрока

предоставят.

– Подозреваю, что Игрок не будет стоять и ждать, пока его сфотографируют, – медленно сказал Карим, всматриваясь в лица людей. – Где засекли – там и засняли. Видимо, он среди них. – Он кивнул на погорельцев.

– Чего? – Илья наклонился над ноутбуком, чтобы лучше видеть. – Да нет, не может быть! – сказал он наконец. – Кто, вот этот алконавт? Или Часовщик? Не верю. Ни один из них на Игрока не похож.

– Меня другое интересует. Я не пойму: где это? Не Андреевка, не Менделеево вроде. Назарьево?

– Да ты что, в Назарьево даже в те времена, когда я ходил в школу, было два с половиной дома. А здесь явно больше, вон сколько народу...

В это время картинка слегка сдвинулась, на заднем плане, очень далеко, появились высотные дома.

– Это где? Не узнаю, – нахмурился Илья.

– Как уехал, так совсем забыл нас, – усмехнулся Карим. – Двадцатый район, недавно достроили. – Он махнул рукой в сторону нового города.

– А-а, так это, значит, Кутузово. Оно еще живо? Странно.

– Ух ты! Так вот оно какое. Я ж там никогда не был, но от бабки слышу постоянно. Там поблизости ж как раз земля, из-за которой они судятся.

«С кем судятся?» – хотел спросить Илья, но тут внимание его привлекло происходившее на экране.

Среди тушивших появилась девочка-подросток на скейте с пластмассовым ведром в руке. Лихо разъезжая взад-вперед, она принялась активно помогать местным.

– Это еще что за чудо-юдо? – воскликнул Илья. – Протест «Синих ведерок» в обновленной версии. Слушай, и как это у нее так лихо получается? Я бы навернулся раз пятьсот.

В это время девочка повернулась спиной, на мгновение из-под капюшона ее толстовки высунулась хитрая крысиная мордочка.

– Человек не может так двигаться! – уверенно сказал Илья. – А она может. Что из этого следует? Либо она не человек, либо это обман зрения.

И тут ролик закончился.

– Это не обман зрения. И это не человек, а точнее – бывший человек, – сказал Карим, вынимая диск. – Это Игрок.

Илья застыл, пытаясь переварить услышанное.

– Девка?! – вскричал он, осознав, что Карим не шутит.

– Точнее сказать, ребенок, – поправил Карим, выключая ноут.

– Хрена себе ребенок! – делано возмутился Илья. – Ей лет пятнадцать, вполне уже трахать можно.

– Педофил! – хмыкнул Сатин. – Я думаю, этому Игроку на самом деле годочков побольше. В разы. Но выглядеть они могут как угодно, ты же знаешь.

– Да с чего ты решил, что это Игрок вообще? – не сдавался Скоробогатов.

Карим завел машину, и они поехали.

– Ты у народа ауры видел?

– Видел.

– А у нее?

– Черт... Не видел.

– Ну вот тебе и ответ. Больше в любом случае никто не подходит: обычные люди и Часовщик. И наконец: в капюшоне крыса сидела, заметил? Это помощник. Впрочем, не удивлюсь, если союзник, с помощью которого она энергию черпает, минуя колодцы, это ее скейт. А крыса – так просто. А может – они вместе.

– А может – синее ведерко!

Друзья в один голос рассмеялись.

– Да запросто, – заключил Карим. – Одно ясно: она Игрок. И неплохо бы ее найти.

Обратно ехали, оживленно обсуждая новость. Илья сидел рядом с Каримом на переднем сиденье, держа на коленях включенный ноутбук с запущенным роликом. Изображение было остановлено, на экране застыла девушка-Игрок, державшая в руке синее ведро.

– Итак, чем мы располагаем? – произнес Карим, не отрываясь от созерцания темной дороги.

– В Зеленограде квакнулись источники, – начал Илья.

– О причине этого никто не знает, – продолжил Карим.

– Или делает вид, что не знает, – уточнил Скоробогатов.

– И так может быть, – согласился Сатин. – Но если кто-то что-то и знает, просто так он нам этого не скажет.

– Потому что – себе дороже, – заключил Илья.

– Точно. Провидица рассказывает про какие-то танки и какое-то пламя... Слушай – вдруг оживился Карим. – А не может ли это быть связано с пожаром в Кутузово?

– Каким образом? – усомнился Скоробогатов. – По всему видно: обычный пожар. Уроды какие-то подожгли, хотят выкурить местных, это же очевидно.

Карим бросил на Илью быстрый взгляд.

– Чего? Не так говорю, что ли? – спросил Скоробогатов.

– Подожди, ты это откуда знаешь? Ты же в Зеленограде уже месяца четыре не живешь.

Стал накрапывать мелкий дождик, Карим включил «дворники».

– Да это ж очевидно. Стандартная ситуация. Крошечная деревенька на московской земле, а земля дорогая. Рядом стройка – по всему видно, что стройка, вон, проволока колючая, бетономешалки кусок влез, и гастарбайтер там мелькал. Жителей должны были расселить – но не расселили, хотят задаром избавиться. Вряд ли они сами сильно против новых квартир: тут не тот случай, что в Бутово. Устраивают поджоги – хотят, чтоб народ убрался.

– Так может, – медленно начал Карим, – и источники кто-то с той же целью?.. Чтoб народ убрался?

– Какой народ?

– Ну, маги.

– Какие маги-то? Все подряд? Люди? Джинна? Сатра? Кто? И вообще мы отвлеклись, давай дальше. Про танки.

– Танки, – послушно продолжил Карим. – Танки, танки... Провидица еще сказала, кстати, что мне угрожает опасность.

– Да? – воскликнул Илья. – А ты мне этого не говорил.

– Забыл. Вот теперь говорю.

– Во дает! Следи лучше за дорогой, как бы чего... Где у нас вообще танки есть? Не представляю.

– Ну, на выезде из города стоит танк.

– Один! – уточнил Илья.

– Один, – согласился Сатин. – И про танки я опять-таки регулярно слышу от отца. Кроме того – скоро День Победы, но это уже притянута за уши.

– А отец все еще на оборонку работает? – уточнил Скоробогатов.

– Ну да. Делают они эту электронно-оптическую защиту как раз для танков. Единственный завод в стране, а землю отобрать хотят. Вот они и судятся.

– А с кем судятся-то?

– Да бес его знает. Не то с правительством Москвы, не то с городской администрацией, я не вникал. Тут как раз эта драка, Снежана, потом меня выгнали – я и забыл. Сам хотел отца расспросить, что да как.

– Ладно, оставим пока это. – Илья выключил ноутбук, закрыл его и потянулся на заднее сиденье за сумкой. – Что делать с танками, мне пока совершенно не ясно. Если тут каким-то

местом задействован Игрок, то зачем это ему – я тоже не знаю. Но раз логику их поступков все равно не понять, будем искать Игрока как единственную версию.

– Где искать будем, в Кутузово? – усмехнулся Карим.

– А что ты смеешься? Хотя бы. Начать ведь откуда-то надо. Только завтра я тебе не помощник: начальство приезжает, надо быть на месте весь день. Так что давай уж сам.

– Хорошо, – вздохнул Карим.

Глава 9

Студент первого курса академии делового администрирования Вадик Иванов направлялся домой. Он шел по подземному переходу под железной дорогой, соединявшему старый город с новым.

Вадик возвращался довольно поздно, поскольку после занятий заглянул к девушке, потом – к друзьям и засобиравшись к себе, когда не ходили уже ни автобусы, ни маршрутки. Денег на такси у студента, как водится, не было, поэтому он намеревался преодолеть путь из одиннадцатого микрорайона в пятнадцатый пешком, затратив минут двадцать – двадцать пять.

Настроение у Вадика было самое радужное.

Во-первых, он сдал коллоквиум по маркетингу, а там были такие формулы, от которых у одноклассников волосы вставали дыбом. Во-вторых, Катя из второго потока, которая нравилась ему еще с одиннадцатого класса, наконец-то стала его девушкой. И третье, самое главное, что было гораздо значительнее двух других удач, вместе взятых, – решили с пацанами организовать в Зеленограде «Encounter» – командную городскую игру. В Европе и крупных городах России она существовала уже несколько лет, теперь должна появиться и в родном городе. Это ли не здорово?

Вадик приближался к выходу из перехода, когда навстречу ему по ступенькам не спеша двинулись двое неопрятного вида парней с крайне неприветливым выражением на лицах.

Они были людьми и к магам не относились, зато один из них держал в руке длинную трубу от старой батареи парового отопления.

– Эй, пацан. Дай денег. Очень надо. Правда, очень, – произнес тот, что был без трубы, чуть повыше ростом, чем его дружок, но более худой.

– Денег нет, ребята, – спокойно ответил Вадик.

Он не боялся таких встреч. На секцию и тренажерный зал у отличника Иванова никогда не хватало времени, к тому же врожденный астигматизм – Вадик носил очки – не позволял заниматься спортом слишком интенсивно. Но в крайних случаях всегда можно применить магию. Правда, сейчас энергию надо было беречь, старшие предупреждали, что в городе чрезвычайное положение.

Но кто помнит об осторожности в семнадцать лет?

– Ну как же так: «нет»? – послышалось из-за спины.

Вадик резко обернулся. Он и не заметил, как сзади подошел еще один «подельник», по виду ровесник Иванова, такой же грязный и оборванный, как его дружки с трубой.

– Слышь, братан, очень надо, веришь? Выручи «пятихаткой», а?

Он не требовал, а просил, причем вполне искренне.

Вадику стало смешно. Троица, побитая жизнью, кланчит у него пятьсот рублей, так что впопугу пожалеть их. Вадик и пожалел бы, если бы не чугунная труба.

– Пропустите, ребята, – не теряя самообладания, произнес студент, развернувшись вполоборота, чтоб не выпускать из виду заднего.

Парни переглянулись.

– Ды ты чего, не понимаешь, что ли? – обиженно, а вовсе не грозно произнес тот, что был «вооружен». – Мы же сейчас тебя этой трубой того... Не веришь, что ли?

Он потряс оружием, как бы подтверждая свои намерения.

– Да нет, верю, верю, – миролюбиво ответил Вадик. – Только денег у меня нет. Дайте

пройти.

– Ну ты че, очкастый! – рассердился худой «бандит». – Да мы тебя сейчас...

Второй взмахнул трубой.

Решив, что тянуть дальше нет смысла, Вадик запустил в него «огни Архангела Михаила» – горсть белых светящихся шариков, нацеленных врагу в глаза, уши и нос. Тот не мог их увидеть, но эффект незамедлительно почувствовал: выронив трубу, покотившуюся по ступеням с глухим звоном, парень схватился за обожженные места и заорал благим матом.

Стоявший рядом с ним «худой» прекрасно видел, что в руках у Вадика ничего нет, и не мог понять, что творится с его приятелем, поэтому замер в замешательстве. Но третий, к которому студент повернулся спиной, решил, что Вадик просто-напросто что-то швырнул нападавшему в лицо.

Не теряя времени, он прыгнул вперед. Вадик вовремя обернулся и, раззадорившись, огрел противника «длинной рукой». Тот оказался крепок, несмотря на хлипкое телосложение, и продолжал наскакивать на студента. Надавав ему тумачков, Вадик переключился на оправившегося от неожиданности «худого», который тоже вознамерился полезть в драку.

Он стоял дальше, поэтому «длинную руку» пришлось вытянуть, но Вадика это не смутило. Войдя во вкус, он отметелил всех троих, а под конец сражения, когда незадачливые грабители были готовы сделать ноги, «супергерой» ни с того ни с сего рухнул как подкошенный на землю.

Милиция появилась, как всегда, не вовремя.

То ли случайный прохожий, заслышав крики из подземного перехода, вызвал служителей правопорядка, то ли это просто был патруль. Но два милиционера, имеющих копыта, которых, впрочем, хулиганы не видели, примчались именно в тот момент, когда трое опешивших грабителей стояли над телом Вадика. Тот был несомненно и необратимо мертв.

Один – самый младший – бросился бежать, но у противоположного выхода его встретил еще один мент. Троих приятелей повязали, что называется, на месте преступления.

– Да мы не делали ничего, мы ему ничего не делали! – орал тот, что получил ожоги.

– Вызывай «Скорую», пусть констатируют, – сказал один сатра напарнику и совсем тихо добавил: – Перерасход.

...Вадик Иванов стал первой жертвой энергетического истощения, связанного с исчезновением источников.

Карим приехал в Кутузово рано утром, и деревня лежала перед ним сонная, даже, казалось, – неживая, если не считать строителей, активно подвозивших блоки. Машину он сообразил оставить далеко за пределами – идти сюда пришлось по вязкой раскисшей земле, колеса бы увязли в два счета.

Подходя к домикам – их было всего семь, и выглядели они сиротливо, – Сатин обдумывал, что скажет.

Пострадавший от пожара дом он заметил сразу: одну из его стен сплошь покрывала копоть, но особых разрушений не было. В огороде копошилась женщина в красной куртке – разгребала мусор и складывала его в огромные черные мешки.

Есть ли смысл спрашивать у людей про Игрока, Карим не знал. Неизвестно, видели ли они его, а точнее ее, вообще. А если и видели – могли не запомнить или дать неверную информацию. Имелся еще, правда, Часовщик, он-то уж точно видел Игрока, а возможно даже знает, где ее искать.

Но и для него требовалось придумать правдоподобную версию: «желтый» обязательно поинтересуется, зачем это молодому дейвону понадобился Игрок. А объявлять о своих истинных намерениях Карим считал преждевременным.

Часовщик тоже жил в деревне, его дом стоял по соседству. Сатин узнал и колодец, из которого брали воду для тушения пожара. Хозяин возился около агрегата, напоминавшего не то печь, не то горн. Во всяком случае, внутри чугунной громады пылал огонь, а сам хозяин был в фартуке и огромных рукавицах, в руке он сжимал щипцы.

И все же Сатин для начала отправился к женщине.

– Прошу прощения, – начал он, перегнувшись через ветхий заборчик.

Женщина выпрямилась, с интересом рассматривая Карима. Очевидно, она была рада, что ее оторвали от скучной работы.

– Вы не могли бы мне помочь? – Карим изобразил одну из своих самых обворожительных улыбок.

Медсестры в больнице при виде ее становились словно загипнотизированными и готовы были угождать доктору Сатину во всем.

– Всегда рада, что у вас случилось? – улыбнулась женщина, попавшись в сети обаяния Сатина.

– Я ищу девушку, она любит кататься на скейтборде где-то в вашем районе.

– Видели такую, – кивнула женщина. – Как раз на пожаре, очень нам помогла, умница. Она тебе кто, сестренка? Вроде похожи...

«Вот тебе раз, – подумал Карим. – И что теперь врать дальше?»

– А что, у вас пожар был? – спросил он, чтобы потянуть время и собраться с мыслями.

– Ох, – вздохнула женщина, стягивая матерчатые перчатки. – Еще какой. Залезли в окно, подожгли дом, сволочи. Выселить нас хотят.

– Кто?

– Татьяна! – раздался из дома недовольный мужской голос. – Ты скоро там?

– Да иду! – повернув голову, крикнула женщина. – Коттеджи они строят. Коттеджи, понимаешь. А нас – вон. И заступиться некому. Нас и в кадастровом плане нет, и даже налоги мы не платим. Нет нас, вышли все...

– Танька! Да с кем ты там?

В окно высунулось заспанное злое лицо мужчины.

– А ну, пошел отсюда! – рявкнул он на Карима. – Ходят ту всякие, смотрят, выпрашивают, а потом – бац! И поджигают. А ты с ним треплешься стоишь.

– Вы ошибаетесь... – начал Сатин.

– Сейчас я тебе ошибусь. Выйду да так ошибусь, костей не соберешь! – пообещал мужик.

Карим, поняв, что больше ничего не узнает, поблагодарил женщину, повернулся и пошел. Но путь ему преградил Часовщик: роста он был небольшого, но в руке держал увесистый молот.

– Что тебе тут надо, Сатин-младший? – неприязненно спросил он.

– Откуда вы меня знаете?

Карим был неприятно удивлен. По желанию сатра и распоряжению матери своего клана он не должен сейчас находиться в Зеленограде. Сюда он решил приехать лишь будучи уверенным, что в Кутузово его никто не знает. А вот, оказывается, знают. И хотя Часовщики – не сатра и не дейвона, это все равно не слишком удачный поворот.

– От верблюда! – отрезал «желтый». – Чего надо, спрашиваю?

Карим почувствовал, что морочить Часовщику голову бессмысленно, и сказал прямо:

– Я ищу Игрока.

Часовщик прищурился и посмотрел на Сатина так, словно хотел разобрать по винтикам.

– Тут их нет, – сказал он наконец. – С чего это ты решил поискать их здесь?

– Сейчас нет, раньше – были, точнее – была. Ее видели здесь, – сказал Карим, думая, почему Часовщик не понял, кто помогал местным тушить пожар. – Вот и ваша соседка говорит, что...

– Не слушай баб, – заявил Часовщик. – Никогда не слушай баб: пропадешь.

Сатин про себя усмехнулся: уроженцу желтой сферы не могло не быть известно об укладе, принятом у дейвона.

– Может быть, вы знаете, где живет Игрок? – решил вернуться к теме Карим.

– Не знаю, – отрезал Часовщик. – И тебе не советую. Незачем. А теперь прощай.

С этими словами он повернулся и отправился к себе.

Карим постоял несколько секунд, озадаченный, а потом зашагал прочь из деревни.

Пропрыгав по грязи, он кое-как добрался до машины, вытер припрятанной в бардачке тряпкой кроссовки и завел мотор.

Оставался только один вариант: расспросить об Игроке у местных скейтеров.

Вырулив на круг, Карим поехал через старый мост.

Этот вариант изначально ему не нравился. Несмотря на то что в городе имелось несколько специально оборудованных площадок, излюбленным местом тусовки скейтеров оставалась площадь у префектуры. Возможно, так проявлялся своеобразный патриотизм. Появляться на территории сатра средь бела дня Кариму совершенно не улыбалось, но выбирать было не из чего.

Солнечная аллея, институт электронной техники, поворот налево – и вот она, префектура. Сатин заехал со стороны Савелкинского проезда и припарковал машину у бизнес-центра – слишком близко, но зато удобно выезжать. Он поднялся по лестнице на холм и сразу заметил скейтеров.

Их было всего двое, что неудивительно – разгар рабочего дня. Совсем молодые парни, оба – люди, выписывали восьмерки на бетонных плитках, то приближаясь друг к другу, то разъезжаясь.

– Эй, ребята! – окликнул их Карим.

Один из катавшихся резко ударил ногой по краю скейта и, поставив его вертикально, остановился, одновременно разворачиваясь всем корпусом к Кариму. Второй подъехал и встал рядом, бесцеремонно уставившись на Сатина.

– Вы не видели здесь девушку... с крысой в капюшоне? – спросил он.

– А-а. Это Тень. Она здесь редко бывает, – ответил стоявший ближе парень и, повернувшись, заскользил прочь.

– Поищите в МЖК, – посоветовал второй. – Ей экстрим нравится.

– Спасибо, – обрадовался Карим.

Вот, это уже что-то.

И он направился в МЖК.

По городу Карим проехал без задержек, миновал храм и пансионат «Никольский парк» над озером. Добравшись до элитного района, он вдруг сообразил, что не был здесь очень давно, не меньше двух лет. За это время микрорайон заметно увеличился, дома росли, как грибы.

Карим сбавил скорость, размышляя, где же искать Игрока: детские площадки, беседка, школа, ресторан «Москва», клумбы, газоны... И многочисленные дорожки, где можно кататься.

Но почему именно здесь?

Припарковавшись в круглом уютном дворе, Карим оставил «Мерседес» и дальше пошел пешком. Наконец он понял, о чем говорил скейтер.

На окраине района, ближе к лесу, была сложена Горка. В свое время здесь проводилось торжественное открытие, даже праздник в шотландском стиле с волынщиками в красных клетчатых килтах. Карим тогда оканчивал интернатуру, готовился к экзаменам, и ему было не до того, но теленовости краем глаза видел. Высотой Горка превышала трехэтажный дом и, по сути, представляла собой альпинарий, только растений там ландшафтные дизайнеры высадили немного, большую часть составляли камень и вода.

Писали, что камни, из которых был сложен альпинарий, привезли с Уральских гор. Возможно, так оно и было.

На Горке был сооружен каскад – с вершины ниспадал поток, переходя в озерцо, снова вытекал из него, чтоб опять образовать водоем, и так несколько раз. Создавалось ощущение горной речушки, только в уменьшенном размере. По бокам тянулись ступеньки, в обе стороны от террас уходили дорожки с не сломанными пока скамеечками – в общем, рай, да и только.

Такие места облюбовывают расплодившиеся в последнее время паркурщики.

Но в этот час альпинарий пустовал.

Карим сделал еще несколько шагов, как вдруг увидел на левой боковой дорожке темную фигуру. Человек – точнее, нечеловек, как тут же понял Сатин, стоял вполборота, и Карим узнал его: Рафаэль Маркаров, «хозяин МЖК», как его называли.

Подняв свой район на европейский уровень, он завоевал любовь и уважение здешних жителей.

Верог глядел на струившуюся по камушкам воду и ничего не делал.

«Чего он ждет?» – подумал Карим.

Подходить слишком близко он не стал: остановился за деревом, стараясь, чтоб Маркаров его не увидел. Время шло, вампир не двигался. Карим уже начал жалеть о том, что приехал сюда. В самом деле: с чего он решил, что Игрок появится здесь именно сегодня? Мало ли что сказал тот парень...

Сатин и не подозревал, что в этот момент кое-кто следит за ним самим, притаившись на детской площадке.

Момент появления Игрока Карим пропустил. Девушка промчалась стремительно, как вихрь. Влетела на горку по левой дорожке, пронеслась мимо Маркарова и, достигнув вершины альпинария, совершила прыжок на другую его сторону. Когда она приземлилась, скейт стоял почти вертикально.

Карим невольно восхитился ловкостью девушки и порадовался за себя: он угадал верно. Такие фортели не способен выделывать человек или обычный нечеловек, Игроку же это было в самый раз.

Тем временем девушка совершила еще один прыжок, на этот раз в середину ниже лежащего озерка, угодив точно на плоский камень. Крутанулась, взвилась и очутилась на правой стороне. Затем исполнила поворот вокруг своей оси и скачок до самого низа к подножию альпинария.

Это был высший пилотаж даже для опытного скейтера.

Краем глаза Карим покосился на Маркарова.

Тот тоже, не отрываясь, наблюдал за Игроком, хотя не исключено, что он просто дремал или думал о своем.

Девушка резвилась минут пятнадцать, совершая прыжки на камнях – такие, что у Сатина каждый раз замирало сердце. Наконец она спустилась и встала на ступеньке чуть выше Маркарова.

Карим был уверен, что они оба его не видят, и решил рискнуть, применить чары.

В его магическом арсенале имелась одна полезная штука – «длинное ухо», с помощью которой можно было слышать разговаривающих на большом расстоянии. К несчастью, накладывалось оно не мгновенно, и половину разговора Сатин пропустил.

Но когда заклинание было готово, слова диалога словно потекли Кариму в уши.

– ...сам виноват.

– Но это мой бизнес!

– Объясни это горожанам.

Сказав это, Игрок оглянулась и подмигнула – словно видела прятавшегося за деревом Карима. У того душа ушла в пятки: сомневаться не приходилось, она его обнаружила.

Но Сатин продолжал слушать, не двигаясь с места.

– Вы хотите сказать, что это горожане уничтожили источники? – спросил верог.

– Разве я хочу это сказать? – фыркнула Тень.

– Но тогда кто?

– Думай сам. Я тебе не справочное бюро.

С этими словами Игрок унеслась прочь от альпинария. Через несколько секунд ее фигурка мелькнула в арке и скрылась за поворотом. Карим поспешил отойти вправо, чтоб не встретиться с вампиром.

Пытаться преследовать Игрока не было никакого смысла, поэтому Сатин просто

дождался, пока верог скроется в подъезде своего дома, и спокойно вернулся к машине. Некто, скрывавшийся на детской площадке, тоже осторожно двинулся к парковке.

Сев за руль, Карим задумался. Если он правильно понял слова Игрока – верог Маркаров виноват в том, что источники уничтожены. Точнее, виноват его бизнес. А какой у него бизнес? Он возглавляет строительную фирму.

Карим завел мотор и направил «Мерседес» к выезду из МЖК.

Кому же может помешать строительная фирма? Уж не деревне ли Кутузово?

«Мерседес» выехал на шоссе и набрал скорость.

Допустим, жители Кутузова злы на «Индастриал-строй-инвест». Вернее, тут и допускать нечего – конечно, злы. На их территории строят коттеджи, их насильно выселяют, префектура не заступает. Они стали искать свой способ борьбы. Пока все логично.

Карим выехал на Московский проспект, миновал его и оказался на Ленинградке.

Что же дальше? Жители деревни в семь домов объединились и уничтожили источники во всем городе? Да они даже не подозревают об их существовании, поскольку среди этих людей нет ни одного мага.

Среди людей нет, поправил себя Сатин, но там еще живет Часовщик, тот самый, который откуда-то знает его, Карима, и он-то точно чародей. Может быть, это он уничтожил источники в городе?

Но как бы он это сделал?

Каринка не складывалась.

Карим подъезжал к «Речному вокзалу», когда зазвонил мобильник: отец.

– Да, пап! – ответил Карим, включив микрофон.

– Привет, сынище! Как дела, как учеба продвигается?

– Да ничего, пап, все хорошо. А как у тебя.

– Да я в суде был. Сейчас вот на «Речном», вышел из метро, домой собираюсь.

– Ух ты, так я тоже поблизости. Может, встретимся, перекусим где-нибудь?

– Отличная мысль! Только я тут ничего не знаю.

– Я знаю, пап. Ты у какого выхода стоишь, у ближнего?

– Нет, у дальнего. Перепутал.

– А, ну стой там, я сейчас подъеду.

Карим отключился, перестроился в левый ряд и повернул в сторону торгового центра. Станция находилась совсем рядом, отца он увидел у киоска «Роспечати». Тот стоял и курил. Заметив знакомый черный «Мерседес», потушил сигарету и, бросив ее в урну, устремился навстречу сыну.

– Минздрав предупреждает! – погрозил пальцем Карим, опуская стекло.

– Угу. А купившему блок – одиннадцатую пачку бесплатно, – засмеялся отец, забираясь в машину. – Куда едем?

– А поехали на набережную, там симпатичная забегаловка есть, – предложил, трогаясь, Карим.

– Как скажешь, сынище, – кивнул отец.

Они проехали через парк Речного флота с бетонными скульптурами на воротах и повернули на набережную. Забегаловка оказалась шашлычной, но младший Сатин заявил, что шашлык здесь лучше не брать, а заказать купаты или баварские колбаски. Так они и сделали, взяв еще по пиву, – Карим пил безалкогольное.

– Мать переживает. Не пойму: чего переживать-то? Ты же взрослый уже, самостоятельный.

Отец отхлебнул светлого, совершенно без пены, пива из высокого стакана.

– Сама призналась? – удивился Карим.

– Да нет, конечно. Она же у нас стойкая. Молчит. Но я-то вижу. Слушай, сынище, а может, случилось чего? – Сатин-старший обеспокоенно взглянул на сына. – А то вы с матерью всегда молчите, заговорщики...

– Нет, пап, все в порядке, – поспешил успокоить его Карим. – Ты лучше расскажи, как

твой суд.

– Да... неважно, – сразу расстроился отец. – Этого Александрова, который хочет разместить в наших зданиях торговый комплекс, знать никто не знает, откуда он возник – неизвестно, однако документ купли-продажи у него на руках. Сделку, как утверждает, совершил в кафе: подошли и предложили купить здания СКБ «Горизонт». Как тебе нравится? Он и согласился. Купил у какого-то посредника, того, конечно, найти не могут, в общем, там такое... А теперь одна московская газетенка написала, что наш завод не является оборонным и никакой ценности для государства не имеет.

– Но это же неправда! – возмутился Карим.

– Неправда, и это можно доказать, но сколько нервов потрепали! – Отец тяжело вздохнул и приналег на еду.

Некоторое время они ели молча, пока Кариму не пришла в голову одна мысль.

– Слушай, пап, а у вас нет такого Часовщика...

– Кого? – откликнулся отец.

– Маленького такого, – тут же поправился Карим. – Ушастого и с большим носом.

– А! Так это Рассел. Ох и вредный мужичонка, – поморщился отец. – Любит повторять, что он абориген, родился в городе в год его основания. А мы – так, пришельцы.

– Сколько ж ему лет, получается? – задумался Карим.

– Да пятьдесят два, чуть больше, чем мне. Кстати, руки у него золотые. Все может, все умеет. Бесценный специалист.

– Он кто вообще?

– Инженер. А откуда ты его знаешь?

– Вообще не знаю, – помотал головой Карим. – Но он откуда-то знает меня.

– По-моему, он всех знает, – ничуть не удивился отец. – Мог видеть, когда ты заезжал за мной на завод и запомнить.

– За один раз? Мельком? – удивился Карим.

– У него феноменальная память.

– Понятно, – протянул Карим.

– Ты сейчас куда направляешься? – отец допил пиво и взглянул на часы.

– На строительный рынок. Хочу Илюхе помочь ремонт сделать, раз уж я у него «навсегда поселился», – улыбнулся Карим.

– А, это дело хорошее, – кивнул отец и поднялся. – А мне бежать пора. Пока доеду...

– Так подожди, подкину до остановки.

Они вышли из кафе, сели в машину и, доехав до остановки четырехсотого автобуса, распрощались.

«Может ли Часовщик, живущий в городе с рождения, вдруг захотеть его уничтожить?» – думал Карим.

В это верилось с трудом.

Карим пробыл на строительном рынке недолго, купил все, что требовалось, и вернулся домой засветло. Когда он наклонился над багажником, чтоб достать стройматериалы, кто-то хлопал его по плечу. Не разгибая спины, Карим обернулся... И лишь каким-то чудом успел отклониться от летевшего прямо в лицо кулака.

Сатин быстро выпрямился.

На него наседали двое невысоких типов в масках, неестественно черных, какого-то карнавального вида. Приняв стойку, как у боксеров, они атаковали с двух сторон, не слишком умело, но решительно.

Карим никогда не занимался ни боксом, ни единоборствами. Но гантели по утрам таскал, хотя и не каждый день. Поэтому для него не составило особого труда ткнуть одного из «ниндзя» кулаком под дых. Тот согнулся, но атаку второго Сатин пропустил. Незнакомец кинул Кариму в глаза чем-то вроде песка – не исключено, что это было заклинание, и, подхватив своего приятеля, бросился бежать.

Карим успел разглядеть лишь их спины.

Он был слегка ошарашен, бросать покупки не хотел, поэтому гнаться за незнакомцами не стал. Постояв с минуту, протирая глаза, Сатин вновь склонился над багажником.

«Бывает же», – подумал он, вытаскивая связанные вместе четыре рулона обоев.

Илье он решил не рассказывать о случившемся, чтоб не волновать его лишний раз.

Как ни старались власти скрыть причину несчастного случая, происшедшего с «коричневым» магом Вадимом Ивановым, информация все равно просочилась по сарафанному радио, что не добавило горожанам оптимизма.

Пожилая дейвона Наталья Андреевна узнала о происшествии от знакомой, находясь в поликлинике. Она истолковала сообщение по-своему и не стала дожидаться очереди к врачу, а во весь дух бросилась домой.

В большой четырехкомнатной квартире пенсионерку ждали две дочери, одна из них беременная, сын, муж старшей дочери и собака Глафира. Каждый из них был дейвона – ну, кроме Глафиры, конечно, если только она тщательно не скрывала это.

– Уезжаем! – прокричала Наталья Андреевна с порога, задыхаясь и кашляя. – Собирайтесь. Быстро пакуйте вещи.

– Что случилось, мама? – выскочила на крик из своей комнаты младшая дочь Алина, еще школьница.

– В городе беда. Москва гибнет. Москва гибнет! – затараторила мать, всплескивая руками. – Говорили, что продержимся, а люди уже умирают. Прямо на улицах падают. Уезжать надо, уезжать. Срочно! Собирайте вещи.

– Почему Москва? Мы в Зеленограде живем, – протянул зять.

– Да все едино. Все едино, все рядом, – махнула рукой женщина, бросилась к шкафу и начала вытаскивать из него чемодан.

– Мать, да куда ехать-то? – пришел в себя сын. – Я только что работу нашел.

– Ничего, найдешь другую. Программисты везде нужны. К сестре едем, в Самару. Давайте, живо. Живо, ребята!

Старшая дочь, придерживая рукой внушительный живот, испуганно хлопала глазами, глядя на мужа.

– Машка, тебе нельзя волноваться, – сказал тот. – Поедем, в самом деле, так спокойнее будет.

Глафира решительно гавкнула.

Они ушли к себе собирать вещи. Их примеру последовали остальные.

...Через час о скоропалительном отъезде семьи дейвона знал весь шестой район Зеленограда, и кое-кто воспринял это как сигнал к действию.

Когда Илья вернулся с работы, он застал дома обсыпанного мелкой известковой пылью Карима, со шпателем в руке взгромоздившегося на стремянку, ободранную кухню, в которой не было ничего, кроме раковины и плиты с вытяжкой, и заставленную кухонной мебелью комнату.

– О-о-о! – только и смог выговорить Скоробогатов при виде этой чудной картины.

– Что тебя удивляет? – улыбнулся Карим. – Мы же обговорили этот вопрос.

– Да, но я не думал, что ты все так буквально воспримешь, – пробормотал Скоробогатов, ошарашенно осматриваясь. – А лестницу ты где взял?

– Да на балконе лежала.

– Серьезно? Не в курсе был... Узнал что-нибудь?

– Узнал, – кивнул Карим. – Вот только пожрать не приготовил – увлекся.

– Это ничего, пожрать я купил, – заявил Илья, вытаскивая из сумки коробку с пиццей и еще какие-то пакеты. – Я тогда в комнату все несу, а то здесь последний день Помпеи... А ты закругляйся.

Через несколько минут наскоро умывшийся Карим уже сидел, втиснувшись за стол напротив Ильи, без церемоний расположившегося с пиццей на подоконнике.

– Интересно получается, – вещал Скоробогатов с набитым ртом. – Игрок дружит с вампиром.

– Я бы не сказал, что она с ним дружит, – возразил Карим.

– Да ладно, явно симпатизирует. Поперлась в МЖК специально...

– Она там катается.

– Почему именно там? В Зелике полно площадок.

– А альпинарий один, – вставил Сатин.

– Ладно, допустим, – проглотив наконец кусок, согласился Илья. – Но она дала ему понять – а заодно и нам, в чем нам очень повезло, – что кто-то все-таки специально уничтожил источники. И вроде как по вине этого верог.

– Ну, это если я правильно понял из их разговора. Но вообще – да. Хотя я никогда не слышал, что можно уничтожить источники по собственному желанию, да еще все разом.

– Исходим из того, что есть – Илья соскочил на пол.

Подойдя к столу, он налил себе чаю и, громко звеня ложкой, взгромоздился обратно на подоконник.

– Самый подозрительный тип во всей этой истории – твой Рас-Сел, Часовщик. Во-первых, он живет в Кутузово, которое громят, во-вторых, работает на заводе, у которого терки с... с кем там у завода проблемы?

– С этим странным мужиком по фамилии Александров, который хочет разместить в зданиях завода торговый комплекс, – откликнулся Карим.

– Да, именно. Что за мужик, кстати? – Илья разом отпил почти полстакана чаю.

– Понятия не имею. Отец сам его не знает.

– Ладно. Остановимся пока на верог. Он имеет отношение к вашему «Горизонту», как думаешь?

– Ух ты, да откуда ж я знаю? Он строитель. На первый взгляд вроде нет, не имеет.

– А спор идет только вокруг зданий или там еще земля?

– Земля тоже, – кивнул Карим.

– Тогда запросто может претендовать. Земля в Москве дорогая.

– Это уже Подмоскovie, Солнечногорский район.

– Какая разница! Такой кусок. Вернемся к нашим... Часовщикам. Рас-Сел злится на тех, кто выгоняет его из дома и лишает работы. И решает отомстить.

– Ага, каким-то немыслимым образом уничтожив колодцы во всем городе. То есть сам город. Он параноик, и при этом маг невероятной силы, причем такой, о котором никто не ведаёт?

– Да хрен его знает, – отозвался Илья. – А что бы ты сделал на его месте?

– Если бы точно знал, кто виноват, попытался бы выжить их из города. Но только их, а не всех разом. К тому же я не умею гробить источники. И не могу поверить, что умеет он.

– Н-да, что-то не получается, – нахмурился Илья. – Ладно, зайдем с другой стороны. Танки, пламя, что мы там еще знаем? Это можно как-то связать с Часовщиком?

– Он занимается разработкой противотанковой защиты.

– Все?

– Все.

Илья вздохнул и пробормотал:

– Вроде что-то знаем, а фигня полная...

– Мать советовала поговорить с дядей Мансуром. – Карим стал собирать со стола посуду.

– Это кто, дейвона? – спросил Илья.

– Ну, разумеется! – засмеялся Карим, унося тарелки.

– А где он живет? – крикнул Илья.

– Петровско-Разумовское, адрес где-то в кармане, – ответил вернувшийся из кухни Карим.

Илья взглянул на экран мобильного.

– Время восемь, можно еще съездить. Ты ему не звонил?

– Телефона нет. Или мать его не знает.

– Понятно. Ну давай сгоняем, вдруг повезет?

Карим подошел к стулу, на спинке которого висели его джинсы – для ремонта он надел старые шорты Ильи, – и, порывшись, достал скомканную бумажку с адресом.

– Бескудниковский бульвар, пятьдесят восемь «К».

– Что-то очень знакомое, ну просто до боли знакомое, – пробормотал Илья и бросился к компьютеру.

Через пару секунд поисковик вывел на экран карту.

– Ну точно! Там рядом «Микрохирургия глаза». Вот я в детстве туда помотался с родителями... Так это тогда от нас даже ближе, чем с «Петровско-Разумовской»...

– Угу. Только ехать неудобно, – заявил вставший за плечом Ильи Карим. – Смотри.

Путь пересекало железнодорожное полотно, чтобы попасть на ближайший мост, надо было сделать внушительный крюк.

– Ну-ка, а если до станции Ховрино, а потом на автобусе? – пробормотал Илья, задавая компьютеру маршрут. – Нет, все равно долго. Так на так и выйдет. Тебе карту распечатать?

– Давай на всякий случай, – сказал Карим и отправился одеваться.

Вовремя вспомнив про вино, которое дала ему мать, он прихватил бутылку с собой.

Глава 10

Командор зеленоградского языка «слышащих» ордена Изумрудных Крыльев Олег Силенгин редко приглашал подчиненных к себе поодиночке, но сегодня был именно такой случай.

Он вызвал своего ближайшего помощника Андрея Тудаковского, Наблюдатели заперлись в кабинете и, не доверяя даже собственным сотрудникам, установили дополнительное звукоизолирующее заклинание.

И у стен есть уши, а в обители языка «слышащих» – это очень чуткие уши.

«Бесцветные» сидели за небольшим полукруглым столом друг напротив друга. Перед Тудаковским лежал короткий, черный с серебряным жезл с остроконечным набалдашником.

– Что удалось установить? – вполголоса спросил командор.

– Именно то, что мы и предполагали, – ответил Андрей. – Желаете взглянуть?

– Позже. Сначала запоминайте инструкции. Кто бы ни был виноват в инциденте с источниками – мы это выясним. Чуть погодя. Сейчас главное не упустить такой случай.

– Вы имеете в виду сатра, командор?

– Разумеется. Теодоракес за последнее время стал слишком силен и вышел из-под контроля, даже возможного. Это нам очень, очень мешает. Раз уж судьба в лице неизвестного пока гения сделала нам такой подарок, грех не воспользоваться.

– Что я должен делать? – с готовностью спросил Андрей.

– В городе потихоньку назревает паника. Маги боятся остаться без энергии. Подогревать ее не стоит: люди и нелюди с удовольствием сделают это сами. Надо лишь направить ее в нужное русло. Толпе ведь нужен виноватый. А у какого клана – единственного в городе – сохранился колодец?

– У Акалонов, – прошептал Тудаковский.

– Именно. Значит, им одним хорошо, а всем остальным – плохо. Вот и доказательство вины. Надо ненавязчиво напомнить об этом другим кланам. Подумайте над способами. А сейчас пойдемте посмотрим.

Наблюдатели вышли из кабинета, закрыв дверь на кодовый замок. Они не воспользовались лифтом, а направились по длинному коридору, освещенному тусклыми лампочками. Коридор закончился запертой дверью, тоже с кодовым замком. Командор набрал шифр, дверь уехала в стену, и Наблюдатели ступили на узкий железный мостик, перекинутый над круглой шахтой.

В этой шахте раньше помещался подземный отрезок источника. Сейчас его не было.

Вдоль стенки вниз уходила узкая винтовая лестница.

«Бесцветные» сделали несколько шагов по мостику и оказались точно над центром шахты.

– Здесь? – спросил Тудаковский.

– Для начала – здесь, – кивнул Силенгин.

Его помощник вытянул руку с жезлом, предварительно повернув набалдашник.

Жезл засветился едва заметным желтоватым светом.

– Отлично! – в голосе командора слышалось удовлетворение. – А теперь спустимся.

«Бесцветные» загрохотали подошвами по металлическим ступеням винтовой лестницы.

Все знают, что подземная часть источника постепенно сливается с телом Силы Земли.

Если источник действительно иссяк, то никаких следов его существования нет и не может быть.

Спустившись на дно шахты, Тудаковский проделал тот же опыт с жезлом. Черный стержень вновь светился желтоватым светом, пожалуй, даже чуть более ярким, чем наверху.

– Итак, источник жив, мы видим это собственными глазами, – заключил он. – Вы оказались правы, командор.

– Чертовски приятно сознавать себя правым, – медленно ответил Силенгин. – Но главное сейчас – потеснить сатра.

– Я все сделаю, – кивнул Тудаковский, пряча жезл.

Когда Илья с Каримом подошли к машине, все четыре колеса оказались проколотыми.

Сатин разразился тирадой, гораздо более пространной и эмоциональной, чем его обычное «ух ты».

Илья стоял рядом, почесывая в затылке:

– Что ж делать-то теперь? Запаска есть?

– Ну есть – одна. Фак-келы ада! Это ж надо было так вовремя!

– В сервис тогда? – неуверенно сказал Илья.

– Да нет. Собрались уже, так поедem. Машиной с утра займусь. Хулиганье, руки бы поотрывал...

Друзья дошли до автобусной остановки и, совершив несколько пересадок, добрались до Бескудниковского бульвара. Громада клиники «Микрохирургия глаза» выросла по правую сторону. Молодые люди покинули автобус, перешли дорогу и направились в глубь дворов к стандартному серому дому номер пятьдесят восемь.

– Я кажусь себе частным сыщиком-недоучкой, – вздохнул Карим.

– Ничего, с тобой верный доктор Ватсон, не ссы! – чересчур жизнерадостно заявил Илья.

– Вот будет здорово, если дядя тут уже не живет, – пробормотал Сатин.

– А что, адрес несвежий?

– Подозреваю, что он старше меня, – отозвался Карим.

Скоробогатов присвистнул:

– Ну ты оптимист...

Дядя жил – если все еще жил – на первом этаже.

Из нужного подъезда выходила группа подростков, поэтому Илье с Каримом не пришлось озадачиваться кодом. Звонить тоже не возникло нужды – как только они подошли к двери квартиры, она распахнулась сама.

На пороге стоял пожилой дейвона, источавший крепкий серный дух. На нем был полосатый махровый халат и огромные, гораздо больше его ноги, шлепанцы с надписью «SPORT».

– Чувствую, кто-то ко мне идет, – протянул он слегка охрипшим, но бодрым голосом. – Вы кто такие, молодежь?

– Э... Мансур Фаритович? – чуть улыбнувшись, спросил Карим, хотя ему и так уже все было ясно.

– Ну, вроде я. – Старый дейвона прищурился. – А вот вас, таких бравых, не знаю...

– Я Карим, сын Гули Шарафутдиновой и внук вашего брата. А этом мой друг Илья.

- Ты внук Рината? Ба, как интересно! А я подозреваю – свистишь ты, парень!
- Почему же? – удивился Карим.
- А ну, зайдите-ка, – распорядился хозяин.

Молодые люди вошли в ярко освещенную прихожую. Она была оклеена обоями «под кирпич» и обставлена довольно скромно: небольшой шкафчик, галошница и овальное зеркало над ней. На галошнице стоял старинный, по нынешним временам, телефонный аппарат.

«Телефон все-таки есть», – отметил Карим.

– Ауры вижу. Так... Маги, стало быть, только сла-абенькие, – констатировал Мансур. – Но ты, парень, какой-то странный. Вроде и рога есть – но не дейвона ты. Ни разу.

– Да почему? – опешил Карим.

Илья стоял рядом, неловко переминаясь с ноги на ногу.

– Лицо у тебя уж больно человеческое, – заявил Мансур. – И на Рината ты ни капли не похож! И на Гульку не похож. Помню ее еще девчонкой, но помню отлично, на память пока не жалуюсь.

– Так я на отца похож, – ответил Карим. – Отец у меня человек. А я – полукровка.

– Хм... – Мансур хитро прищурился. – Чем докажешь?

– Вот же! – спохватился Карим.

Он полез за пазуху и вынул медальон на цепочке.

Старый дейвона еле взглянул на него.

– А ну и что? – заявил он ехидно. – Медальон дейвона – еще не доказательство того, что ты сам дейвона. Вот у тебя на часиках-то, я вижу, эхо маах`керу. Может, ты маах`керу?

Наконец, Карим сообразил, что дядя просто потешается над ним.

– Наверное, маах`керу, – согласился он.

– А твой друг – тоже «фиолетовый»?

– Нет, он slash, а в кармане у него три трупа, – заявил Карим.

– Вот, теперь верю! – засмеялся Мансур. – Проходи, племянничек. И ты, гость дорогой, заходи.

Дейвона Мансур жил один в большой трехкомнатной квартире. На самом деле, по площади она была не так уж велика, но из-за малого количества мебели казалась очень просторной, тем более для него одного.

Старик, похоже, соскучился по гостям, поэтому провел молодых людей по всему жилищу, демонстрируя холостяцкое обиталище.

Одна из комнат, самая большая, какую обычно отводят для приема гостей и просмотра телевизора, была отдана под кабинет-библиотеку. Книжные полки занимали стены целиком, сверху донизу, книги располагались мало того что за стеклом, так еще и были прикрыты картонными загородками.

– Чтоб не выгорало. Сторона-то солнечная, – пояснил Мансур.

У окна был втиснут компьютерный стол, на котором гордо возвышался плоский монитор. Системный блок, и не из последних, находился под столом. Видно было, что старик старается идти в ногу со временем. Кресло выглядело массивным, хотя и было вращающимся. Дейвона любил комфорт.

Следующая комната, самая маленькая, была отведена под спальню.

Большую ее часть занимала широкая тахта с горой подушек. На противоположной стене висел современный телевизор. Над тахтой тянулись полки с различными нужными и ненужными вещами, в основном сувенирами, большую часть из которых составляла декоративная посуда: всевозможные чашки, чашечки, пиалы, вазы, миниатюрные амфоры и тому подобное.

– Собираю. Дарят вот, – с гордостью пояснил Мансур.

Карим спохватился и достал припасенную бутылку вина.

– Вот, мама просила передать, – протянул он подарок.

– Гуля помнит, что я люблю домашнее вино? Откуда? Она же совсем крошкой была? –

умилился старик. – Ай молодец, девочка...

Наконец, он пригласил гостей в третью комнату.

Размерами она немного превышала спальню, но значительно уступала библиотеке. Пол здесь был застелен толстым персидским ковром, в котором ноги утопали по щиколотку. По всей комнате были разбросаны подушки всех цветов, размеров и форм, а в центре стоял кальян.

От предложения покурить гости отказались, что вызвало искреннее недоумение старика.

Однако приступить к делу удалось не сразу: Мансуру хотелось знать, как живет семья Карима, как завершил жизнь брат, о кончине которого он догадывался, но так и не дождался весточки от родственников; но больше всего его интересовало положение дел в клане дейвона в Зеленограде.

– Эльвира стала матерью клана? – поразился дядя. – Надо же, а ведь роковая была женщина. Остепенилась, значит, – произнес он, но, вовремя спохватившись, замолчал. – Так что у вас? С чем пришли, соколы?

– Дядя Мансур, мы пришли посоветоваться, – начал Карим, когда все расселись на ковре, а старик-дейвона развалился на подушках.

– Догадывался, что не ради забавы забрели, – кивнул Мансур. – Выкладывайте.

Карим начал подробно и обстоятельно рассказывать о том, как к нему в отделение привезли Снежану и что из этого вышло, как в городе погасли источники и чем это обернулось для него, Сатина. Упомянул он и о визите к провидице, и о встрече с Игроком. Не умолчал и об их с Ильей догадках, касавшихся Часовщика.

Дядя слушал очень внимательно, то и дело побрякивая, но не перебивая.

И только когда Карим закончил, сказал:

– Вот что, орлы. Вся эта история – чистейшая ерунда. Нет такой силы, подвластной магу, которая могла бы по его желанию уничтожить одиннадцать колодцев. Даже один ликвидировать невозможно.

– Но они действительно уничтожены! – воскликнул Карим.

– Да перестань, – махнул рукой дядя. – Не может этого быть. Не может, понимаешь? Колодец – часть энергетического поля Земли. Это как тело ее Силы. Если бы столько колодцев разом исчезли – город бы уже погиб. И я даже не могу представить масштаб катастрофы, способной испепелить источники. Землетрясение? Вулкан? Цунами? Всего этого мало!

– Ядерная война? – вставил Илья.

Карим шикнул на него.

– Вот в это я еще поверил бы. Но, насколько я знаю, ядерной войны вроде пока не случилось.

– Ну а если это не природные явления, а диверсия? Заклинания?

– Племянничек, нет таких заклинаний. Слава богу, что нет. Это невозможно.

– Но источники же... – пробормотал Карим.

– Ты видел все источники своими глазами?

– Нет, конечно. Кто мне их покажет?..

– Тогда зачем говоришь, ай-яй-яй!

Карим замолчал, совершенно обескураженный.

– А как нам истолковать слова провидицы? – решил он зайти с другой стороны. – Или ее не стоит воспринимать слишком серьезно?

– Провидцев всегда следует воспринимать серьезно, – наставительно сказал Мансур. – Повтори-ка мне еще раз все, что она сказала.

Карим сосредоточился и начал:

– Танки и самолеты. Много огня. «Пламя победы»...

Мансур сосредоточенно думал.

– Про самолеты и танки мы решили, что это может быть связано с заводом, –

осторожно сказал Карим. – Но победа... Что это значит? День Победы? Может, дело просто в сроках?

Мансур помолчал еще некоторое время, затянулся кальяном и закрыл глаза. Карим с Ильей уже начали думать, что он либо спит, либо забыл про них. Наконец старый дейвона очнулся.

– Здесь что-то не так. Нет логики. Я не знаю, в чем там дело с этой «победой», но раз о ней сказала провидица, значит, это какая-то вежа.

– Вежа? – переспросил Илья.

– Да. Провидцы не всегда видят картину целиком. Они ориентируются на вежи – символы, зацепки, понятия. Вам надо узнать, что такое это самое «пламя победы».

– Но где это можно узнать? – пожал плечами Карим.

– Что хотя бы искать? – вставил Илья.

– Я бы советовал почитать мемуары кого-то из воевавших магов, – медленно сказал Мансур. – Хорошо бы, конечно, найти «Дневники мага-воина», о них в свое время ходили легенды, но никто их так и не видел. Говорят, там есть много такого, о чем современные чародеи даже не подозревают. Возможно, проскользнет какая-то информация и о «пламени победы».

– Н-да-а, – протянул Карим.

– Весьма расплывчато, – вздохнул Илья.

– Попробуйте поискать. Если ничего не получится – приходите, подумаем вместе еще.

Мансур вновь закрыл глаза и затянулся, откинувшись на подушки. Друзья поняли, что больше они ничего не узнают. Тихо распрощавшись, Карим с Ильей надели куртки и вышли из квартиры.

На улице накрапывал дождик.

– Ну и где искать будем, в библиотеках? – кисло спросил Карим.

– Ты думаешь, к этим дневникам стоит отнестись серьезно? – спросил Илья, поднимая воротник куртки.

– Так нет же больше ничего! – отрубил Карим и двинулся к остановке.

– Эт точно. Ну, тогда начнем с тривиального – с Интернета, – сказал сам себе Илья и побежал его догонять.

И опять никто из друзей не заметил внимательных глаз, следивших за каждым их шагом.

Джинна, предпочитавший называть себя Александром Александровым, сидел в кресле у камина в своем особняке, и настроение у него было хуже некуда.

В суде слушание прошло вовсе не так гладко, как сулил ему Теодоракес. Видимо, свою роль сыграла пресс-конференция: зеленоградские писаки из «Сорок один плюс» до небес вознесли заслуги СКБ «Горизонт», опровергнув заказную статью в крупной московской газете, в которой автор пытался доказать, что предприятие не играет той роли, какую ему приписывают. Теперь получить эти помещения под торговый комплекс будет непросто, а главное – не удастся сделать это быстро.

Зазвонил телефон: заместитель префекта.

«Ишь ты, легок на помине», – удивился Александров, снимая трубку.

– Слушаю!

– Добрый вечер, это Теодоракес. У меня к вам вопрос, Александр. Вы не разговаривали с «бесцветными»?

– Нет. Мы же договорились, что ваш маг побалакает с ними сам.

– Совершенно верно. Денис пытался это сделать, но Наблюдатели отказались с ним встречаться.

– Как? Почему? – удивился джинна.

– А этого я не знаю. На мои звонки командор ордена не отвечает. И мне это совершенно не нравится, – заявил Теодоракес.

– Да черт их поймет, ищеек этих. Может, недоразумение? – буркнул Александров.

– Я бы воспринял это именно так, если бы не еще два подобных «недоразумения». Денис созванивался с матерью клана дейвона, чтобы от моего имени предложить сотрудничество. В другое время они были бы счастливы. Но в этот раз никакого восторга мать клана не выказала, разговаривала с ним очень резко и дала понять, что вряд ли согласится.

– Хм. Вот еще новости...

– И это не все, – продолжал Теодоракес. – Звонил маг из «Позитрона», я даже не разобрал его фамилию, у них там недавно сменилось руководство.

– Это люди?

– Да. Они выдвинули ультиматум: требуют предоставить им пользование колодцем за чисто символическую плату.

– Ни хрена себе, обнаглели... Гоните их в шею!

– Если интуиция не обманывает меня – все эти выпады не просто так. И я как никогда хотел бы разговора с «бесцветными», потому что чувствую, откуда дует ветер.

Джинна абсолютно ничего не понял, но счел за благо уточнить:

– Вы хотите, чтобы с командором встретился я?

– Вряд ли он будет с вами встречаться. Попробуйте связаться с Тудаковским. Спросите напрямую: что им известно? Не жалейте расходов. Это и в ваших интересах.

– Ладно, – пожал плечами Александров. – Как только что-нибудь узнаю, сообщу.

Он положил трубку и сразу же набрал номер помощника командора ордена Изумрудных Крыльев. Тудаковский ответил моментально, как будто ждал, и без всяких проволочек согласился встретиться.

– Сатра волну гонит на пустом месте, – проворчал Александров и нехотя стал собираться.

Он подъехал к офису одного из отделений Изумрудных Крыльев, когда совсем стемнело. Поставил джип на «ручник» и вышел из машины. У входа нажал кнопку видеофона и сообщил свое имя. Двери разъехались – одна вверх, другая вниз. Джинна вошел в полукруглый изумрудный холл, направился к лифту.

Двери пропустили его и закрылись, кабина пошла вниз. Этажом ниже гостя встретил охранник и длинным коридором провел в кабинет Тудаковского, после чего удалился.

Александров очутился в довольно тесном квадратном помещении с овальным столом и стульями вокруг него, несгораемым шкафом и экраном на стене.

– Прошу вас, садитесь, – заговорил сидевший за столом Наблюдатель. – Догадываюсь, что привело вас к нам. В наше смутное время всех интересует только один вопрос: кто уничтожил колодцы?

– Меня он тоже интересует, – заявил джинна, усаживаясь. – И вы знаете – кто?

Наблюдатель, склонив голову набок, с интересом смотрел на Александра.

– К сожалению, – сказал он наконец, – мы на сей раз не смогли ничего обнаружить. Виновник слишком хорошо замаскировал следы. Видимо, его возможности в этом городе очень велики.

Александров вздрогнул.

– Вы на что намекаете? – спросил он прямо.

– Как вы полагаете, господин Александров, – дружелюбно улыбнулся Наблюдатель, – если бы нашелся маг, способный сокрушить источники Силы, стал бы он уничтожать собственный колодец?

– Если только он на всю голову убитый, – пробурчал джинна.

– Мы пришли к таким же выводам, – медленно кивнул Наблюдатель.

Александров с минуту хлопал глазами, потом проговорил потрясенно:

– Вы что хотите сказать – что это сделали сатра?

Наблюдатель замахал руками:

– В том-то и дело, что мы этого не утверждаем. У нас нет никаких доказательств. Только логика.

Не помня себя и даже не попрощавшись, Александров поднялся и вышел.

«На автомате» сел за руль, машинально направил машину к выезду на проспект.

Не видя доказательств, выслушав лишь сомнительные рассуждения, он почему-то сразу же поверил «бесцветному».

Вот оно что! Вот почему Теодоракес, обещавший горячую поддержку в деле с помещениями конструкторского бюро, не проявил особого рвения, и Александрову пришлось крутиться самому. Сначала джинна посчитал, что «зеленый» не доволен процентами, поскольку рассчитывал на большее. Но теперь стало ясно: Теодоракес просто решил воспользоваться Александровым как подставным лицом, захватить землю и здания, а потом избавиться от посредника.

И еще – когда джинна недвусмысленно намекал заместителю префекта, что неплохо бы предоставить ему доступ к действующему колодцу, Теодоракес сделал вид, что не понял намека.

Конечно, что тут думать! Все кланы сидят на голодном пайке, пользуясь запасами, которые не так велики. И только Акалоны жируют. Каким же он был идиотом! Потому-то Теодоракес и не приехал на встречу с ним и верог в ресторане. Что ему выяснять, он и так все знает. Прислал своего мага, чтоб быть в курсе их с Маркаровым дел...

Стоп. Но зачем тогда Теодоракес послал его к Изумрудным Крыльям?

И снова ответ не заставил себя ждать. «Спросите напрямую: что им известно?» – сказал Акалон. Вот оно! Хотел знать, раскусили ли его Наблюдатели. А они раскусили, пусть не сомневается.

Мысли проносились в голове Александрова стремительно, одна за другой. Все казалось логичным и очевидным: враги, несомненно, сатра, и никто другой. Если бы джинна в этот момент посмотрел в зеркало, он бы увидел, что его глаза горят как два ярко-красных угля.

С утра Илья убежал на работу – пешком до метро, поскольку автомобиль Карима был не на ходу. А сам Сатин отправился разбираться с машиной. Стоя над пострадавшим «Мерседесом», он с минуту поразмышлял, возиться самому или плюнуть и вызвать эвакуатор. А может, оттащить колеса в шиномонтаж?

Тщательно осмотрев покрышки, Карим обнаружил, что одна из них порезана основательно – только выбросить, но три остальные вполне можно залатать. Видимо, злоумышленник торопился.

В конце концов Карим пошел в магазин «Автозапчасти», купил там три баллона с герметиком и занялся починкой. За этим увлекательным занятием он провел полдня, продолжая раздумывать, кто же так испоганил ему колеса, почему именно ему, когда остальные стоящие во дворе машины остались целы, и какие предпринять меры.

Оставлять автомобиль на том же месте очень не хотелось.

Приняв решение, Карим позвонил Илье с вопросом, не знает ли тот поблизости платную стоянку. «Безлошадный» Илья знал все. Отогнав «Мерседес», Сатин отправился домой пешком, что оказалось намного дольше, чем он рассчитывал. По дороге подумал, что за все это время ни разу не позвонил Снежане, постоянно находились какие-то более важные дела. Ввалившись в квартиру усталый и злой, Карим не стал готовить обед, а просто упал на диван и уснул до вечера.

Разбудил его только вернувшийся с работы Скоробогатов.

– Эй, ты дома? Серый! О, дрыхнет!

Карим сквозь сон услышал голос друга и что-то пробурчал в ответ.

– А я сегодня целый день как ошпаренный, – вещал Илья, стягивая джемпер. – Не было ни минуты, чтобы поискать эти «Дневники».

– Ну так вместе и займемся, – произнес Карим, садясь на диване и с трудом разлепляя глаза.

– Да ты чего, что с тобой?

Илья подошел поближе и, нагнувшись, заглянул другу в лицо.

– Да не знаю. Навалилось, видимо. В последнее время столько всего сразу... А тут, с

этой машиной – не выдержал. Отрубился, – улыбнулся Карим.

– Сейчас мы тебя взбодрим! – воскликнул Илья. – У меня, между прочим, коньяк есть.

Он полез на антресоли над дверью и извлек оттуда стеклянный сосуд в виде коня, наполненный коньяком.

– Вот, с Таманского полуострова привез. Хотел папаньке подарить, но мама как завелась! Нет, говорит, и все тут, забирай. Ну, я и забрал, только с кем мне его пить?

Он поставил «коня» на стол и полез в сервант за рюмками.

– Коньяк можно и в одиночку, – улыбнулся Карим, придвигаясь к столу. Ему даже не пришлось вставать с дивана: мебель со вчерашнего дня была плотно притиснута друг к другу.

– Одному скучно, – заявил Илья, откупорив «лошадь» и принимаясь разливать содержимое. – Правда, мне тут уже сказали, что этот сувенирный коньяк обычно бывает хреновым, но извиняйте: не знал. Другого все равно нет.

– Да ладно, сойдет, – Карим осторожно пригубил. – Нормальный, по-моему. Попробуй!

– Я не разбираюсь. – Илья взял рюмку и сделал большой глоток. – Фу! Гадость. Но я тебе верю. Пойду ужин приготовлю.

– Да подожди, я с тобой... – Карим допил свою рюмку и, окончательно проснувшись, слез с дивана.

На сей раз они ограничились макаронами и полуфабрикатными котлетами, что ничуть не испортило им аппетита. После ужина Илья засел за компьютер искать «Дневники мага-воина», а Карим занялся обоями. Для кухни он купил светлые моющиеся, с геометрическим рисунком. На вопрос, нравятся ли такие Скоробогатову, тот пожал плечами и ответил: «По барабану».

– Что-то я не вижу никаких дневников, – сообщил Илья через полчаса усиленного поиска.

– А «пламя победы» не искал? – прокричал через стенку Карим, намазывая клеем обойную полосу.

– Искал, нету. Похоже, опять придется лезть в закрома.

Какие такие «закрома» были припасены у Ильи на случай поиска всяких редкостей, Скоробогатов никому не рассказывал, даже Кариму, но результат, как правило, не заставлял себя ждать. Так случилось и на этот раз.

– Гляди-ка, нашел. Но это же... Что же это такое? Серый, ты только полюбуйся!

– погоди, чуть позже, – откликнулся Карим.

– Да ты посмотри, сейчас упадешь!

– Это точно. Грохнусь, если ты мне прямо сейчас не поможешь... Иди сюда, а?

– Ну вот еще! – делано возмутился Илья, но со стула встал и даже дошел до кухни.

Карим стоял на лестнице, разглаживая на стене верхнюю половину обойной полосы.

– Натяни снизу, пожалуйста, – попросил он.

Скоробогатов пробурчал что-то, но помог. Когда с этим куском было покончено, друзья вернулись в комнату.

– Вот, читай, – гордо ткнул Илья пальцем в монитор.

– «Способов борьбы с «пламенем победы» во время Второй мировой войны найдено не было»... Ссылка удалена. «Пряжка с надписью «С нами пламя победы» принадлежит джинна, офицеру войск особого назначения»... Ссылка удалена. Ну здорово. А что ты так кричал?

– Да ты ниже читай!

– «Пламя победы» – энергия взрыва... Единственный документ, содержащий описание заклинания «пламя победы», дневники мага-воина джинна, утерян во время Великой Отечественной войны»... Это и все, что ли?

– А тебе мало? – возмутился Илья.

– Ну, значит, прав был дядя Мансур – действительно нужны эти самые дневники джинна. Только где их взять? – задумчиво протянул Карим.

– Это все, что ты понял? – скривился Скоробогатов.

– А что еще? – Карим снова взгляделся в надписи на экране.

– Ну ты тормоз, серый. Смотри: джинна, энергия взрыва, заклинание. Тебе это ни о чем не говорит?

– Н-нет, – пожал плечами Карим. – Вообще ни о чем. И с источниками как-то не связано...

– Да метро же! – почти закричал Илья. – Взрывы в метро! Там были джинна и заклинание, которое я не смог определить.

– Ну-у-у, знаешь ли, – Сатин развел руками. – Ух ты ж параллели проводишь! Война – взрывы и взрывы в метро – разные вещи.

– А я вот чувствую – это из одной серии, – заявил Илья. – Неизвестное заклинание, джинна, взрыв – три пункта совпадают.

– Я думал, программисты должны руководствоваться логикой, а не интуицией, – возразил Карим.

– А врачи чем руководствуются?

– Клиническим мышлением. А у кого его нет – те используют накопленный багаж знаний. Но с одним багажом можно влететь... А клиническое мышление все равно в первую очередь строится на логике, а не на интуиции...

– Так это и есть логика. Просто ее тонкие структуры тебе недоступны! – с самым серьезным видом изрек Илья.

– Ух ты! Ну тогда – конечно, – произнес Карим, пряча улыбку. – Но если даже это касается взрывов в метро, чем это поможет нам с источниками?

– Не знаю. Может – и ничем. А может, это тоже как-то связано, провидица же не зря сказала...

Карим длинно свистнул.

– Ну это уже перебор. Может, джинна и колодцы взорвали? Тихо, мирно, так, что никто не слышал?

– Думаю, стоит поставить в известность «Семь холмов». Расследование-то до сих пор никаких результатов не дало, – не обращая внимания на реплику Карима, произнес Илья.

– И что ты им покажешь, полустертые ссылки? Не маловато? Что это даст? – Сатин протиснулся к дивану и уселся на него.

– Предлагаешь сначала встретиться с джинна из Центрального землячества, с ними перетереть? – задумчиво сказал Илья. – Пожалуй, ты прав. Так и сделаем.

Он вышел из комнаты и направился в санузел. Карим остался сидеть с раскрытым ртом.

– Это предложил я? – наконец сказал он сам себе.

– По-моему, встречаться с джинна просто безумие, – заявил Карим, когда Илья вернулся. – Во-первых, кто мы такие? Во-вторых, если они виноваты во взрывах, то...

– Ладно, ну а что тогда? – Скоробогатов сел на диван рядом с другом.

– Разумнее было бы рассказать все дяде Мансуру и попробовать вместе отыскать дневники.

– Это где же?

– Ну не знаю. У тех же Наблюдателей...

– Если бы Наблюдатели были в теме, они давно бы уже этим воспользовались.

– Ух ты! И как же, интересно? Сами что-нибудь взорвали бы? Шантажировали бы джинна?

– Откуда ты знаешь, что они этого не делали? – разозлился Илья. – Я бы не взялся угадывать, что нужно Наблюдателям. Ни хрена они не скажут, даже за большие бабки.

– Наверное, ты был прав. Звони своему руководству, пусть они думают.

– Ну вот, никакой инициативы, – проворчал Илья, сразу успокоившись.

Поднявшись с дивана, он подошел к стоявшему на подоконнике телефону и набрал номер Инакова.

– Антон Николаевич? Тут такое дело... Я, кажется, кое-что нарыл по взрывам... Да.

Лучше бы вы к нам, с вашего компьютера могу не пробиться. К тому же у меня прокся стоит, и вообще... Ждем. – Скоробогатов положил трубку и повернулся к Кариму: – Давай, что ли порядок наведем...

– Интересно, как ты себе это представляешь? – пробормотал Сатин.

Вскоре прибыл Инаков. Илья представил ему Сатина, в двух словах объяснив, почему тот теперь живет у него.

– Хм, надо же, – удивился Антон, пожав Кариму руку. – Я думал, что каждый клан, каждая ложа – сама за себя. Чтобы дейвона помог маах`керу и по этой причине был вынужден скрываться у человеческого мага – это для меня новое.

– Ну... – смутился Карим. – Я лишь наполовину дейвона.

– М-да? – Инаков искоса взглянул на нового знакомого. – А по виду не скажешь...

– Ну вот, – засмеялся Сатин. – А мой дядя считает как раз наоборот.

– А твой дядя, небось, чистокровный дейвона?

– Точно, – ответил Карим.

– Тогда это неудивительно. Ну показывайте, что вы там накопили. – Антон снял куртку и повесил на гвоздь.

Друзья повели его к компьютеру.

– А это что же за такое оригинальное дизайнерское решение? – недоуменно покосившись на сдвинутую мебель, спросил начальник.

– Это серый решил мою берлогу облагородить. Вот... – Илья показал на экран.

Антон достал из нагрудного кармана очки, нацепил их на нос и некоторое время молча изучал ссылки.

– Даже не знаю, что тут и сказать... – наконец протянул он. – Доказательств того, что взрывы в метро устроили джинна, я не вижу. Но побеседовать с ними о дневниках может быть очень даже полезно.

– Я же застал их на месте преступления! – воскликнул Илья. – Какие еще нужны доказательства? А это – недостающее звено.

Инаков вздохнул и потер переносицу:

– Тех, кого ты застал, уже нет на свете. А оставшиеся ведут себя так, словно ни при чем. Они бы и сами не прочь узнать, как все это случилось.

– Дурака включают! – уверенно заявил Илья.

– В общем, я звоню Галкину, вместе подумаем, как быть.

На протяжении следующих минут Антон усиленно пытался поговорить с главой «Семи холмов». Телефонный голос утверждал, что «абонент в сети не зарегистрирован», просил оставить голосовое сообщение, потом Инаков дозванивался, но все повторялось снова.

Наконец ему надоела эта канитель, и он решил применить магию.

Это помогло, он дозвонился. Инаков не стал излагать шефу все подробности, остановился только на ссылках, найденных Ильей. Ему пришлось повторить их содержание несколько раз, снова согнувшись над монитором и буквально прилипнув к нему взглядом.

Под конец Антон почти кричал и вытирал пот со лба – даже магия не помогала одолеть московскую телефонную сеть.

Наконец он отключил телефон и грузно плюхнулся на диван, фыркая и отдуваясь.

– Шеф как раз зашел на регистрацию в аэропорту, – объяснил он. – В европы собрался, по делам фирмы. Еле втолковал...

– Ну и что он сказал? – спросил Илья.

– Одобрил, в общем. Сказал, что с джинна предварительно сам договорится, а нам сообщит.

– Ух ты! Из аэропорта договорится? – недоверчиво спросил Карим.

– Сказал – успеет, значит, успеет, – ответил Инаков. – Подождем, обещал перезвонить.

– Может, пока по коньячку? – предложил Илья.

– Эх, с удовольствием бы. Но я ж за рулем, – огорчился Инаков.

– Можно было бы на моей, но я уже пил, – смущенно улыбнулся Карим.

– А ты что, починил ее уже? – удивился Илья.
– Да, залатал герметиком. А одну поменял.
– Представляете, Антон Николаевич, кто-то испоганил Кариму покрышки.
– Причем такое впечатление, что это не просто хулиганы испортили первую попавшуюся машину, – добавил Карим. – Охотились, похоже, именно за моей.
Инаков задумался.
– Неужели помешал кому?
– Боюсь, что так. Мне еще и морду набить пытались, – и Карим рассказал про случай во дворе.
– Все это очень странно, – нахмурился Инаков. – Но лично мне кажется, что ты на правильном пути, потому кто-то и забеспокоился.
– Обычно с теми, кто на правильном пути, бывает так... – Илья с силой вдавил кулак в ладонь.
– Да уж, – протянул Антон. – Будьте поосторожней, парни...
Телефон разразился трелью. Инаков схватил его и прижал к уху:
– Да!
Пару минут он лишь слушал и молча кивал.
Потом произнес: «Я тебя понял, гражданин начальник» и нажал кнопку сброса.
– Значит, так, орлы, – сказал Антон. – С джинна встречаемся завтра. «Оранжевый» по фамилии Амуров, после гибели Средин он в Центральном землячестве за главного. Галкин сказал: ну очень воспыал энтузиазмом с нами пообщаться.
– Ух ты! Ну, к лучшему, – заметил Карим. – Во сколько?
– Встреча назначена на одиннадцать, спускайтесь на улицу в девять тридцать. Буду ждать. И не опаздывать!
– Договорились, – кивнул Илья.

Глава 11

Утро для Теодоракеса началось как обычно.
Он поднялся, поел и собрался на работу, а вот когда вышел из подъезда и направился к «Тойоте», случилось нечто непредвиденное. Из-за кустов, тянувшихся вдоль дорожки, выскочил неизвестный с пистолетом и успел сделать несколько выстрелов.
К счастью для Теодоракеса, убийца целился в грудь.
Вовремя – или почти вовремя – появившиеся охранники-сатра помешали ему сделать выстрел в голову. Бросив пистолет, неизвестный пустился наутек, но был моментально схвачен, заместитель префекта не успел даже толком испугаться. Два бравых Акалона заломили преступнику руки и повалили его на землю.
Шофер, сидевший за рулем, вообще не слышал выстрелов и забеспокоился только тогда, когда увидел сбежавшихся людей.
– С вами все в порядке, шеф? – крикнул один из охранников, крепко державших неудачливого убийцу.
– Да, как видите, – отозвался Теодоракес, приходя в себя. – «Драконий панцирь» – хорошая вещь.
Теодоракес помнил убийство заместителя префекта в две тысячи первом году и с самого вступления в должность редко расставался с усиленным чарам бронежилетом.
Охрана между тем надела на оказавшегося человеком киллера наручники.
– Кто тебя послал? – один из охранников тряхнул преступника за плечо.
Пойманный хмуро молчал.
– Пушка солидная, – произнес другой телохранитель, разглядев брошенное убийцей оружие.
– Так, Неоптолем, вези этого к Георгию, – принялся командовать Теодоракес. – Дознайтесь: кто заказчик и что все это значит. Я пока останусь тут, вызову Дениса, пусть

применит, если понадобится, «открытие памяти». Ментов в известность пока не ставить.

– Будет сделано, шеф! – отозвался первый охранник, заталкивая киллера в машину.

Теодоракес решил пока вернуться домой – ему надо было подумать.

Через час он получил сведения, которые удалось вытрясти из киллера. Знал тот, впрочем, немного, но «открытие памяти» сделало свое дело. Под описание заказчика убийства подошел джинна Александров.

Теодоракес не чувствовал ни удивления, ни злости. Он ожидал, что рано или поздно произойдет что-то подобное. Александров всегда казался ему недалеким жадным выскочкой. Сатра был даже рад, что появился законный повод от него избавиться.

Он набрал номер старшего мага клана.

– Денис? Возьми из архивов фотографию Александра Александрова, джинна. Там их несколько, выбери любую.

Фотография нужна была для энвольтации на смерть.

Кариму снился очень яркий и реалистичный сон.

Он старательно роет землю – долго, без лопаты, одними руками, с ног до головы перепачкавшись и ужасно устав. И в конце концов откапывает люк в подвал. Спускается по крутым истертым ступеням в плохо освещенное помещение и видит лежащую на полу книгу. Книга толстая, огромный фолиант, Кариму едва удастся поднять ее – настолько она тяжелая. Сатин садится на пол, открывает книгу – в ней одни иллюстрации. Он изо всех сил пытается разглядеть мелкие детали, но в этот момент кто-то трясет его за плечо...

Карим открыл глаза.

Илья стоял над ним в трусах и футболке, всклокоченный, и действительно тряс за плечо.

– Ты чего стонешь, серый? Кошмары мучают?

Сатин сел на постели, стараясь проморгаться.

– Ух ты... Сон, надо же, – пробормотал он. – А казалось, что явь...

– Может, в руку? – хмыкнул Илья, протискиваясь к окну, чтобы отдернуть занавески.

Комнату залил солнечный свет.

– Мне снилось, что я рою нору и откапываю подвал. А там – книга. Тяжелая такая, как бетонная плита. А в ней мелкие картинки – но я не успел их разглядеть, ты меня разбудил...

– Вот зараза, – с досадой отозвался Илья, пробираясь обратно. – Может, узнали бы чего. А сон – как по классическому гештальту.

– Чего? В смысле, про гештальт я слышал, но не разбираюсь.

Илья присел на подоконник и увлеченно заговорил, помогая себе жестами:

– Гештальт – это образ, да? Ну вот есть психологические тесты. Сначала человека заставляют представить, что он идет по лугу, потом – что видит розовый куст, потом вулкан, потом – машину, еще там какая-то хрень... Ну и оценивают его адаптированность, сексуальность, да много там всякого, не помню. Когда-то интересовался, сейчас выветрилось уже. А в самом конце – как раз этот подвал с книгой. – Илья поскреб небритый подбородок.

– Да? – удивился Карим. – И что это значит?

– Да хрен его знает! Не помню.

– Ну вот, – фыркнул Карим. – А я думал, что мы сейчас найдем ответы на все вопросы. Чур, я первый умываться!

Он побежал в ванную, а Илья пошлепал на кухню.

Ванная была единственным недавно отремонтированным помещением в квартире. По этой причине она совершенно не вязалась с общей разрухой и вызывала у Карима странные чувства.

Здесь имелся зеленый, под малахит, кафель, зеленая же сантехника, зеленые шкафчики – под раковиной и на стене. Даже зеркало было каким-то зеленоватым. И сам Карим казался себе в нем жителем подводного мира или свежеобращенным зомби.

Что за странный вкус был у сотворившей это безобразие хозяйки – оставалось только догадываться.

Карим почистил зубы и взглянул на часы, подаренные маах`керу. За все эти дни он ни разу не позвонил Снежане – не было времени. Как только они вернутся от джинна, каким бы ни был результат разговора, надо звякнуть ей обязательно. И возможно даже – встретиться.

Карим взял с подзеркальной полочки флакон с пеной для бритья, выдавил на руку пышный конус и принялся намыливать лицо. Пену спихнул ему Скоробогатов, который сам пользовался обычным «Детским» мылом, утверждая, что на все остальное у него аллергия. «Жена дарила на последнее двадцать третье февраля, – поморщившись, заявил Илья. – Притащила зачем-то. А я зачем-то взял».

Всякое воспоминание о прежней семейной жизни вызывало у Ильи приступ жалости к самому себе. «Лучшие годы пропали!» – едва ли не заламывая руки, восклицал Скоробогатов. Карим в такие минуты начинал над ним смеяться: он не мог серьезно относиться к заявлениям человека, в двадцать три года сожалеющего о потерянных годах.

Сам Карим женат никогда не был, большую часть времени, сил и души отдавал работе. Бурные страсти в его жизни периодически случались, но любовью он бы это не назвал. Личная жизнь его больше походила на спорт, экстрим, типа прыжков на тарзанке. Бывало, что из-за него мучались, страдали, лили слезы, ловили каждое слово и считали его смыслом жизни. Он искренне не понимал, почему это происходит и чем он заслужил «такие чувства».

Станок был уже несколько туповат, и Сатин взял новый. Черт его знает, какое значение придают эти джинна внешнему виду, лучше перед важными переговорами перестраховаться, чтобы произвести приятное впечатление.

Побрившись, Карим вышел из ванной.

В квартире уже витал аромат пряностей, которыми Илья щедро сдобрил традиционный «легкий европейский завтрак».

– Пока ты там наводил макияж, я уже все съел, – буркнул он, устремляясь в ванную.

На сковородке, впрочем, оставалась добрая половина яичницы, потерявшей свой изначально желтый цвет из-за того, что была густо посыпана приправами, и Карим, не отходя от плиты, быстренько ее уничтожил. Правда, ему пришлось тут же запить проглоченное водой – адская смесь пряностей, сотворенная Ильей, оказалось чрезмерно острой даже для дейвона.

Вернулся хозяин.

– Сколько там натикало? – спросил он. – А то Антон вот-вот явится...

Карим взглянул на часы:

– Да уже сейчас.

Он кинулся в комнату одеваться, Илья, недовольно ворча, потащился следом.

Тут раздался звонок на телефон Скоробогатова: звонил Инаков.

– Да, Антон Николаевич! – прокричал в трубку Илья, прижимая ее головой и пытаясь одновременно влезть в брюки. – Да, выходим! Побегли, ждет он уже...

Адресовав последнюю фразу Кариму, Илья пулей понесся в прихожую. Через несколько секунд они были уже на лестничной площадке. Но стоило Илье начать спускаться по ступенькам, как в лицо ему полетела горсть белых огненных шариков. Он едва успел дернуться в сторону, но все равно один шар зацепил ухо, запахло горелой кожей.

– А-а! – заорал Илья от неожиданности.

Карим позади него рефлекторно присел, шарик проехался по его макушке, опалив волосы.

– Черт!

Не успев толком понять, что происходит, Карим сотворил щит. Следующие шары, пошедшие уже ниже, разбились об него. Илья тоже метнул что-то светящееся в мага, стоявшего возле окна на площадке между этажами.

Тот сумел увернуться. Заклинание Ильи врезалось в стекло, во все стороны змейками побежали трещины, но стекло устояло. В ответ противник сотворил нечто не очень понятное – в сторону друзей потянулись тонкие белые лучи, собранные в пучок, но при этом четко различимые.

Не успевший увернуться Илья инстинктивно закрылся руками. Лучи, словно иголки, усеяли кисти рук и тут же исчезли, оставив множество точечных следов, будто от уколов. Скоробогатов громко выматерился.

Карим начаровал «пузырь пустоты», но враг легко блокировал это заклинание и бросился бежать. Друзья кинулись за ним. На выходе из подъезда кто-то, похоже, преградил неведомому магу дорогу. Что-то ярко вспыхнуло, послышался громкий хлопок, вскрик, потом удар, дверь подъезда сорвало с петель.

Карим увидел, как враг сцепился врукопашную с подбежавшим Инаковым. Сатин бросился было на помощь, но неизвестный, мощным рывком отшвырнув Антона, упавшего прямо на дверь, кинулся от подъезда в сторону дороги.

– Стой!

Карим метнул было ему вслед «кокон Артемиды», но тот вышел некачественным. Вместо сети из серебристых нитей получился сноп серебряных искр и тут же растаял в воздухе.

– Еж твою двадцать, – пропыхтел Инаков, поднявшись на ноги и поглаживая ушибленное плечо. – Это что же за такое?

– Главное – чье? – поморщился подоспевший Илья. Тыльные стороны его ладоней были усеяны капельками крови.

– Вечно тебе достается, – покачал головой Инаков. – Пошли, у меня аптечка в машине.

– Кто-нибудь его рассмотрел? – спросил Карим, вслед за Антоном и Ильей направляясь к стоящей поодаль желтой «Калине» хэтчбек.

– Да я вообще опомниться не успел, – заявил Илья, оглядываясь на Карима, и тут же воскликнул: – Мать-мать-мать! Да ты глянь, серый...

Он указал пальцем на грудь Карима. Тот опустил голову и чуть не вскрикнул: вся куртка спереди свисала длинными полосами, рубашка под ней тоже оказалась испорченной.

Но ран на теле не было.

– Ух ты ж ни черта себе! – проговорил Сатин, проводя руками по этим лохмотьям. – Я-то думал, это «огни Архангела Михаила».

– Нет, – покачал головой Инаков. – Это нечто иное...

– Оно вроде поверхностное, насколько могу судить, – произнес Илья, тоже рассматривая куртку Карима. – Ущерб от него небольшой, практической пользы никакой, на черта оно вообще нужно, не понимаю...

– Однако щит пробило, – пробормотал Карим.

– Это кто ж дверь-то снес? – раздался визгливый женский голос. Друзья как по команде обернулись. – Хулиганы! Варвары! И стоят, как ни в чем не бывало!

В зияющем проеме подъезда, уперев руки в бока, стояла грозного вида немолодая женщина в вязаном бордовом берете и такого же цвета расклепленном пальто.

– Это не мы, тетя Нина! – принялся оправдываться Илья. – Мы сами пострадали!

Он поднял руки, которые за это время приняли весьма жутковатый, из-за сочившейся крови, вид. Увидев это, женщина сменила гнев на милость и принялась причитать.

Тем временем Инаков вынул из кармана брелок. Машина отозвалась на нажатие, щелкнул замок. Он открыл багажник, достал аптечку. Покопавшись, вынул пузырек с йодом и оторвал клочок ваты.

– Давай сюда руки, боец.

– Ну вот еще, я сам, – Скоробогатов забрал у начальника флакон и вату.

Открутив крышку, плеснул на вату йода и довольно ловко обработал все ранки на одной руке, потом так же на второй.

– Виртуоз! – восхитился Карим.

– Ван Клиберн, еж твою... – буркнул Инаков.

– Кто? – переспросил Скоробогатов, закручивая крышку.

– Был такой пианист известный. Что ж делать-то, переодеться ему надо, – Антон кивнул на Сатина. – Не в таком же виде переговоры с джинна вести...

Сбежались соседи: все спрашивали, что случилось, все возмущались тем, что двери больше нет, и никто не знал, что теперь делать.

– Да слесаря вызвать, что ж тут придумать еще, – вклинился Инаков. – Дверь-то вроде не пострадала, ее на место вернуть можно...

Деятельная тетя Нина тут же принялась командовать, распределяя: кто идет в диспетчерскую, а кто остается сторожить осиротевший вход.

– Старшая по подъезду, что ли? – тихо спросил Инаков у Ильи.

– Она, она. Пошли наверх, а то стоим, как...

Закинув аптечку обратно в багажник, Антон закрыл машину, и все трое направились в подъезд. Взглянув на пятнистые от йода руки Скоробогатова, Антон не удержался от усмешки:

– Леопардовый окрас.

– Смейтесь-смейтесь, Антон Николаевич, – вздохнул Илья. – То ли еще будет.

– Ох, только не накаркай... – предостерег Инаков.

Они вошли в квартиру.

– Снимай свои боевые доспехи, сейчас тебе другие подберем, – заявил Илья Кариму, открывая стоявший в прихожей шкаф.

Инаков тем временем ушел на кухню, набрал номер Амурова и стал извиняться, объясняя, что в силу некоторых обстоятельств они несколько задерживаются. Скоробогатов достал с верхней полки нераспечатанный целлофановый пакет с темно-коричневой водолазкой.

– Вот, например. Носишь такое? – он отлепил скотч, вытряхнул свитер из пакета.

– А что, нормальная водолазка. Вполне. – Карим принялся стаскивать с себя испорченную одежду.

– А я не ношу, – заявил Илья. – Мать подарила, а мне не нравится, когда на шею давит... Так, надо же из верхней одежды тебе что-нибудь. А что у нас есть?..

Он задумался и, нырнув в глубину шкафа, достал оттуда ветровку.

– Извини, могу только вот это предложить...

– Ничего, не замерзну, спасибо.

Карим живо напялил ветровку. Потом выгреб из карманов того, что еще недавно было курткой, все содержимое и разложил по обновке.

– Ну что, едем, орлы? – спросил подошедший Инаков. – Нас заждались уже...

Они спустились по лестнице. У крыльца все еще стояли соседи, давая советы прибывшему слесарю. Сатин отправился к мусорному баку и выбросил изодранную одежду.

Илья сел впереди, рядом с Инаковым, Карим – сзади.

Ехали быстро, за сто двадцать.

Не успели одолеть и двух километров, как машина пару раз чихнула и дернулась.

– Что за дела?.. – пробормотал Инаков.

На светофоре он резко затормозил, так что Илья чуть не ткнулся головой в лобовое стекло. Мотор заглох. Антон попытался снова завести машину, чтоб сразу сорваться на зеленый, но у него ничего не вышло.

– Шеф, а что это у вас мигает? – спросил Илья, кивнув на красную лампочку на панели.

Инаков посмотрел – и чуть не поперхнулся.

– Что, бензин? – спросил Карим, с трудом сдерживая нервный смех.

– Да у меня же был полный бак! – чуть не заорал Антон. – Что за чертовщина? Что за мать вашу, такое, я спрашиваю? Как это понимать, еж твою в задницу?

Позади уже сигналили, поскольку загорелся зеленый.

– Включайте аварийку, – вздохнул Илья. – По-моему, нас развели, как детей.

– Бензин, конечно, слили, – понимающе проговорил Карим. – С собой что-нибудь есть?

– Есть канистра. Илюха, помоги...

Илья с Инаковым, который не переставал ругаться, вылезли из мигающей аварийкой «Калины». Их объезжали. Открыв багажник, Антон не поверил своим глазам.

– Не может быть... – пробормотал он, ныряя в багажник чуть не с головой. Десятилитровой канистры с бензином не было.

– Не может быть, не может быть, – твердил Инаков, копаясь в багажнике. Карим, заждавшись друзей, тоже вылез из машины.

– А вы ее точно брали? – спросил Илья.

– Она слева лежала. Когда аптечку доставали, я видел... – Антон сердито нахмурился.

– Ну что стоять, голосуем, – вздохнул Илья и первым поднял руку.

Поначалу никто не хотел останавливаться.

– Жалко, что нефтедобывающее заклинение еще не придумали, – хмуро сказал Илья.

– Видимо, придумали, – фыркнул слушавший мобильные новости Карим и вынул наушник из уха. – Вон, в Мексиканском заливе опробовали. Но малость не доработали, все взорвалось...

Прошло некоторое время, прежде чем им удалось остановить красную «пятерку» и купить пять литров бензина. Заправившись, поехали обратно. Отправляться к Амурову не было уже никакого смысла: безнадежно опоздали. Перед тем как тронуться в обратный путь, Инаков, прижавшись к тротуару, остановил машину и, в который раз уже позвонив джинна, в красках объяснил ситуацию.

– Хорошо еще, «оранжевые» отнеслись с пониманием, – вздохнул он, заводя мотор. – Договорились на завтра, на это же время. Поедем на метро, гори оно все ясным огнем...

– Вы так лучше не шутите, Антон Николаевич, – зашелся смехом Илья.

Инаков прикусил язык.

– Я вот только никак не пойму: когда они успели? – горячился он, разворачивая «Калину».

– Наверное, пока мы колупались с переодеванием, – виновато вздохнул Сатин.

– Но там же были люди! Во дворе было много людей.

– Вот именно. Людей много, все заняты, машина чужая – под шумок и... Долго ли магу? Отвел глаза – и все. Особенно если Часовщику, ему пару замков вскрыть – как два пальца об асфальт...

– Так вы все-таки думаете, что это дело рук «желтых»? – спросил Антон.

– Да бес их знает, – с досадой ответил Карим. – Но кто-то очень не хочет, чтоб мы встречались с Амуровым и чтоб мы вообще расследовали это дело. Сначала моя машина, теперь вот – ваша...

– Тот мужик в подъезде был уж точно не Часовщик – заявил Илья. – Хотя я его плохо разглядел. Запомнил, что в серой куртке, а больше...

– Парень, совсем молодой, – сказал Инаков. – И сильный, гад. Кто он есть, я не понял. Но на гр-хч-сг-от не похож, ты прав, Илья.

– Но он мог и не один быть. Скорее всего даже – не один, – заметил Карим.

– Это верно, – согласился Антон.

– А когда вернется Галкин? – спросил Илья.

– На днях. Был бы он здесь, я уверен, обошлось бы без эксцессов, – сказал Инаков.

Антон довез друзей до самого дома, но выходить из машины не стал.

– Я на заправку. Завтра тот еще денек: в половине десятого буду здесь. Потом едем к джинна, оттуда мы с тобой, Илья, сразу в аэропорт за Галкиным, а затем в «Тверскую-Марриотт». Комиссия же завтра, забыл? И Карима, думаю, есть смысл с собой взять. Так что готовьте боеприпасы...

Все невесело рассмеялись. Карим с Ильей вылезли из машины и, распрощавшись с Антоном, направились к подъезду. Желтая «Калина» развернулась, и через несколько секунд исчезла за поворотом.

Дверь уже поставили на прежнее место, у подъезда дежурила на лавочке тетя Нина. Она недовольно взглянула на них и отвернулась.

– Нас, что ли, подозревает? – спросил Карим, когда дверь за ними закрылась.

– Она всех подозревает. Должность у нее такая, – отозвался Илья. – Слушай, серый, а за

каким дьяволом мы идем домой? У нас ведь жрать нечего. Давай завалимся куда-нибудь в кафешку, что ли? Готовить неохота.

Карим замялся – у него были несколько другие планы.

– Илюх, мы же ели недавно, я еще не голодный. Может, ты без меня сходишь? А мне надо...

Сатин лихорадочно заработал мозгами, пытаясь придумать что-нибудь такое важное и неотложное, но, как назло, ничего серьезного, кроме «почитать», в голову не лезло.

– А тебе надо позвонить, – кивнув, закончил за него Илья. – Все понял: ухожу, ухожу, ухожу...

Скоробогатов спустился по лестнице и пропал внизу. Карим, удивляясь сообразительности приятеля, вернулся в квартиру.

Отошли на второй план и джинна, и дневник, и сегодняшнее происшествие. Прошла неделя с тех пор, как он расстался со Снежаной. И хотя прямой договоренности о том, что он позвонит именно в эти выходные, между ними не было, оттягивать этот момент Карим не собирался.

Прежде чем взяться за телефон, он зашел на кухню и налил себе крепкого чаю. Потом ему в голову пришла еще одна блестящая мысль: он поставил кружку на стол, сбегал в комнату и принес коньячную лошадь. Открутив крышку, влил пару капель в чай, снова закрыл сосуд и только тогда принялся пить.

И никому ни за что не признался бы, что он, перспективный травматолог и маг Карим Сатин, волнуется.

Выпив чай с коньяком, он решительно достал мобильник и набрал номер Снежаны.

Длинные гудки доносились, как ему показалось, целую вечность. Наконец трубку взяли, и голос, от которого у Карима неожиданно для него самого ухнуло сердце, произнес:

– Здесь Снежана.

– Привет, – внезапно охрипнув, сказал Сатин. – Это Карим.

– О-о, доктор дейвона! – обрадовались на том конце «провода». – Не прошло и года...

– Как самочувствие? Как руки-ноги? – спросил Карим, проклиная себя за идиотизм. Он собирался сказать что-то совершенно другое, но все слова улетучились, как только он услышал Снежану.

– Нормально! – фыркнула девушка. – Ты звонишь, чтоб об этом спросить?

– Не только, – произнес Сатин, мысленно уговаривая сердце не биться так быстро.

«В конце концов, это смешно», – твердил он себе.

– Чем занимаешься? – бодро спросил он с как можно более нейтральной интонацией.

– Ты забыл прибавить «сегодня после обеда», – вкрадчиво напомнила Снежана.

Карим не выдержал и рассмеялся. Напряжение ушло.

– Так что ты делаешь сегодня после обеда? – спросил он уже нормальным голосом.

– Пока ничего, – ответила явно довольная маах`керу.

– Как насчет погулять по Москве?

– Можно. А где гулять будем? Только чур не у нас, надоело!

– «У вас» – это ВДНХ? Хорошо, давай где-нибудь в центре встретимся.

– Давай на «Белорусской».

– Давай, а где там? Не очень хорошо тот район знаю.

– Вокзал знаешь, и ладно. Там созвонимся.

– В два?

– Ой, не успею. Лучше в три.

– Договорились. В три на «Белорусской». Как подъеду – позвоню.

В приподнятом настроении Карим направился в ванную, напевая басом: «Возьми мой адрес, пиши мне чаще, смешная девочка с ВДНХ»⁷.

⁷ Имеется в виду песня Олега Медведева «Амазарский ястреб». Карим заменил слова «девочка с маяка» на «девочка с ВДНХ».

Стоя под душем, Карим то принимался думать об источниках, то предавался грезам о Снежане, то снова возвращался мысленно к запутанной истории с Часовщиком и неизвестным магом. Он совершенно потерял счет времени, когда в дверь ванной забарабанили. Сатин резко закрыл воду.

– Да? – крикнул он.

– Ты там не утонул, серый? А то я уж целый час как дома, и ничего, кроме звука льющейся воды...

– Да выхожу уже, выхожу, – откликнулся Карим, принимаясь быстро вытираться.

– Да нет, на здоровье! Я просто хотел поинтересоваться: может, мне свалить?

Сатин обвязался полотенцем и открыл дверь.

– В смысле? – спросил он, направляясь в комнату.

Илья за его спиной сделал нарочито задумчивую гримасу.

– Ну-у-у, – протянул он. – Может, у тебя какие планы на сегодня?

– А! Нет. Да! Гулять ухожу.

– Гулять так гулять, – кивнул Скоробогатов. – Но если что – скажи, не стесняйся. Я же могу и у родителей переночевать, они счастливы будут.

– Спасибо, я учту, – смутившись, пробормотал Сатин.

– Там, кстати, заметно потеплело.

– Понял, – кивнул Карим, одеваясь. – Возвращаю ветровку.

– Да я не к тому... – запротестовал Илья.

– Все равно же надо что-то купить, – Карим взглянул на часы. – Два с половиной часа еще. У меня к тебе серьезный вопрос. Мне энергия нужна, я же отключен от колодца. Говорят, можно купить у Часовщиков, знаешь, где это?

– У Нарххов? – понял Илья. – Знаю, завод «Слава». Я тебя провожу, одному тебе не продадут...

– А чем возьмут, деньгами?

– Готов поспорить: захотят твоей кровушки, – засмеялся Илья.

– Для чего она им нужна-то?

– Наши в «Семи холмах» считают, что для ихнего фирменного напитка. Но я не уверен.

– Ясно, тогда поехали. Надо еще в магазин, а в три я должен быть на «Белорусской».

– Так это там же. Советую на метро, будет быстрее.

– Как скажешь, – согласился Карим. – А чем это пахнет?

– Да я ж тебе курицу гриль принес. Уже сам половину съел, – спохватился Илья и бросился на кухню.

– Спасибо, дружище!

Остатки курицы были уничтожены практически на ходу, после чего друзья отправились на «Водный стадион» покупать Кариму куртку.

– Слушай, а «Славу» еще не снесли разве? – нахмурился вдруг Карим, когда они ехали в автобусе.

– На территории что-то там поносили. Но нашим друзьям какая разница? Их это не коснулось.

Вдоль дороги потянулись торговые палатки. Автобус подъехал к станции метро.

– Вон рынок, – сказал Илья, соскочив с подножки. – Если устроит, то...

– Устроит, – кивнул Карим.

Торговые ряды частью ютились под одной общей крышей с табличкой «Модный стадион», частью – под открытым небом. Здесь же было и несколько магазинчиков: сумки, зонты, ремни, головные уборы... вот и первая палатка с куртками и дубленками.

– О, распродажа, – отметил Илья. – Только нам это на фиг не нужно, идем дальше...

– Ходить по магазинам для меня мука, – признался Карим, продвигаясь между рядами с одеждой.

– Не парься. Би хеппи.

Наконец они увидели нужный павильон – за прилавком стоял недружелюбного вида, как показалось Илье, дейвона, от которого неприятно пахло серой.

«И кто только у него покупает», – с досадой подумал Скоробогатов, забывая о том, что простые смертные лишены «счастья» видеть и обонять истинный облик продавца.

К Кариму-то Ильа привык, кроме того, тот имел гораздо более подходящий для человека вид.

Сатин же, напротив, заметив соплеменника, не раздумывая, устремился в его палатку.

Ветровок на плечиках висело много, но Карим взял первую попавшуюся. Даже не выбирал, что с недовольством отметил Ильа. Более того, он собирался взять ее, не меряя и не торгуясь.

– А по-моему, у нее рукава короткие! – авторитетно заявил Скоробогатов.

– Ну, у меня же не такие длинные руки, как у тебя, – засмеялся Карим.

– Меряй, амиго, меряй! – прошипел Ильа.

Карим не стал спорить. Продавец с готовностью снял ему куртку с вешалки, Сатин ступил в глубь палатки, сбросил одолженную ветровку на руки Скоробогатову и влез в новую.

Продавец заботливо поднял зеркало.

– Да нет, хорошо, смотри, – твердил Карим, поворачиваясь то правым, то левым боком.

– А вот тут пятно, – заявил Скоробогатов, тыча пальцем куда-то в область пуговицы на кармане. – Скинуть бы надо...

– Где пятно, слушай? – заволновался дейвона-продавец. – Нет там пятна.

– А вот тут шов расходится! – продолжал наступление Ильа. – Вьетнамцы шили?

– Зачем вьетнамцы, слушай, дорогой? Какие вьетнамцы? Турция! Вчера привез.

– Из Китая привез-то? – ехидно поинтересовался Ильа.

Карим не мешал их перепалке, рассудив, что без его участия она закончится быстрее. Он стоял, как манекен на витрине, и смотрел поверх нагнувшегося Ильи, пристально рассматривавшего замок молнии под аккомпанемент излияний продавца.

И вздрогнул, когда у дальнего ряда мелькнула знакомая серая куртка.

– Стоп. Сколько? – громко спросил Карим.

– Три пятьсот, дорогой...

– Да это грабеж! – возмутился Ильа.

Карим же, не глядя, сунул продавцу деньги и бросился бежать туда, где увидел подозрительного типа.

– Куда ты? – окликнул его Скоробогатов, но Карим лишь прибавил ходу.

Быстро сообразив, в чем дело, Ильа стряс с рогатого продавца сдачу и кинулся следом.

Маг в серой куртке, заметив погоню, метнулся, как заяц, в сторону светофора, побежал дальше вдоль Авангардной улицы и нырнул в ближайший двор. Карим и нагнавший его Ильа повернули за ним, но того и след простыл.

Раздосадованные, они покрутились еще с полминуты по двору, как вдруг Скоробогатов заметил беглеца на противоположной стороне улицы, куда за столь короткое время тот попасть никак не мог.

– Вон он, гад! – воскликнул Ильа, указывая в ту сторону.

– Иллюзионист хренов, – сплюнул Карим. – Только время потеряли. Пошли!

И решительными шагами двинулся назад к метро. Ильа, все это время державший в руках свою ветровку, выудил из недр куртки, которая была на нем, скомканный пакет с надписью «Остров» и, швырнув ветровку туда, потащился следом.

– Какого рожна им от нас надо, интересно? – пробурчал Карим. – То нападают, то линяют, как зайцы...

– А что, он не один был? – спросил Ильа.

– Не знаю. Я вообще говорю.

– Видимо, просто так на нас нападать им не нужно, – пожал плечами Ильа. – Даны

указания: помешать делать то-то и то-то. А если нет – просто следить.

Карим фыркнул, но ничего не сказал.

У входа в метро ему в глаза бросился цветочный магазин, и Сатин подумал, что надо будет не забыть наведаться за букетом.

– Как-то жутко в метро спускаться, – признался Карим.

– А меня как-то не трогает, – заявил Илья. – Ну, получил один раз по балде. Помру так помру. Все там будем.

– Хотелось бы попозже, – пробормотал Карим, проходя через турникет.

Эскалатор потащил их вниз, навстречу поплыли развешанные по стенам рекламные плакаты. У самого выхода с лестницы друзья услышали гул подходящего поезда. Как ни старался Илья сделать вид, что совершенно спокоен, он все же рефлексивно втянул голову в плечи, зорко вглядываясь в окна проезжавших вагонов.

И только не заметив ничего подозрительного, устремился на посадку.

Карим шагал следом.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – «Войковская», – объявил приятный женский голос.

Станции мелькали одна за другой: «Сокол», «Аэропорт», «Динамо»... Вот и «Белорусская».

– Переход на Кольцевую линию, – заботливо сообщил голос.

Илья вышел из вагона и широким шагом направился через зал к эскалатору.

– Слушай внимательно, – разъяснял он Кариму. – Ты там больше молчи и улыбайся. Лишнего ничего не вставляй. Часовщики эти, Наррхи, – они вообще «коричневых» не жалуют. Но один там, я тебя познакомлю, с нашей фирмой в хороших отношениях. Мы просто его здорово выручили однажды, отбили контору от рейдеров. Так что к нашим юристам он хорошо относится и меня знает.

– А дейвона они любят, интересно?

– Знаю, что не враждуют, – отозвался Илья.

Друзья вышли со станции, оставив за спиной Белорусский вокзал, и зашагали по улице. Центр Москвы выглядел уже совершенно по-весеннему: оживленно и как-то весело, как будто не было никаких взрывов месяц назад.

– Предлагаю проверить, нет ли хвоста, – тихо сказал Карим.

– Отличная мысль! А еще лучше – разделиться. На следующем повороте я заверну направо, пройду двором и вернусь, а ты иди дальше, пока завод не увидишь. Потом переходи на другую сторону.

– Договорились.

Пройдя еще несколько шагов, Илья нырнул в арку, Карим пошел дальше. Впереди справа показалась стеклянная махина завода «Слава», из окон которого торчали коленчатые трубы с остроконечными насадками, как у печек-буржук. Из труб вился черный дым.

Вскоре Сатин увидел массивные чугунные двери входа, по краям которых извивался затейливый узор: в основном тут были сказочные существа: рыбы с огромными глазами, страшные чешуйчатые ящеры, саламандры, изрыгающие пламя, и змеи.

Сбоку на железной цепи висел огромный тяжелый дверной молоток, вернее – молот.

Пока Карим рассматривал дверь, подоспел Илья.

– Ну и что ты тут застыл? – недовольно буркнул он. – Договорились же: ты переходишь через дорогу и смотришь, нет ли хвоста.

– Извини, – с чувством сказал Карим. – Забыл. Засмотрелся.

– Э-эх, шляпа ты, серый. А вот я засек того мужика. Он за тобой шел, но у самого завода метнулся на другую сторону и пропал. Я только пятки его и видел.

– Ты молодец, – устыдился Карим. – Ну что, пошли?

– Угу.

Илья схватился за молот и изо всех сил шарахнул им в висевший рядом щит. В глубине здания раздался протяжный звон, заскрипел заржавленный засов, и в двери открылось

квадратное смотровое окошко – довольно низко, на уровне живота Ильи.

– Что вам нужно? – прохрипел чей-то голос.

– Мы пришли к почтенному Лот-Вегу, – согнувшись почти под прямым углом и сунув голову в окошко, сообщил Скоробогатов.

– Кто пришел и с какой целью? – недовольно прогудели изнутри.

Илья заметно скривился, но ответил вежливо:

– Скоробогатов Илья, ассамблея «Семь холмов». А это мой друг, дейвона-полукровка Карим Сатин. Цель: покупка энергии.

– Проходите. Но не забывайте о Железном воине!

– Это кто еще? – тихо спросил Карим.

– А, не обращай внимания. Не делай резких движений – и все.

Послышался скрежет металла по металлу – крутились плохо смазанные шестеренки или что-то в этом духе. Одна из створок двери медленно и тяжело приоткрылась, Илья юркнул внутрь, за ним протиснулся не такой худой Карим.

– Видно, совсем у них дела плохи, – проворчал Скоробогатов.

Они оказались в темном вестибюле, наполненном жуткой смесью запахов. На Карима дохнуло дымом, и у него зачесались глаза. Подумалось: что-то жгут, и очень едкое. В углу просторного помещения он разглядел светившую глазами-углями металлическую громадину.

Это был не то робот, не то просто какая-то абстрактная конструкция, увенчанная трубами, из которых вырывался густой пар.

– Это и есть их Железный воин, – заявил Илья. – Не дергайся, а то зарежет. Шутка.

Карим вздрогнул и, чтоб не смотреть на металлического уродца, принялся глазеть по сторонам. Но это его ничуть не успокоило. По стенам то там, то здесь висели забальзамированные головы, настолько высохшие, что трудно было понять, принадлежат они людям, Часовщикам или представителям иных сфер.

Наконец послышались торопливые шаги.

– Кто это пожаловал под мой гостеприимный кров? Неужели это почтенный Илья из «Семи холмов» зашел погреться у моего пылающего горна? – пропищал низенький лупоглазый Часовщик, удивительно напомнивший Кариму Рас-Села.

– Приветствую, почтенный Лот-Вег. Как здоровье уважаемого Сог-Рота? Так же остер его взгляд, так же легка его рука и ясен его ум?

Карим вытаращил глаза.

Он был не чужд всевозможных ритуалов, принятых в кланах, в ложах, между представителями одной сферы и разных сфер. Но он никогда не слышал витиеватых речей из уст Ильи, а тот шпарил как по писаному.

– Почтенный Сог-Рот совсем плох, – скорбно откликнулся коротышка. – Боюсь, что эта весна – последняя для него.

– Да продлятся дни его в вечность! – печально произнес Илья.

– Да продлятся дни его в вечность! – повторил писклявым голосом Часовщик. – Я слышал, вам нужна энергия источника.

– Совершенно верно, почтенный Лот-Вег, – кивнул Илья.

– Разве дела «Семи холмов» так плохи?

В голосе Часовщика Кариму почудилась едва ли не надежда.

«Вот лицемер», – подумал он.

– О нет, почтенный. «Семь холмов» цветут пышным цветом, и благосостояние их приумножается, – ответил уставший от расшаркиваний Илья. – Энергия нужна моему другу.

– Желает ли друг моего друга, почтенный дейвона Карим, зарядить амулет? – спросил Лот-Вег.

«А его можно зарядить?» – чуть не вырвалось у Карима.

Похоже, Часовщик знал об «эхе маах`керу» больше него самого.

– А сколько это будет стоить, почтенный Лот-Вег? – спросил Карим.

– Цена известная, уважаемый, – поклонился Часовщик. – Не мной придумана, не мне ее

отменять. Новая кровь – наша цена. Всего лишь два дюйма новой крови.

Карим кивнул:

– Хорошо, почтенный. Я согласен.

– Следуйте за мной, почтенные, – пропищал Часовщик.

После короткого пути по зданию, выстроенному совершенно безумным образом, они попали в жилище Часовщика.

Это была квадратная комната, снизу доверху заставленная какими-то ящиками, коробками, длинными и короткими, высокими и совершенно плоскими. На стенах чадили непонятные светильники. И только одна боковая стена была относительно свободной: возле нее стоял грубо сколоченный стол и два таких же топорно сделанных табурета. Над столом висели полки, на них помещались штативы с множеством пробирок и колбочек.

Один из таких штативов стоял и на столе, рядом с ним Карим увидел картонную коробку с одноразовыми шприцами.

– Ишь, обустроились, – шепнул ему Илья. – Раньше у них тут не было все так оборудовано, а теперь вот – на конвейер поставили...

– Садись, почтенный Карим, – пискнул Часовщик, сам плюхнувшись на табурет.

Карим снял ветровку и сел, положив ее себе на колени, потом закатал рукав водолазки. Поняв, что Лот-Вег собирается брать у него кровь без всякой, даже формальной, антисептики, Карим запротестовал:

– А что, почтенный, разве у вас нет спирта?

– Как не быть, – обиделся Часовщик. – Спирт есть, ай-цараз есть. Минуту, почтенный!

Он крикнул, произнося, видимо, какое-то имя. Карим бы не смог повторить его.

Появилась не то женщина, не то девчонка – у «желтых» не так-то просто определить возраст с первого взгляда, но Сатин все-таки понял, что девушка совсем молодая.

Для представительницы своей сферы она выглядела на редкость симпатичной: не так выдавался нос, и уши были не в пример меньше обычных для Часовщиков. На девушке была длинная мешковатая юбка и какое-то тряпье вроде накидки. Не поднимая головы, она несла на подносе большой глиняный сосуд и три высоких металлических бокала.

Поставив все это на стол, девушка на мгновение подняла взгляд на Карима и улыбнулась. Часовщик заметил это и произнес что-то резкое и непонятное. Девушка поспешила удалиться.

– Это моя дочь, – смущенно произнес Лот-Вег. – Не удалась ни лицом, ни характером. Кому такая нужна будет, ума не приложу. О горе мне, горе нашей семье, горе нашему роду, – запричитал Часовщик, воздев руки.

– Ты преувеличиваешь, почтенный, – заявил Илья. – Вполне симпатичная девушка.

– И мне так показалось, – вставил Карим.

Часовщик бросил на них испуганный взгляд, но промолчал. Он разлил напиток из кувшина, как мысленно окрестил Карим продолговатый сосуд с расширенным горлышком, в бокалы.

– Да будет благословен в веках твой дом, твой горн и твое мастерство, – старательно протараторил Илья, поднимая бокал, и шепнул Кариму: – Ничего не поделаешь, придется пить, а то смертельно обидится.

Сатин, который пить вовсе не собирался, понял, что попал в дурацкое положение. Отхлебнув неизвестного красно-коричневого пойла, он, однако, нашел его очень приятным, и, не задумываясь, выпил до дна одним глотком.

– Ай, молодец, почтенный дейвона-полукровка! – восхитился Лот-Вег. – Не желаете ли еще, уважаемые?

– Нет, благодарим, – прохрипел Илья, с трудом допивая ай-цараз.

– Придется довольствоваться дезинфекцией изнутри, – захихикал Карим.

Напиток Часовщиков ударил ему в голову.

Лот-Вег внимательно посмотрел на Илью, потом на Карима, и, потянувшись, достал с полки большой флакон, закупоренный резиновой пробкой и с надписью большими буквами

на этикетке: «C₂H₅OH». Выудив оттуда же ватный кружок, он, быстро откупорив флакон, намочил кружок и протер спиртом подставленный Каримом локтевой сгиб. После чего ловко наложил жгут, Сатину не пришлось даже работать кулаком: его вены и так были хорошо видны.

Быстрым движением вскрыв упаковку, Часовщик выудил шприц, насадил на него иглу и тут же ввел ее в срединную вену локтя Кариму. Засосав порцию крови, он отнял шприц, приложил на место прокола тот же ватный кружок, и Сатин зажал его согнутой рукой.

– Новая кровь – чудесная кровь, – промурлыкал Лот-Вег, пряча шприц.

– А теперь, почтенный, нельзя ли перейти к источнику? А то наше время стремительно улетает, – взглянув на мобильник, произнес Илья.

– Конечно-конечно, – встрепнулся Часовщик. – Идемте, почтенные.

Он направился обратно в холл, друзья устремились за ним. Все снова прошли мимо Железного воина, который все так же пыхтел паром. Однако на сей раз хозяин вышел не через главный вход, а открыл другую, незаметную дверцу в противоположной стене.

Они оказались во внутреннем заводском дворе, с трех прочих сторон окруженном низкими постройками.

Посредине, прямо из покореженного асфальта, вырывался плотный белый столб энергии – не слишком большой. Пожалуй, это был наименьший из источников, которые когда-либо видел Карим. Над источником плавало эфемерное изображение страшной зубастой рыбы.

Часовщик подошел к энергетическому столбу совсем близко и достал из кармана увесистую штуку, похожую на огромный перстень с массивной печаткой. Совершив у источника несколько пассов с помощью «перстня», он убрал его в карман. Изображение рыбы исчезло, источник стал доступен.

– Позволь твой амулет, – произнес Лот-Вег, протягивая руку. – Лучше это сделать мне.

Карим снял часы и передал их «желтому».

– Эту вещь изготовили наши мастера, – с гордостью сообщил Часовщик. – Хорошая вещь. Очень хорошая вещь.

Он положил часы на ладонь и шагнул вперед так, чтобы рука с амулетом находилась внутри энергетического столба. Янтарь, вделанный в ремешок, засветился: сначала желтым, потом позеленел, посинел, и вот уже стал фиолетовым.

В тот же момент Часовщик сделал шаг назад, вынося часы из источника.

– Готово, почтенный! Теперь я дам тебе временный код, чтоб ты подключился. Подойди и закрой глаза. Руки вытяни вперед. Как только увидишь светящуюся рыбку, сможешь подзарядиться.

Карим подошел к колодцу и протянул руки, погружая их в белое свечение, закрыл глаза. Сначала он видел только темноту, затем на черном фоне побежали в разные стороны разноцветные круги и пропали. И только после этого Сатин увидел «рыбку» – такое же зубастое страшилище, как на эмблеме, которая запечатывала колодец Наррхов.

Сначала он ничего не почувствовал, потом началось легкое покалывание в пальцах, постепенно распространившееся на кисти, забравшееся выше, к предплечьям и плечам. Достигнув туловища, покалывание превратилось в теплые волны, хлынувшие в разные стороны: вверх, внутрь, по спине и животу, вниз к ногам.

Карим вышел из источника обновленный и полный сил.

– Забирай, почтенный, – Лот-Вег передал часы Кариму.

Тот взял их и надел на руку:

– Спасибо, почтенный.

– Ну, нам пора, – произнес Илья.

– Пойдемте, почтенные, я провожу вас.

Возвращались тем же путем. В холле под неусыпным оком Железного воина друзья раскланялись с Лот-Вегом и вышли из стен завода. Потом Карим распрощался с Ильей и вернулся к Белорусскому вокзалу, чтоб встретиться со Снежаной.

Глава 12

В попавшейся по дороге цветочной палатке Карим купил три розовых тюльпана, которые приветливая девушка-цветочница завернула в целлофан, и почти бегом кинулся к зданию вокзала: опаздывал.

Снежану он углядел издали, не пришлось даже звонить, и невольно залюбовался.

В прошлый раз Карим видел девушку в старой одежде своей матери. Теперь же Снежана была в черной юбке по фигуре, короткой сиреневой куртке и узких сапогах до колен. Из-под расстегнутой куртки просматривалась клетчатая блузка.

Почему-то именно эта блузка и произвела на Сатина наибольшее впечатление.

Девушка прохаживалась у первого подъезда Белорусского вокзала, и в ожидании Карима плавно водила рукой по воздуху. В первый момент он даже решил, что она пытается произвести заклинание, но, подойдя ближе, понял, что жест больше похож на танцевальный.

– Привет! – крикнула маах`керу, заметив Сатина.

– Привет, – откликнулся Карим. – Это тебе.

Он протянул девушке букет.

– Откуда знаешь, что тюльпаны люблю? – с подозрением спросила маах`керу, принимая цветы.

– Магическое сканирование сознания, – с самой серьезной миной произнес Карим. – Я могу узнать твои самые сокровенные тайны.

– Seriously? – Снежана нахмурилась.

Карим улыбнулся:

– Да нет, конечно. Просто угадал.

– Молодец, дейвона, – кивнула девушка. – Ну, какие у нас планы?

– А пошли в боулинг. Тут есть боулинг? – ни с того ни с сего пришла Сатину в голову мысль.

– Шарики катать? Пошли, люблю шарик, – согласилась Снежана. – Тогда нам на мост. А ты пока рассказывай про свои неприятности.

Они зашагали к мосту.

– Почему ты думаешь, что у меня неприятности? – осторожно спросил Сатин.

Снежана фыркнула:

– А что, нет? Небось влип по самые уши из-за меня!

– Ну, в общем-то, да, – кивнул Карим.

Впрочем, все подробности их с Ильей походов он решил девушке не сообщать. Рассказал только, что пытается найти причину катастрофы с источниками и кое-что уже удалось.

Снежана слушала, качая головой.

– Вот это да-а, – протянула она, когда Сатин закончил. – Тебе, получается, еще тяжелее, чем нам.

– Да ну, не преувеличивай, – беспечно отозвался Карим. – Я вот подзарядился, готов к свершениям...

Маах`керу посмотрела на него, как на ребенка, и лишь процедила:

– Ну-ну...

Они прошли по мосту и свернули налево, к Ленинградскому проспекту. Пройдя мимо магазинов и ларьков, в конце концов оказались на Третьей улице Ямского Поля.

– Снежана, а что это было? – вдруг вспомнил Карим, пытаясь повторить движение, которое изображала девушка, дожидаясь его у подъезда.

– А, фламенко. Огненный танец. Мы пришли, вон клуб...

Здание двухэтажного боулинг-клуба выглядело внушительно, но внутри не было ничего особенного: стандартные дорожки, целых шестнадцать, деревянные ящички для обуви, одноразовые носки, набор шаров...

– Здесь еще и бильярд есть, судя по вывеске, – заметил Карим, натягивая спортивные ботинки.

– В бильярде я не сильна, – отозвалась Снежана, усаживаясь на диванчик.

– А в боулинге? – с интересом спросил Сатин.

– Увидишь.

Народу было немного.

Они заняли дорожку и принялись по очереди сбивать кегли.

Снежана, несмотря на кажущуюся хрупкость, каждый раз выбирала мячик потяжелее. Играла она едва ли не лучше самого Карима, ни разу не промазала. Поначалу Сатин соблюдал еще некое подобие осторожности, поглядывая по сторонам, поскольку соглядатай в серой куртке не шел из головы, но вскоре забыл обо всем на свете.

Прошло полчаса, потом еще час, после чего Карим взял дополнительное время: перед глазами с одинаковой периодичностью, словно кадры старой киноплетки, мелькали стоящие кегли, гибкий стан Снежаны, клетки на ее блузке, шар, катящийся точно посередине дорожки, рассыпанные кегли, цифры электронного табло.

И так много-много раз, пока не закружились светящиеся пятна.

Карим уже не сбивал кегли, лишь наблюдал за Снежаной, потом отошел к бару купить пива. Облокотившись о стойку, не глядя, ткнул в барную карту. Принесли «Хейнекен». Потягивая пиво из бокала, Сатин в сто пятидесятый раз смотрел, как девушка наклоняется, чтоб метнуть шар. Он почувствовал, что ненавидит боулинг и они должны немедленно уйти отсюда.

Не выпуская бокала, Карим вернулся к Снежане и предпринял попытку организовать хотя бы перерыв.

– Тебе что-нибудь заказать? – прокричал он под грохот музыки.

Снежана распрямилась.

– А что у них есть? – пробормотала она и решительным шагом направилась к бару.

Изучив барную карту, девушка выбрала «Маргариту» и в ожидании взгромоздилась на высокий стул. Карим присел на соседний, не спуская с нее глаз. Принесли коктейль, и маах`керу не спеша приступила к дегустации.

– Может, пойдем погуляем? – не выдержал Карим.

– Можно, – кивнула Снежана.

Она оставила в бокале добрую треть «Маргариты» и слезла со стула.

Забрав одиноко лежавшие на столике цветы, Карим и девушка отправились переобуваться. Через пять минут они вышли из дверей клуба.

– Куда теперь? – спросила Снежана.

– Пойдем к метро, там разберемся.

Они зашагали по той же улице к мосту, и тут Карим вспомнил, что в квартире невообразимый беспорядок. С безжалостной четкостью всплыла в сознании комната, забитая кухонными шкафчиками и перегороденная холодильником.

Всю дорогу он рассказывал смешные случаи из практики, вспоминал анекдоты, которых, казалось, и не знал никогда, и вообще всячески развлекал девушку. Но про себя в это время с ужасом думал: «Куда я ее веду?!»

Так они добрались до «Белорусской» Замоскворецкой линии.

Снежана, до сих пор без умолку хохотавшая, вдруг замолчала и заявила:

– Что-то ты какой-то не такой, дейвона. Случилось чего? Или у тебя нет альбома с полнолунием?

– С каким полнолунием? – не понял Сатин.

– Ну как же. Все кавалеры предлагают посмотреть у них дома фотографии полнолуния. Ну те, кто в теме, конечно. Видимо, это стандартная замануха для девушки-маах`керу, – прыснула Снежана.

Карим расхохотался в голос.

– Ух ты, черт. А я не додумался. Не, полнолуния нет, зато есть мрачный бардак. Ибо

ремонт, – извиняющимся тоном добавил он. – Пойдешь посмотреть на художественный беспорядок?

Ответить Снежана не успела: в кармане ее куртки зазвонил телефон.

– Момент... Да, мам?... Ну, мам, ты чего?! Почему сейчас? Ну, ладно, ладно.

Когда Снежана спрятала трубку, выражение ее лица было почти свирепым.

– Слушай, дейвона, не выйдет сегодня с полнолунием. В смысле с ремонтом твоим. Мамуля срочно меня хочет домой.

– Может, она против того, чтоб мы встречались? – тихо спросил Карим.

Маах`керу быстро взглянула на него:

– Да кто ее спрашивать будет? И она не против, кстати, – ты ей понравился. Нет, это по делам, так что даже не думай.

Карим вздохнул:

– Ну, тогда хоть провожу тебя?

– Это само собой, – улыбнулась Снежана.

Повернув за угол, они добрались до входа на Белорусскую-Кольцевую. Проехав три остановки до проспекта Мира, перешли на оранжевую ветку и минут через пятнадцать были на ВДНХ. Карим с досадой отметил: когда хочешь, чтоб время тянулось медленнее, оно, наоборот, летит семимильными шагами.

– Когда мы снова увидимся? – спросил он, когда они вышли из метро.

– Может, когда ты закончишь свой ремонт? – хитро улыбнулась Снежана.

– Идет, – кивнул Сатин. – Буду клеить и красить всю ночь, а утром тебе позвоню.

Она покачала головой, но ничего не сказала.

К дому Снежаны добирались через парк, шли, не торопясь, держались за руки, а у фонтана «Дружба народов» остановились.

– Вот оно, несчастье наше, – грустно произнесла Снежана, кивнув на погасший источник.

Карим заглянул в бассейн и увидел вокруг каменного «снопа» бледно-желтое светящееся кольцо.

– Да уж, – вздохнул он, обнимая Снежану за плечи. – А что произошло с нашим, я даже и не видел.

Они двинулись дальше по аллее, но только что виденный источник не пожелал исчезнуть из сознания Карима, так что он пару раз оглянулся. Однако что именно ему тут не нравится, так и не понял.

У противоположного выхода Снежана остановилась.

– Дальше я сама, – смущенно улыбнулась она.

– Все-таки ты явно не хочешь меня «светить», – прищурился Карим.

– Тебя уже все увидели, в парке полно наших, – возразила девушка. – Просто я не люблю долгих расставаний.

– Совсем? – спросил Сатин.

Потом обнял Снежану за талию и поцеловал.

– И вовсе не долго! – заявил он, оторвавшись от нее минуты через две.

Маах`керу засмеялась:

– Пока, дейвона. Звони!

С этими словами она повернулась и убежала.

Карим развел руками и, сетуя про себя на злую судьбу, двинулся в обратный путь.

Проходя еще раз мимо погасшего колодца, он бросил на гранитный бассейн рассеянный взгляд, но все мысли были заняты Снежаной. Только добравшись до метро и сев в поезд, Сатин снова вспомнил светящееся пятно.

Что-то настораживало его в этом пятне, но что? Он никак не мог понять.

Илья сидел за компьютером и играл в «стрелялку».

Заслышав, как Карим открывает ключом дверь, он поставил паузу и выглянул из комнаты.

– Ты один, серый, – скорее констатировал, чем спросил, Скоробогатов.

– Одын, савсэм одын, – скорбно произнес Сатин, снимая куртку.

– Ну и фиг бы с ней, не переживай, – заявил Илья и вернулся к компу.

Карим хмыкнул:

– Ты прям как заботливый брат. Да все нормально, просто у нее случился какой-то форс-мажор. Ой, а куда ты все дел?

В комнате царил относительный порядок. Во всяком случае, лишней мебели не было.

– Задвинул все обратно на кухню, куда же еще? – отозвался Илья, не отрывая глаз от монитора. – Подумал: вдруг даме не понравится?

– Ну, ты просто... Спасибо, короче, – растрогался Сатин.

– Не за что. Так говоришь, все зашибись?

– По-моему, да, – весело отозвался Карим.

– Ну, рад за тебя. А мне что-то все на фиг надоело. Лучше одному, – завел свою любимую песню Илья.

– А, это пройдет, – махнул рукой Карим и отправился на кухню, чтобы что-нибудь съесть.

Среди ночи Карим проснулся, как от толчка, – источник в парке ВВЦ не выходил у него из головы даже во сне. Он беспокойно заворочался с боку на бок и разбудил сопевшего неподалеку Илью.

– Ты чего, серый? – Тот включил настольную лампу.

Карим сел на постели.

– Слушай, мне источник маах`керу покоя не дает. Что-то с ним не то.

– Разве он не погас?

– Погас, погас. Но что-то не так. Так с переломами бывает: смотришь на руку, думаешь – луч, но что-то не нравится, а что – не понимаешь. Делаешь снимок, а там – запястье. У тебя нет... почитать чего-нибудь? Про источники?

– Да ты трехнулся на всю голову, в три часа ночи про источники читать. – Илья закрыл глаза и повернулся на другой бок. – Посмотри в тумбе под телевизором, там «История скрытого мира» валяется. Бабки только не растеряй, я их там держу. Если в этом томе нет – значит, нет, завтра в Инете найдем...

Карим встал с дивана и подошел к стоявшей у противоположной стены мебельной горке – «тумбе», как выразился Илья. Открыв дверцу шкафчика под телевизором, он действительно обнаружил там первый том «Краткой истории скрытого мира».

Поставив на пол настольную лампу, Карим уселся рядом, высыпал всунутые между страницами книги тысячные купюры и сложил их стопкой. Затем принялся не спеша листать «Историю». Наконец он нашел статью про источники, и почти сразу же взгляд выхватил нужный абзац.

Тут были изложены общеизвестные истины, разве что четко и хорошо сформулированные: источники гаснут и появляются достаточно редко, за год в крупном городе могут исчезнуть не более одного-двух источников. Похожая ситуация и с появлением новых колодцев. Угасание может происходить как одномоментно, так и постепенно, за несколько недель или даже месяцев. Четкой закономерности между размером источника и скоростью регресса не установлено. Появляется источник внезапно – на пустом месте вырастает столб энергии. И тот и другой процесс обычно проходят мягко, без каких-либо пагубных влияний на окружающую среду. После естественной гибели источника на том месте, где он находился, сохраняется «остаточное свечение» – светящееся пятно на земле. Держится оно обычно несколько дней, а затем исчезает.

Сатин положил деньги обратно в книгу, сунул том на место, выключил лампу и улегся в постель. Источник маах`керу погас больше двух недель назад, пятно уже должно было исчезнуть, но оно все еще там.

Что же это значит?

Раздумывая над этим, но так и не придя к каким-либо выводам, Карим уснул.

Александров гнал свой джип «Чероки» по Ленинградскому проспекту. Он возвращался в Москву, Зеленоград пришлось оставить. Душила злость на Теодоракеса – за то, что кинул, и на себя, за то, что поверил. Судьба заместителя префекта Зеленограда его не интересовала.

Он и киллера-то нанял в порыве гнева, столь обычном для джинна.

Сейчас гнев отступил, осталась тихая глухая злость – больше ничего.

«В конце концов, – думал он, – есть и другие округа. И другие префекты с замами, более честные, чем этот козел. Недостатка в партнерах по бизнесу не будет – торговые точки нужны везде».

Александров гнал за всякими пределами допустимого, стрелка на спидометре приближалась к ста восьмидесяти.

Внезапно джинна почувствовал жгучую распирающую боль в сердце – она постепенно усилилась.

«Инфаркт, – с ужасом подумал Александров. – Достукался!»

Он начал сбавлять скорость.

Неожиданно боль переместилась в позвоночник, ощущение было просто кошмарным: как будто внутрь забили раскаленный металлический штырь. Александров громко застонал и выпустил из рук руль.

Машина, оставшаяся без управления, вылетела на встречную полосу, где тут же столкнулась с серо-серебристой «Хондой». «Хонда», разворачиваясь, задела белую «семерку». И в довершение всего в них врезался «Форд Фокус». Джип перевернулся и загорелся, загорелась и «Хонда».

Александров к тому времени был уже мертв.

Водителя «Хонды» доставили в больницу с тяжелой травмой, остальные участники ДТП отделались легким испугом.

В восемь утра друзей разбудил телефонный звонок. Илья вскочил с дивана и опрометью кинулся к аппарату. Карим приподнялся на локте, наблюдая за Скоробогатовым.

– Але, да. Да, Антон Николаевич... Угу, хорошо... Адрес помню... Не волнуйтесь, все сделаем, как надо... Ждем.

Он положил трубку и вновь плюхнулся на диван.

– Звонил Инаков, сказал, что задержится, просил ехать без него, он подгребет позже.

– Ух ты. Тогда я за машиной. – Карим встал и принялся одеваться.

– Лучше не надо сейчас, – веско заметил Илья. – Пока она стоит во дворе, кто-нибудь что-нибудь открутит. Заберем сразу перед выходом.

– Ты прав, – согласился Карим.

...Через час они вышли из дома. Никто не чинил им никаких препятствий, с машиной на стоянке тоже все было в порядке, и к Амурову они отправились вовремя.

По пятам за «Мерседесом» цвета «черный металлик», не приближаясь и не увеличивая разрыва, следовал темно-вишневый «Дэу Матиз». За рулем сидел альв по имени Синуулаатон, всю жизнь считавший, что маленькая машинка для маленького водителя – как раз то, что нужно.

В ушах у Синуулаатона торчали наушники мобильного телефона, тонкие пальцы решительно вцепились в руль. Под вдохновенные звуки «Огненного ритуала» Вагнера водитель уверенно вел автомобиль. Он выполнял задание – возможно, самое важное в его жизни.

«Мерседес» выехал на площадь Земляной Вал и теперь двигался по направлению к Старой Басманной улице. Синуулаатон выключил музыку и, нажав на телефоне кнопку «один», связался с начальством.

– Босс, они едут от Садового кольца к Старой Басманной.

– Они едут к джинна! – завопил невидимый собеседник скрипучим голосом. – Басманный тупик, дом два! Перехватите! Срочно собирай всех. Задержать любой ценой, но тихо. Если получится – возьмите в плен. Только чтоб без громкой драки. Нам шум не нужен.

– Понял, – Синуулаатон отключился и тут же набрал цифру «два». – Алло! Вихрь? Я –

Стихия. Срочно всех к дому два в Басманном тупике. Босс сказал: без драки. Как поняли? Отлично, выполняйте.

Отдав распоряжение, он сделал еще один звонок, на сей раз нажав на телефоне цифру «три».

– Торнадо? Вызывает Стихия. Срочно подтягивайтесь к дому два в Басманный тупик. Два мага: человек и дейвона. Повторяю: срочно! Отлично.

Теперь оставалось только морально подготовиться. Синуулаатон вновь включил музыку. На этот раз заиграл вагнеровский «Реквием по мечте». Альв почувствовал, как все его существо наполняется мужеством, мускулы наливаются силой, а сердце кипит праведным гневом...

Карим сидел за рулем, рядом расположился Илья.

– Так вот, об источниках, – продолжал начатый разговор Сатин. – Я вчера вычитал: от угасшего источника через несколько дней не остается никаких следов. А колодец маах`керу не пропал бесследно, все еще держится светящееся пятно, я вчера его видел.

Подъезжая к повороту в Басманный тупик, Карим сбросил скорость до тридцати километров в час. Маневрировать здесь очень сложно: много машин и отвратительный асфальт: колдобина на колдобине.

– Я не силен в теоретической магии, – сказал Илья. – Что это значит?

– Да если б я знал...

И тут перед самым поворотом, впереди, в каких-то десяти метрах, на дороге возникла бетонная плита.

– Тормози! – заорал Илья.

Карим резко вдавил педаль тормоза. Скрипя покрышками так, что из-под них едва не повалил дым, машина остановилась. Карим включил аварийку. Друзья одновременно выскочили из «Мерседеса»... плиты не было ни спереди, ни сзади.

– Что за... – начал Сатин.

Но тут пошел дождь, да не просто дождь – на головы Карима и Ильи обрушился ливень, он падал плотной стеной, в двух шагах уже ничего не было видно. Сатин был так поражен этим явлением в конце апреля – вроде не майская гроза, – что не сразу заметил: одежда не намокла.

И вообще, дождь нельзя было потрогать, он не оставлял никаких следов.

– Иллюзии! – крикнул вовремя сообразивший Илья. – Уезжаем отсюда.

Они быстро забрались в машину.

Но куда ехать, если впереди ничего невозможно разглядеть, а «дворники» на иллюзии не действуют?

– Ух ты, черт, да откуда это взялось? – негодовал Карим.

В сердцах он ударил по клаксону, раздался короткий резкий «бип».

– Не сигнал, бесполезно. Только аккумулятор посадишь, – сказал Илья.

Дождь прекратился, но не успели друзья вздохнуть с облегчением, как стало еще хуже: вокруг машины запылал огонь. Причем ощущение жара было таким явственным, что Сатину и Скоробогатову стало не по себе.

– Они нас, никак, поджарить тут решили? – вырвалось у Ильи. – Ты умеешь иллюзии нейтрализовывать?

– Для этого надо хотя бы видеть мага, который их создает, а я в упор никого не вижу.

– Вот влипли, блин. Может, все-таки попытаться выйти? Иллюзии же, ничего не будет.

– А жарко почему? Вдруг не только иллюзии?

– Тогда мы бы сгорели уже, – мрачно заметил Илья.

– Ладно, выходим.

Но тут пламя исчезло, а сверху как из ведра посыпалась щебенка, заколотила по крыше, стеклам, капоту...

Друзья переглянулись.

– Опять какая-то зараза не пускает нас к Амурову, – разозлился Карим. – Предлагаю

выскочить, как только закончится этот камнепад, что бы там ни случилось потом...

Как по команде, стук камней по крыше прекратился, и Карим выскочил... прямо в темноту.

«Не хватало еще попасть под машину», – подумал Сатин, вытянув руки вперед.

Нащупав капот «Мерседеса», он, осторожно перебирая руками, двинулся вокруг автомобиля, пока не оказался, по его предположениям, на тротуаре.

– Илья, ты где? – позвал Сатин.

Но ему никто не ответил, и вообще вокруг было странно тихо, исчезли все звуки улицы.

– Илья! – уже громче крикнул Карим.

Сатин сделал шаг вперед и наткнулся на правую переднюю дверцу. Она была распахнута. Обогнув ее, он дотянулся рукой до переднего сиденья, и понял, что Ильи в машине нет.

Карим не очень удивился, решив, что Скоробогатов покинул машину и теперь, как и он сам, кружит где-то поблизости во тьме.

И тут что-то набросилось на него сзади. Сдавило спину и грудь, как будто тисками, – причем в темноте невозможно было понять, то ли это чья-то железная хватка, то ли воздействие заклинания.

Он попытался сосредоточиться, но не смог, о том, чтобы применить какое-нибудь заклинание, не было и речи. Карим напрягся так, что затрещали суставы и, к собственному удивлению, смог вырваться из стальных объятий.

Темнота исчезла, и появились звуки. Улица обрушилась на Карима неприукрашенной реальностью: та же дорога, тот же поворот, в который они с таким трудом вписались, тот же Басманный тупик впереди. Почти рухнув на капот автомобиля, Сатин перевел дыхание. Потом он вспомнил о друге и осмотрелся.

Ильи нигде не было.

Сообразив, что «Мерседес» все еще беспомощно стоит на проезжей части, прижавшись к обочине, Сатин поспешил завести мотор и проехать вперед, к дому номер два. Кое-как найдя место для парковки, он втиснул автомобиль между «десяткой» и забором. После этого вытащил телефон и попытался позвонить Скоробогатову.

Раздалось знакомое:

«Абонент ответит. Он сейчас, сейчас ответит»...

Но тут же Илья стал недоступен.

Вконец расстроившись, Карим вышел из машины и тут увидел въезжавшую в тупик желтую «Калину». Инаков проехал дальше по улице и остановился за углом – ближе места для стоянки не нашлось.

Сатин бегом кинулся к нему.

– Антон Николаевич, Илья пропал! – выпалил он, подлетев к выходившему из машины Инакову.

– Да ты что, как «пропал»? – испугался Инаков. – Я же звонил ему утром.

– Произошло что-то странное...

И Карим рассказал, как их остановили, применив иллюзию, и как потом не давали сдвинуться с места.

– А когда все исчезло – пропал и Илья, – закончил он с отчаянием.

– Вот это номер, еж твою двадцать! – помрачнел Антон. – И что делать, ума не приложу. Звонить ему не пытался?

– Пытался, – кивнул Карим. – Глухо.

– И джинна ждет, как назло... Эх! – Инаков с досадой махнул рукой.

– Мне кажется, мы должны сейчас пойти к «оранжевым», – уверенно заявил Карим. – Враг ведь добивался именно того, чтоб мы этого не сделали. Где сейчас искать Илью, мы все равно не знаем. А потом...

– А потом подключим наших магов и найдем. Пошли! – И Антон решительно зашагал к

подъезду.

Там их ждал охранник-джинна.

Это был не тот охранник, что почти месяц назад встречал у подъезда мастера. Того охранника уже не было в живых. В живых не было никого из присутствовавших при том разговоре: все они погибли двадцать девятого марта.

Антон назвал охраннику свою и Карима фамилии, и тот провел их в здание.

В ярко освещенном вестибюле за высокой стойкой находился второй охранник с абсолютно безразличным лицом. Рядом восседала дородная дама с темно-огненными, почти красными на фоне ее черного платья волосами, уложенными в пышную прическу.

Она потребовала у визитеров паспорта. Карим и Инаков почти синхронно протянули ей документы. Дама поджала губы: то ли ей не нравилось, что посетители – не джинна, то ли она просто была не в духе. Сверившись с компьютером, она протянула паспорта вместе с пропусками владельцам.

Сатин с Инаковым прошли через турникет, и охранник привел их на второй этаж. Кабинет, куда они зашли, смотрелся тускло и безжизненно: серые стены, матово-фиолетовый пол, стандартные офисные столы. Только хозяин, поднявшийся навстречу гостям, выглядел здесь живым и ярким.

Амуров был высоким и довольно упитанным: пуговицы пиджака не сходились на его животе, открывая рубашку в полоску. Румянец во всю щеку и блестящие золотистые – не желтые и не красные, как с облегчением заметил Карим – глаза придавали его облику вполне добродушный вид. В огромной загорелой лапище он держал удивительно маленький овальной формы мобильный телефон ослепительно белого цвета.

– Приветствую, господа, – джинна протянул руку Инакову, потом – Кариму. – А сообщалось, что вас будет трое.

– На нас только что напали, – заявил Карим. – И мой друг был похищен.

– Надо же, какая неприятность, – покачал головой джинна. – Впрочем, меня это не удивляет. В наше смутное время можно ожидать чего угодно. Такое впечатление, что возвращаются лихие девяностые. Очень сочувствую вашему другу. Помощь нужна?

– Мы пока даже не знаем, в каком направлении действовать, – хмуро ответил Инаков. – Но, возможно, помощь понадобится.

– Можете на меня рассчитывать, – сказал Амуров. – Но давайте к делу, господа. К сожалению, у меня нет документальных подтверждений, могу лишь передать на словах то, что слышал от родителей, а те – от своих. «Дневники мага-воина» действительно существовали. Автор этих заметок – джинна, воевавший на стороне фашистской Германии, и не просто воевавший, а допущенный к тайнам, приближенный к фюреру. Предположительно – эсэсовец, попавший в опалу и позже сосланный на фронт за какие-то грехи. Пропали они еще в сорок первом году где-то на подступах к Москве.

– Это все, что вам известно? – разочарованно протянул Карим.

– Еще кое-что. Дневники содержат в основном сведения, касающиеся подготовки к войне. Магической подготовки. Гитлер, как неопровержимо доказывают факты, принадлежал к оранжевой сфере... – Амуров скривился. – Магом он, впрочем, был весьма слабым, но об этом знали немногие. Гитлер вообще был великим дилетантом. Скорее он обладал так называемой магией личности. При этом тяга к чародейским ритуалам была в нем довольно сильна. И свою армию он «заряжал» регулярно...

Карим с Инаковым молча слушали.

Слабый ветер развеивает флаги на трибунах, установленных на просторной площади, по периметру разложены костры. Звучит музыка Вагнера – «Полет валькирий». К площади ведет улица, освещенная мерцающими огнями светильников на пилонах. Факелы штурмовиков и эсэсовцев образуют вдоль улицы две колышущиеся огненные линии, за ними стоит густая толпа. Каждый, стоящий в ней, с трепетом ожидает грядущего апокалипсиса.

Каждый уверен: жизнь человеческая ничто перед всемирным пожаром.

Стоя в открытой машине, через триумфальную арку к площади проезжает Адольф

Гитлер. Внезапно лучи ста пятидесяти гигантских прожекторов врезаются в покрытое черно-серыми облаками небо, потоки ослепительного света заливают пространство. На уровне облаков столбы света соединяются в мерцающий четырехугольник.

Главная трибуна увенчана сияющей золотом свастикой в дубовом венке – огненным колесом, на левом и правом пилонах в огромных чашах полыхает огонь. Под звуки фанфар с поднятой рукой Гитлер поднимается по ступеням, устланной красной ковровой дорожкой, на высокий центральный блок главной трибуны. Он одет в серый военный китель с золотым партийным значком, Железным крестом первой степени и знаком за ранение в Первую мировую войну. Его фигура отбрасывает узкую, резко очерченную тень.

Гитлер отделен от всех непреодолимым пространством одиночества великих цезарей, что принадлежит только ему и тем героям, которым суждено принести себя в жертву ради расы и рейха.

По команде с трибуны на другой стороне вниз, на площадь, устремляется поток более чем из тридцати тысяч знамен, их серебряные наконечники и бахрома вспыхивают в свете прожекторов. Прожекторы освещают середину площади, играя на кумаче, серебре и золоте знамен, мундирах и инструментах оркестра.

– Я всегда ощущал, – говорит Гитлер, – что наступит час, и чудо сведет нас воедино. Чем была бы моя жизнь без вас! Вы нашли меня и поверили в меня – и это дало вашей жизни новый смысл, новую задачу! Я нашел вас – и только это позволило мне обрести настоящую жизнь и вступить в мою борьбу! Однажды вы услышали голос, который захватил ваши сердца, пробудил вас, и вы пошли за ним! Вы шли целые годы, даже не видя того, кто говорит с вами; вы только слышали голос и шли за ним! Я чувствую вас, а вы чувствуете меня! Вера в наш народ сделала нас, маленьких людей, великими, сделала нас, бедняков, богатыми, сделала нас, робких, потерявших мужество, запуганных людей, смелыми и отважными, дала заблуждавшимся прозрение и объединила нас! Я пришел к вам подобно императору Фридриху, чтобы разбить врагов и выручить из беды свой народ!!!

Над площадью гремят шестнадцать артиллерийских залпов. Затем наступает гробовая тишина. Гитлер, словно окаменев, стоит с вытянутой вверх рукой. Световой купол, построенный в ночном небе лучами прожекторов, подобен магической отгораживающей стене.

– Немецкая армия должна быть боеспособна! Каждый из нас, – продолжает Гитлер, – должен стать истинным существом! Для этого нужна вера, энергия, воля к победе! Все это может дать огонь! Настоящий огонь!!!

Огонь в чашах разгорается сильнее, над головой Гитлера пылает свастика. Его глаза разгораются красным.

Присутствующие высоко поднимают факелы.

– Я завершил свой путь, – медленно и торжественно провозглашает рейхсканцлер Германии.

– Я завершил свой путь, – вторит толпа.

– Я очищен...

– Я очищен, – подхватывает множество голосов.

– Я вошел в незримое. Я – оправданный. Я – владыка жизни... – Каждая фраза повторяется восторженными фанатиками.

– Я спаситель, выводящий к свету!

Каждый из присутствующих тоже чувствует себя спасителем, выводящим к свету.

– Да снизойдет белое сияние «пламени победы»! – выкрикивает рейхсканцлер.

Огонь факелов пылает все жарче и ярче, из желто-оранжевого пламя становится белым, слепит глаза, взрывается до небес.

– Вы – пламя! – кричит рейхсканцлер. – Ревущее бушующее пламя!!!

Толпа приходит в движение, каждый чувствует себя огнем – порывистым, стремительным, который мчится, не ведая преград, каждый ощущает свое тело пламенем и растворяется в нем.

– С нами «пламя победы»! – ревет людская масса.

Когда Амуров закончил рассказ, маги какое-то время молчали, обдумывая услышанное.

– Насколько я понял, – медленно сказал Инаков, – «пламя победы» – это не просто заклинание, это целый ритуал.

– Да, – кивнул Амуров. – Огненный ритуал. Он пробуждает в нас, джинна, энергию, наш внутренний огонь. Усиливает его. Выпускает наружу. Если при этом ритуале присутствуют уроженцы других сфер, они тоже заряжаются нашей энергией. Она довольно сильна и может быть опасна. Она порождает агрессию и ведет к... разным неприятностям.

– А вы не допускаете мысли, что Средин мог каким-то образом обнаружить «Дневники мага-воина» и воспользоваться ритуалом? – напрямую спросил Инаков.

– Допускаю, – усмехнулся джинна. – Он всегда был скрытным и властолюбивым. Вполне возможно, хотел еще больше возвыситься. А игры с огнем опасны – тут нужны навыки. Опыт. Умелым магом он никогда не был.

– Как вы считаете, могло использование огненной магии привести к взрывам в метро? – взволнованно спросил Карим.

– На этот счет, юноша, я бы предпочел ничего не считать, – отрезал Амуров. – Доказательств нет. А отвечать за чужие грехи – благодарю покорно.

– Кстати, сегодня очередное собрание комиссии по расследованию, – напомнил Инаков. – Лучше, если вы там будете.

– Да, я собираюсь присутствовать, – заявил Амуров. – До вечера, господа.

Поняв, что джинна сказал все, что мог, Карим с Инаковым отправились восвояси.

Надо было думать, как выручить Илью.

– Чем нам может помочь эта информация? – спросил сам себя Карим, когда они с Инаковым вышли из подъезда. – И ясновидящая ведь говорила про источники, не про взрывы. При чем тут источники? Да еще пятно это...

Он чувствовал, что окончательно запутался.

– Что за пятно? – рассеянно откликнулся Инаков.

Карим в двух словах рассказал ему про вчерашнее наблюдение и про главу в «Краткой истории скрытого мира».

– Знаешь, а это, похоже, неспроста, – уверенно заключил Инаков. – Езжай-ка ты к своим «фиолетовым», пусть они это дело прозондируют как следует. Может, и ты для себя что-то полезное узнаешь.

– Но как же Илюха? – запротестовал Сатин.

– Не переживай. Я сейчас прямо в аэропорт встречать Галкина, и мы займемся поисками. В «Семи холмах» народу много, а ты один. А к четырем подъезжай прямо в «Тверскую-Мариотт», тебя ведь эти события касаются напрямую. Знаешь, где это?

– Найду.

– Только поосторожнее, пожалуйста. Хватит нам одного пропавшего.

– Постараюсь, – пообещал Карим.

С этим они и распрощались.

Не успела желтая «Калина» отъехать, как на телефон Кариму пришло сообщение. Он вынул мобильник из кармана и прочитал:

«Уймись, прекрати поиски. Иначе пропадешь, как твой друг».

Номер, разумеется, не определился, а точнее, было похоже, что сообщение послали через Интернет.

Карим невольно подумал, что Илья обязательно определил бы источник.

Но Ильи не было.

Глава 13

Снежана жила на улице Сергея Эйзенштейна, рядом с парком ВВЦ.

Карим собрался было ей позвонить, но оказалось, что, во-первых, на телефоне почти не

осталось денег, а во-вторых, что он вот-вот разрядится. Затаив дыхание, он быстро набрал текст эсэмэски: «Срочно еду, встречай». Главное было дать понять, что дело не терпит отлагательств. Нажал кнопку «отправить» – телефон просигналил, что сообщение ушло и доставлено. После этого мобильник с чувством выполненного долга отключился. Ну что ж, по крайней мере, Снежана предупреждена.

Карим сел за руль и выехал на Старую Басманную, а потом повернул направо – на Садово-Черногрязскую. Он не заметил, что за ним не спеша двинулся темно-вишневый «Матиз», а следом – «Шкода Фелиция».

Как ехать на ВВЦ Карим приблизительно представлял – главное добраться до прямого и длинного, как струна, проспекта Мира, а там уже не заблудишься.

Пока ехал, в голову лезли тревожные мысли – в первую очередь об Илье, потом об источнике, огненном ритуале, Амурове, о Зеленограде и родителях, наконец, о пациентах... Всего этого было слишком много, со всем надо было разобраться. Да еще эта эсэмэска.

Было бы понятно, если бы потребовали прекратить поиски под угрозой расправиться с Ильей или, наоборот, предложили обменять Илью на информацию, еще что-нибудь ценное, в конце концов – потребовали деньги. Но «не ищи, а то пропадешь» – какие-то детские страшилки.

Карим так задумался, что пришел в себя, лишь когда увидел, что направляется под мост с железнодорожными путями. Это означало, что он слишком увлекся и выехал на Ярославское шоссе. Нужно было искать разворот или другой съезд: предыдущий он, видимо, пропустил.

Дивясь собственной невнимательности, Карим остановился у обочины. В горле пересохло, очень хотелось пить. Шагах в двадцати маячила торговая палатка. Сатин вышел из машины.

Он купил бутылку минеральной воды, повернул назад, к машине – и увидел катившийся прямо на него огромный полупрозрачный шар. Невольно отступил назад и уперся в стенку палатки, дернулся было в сторону – шар изменил направление.

Кариму стало откровенно страшно, и в основном потому, что он не знал, с чем имеет дело. Сосредоточившись, он в последний момент попытался создать «осиный рой», разрушить чужое заклинание. Но капли едва-едва успели выдавиться из почерневших ладоней и, расправив прозрачные крылышки, взмыли в воздух.

В ту же секунду шар накатился на него.

Сатин зажмурился, сердце стучало о грудную клетку, словно молот.

Но ничего не произошло.

Проклиная себя за идиотизм, Карим открыл глаза и, наконец, обнаружил неведомых иллюзионистов.

Их было четверо, и располагались они «ломаной линией» – двое поближе, двое между ними чуть позади. Причем одного из стоявших близко Карим, неприятно удивившись, узнал: это был тот самый подозрительный тип в серой куртке, который напал на них с Ильей в подъезде и шпионил за ними до самых ворот часового завода.

Но и сейчас Сатин не мог определить, к какой сфере принадлежит незнакомец: похоже, маг прятался за мороком. Остальные выглядели так же: непримечательно, без каких-либо особенностей, почти одинаково.

В голове мелькнуло словечко «инкубаторские».

– Что вам от меня нужно? – ровным голосом спросил он.

Вместо ответа на Карима обрушился настоящий ураган светящихся шаров, сильно напоминавших елочные. На этот раз он не стал обращать внимание на иллюзии, а попытался дотянуться до врагов «длинной рукой».

Но чужаки незаметно переместились, оказавшись по обе стороны от него: справа и слева. Карим едва не пропустил «огни Архангела Михаила», вовремя сообразив, что это уже не иллюзии, и выставив щит.

«Сейчас заморочат голову, а сами тем временем сплетут «кокон Артемиды» или что-

нибудь в этом роде и спеленают», – закралась невольная мысль.

Убивать его нападавшие явно не стремились – вчетвером они бы легко смогли это сделать. Значит, хотели взять живым.

«Хоть бы предложили сдаться, – с недоумением подумал Сатин. – Я бы, конечно, отказался, но им-то откуда знать?»

В это время с обеих сторон сверкнули, вспыхнув, серебряные сети.

«А вот и коконы, я угадал...»

Карим бросился вперед, упал на землю и несколько раз перекатился. Вскочив, он выпустил с ладоней «осиный рой», который набросился на обе ловчие сети и помешал им сразу же достать жертву.

Этого времени хватило Сатину, чтобы дать деру.

Но куда бежать? Уехать он явно не успеет: они достанут его в машине и возьмут тепленьким. Тут его взгляд упал на амулет-эхо, вделанный в часы. Маах`керу! Можно позвать их на помощь. Но как?

Карим совершенно не представлял, каким образом действует «эхо маах`керу», поскольку никогда всерьез не думал о том, что придется обращаться за помощью к «фиолетовым».

«Вот дурак! Ну кретин же просто», – с досадой подумал Сатин, развернувшись.

Сзади обнаружился непонятно откуда взявшийся обрыв, а за ним пустота. Карим невольно попятился, потом снова обернулся, уже в сторону дороги, – и чуть не уперся в деревянный забор.

Прошел сквозь него – и очутился в густом тумане.

Подозрения насчет того, к какой сфере принадлежат четверо агрессоров, превратились в уверенность – слишком хорошо они владели магией иллюзий.

«Ну все, сейчас они меня умотают, я устану и сойду с ума, – рассудил Сатин. – Как же все-таки действует эта штука?»

Он потер камень рукой, как лампу Аладдина. Что с ним еще можно сделать, Карим не представлял. Если сработает, оборотни появятся здесь минут через двадцать, благо от ВДНХ недалеко. Вот только как ему продержаться столько времени?

«И почему нет заклинания, чтоб стать невосприимчивым к иллюзиям? Или я его просто не знаю? Какие-нибудь «очки резистентности»...»

На сей раз ударили сверху.

Карим не успел толком понять, чем же его зацепило: вполне возможно, обычным «молотом». Просто саданули по голове так, что в ушах пошел звон. Сатин упал на спину. Иллюзий больше не было, и прямо над собой он увидел парившего альва, который готовил какое-то заклинание.

Сомнений не оставалось. Даже если бы нападавший не взлетел, Карим все равно теперь мог видеть его ауру и истинный облик. До сих пор все это скрывала непонятно для чего нужная сложная маскировка.

Совсем рядом послышался шум, а потом с земли взвилась черная тень. Раздался вскрик, и альв вместе с вцепившейся в него зубами большой собакой – да нет, волком! – грохнулся на землю. Удивительно, но маах`керу появились не через двадцать минут, как предполагал Карим, а через пять.

Оборотней оказалось трое. В звере, что повалил альва, Карим без труда узнал Снежану. Еще один волк набросился на второго альва, тот отбивался от него «призрачным клинком». Третий «фиолетовый» остался в человеческом обличье, он и его противник обменивались заклинаниями так быстро, что сверкали вспышки и свистел воздух.

Сатин остался один на один со своим старым знакомым в серой куртке.

Тот начаровал «пузырь пустоты», но Карим легко отбил заклинание и сам запустил в альва «заморозкой». Танцор, как парашютист, приземлился и, не удержавшись на ногах, растянулся на асфальте.

Снежана тоже справилась со своим противником и уже волокла его к дороге. Там стоял

новенький «Рено Логан», на котором маах`керу и приехали. Зато второй волк явно проигрывал: противник оттеснял его в сторону от остальных. Карим бросился было ему на помощь, но на бегу почувствовал, как кружится голова и темнеет в глазах.

Не сумев сохранить равновесие, он грохнулся на землю.

Когда через несколько минут он смог подняться, все уже было кончено: альвы, отбившись, сбежали.

Маах`керу окружили Карима.

– Спасибо, – с чувством сказал тот, прижимая руку к груди. – Если бы не вы, они бы меня вчетвером уделали.

– Не за что. Виктор! – представился брат Снежаны, протягивая Кариму руку.

Виктор старался держаться бодро, но видно было, как сильно он устал – лицо серое, под глазами мешки.

«Они тоже без источника, – вспомнил Карим, пожимая руку маах`керу. – На амулетах, наверное. Потому и прибыли в волчьем облике – им так удобнее драться без помощи заклинаний. Но кому-то надо было вести машину...»

– А я Карим, вы, наверное, помните. Как вам удалось так быстро добраться? Извините, что оторвал от дел и вообще...

– Да перестань! – засмеялся Виктор. Снежана виляла хвостом, сидевший рядом с ней волк выкусывал что-то из шерсти. – Не так уж и быстро, кстати. Восемнадцать минут. За это время можно было и концы отдать.

Карим очень удивился, но с расспросами решил повременить.

– Что вы с ними не поделили? – спросил оборотень.

– Да я вообще в шоке. Вот уже несколько дней они достают меня и моих друзей, но только сегодня мне удалось увидеть, что это альвы. Не понимаю, чем мы им помешали. Мой друг похищен – похоже, это их же заслуга. Очень жаль, что нам не удалось никого задержать. А к вам я ехал по важному делу... Пойдемте, что мы стоим у всех на виду?..

Снежана прыгнула к нему в машину, мужчины-оборотни поехали на «Логане».

Сатин успел лишь в двух словах сообщить им свои мысли об источнике. Времени до встречи в гостинице оставалось не так уж много, маах`керу надо было успеть заехать переодеться и рассказать матери о последних событиях.

До улицы Сергея Эйзенштейна добрались быстро.

По дороге Сатин ничего толком не успел поведать Снежане – да он и не старался особенно, все равно пришлось бы пересказывать еще раз для всех. Так что они мило беседовали ни о чем – понятно, что «беседовал» один Карим, а Снежана только мотала головой. Вслед за «Рено» оборотней Карим подъехал к обыкновенной блочной пятиэтажке. Он даже удивился, что семья хранительницы закона обитает в столь скромном жилище.

Карим открыл дверцу, и Снежана опрометью кинулась в подъезд.

Виктор подошел к Сатину:

– Мы сейчас мигом и сразу в ВВЦ. Мать уже там.

Карим кивнул.

Третий маах`керу скрылся в подъезде вслед за братом и сестрой. Сатин приготовился скучать, но не прошло и десяти минут, как оборотни вернулись. Братья снова сели в «Логан», Снежана же, улыбаясь во весь рот, направилась к «Мерседесу». Карим поспешно распахнул для нее переднюю дверь.

– Ну, привет еще раз, дейвона Карим, – произнесла она, усевшись и пристегнувшись.

– Ух ты. Прогресс! – откликнулся Сатин, заводя мотор. – Ты наконец запомнила, как меня зовут. Зато теперь мы квиты: ты мне тоже жизнь спасла.

Они двинулись вслед за «Рено Логаном».

– Так, теперь я хочу все подробности: что за мутные альвы к тебе прицепились и по какому поводу?

– Да я же уже сказал: этих ребят я вижу в первый раз. Точнее, всех, кроме одного, с которым я дрался. Тот мне уже встречался: он напал на нас с Илюхой в подъезде и потом

шпионил, я тебе вкратце рассказывал.

– Угу, помню, – кивнула девушка. – Жаль, что я того упустила... Вывернулся в последний момент.

– Что им надо, они не сообщили. Вообще – ни слова. Просто напали, и все. Мне очень повезло, что у меня есть ты... вернее, что у меня есть ваш подарок-амулет, иначе я бы пропал. Но я так и не понял, как же он передает информацию.

– Понятия не имею, – беспечно откликнулась Снежана, убрав за ухо прядь волос. – Кажется, он на пульс реагирует. Или на испуг. В общем, он как-то с телом Силы сам взаимодействует.

– Адреналин, что ли, меряет? – пробормотал Карим. – Я ведь действительно здорово испугался. Ни в подъезде, ни сегодня утром, с иллюзиями, я толком не боялся, а тут... Увидел этот шар и чуть не... Ну ты понимаешь. Так что я счастливый везунчик – а вот бедному Илье не повезло.

И Карим рассказал Снежане об утреннем происшествии с иллюзиями и похищении Скоробогатова, а заодно и о визите к Амурову.

– Как ты думаешь, – спросила она, когда Карим закончил, – источники – это дело рук тех же альвов?

– Логично предположить, что да: им явно не нравится, что мы копаем это дело с «пламенем победы». Вот только кто они, откуда?

– Ну, в Москве только одна серьезная организация альвов: «Грановитая палата».

– Громко, – усмехнулся Карим. – И что, они прямо там и обитают?

– Нет, кажется, не совсем там. Но где-то поблизости. Да разве поймешь этих альвов? Они вообще под землей живут.

Наконец подъехали к парку. Оставив машины на стоянке, вчетвером отправились к фонтану «Дружба народов». Издалека Сатин увидел, что у бассейна уже ждет Дарина и еще несколько маах`керу.

Он поздоровался с хранительницей закона и остальными и еще раз поблагодарил всех за спасение.

– Вот видите, Карим, – вздохнула хранительница, а затем улыбнулась: – Я же вам говорила, что наша помощь скоро понадобится. Хорошо, что мои дети успели вовремя.

– Да не то слово, – пробормотал Сатин. – А сказать я хотел вот о чем. Посмотрите.

Он указал на пятно, которое, ничуть не изменившись, все так же светилось на дне бассейна.

– Вчера мне показалось это странным, но я не мог понять почему. Пришлось читать «Краткую историю». А там черным по белому: «После гибели колодца пятно исчезает через несколько дней». Может, конечно, это ерунда, а вдруг нет?

Услышав столь неожиданную новость, маах`керу как по команде загалдели.

Дарина подняла руку, восстанавливая тишину.

– Это не ерунда, – медленно сказала она. – Это совсем не ерунда, Карим.

– Тогда, может, вам стоит попробовать исследовать это пятно? Может быть, мы тогда и причину гибели источника узнаем?

Дарина покачала головой:

– Я не буду даже пытаться. И никто из наших тут ничего не обнаружит: маах`керу не очень-то способны копаться в хитростях. Был бы жив Станислав, он бы смог, наверное. А мы лучше обратимся за помощью к более сильным магам. Но пора ехать, нас уже ждут.

Когда Карим и маах`керу прибыли в «Тверскую-Марриотт», все приглашенные уже были в Каминном зале. Сатин поискал глазами Инакова. Тот махал ему рукой, приглашая сесть рядом.

Многие с интересом и недоверием косились на незнакомого дейвона, когда он, пригнувшись, пробирался к свободному стулу рядом с «коричневыми» из «Семи холмов».

Дарина со Снежаной сели отдельно.

– Итак, господа, вот мы и снова собрались, – начал расположившийся во главе стола

Саркисов.

Он выглядел чуть менее безжизненным по сравнению с прошлым разом. Должно быть, сказался вынужденно активный образ действий.

– История, которую мы с вами взяли расследовать, оказалась более сложной, чем я предполагал. И уже имеет продолжение. Неожданное и неприятное.

При этих его словах присутствующие беспокойно зашевелились, перебрасываясь репликами.

– Пару слов хочет сказать председатель ассамблеи «Семь холмов».

Галкин поднялся, и все взоры обратились к нему.

Выглядел глава ассамблеи неважно: только что с самолета, да еще узнал по дороге неутешительные новости от Инакова.

– Господа, произошло из ряда вон выходящее... Одним словом, похищен один из наших магов.

Раздалось несколько удивленных возгласов. Галкин жестом попросил у собрания тишины и продолжил:

– На него было совершено нападение в тот момент, когда он занимался расследованием истории с источником. Более того, Илье вместе с другими магами ассамблеи удалось выяснить кое-какие факты, касающиеся взрывов, о чем я расскажу чуть позже. Ясно одно: наше расследование кому-то помешало, и теперь нам стараются связать руки.

– А что, похитители выдвигают какие-то требования? – раздался голос сидевшего напротив Галкина Наблюдателя из Изумрудных Крыльев.

– Нет, пока ничего. Но прошло еще очень мало времени.

Галкин еще не знал о полученной Каримом эсэмэске.

– Да кто, кто похититель-то? – спросил один из людей.

– Минуту, господа, дайте сказать, – тяжело вздохнул Галкин. – Мы не знаем, кто похититель. Нападение было совершено сегодня около одиннадцати часов утра в Басманном тупике.

– То есть рядом с резиденцией Центрального землячества джинна? – вновь раздался голос Наблюдателя.

– За что они так не любят джинна? – шепнул Карим Инакову.

– Да за что их любить? – откликнулся тот. – Те еще смутьяны.

– Да, именно, рядом с резиденцией, – подтвердил Галкин. – Кстати, я что-то не вижу многоуважаемого Дмитрия Амурова, а ведь он обещал быть...

– Увы, увы, – скривил губы вампир. – Центральное землячество нас снова проигнорировало.

– Но это не так важно... – Галкин повернулся к Кариму: – Я хотел бы, чтобы уважаемое собрание услышало все из первых уст. Пожалуйста, Карим.

Сатин вздрогнул – его не предупредили, что придется выступать.

Он поднялся и откашлялся.

– Здравствуйте, почтенные.

Раздалось несколько удивленных возгласов.

– Давайте не будем отвлекаться, – сказал вампир. – Послушаем нашего гостя из Зеленограда.

Он знал, кто такой Сатин и откуда родом, хотя непонятно, откуда он это знал.

Не касаясь истории с колодцами, Карим рассказал об услышанном от провидицы о «пламени победы», о поисках в Интернете и разговоре с Амуровым. Своего дядю он решил не упоминать, посчитав это лишним. Подробно описал иллюзии, с которыми пришлось столкнуться в Басманном тупике, при этом посмотрел на присутствующего в зале альва.

Тот казался заинтересованным, но на Карима не взглянул, сидел, уставясь в стол.

Затем Сатин приступил к повествованию о визите к «оранжевым», поведал о «Дневниках мага-воина». Под конец упомянул о полученном им смс-сообщении. Стоило Кариму закончить, как несколько магов заговорили разом.

– Джинна. Это опять джинна. Вечно они, – сказал кто-то из людей. – Когда же это прекратится?

– Да при чем здесь «оранжевые»? Всегда у вас джинна виноваты, – буркнул один из «оранжевых», не принадлежавших к Центральному землячеству и приглашенный лишь потому, что у них был источник рядом с «красной» веткой метро. – Они не применяют иллюзии.

– Господа, господа, тише! – повысил голос верог. – Уважаемый... простите, как вас?

– Карим.

– Уважаемый Карим, – мягко начал Саркисов, – из ваших слов можно сделать вывод, что виноваты в неприятностях два клана. Центральное землячество – в организации взрывов и «Грановитая палата» или другое объединение альвов – в нападении на вас и вашего друга. Кто-нибудь может подтвердить достоверность ваших слов?

– Ну, во-первых, я, – Инаков тяжело поднялся, и все взоры обратились к нему. – Поскольку я присутствовал при разговоре с Амуровым. Во-вторых, разумеется, сам Амуров, который почему-то все еще не прибыл.

– Простите, – послышался тихий, но довольно уверенный голос. – Вы сказали: «В нападении виноваты альвы». Я не ошибся? Но разве этот молодой человек сказал хоть слово об альвах?

Единственный на этом собрании маг голубой сферы – Веилуанд, одно из первых лиц «Грановитой палаты» – поднялся из-за стола.

Карим открыл было рот, но вампир опередил его:

– А вы что же, почтенный, можете назвать кого-то другого, столь же виртуозно владеющего магией иллюзий?

Танцор не растерялся.

– Игрок. Просто мощный маг другой сферы. Да какая разница? – он пожал плечами. – Но я со всей ответственностью заявляю, что мы ни при чем. Иллюзии – да, извольте. Сколько хотите. Но похитить человека... Да и зачем это нам? И вообще, можно ли верить этому юноше? Мы его в первый раз видим.

– К сожалению, это не все, – заявил Карим, поискав глазами Дарину со Снежаной.

Хранительница закона кивнула, ее дочь ободряюще улыбнулась.

– Я не могу утверждать, что в Басманном тупике на нас напали именно представители голубой сферы, потому что я их не видел. Но зато в районе пересечения Ярославского шоссе с окружной железной дорогой я их рассмотрел отчетливо. И тому есть свидетели.

Карим рассказал о нападении и о том, как ему помогли маах`керу.

– По запаху это были альвы, – сказала Снежана. – Или вы не доверяете моему нюху?

После этого Веилуанд стал выглядеть несколько озадаченным, дымка вокруг него сгустилась.

Сатин, дополняемый Инаковым, рассказал и о нападении в подъезде.

– Интересно получается, очень интересно, – протянул Наблюдатель, покосившись на Веилуанда. – И вы можете их узнать? Тех, кто напал на вас.

– Одного – точно смогу. Остальных – не уверен...

«Для меня все Танцоры на одно лицо», – с досадой подумал Карим.

Альв покачал головой:

– Да, с нюхом маах`керу спорить глупо, а слово почтенной Дарины и ее дочери стоит многого. Но «Грановитая палата» тут ни при чем – это я заявляю со всей ответственностью. Но, кроме нас, в Москве много других альвов, и их мы, как известно, не контролируем. Ищите там, а нас лучше оставить в покое.

– И когда ты только успел с ними связаться? – сделав страшные глаза, бросил Инаков, склонившись к Кариму. – Я же предупреждал, чтобы ты был осторожнее.

Сатин виновато развел руками.

– Итак, господа, дело серьезное, – взял слово вампир. – Необходимо решить два вопроса. Во-первых, поиски молодого мага. Поскольку он пострадал, так сказать, при

исполнении, думаю, будет справедливо нам всем оказать содействие ассамблее «Семь холмов». Кто желает присоединиться к поискам?

Никто особенно не рвался: хватало своих проблем.

– Ну что ж, я готов, – произнес Веилуанд. – Раз такое могло произойти, я первый, кто заинтересован в том, чтобы подтвердить невиновность «Грановитой палаты». Сделаю все, что в моих силах.

– Вот и прекрасно, – произнес Саркисов. – Кто еще?

В этот момент дверь с громким стуком распахнулась, чуть не прибив охранника, и в зал влетел взъерошенный Амуров. Горящим взглядом он окинул собравшихся, задержавшись на Веилуанде дольше других.

– Ну вот и вы, уважаемый, – произнес Саркисов. – Но почему так стремительно?

– На меня только что было совершено покушение! – заявил Амуров.

По залу прокатился удивленный ропот.

– Неизвестные обстреляли мою машину. К счастью, на стеклах напыление. Спасибо Часовщикам... Которых здесь нет, как я вижу. Из-за этого и опоздал, собственно.

Тяжело отдуваясь, Амуров начал протискиваться на свободное место.

– Кто стрелял? Вы их видели? – быстро спросил верог.

– Нет, – мотнул головой «оранжевый». – Этим уже занимается милиция. Думаю, нам не стоит отвлекаться на этот эпизод, у меня слишком много врагов.

– Ну, если вы так считаете... – пожал плечами Саркисов. – Продолжим, господа. Мы только что говорили о похищении мага из «Семи холмов». И о том, что неплохо было бы оказать содействие «Семи холмам» в его поиске.

– Я готов, – кивнул Амуров.

– Прекрасно. Тогда переходим к вопросу о взрывах. Вполне вероятно, что их причиной действительно послужил ритуал «пламя победы». И очень похоже на правду, что джинна из Центрального землячества сотворили именно это заклинание. Господин Амуров, не хотите ли вы что-либо добавить?

– Судя по всему, вы уже в курсе, а значит, добавить мне нечего. Я бы не прочь сам узнать, кто и зачем приходил с дневниками к Средину.

Поддал голос Наблюдатель ордена Изумрудных Крыльев:

– Я слышал о «Дневниках мага-воина». Содержание, правда, мне неизвестно, но могу попытаться узнать об их судьбе. – Он сделал неопределенный жест рукой, сверкнул зеленый камень в перстне.

– Хорошо, – кивнул верог. – Итак, подводим итоги...

После этого маги, собравшиеся участвовать в поисках Ильи, принялись распределять территории для поисков. Сатин видел, что Танцор намерен принять в поисках самое деятельное участие, и впервые подумал: а почему, собственно, он так уверен, что в случившемся виноваты именно московские альвы? Вокруг ведь полно пригородов...

– Так что там с источником маах`керу? – спросил Инаков, отрывая Карима от дум.

– Хранительница утверждает, что у них нет достаточно сильных магов, чтобы исследовать пятно.

Подошедшая в этот момент Дарина услышала конец фразы.

– Мы были бы очень благодарны, если бы ассамблея «Семь холмов» согласилась помочь нам, – произнесла она, не сводя глаз с Инакова.

– Вдруг это поможет найти Илью? – вставил Карим. – Я чувствую: все это как-то связано – взрывы, источники...

– Возможно, ты прав. Сейчас поговорю с Галкиным.

Глава «Семи холмов» как раз в это время оторвался от переговоров с Саркисовым, и Антон изложил ему просьбу Дарины.

– Хорошо, поехали, посмотрим, – откликнулся Галкин. – Только быстро, времени и так нет...

Через пять минут собрание закончилось, маги начали расходиться.

Маах`керу, Карим, Галкин и Инаков отправились в ВВЦ и через сорок минут стояли перед фонтаном «Дружба народов».

Галкин внимательно осмотрел пятно.

– На первый взгляд ничего особенного. И если бы вы не сказали, что источник погас уже так давно, я бы ни за что не заподозрил.

Он походил вокруг бассейна, потом обратился к Инакову:

– Ну что, ставим морок, чтоб никто не дергал, и попробуем посмотреть?

– Как скажешь, начальник, – откликнулся тот.

Установив заклинание, маги «Семи холмов» спрыгнули на дно бассейна и принялись внимательно разглядывать пятно. Придя, по всей видимости, к какому-то решению, Галкин с Инаковым приступили к делу.

Они изучали буквально каждый сантиметр, иногда толкаясь и мешая друг другу, хотя места в огромном бассейне было предостаточно. Какие заклинания они применяли, Карим не видел. Время от времени из-под пальцев того или другого мага вырывалась бледная вспышка.

Через некоторое время Антон поднял голову и обратился к Сатину:

– Эй парень, а залазь-ка сюда! Тут очень интересно.

Карим спрыгнул в фонтан и приблизился к Галкину и Инакову. Те расступились.

– Вот, гляди.

Над небольшим участком пятна висело еле заметное сероватое облако.

– Это откуда? – спросил Карим.

– Это вот то, что нам с Антоном удалось визуализировать, – пояснил Галкин. – Еще пара минут, и облако исчезнет. Если я правильно понимаю, таким «покрывалом» закутано здесь все. Но увидеть большее просто не в наших силах.

– А что это за заклинание?

– Наших знаний не хватает, чтоб это определить, увы. Нужен какой-то анализатор, причем не только четкий, но и мощный. Возможно, стоило бы позвать Часовщиков.

– Да, но Дарина не хочет афишировать, что источник угас.

– Вот будет здорово, если выяснится, что он и не угас вовсе, – хохотнул Инаков.

Галкин недоверчиво взглянул на него, но промолчал.

– Пригласи-ка сюда хранительницу, Карим, – произнес глава «Семи холмов». – Только быстро. Будем совещаться.

Дарина успела увидеть остатки облака, которое растаяло на глазах у всех, и маги принялись оживленно обсуждать ситуацию.

Галкин настаивал на том, чтобы обратиться к «желтым», Инаков утверждал, что больше толку будет от Наблюдателей. Дарина звать «бесцветных» категорически отказывалась, потому что не доверяла им и не хотела огласки.

На что Антон резонно заметил, что Изумрудные Крылья хотя бы имеют отношение к комиссии, а возможно, и знают гораздо больше, тогда как Часовщики тут совершенно ни при чем, и их это не касается.

– Может быть, – несмело предложил Карим, – обратиться к моему дяде? Он неплохой маг, а межклановые разборки его не интересуют, так что использовать эту информацию против маах`керу он не будет. Возможно, подскажет что-нибудь.

– А вот это действительно ценная мысль. Привозите своего дядю, Карим. Если почтенный дейвона согласится помочь, маах`керу этого не забудут, ты же знаешь.

И Карим отправился на Бескудниковский бульвар.

Мансур был дома.

Он, как и в прошлый раз, распахнул дверь, как только Карим приблизился к ней.

– А, привет, племянничек. Ты, я вижу, в этот раз один? А друга куда дел?

– Друга украли, дядя Мансур, – ответил Карим. – Я к тебе за помощью приехал.

– Ай-яй-яй, да что ты?! Ну-ка, рассказывай все! – потребовал Мансур и проводил Карима в комнату с подушками.

Карим сел и принялся рассказывать с самого начала.

Мансур хмыкал и крикал, слушая внучатого племянника.

Потом сказал:

– Значит, говоришь, друга твоего умыкнули «голубые»?

– «Грановитая палата» все отрицает, – вздохнул Карим. – Хотя и помимо них в Москве альвов хватает. Ну так как, дядя Мансур, поможешь с источником? Без тебя никак.

– Это хвостатым-то? А стоит ли, племянничек? Тебе-то что за интерес в них, а? Небось, хранительница – красotka? Признавайся, угадал? – Он шутливо ткнул Карима в бок.

– Угадал, – кивнул Сатин. – Дарина действительно очень красивая. Но меня больше интересует ее дочка.

Пожилой дейвона захохотал, хлопая себя ладонями по коленям.

– Ну еще бы, молоденькая! Ладно, уговорил. Поехали.

Он отправился одеваться. Через несколько минут, облачившись в костюм и обув модные штиблеты, пожилой дейвона был готов. Карим с трудом узнал его, настолько разительным был контраст с халатом.

Ехали быстро, без пробок. По дороге дядя еще раз попросил рассказать ему о «пламени победы».

– По всему видно, джинна не сами нашли дневники. Не сами додумались воспользоваться заклинанием, – медленно сказал пожилой дейвона.

– Почему? – удивился Карим, выруливая на проспект Мира. – Из чего это видно?

– А ситуация уж больно дурацкая, – заявил Мансур. – Они же ничего не выиграли. И даже если бы остались в живых, все равно ничего не выигрывали. Ну получили бы могущество за счет «пламени победы», а что дальше? Москва большая, кланов очень много. Вздумай джинна устраивать бучу – против них тут же объединились бы все остальные. Нет, одни они не могли на такое пойти. Слишком тупой ход, даже для «оранжевых», которые умом не блистали никогда. Им явно нужен был союзник, возможно, не один. И вот этот-то союзник и подсунул им дневники, вот что я думаю.

– Ты хочешь сказать, дядя, что это были альвы?

– Не знаю, племянничек, не знаю. Все может быть.

Машина подъехала к центральному входу в парк.

Мансур шел по аллее, с изумлением озираясь.

– Как давно я здесь не был, ай-яй-яй. Лет двадцать, почитай. Все незачем было. А теперь вот выбрался – в гроб уж пора, а я по ВДНХ разгуливаю, ай-яй-яй...

– Да брось, дядя! Какой гроб, о чем ты говоришь?

Дарина, Галкин и Инаков их ждали.

Поздоровавшись с людьми, Мансур бросил на хранительницу такой красноречивый взгляд, что та даже смутилась.

«А говорит: помирать пора, – усмехнулся про себя Карим. – А сам еще о-го-го!»

– Ну, показывайте, молодежь, где тут у вас что... – потирая руки, заявил Мансур.

Вновь был тщательно наложен морок, «коричневые» спрыгнули в бассейн и помогли залезть «серому». Сатин и Дарина остались наверху.

Галкин с Инаковым опять принялись творить заклинание, и вскоре появилось небольшое серое облачко, как в прошлый раз. Дейвона, кряхтя, опустился на корточки, уставился на едва заметный сгусток. Как только облако пропало, он, не поднимаясь, развернулся к стоявшим рядом магам.

– Если бы я не знал, что секрет «грязного облака» утерян, я бы решил, что это оно, – произнес он.

– «Грязное облако»? Заклинание, способное спрятать источник? – удивился Галкин.

– Так, может, это действительно оно? – воскликнул Карим. – Ведь секрет «пламени победы» тоже считался утерянным, может, и здесь...

– Нет, племянничек. Одно дело семьдесят лет, а другое – шестьсот. Это не «грязное облако», это вообще, хе-хе, кто бы мог подумать?.. Это иллюзии, молодежь, плотный слой

иллюзий. И здесь их много, если я правильно понимаю. – Он медленно поднялся на ноги.

– Как?.. Вы что, хотите сказать, что колодец скрыт под слоем иллюзий? – недоверчиво протянул Галкин.

– Что ты, что ты! – замахал руками Мансур. – Разве ж я такое говорил? Они скрывают не колодец, а что-то другое. Но вот что? Это уж вы выясняйте без меня. Я свое дело сделал.

– Дядя, но ты уверен, что это именно иллюзии?

– Так же, как то, что у нас с тобой на голове рога! – заявил пожилой дейвона.

Решено было собраться у маах`керу и обсудить сложившуюся ситуацию.

Амуров не меньше Карима и магов из ассамблеи «Семь холмов» хотел знать, кому во время войны достались «Дневники мага-воина». Слухам о том, что они безвозвратно пропали, он никогда не верил, и у него были на этот счет свои соображения.

Сделав один важный звонок, он собрался и поехал в центр, по адресу: Кузнецкий Мост, дом двадцать два.

Там находилась приемная ФСБ, где можно было сделать запрос в Центральный архив ФСБ. По иронии судьбы во времена крепостного права на месте этого здания располагался дом жестокой помещицы Салтычихи, прославившейся издевательствами над крестьянами.

А теперь тут обосновались органы государственной безопасности.

Несмотря на то что подать запрос на ознакомление с документами формально имела право любая организация и даже частное лицо, фактически получить доступ к материалам службы безопасности мог далеко не каждый. В любом случае, сотрудники архива предоставляли лишь те материалы, которые были рассекречены. Амуров отнюдь не питал иллюзий, что с бумаг, содержащих хоть какую-то информацию по дневникам, может быть когда-нибудь снят гриф «Совершенно секретно», так же, как не сомневался и в наличии штампа «Хранить постоянно».

Но у Амурова имелся знакомый в этом архиве, и джинна на него рассчитывал.

На сей раз он взял с собой в качестве охраны еще одного мага – на всякий случай. Когда машина подъехала к зданию приемной, глава Центрального землячества еще раз набрал номер знакомого и сообщил, что уже ждет. Фээсбэшник ответил, что сейчас спустится. Охранник-маг вышел из машины и отошел на несколько метров, слившись с толпой прохожих.

Через некоторое время из дверей приемной вышел полковник ФСБ Игорь Березняков, держа в руках плоскую папку. Почти никем не замеченный, он направился напрямик к «Шевроле» Амурова и, открыв дверцу, сел позади шофера. Папку он положил на колени.

– Здравствуйте, магистр, – произнес Амуров.

– Добрый день, почтенный. Может быть, отпустить временно вашу охрану? – вполголоса спросил полковник.

– Они нас не слышат, – отозвался Амуров. – Точнее, слышат, но не то.

– А тот молодой человек в десяти шагах слева, с «длинным ухом», тоже слышит не то? – невозмутимо поинтересовался Березняков.

– Вы наблюдательны, – усмехнулся Амуров.

– Положение обязывает.

Березняков отстучал на папке какой-то ритм согнутыми пальцами, на руке блеснуло кольцо с зеленым камнем. Впрочем, обычный человек не заметил бы на пальце никакого камня – фээсбэшникам по уставу не положено носить украшения.

– Можете оставить своего мага, коллега. Думаю, он не помешает.

– Благодарю вас. Удалось что-нибудь узнать по нашему вопросу?

– Конечно. Труд под названием «Die Tagebücher des Zauberkriegers»⁸ во время битвы за Москву в сорок первом достался вовсе не «фиолетовым», как можно было бы предположить, а воевавшим там же «желтым».

⁸ «Дневники мага-воина».

– Гр-хч-сг-от! – воскликнул Амуров. – Но как?

– Случайность. О деталях я умолчу. Ясно одно: искать есть смысл в Москве либо в Зеленограде. Больше нигде. Если, конечно, дневники уцелели после недавних событий.

– Так вы уверены, что причины взрывов кроются в дневниках?

– А вы сомневаетесь? – бросил полковник.

«А ведь к Средину приезжал какой-то Часовщик, – вспомнил вдруг Амуров. – Точно приезжал. Он еще не захотел рассказывать, отнекивался: ничего важного, мол. Но вот кто, откуда? Не из московских, как мне кажется... Да-да, совершенно точно: не из местных...»

– Наверное, стоит начать поиски с завода «Слава», – небрежно заметил Амуров.

Полковник внимательно посмотрел ему в глаза, и едва заметная улыбка появилась на бесстрастном лице.

– Ну, если вы так считаете, займитесь «Славой», – произнес он как ни в чем не бывало. Амурову стало слегка не по себе, появилось ощущение, что Березняков читает мысли.

– А что там с пропавшим «коричневым», есть новости? – осведомился полковник.

– Нет, никаких. Как сквозь землю провалился.

– Не там ищите, вероятно. Ну что ж, мы с вами все выяснили, полагаю. Да, и сообщать о результатах поисков Саркисову и остальным я бы пока не стал. До свидания.

С этими словами полковник открыл дверцу и вышел, оставив Амурова в раздумьях.

Глава 14

Карим отвез дядю домой, а потом вернулся на улицу Сергея Эйзенштейна.

Когда Сатин поднялся в квартиру, там уже ждали Дарина со Снежаной и Инаков.

– Новостей про Илью нет? – спросил Сатин с порога.

– Нет, – вздохнул Антон, выглядывая из кухни. – Тебе-то больше не угрожали? Слежки не заметил?

– Не угрожали. А слежки... Либо я слепой, либо не было.

– Проходи, раздевайся. Есть небось хочешь.

Снежана подошла к Кариму, и он, улучив момент, обнял ее.

– Мы не одни, – напомнила маах`керу, улыбнувшись. – Я за тебя переживала.

– Не волнуйся, я так просто им не дамся. У меня же есть твой амулет.

Снежана отправила Карима мыть руки, и по дороге он успел заметить, что зря удивлялся, почему дочка хранительницы закона живет в скромной пятиэтажке.

В квартире был сделан евроремонт, в комнате – кондиционер, в прихожей – зеркальный шкаф-купе, санузел расширен за счет сломанной стенки между ванной и туалетом и снабжен душевой кабиной.

Вернувшись на кухню, Сатин застал всех за горячим обсуждением.

– Я считаю, позвать Веилуанда или кого-нибудь еще из «Грановитой палаты» снять заклинания не только можно, но и нужно, – доказывала Снежана. – Если он виноват в их происхождении, будет только справедливо, что он же их и уберет. Если нет – пусть докажет делом свою невиновность.

Снежана что-то сняла со сковородки и, положив на тарелку, поставила перед Каримом, усевшимся за стол. Это оказался, разумеется, бифштекс с кровью.

– Женская логика, – усмехнулся Инаков. – А если еще больше напакостит?

– А я согласна с дочкой, – сказала сидевшая у окна Дарина. – Но вы правы, Антон: за альвом мы будем пристально следить, чтоб не усложнить еще больше положение, в котором оказалась наша стая. Мне лишь каким-то чудом удастся удерживать молодых, чтоб не взбунтовались.

В домашней обстановке хранительница выглядела совсем по-другому: в неприступной волчице проглядывала «Девушка с веером»⁹ – нежная и очень человечная. Карим невольно

⁹ Знаменитая картина О. Ренуара.

засмотрелся, пока Снежана, заметив это, не пнула его под столом ногой.

– Уверен, что исключительно благодаря вашему обаянию, Дарина, – сделал Инаков неуклюжий комплимент.

Хранительница засмеялась:

– И это тоже, да. Но мы отвлеклись.

– А ты что думаешь, Карим? Насчет Танцора.

Сатин на мгновение задумался.

– Ну что я думаю... Я бы его позвал. Скорее всего, иллюзии накладывали альвы, так? Значит, альвам и проще их снять. Мы же все равно не знаем – где искать того мага...

– Ну хорошо, хорошо, – замахал руками Инаков. – Вы меня убедили. С альвом договорюсь сам. Скажу ему, какой он опытный специалист и какой у него редкий дар, – он и растает.

– Вы на самом деле так думаете? – удивился Карим.

Инаков усмехнулся:

– Да нет, конечно. Любой из них примчится помогать, лишь бы отвести подозрение от своих. А вообще, без крайней нужды я бы с ними не связывался. Недоразумение, а не маги. Только и знают глупости свои: напустить туману да нагнать шороху. Ну и на скрипочке побренчать.

Карим промолчал, но в душе был несогласен.

Нельзя недооценивать противника, тем более такого, который сумел похитить одного из твоих товарищей.

– Я вот только не понимаю, почему они взяли Илюху, а меня оставили? – подумал он вслух. – Хотя пытались.

– Не успели? Или на двоих сил не хватило, – предположила Дарина.

– А может, потому, что Илья лучше с компами обращается, а для них это представляет опасность, – пожал плечами Инаков.

– Как вы сказали? – Карим медленно повернул голову к Дарине. – Сил не хватило? А ведь я тоже об этом думал. Их было четверо, но они не справились со мной, потому что сэкономили силы. Когда оборотни втроем подоспели ко мне на помощь, только один из них использовал заклинания, но среди «голубых» тоже только один по-настоящему колдовал. Я тогда еще подумал: может, источник далеко. А может, источник вовсе не далеко, а просто...

– Угас! – закричала Снежана и добавила уже тише: – Или закрыт.

– Вот именно. Но тогда... Скорее всего, это наши зеленоградские альвы, все сходится. Так что ж мы теряем здесь время? Искать Илью надо в Зеленограде!

– А мы его вовсе не теряем, – возразил Антон. – Утром или днем я привожу альва, он снимет иллюзии, если сможет, а потом займемся Зеленоградом. А сегодня поздно уже – вон, двенадцать без пяти. Благодарю за гостеприимство, и до завтра!

Инаков поднялся, Дарина тоже засобиравалась: она жила в этом же доме, в соседнем подъезде.

Больше половины квартир здесь, как сказала Снежана, занимали маах`керу. В остальных жили люди, далекие от мира за Пеленой. Очень удобно: все свои, и не надо опасаться соседей-магов.

Когда дверь за Инаковым и хранительницей закрылась, Снежана, уперев руки в бока, воззрилась на Карима.

– Ну? – сказала она грозно. – Ты, конечно, тоже сейчас уйдешь? Ты скажешь, что тебя ждут дела. Что ты устал, как пес, тебе надо побыть одному, обдумать сложное положение, что завтра предстоит трудный день и лучше бы выспаться, да?

– Ух ты! Исчерпывающе, – сказал Карим, подняв бровь. – Да, меня ждут дела, был трудный день, и я устал, как маах`керу. Но я не маах`керу и уходить из-за этого не собираюсь.

Сатин порывисто обнял девушку и...

Карим шел по изрытому воронками от снарядов полю. Стояла не то ночь, не то просто небо было темным от набежавших туч.

Впереди плотной стеной высился лес, да нет, не лес вовсе, многоэтажные дома выстроились плотными рядами. Карим узнал эту линию домов: они вырастают вдоль железной дороги, когда подъезжаешь на электричке к Зеленограду.

Но сейчас не было ни рельсов, ни электрички – только поле, покрытое осколками снарядов, а впереди – город.

Карим нес в руках что-то очень тяжелое. Он сам не помнил, что это и зачем ему это нужно, а в полутьме не мог разглядеть. Даже не понимал, где он находится, – хотя впереди, несомненно, был Зеленоград.

Но Сатин точно знал, что должен дойти до города.

Навстречу Кариму выехал танк, просто возник в нескольких метрах впереди. Он остановился и, словно зачарованный, смотрел, как громадина медленно приближается, ворочая гусеницами.

Ощущения были странные: с одной стороны, Карим знал, что сейчас две тысячи десятый год, с другой – понимал: это танк времен войны, и это действующая машина, в любую секунду она может выстрелить.

А хуже всего было то, что танк-то был наш, советский.

Да, именно советский – Карим точно это знал. И с той штукой, которую он нес в руках, нужно было срочно что-то делать. Ею надо было как-то воспользоваться, пока танк не выстрелил. А то, что машина намерена это сделать, Сатин знал совершенно точно.

Танк начал поворачивать башню...

И тут Карим проснулся. Он даже не понял, что его разбудило. Просто ни с того ни с сего сновидение прекратилось.

В комнате царил полная тишина.

В квартире, где они жили с Ильей, абсолютной тишины не было никогда: урчал компьютер, капала вода на кухне, отчего-то поскрипывал пол... Здесь же звук был только один: ровное дыхание. Рядом мирно спала Снежана. Свернувшись калачиком и подложив руку под голову. В окно светила половинка луны.

Инаков, как и обещал, поехал договариваться с Веилуандом лично.

Тот обитал недалеко от станции метро «Театральная» в огромном «сталинском» доме. Инаков когда-то и сам жил в таком доме.

Встретивший гостя не то секретарь, не то компаньон Веилуанда – такой же Танцор, проводил Антона в комнату. Хозяин, облаченный в шелковый балахон, расшитый райскими птицами, по виду напоминавший кимоно, обнаружился за мольбертом.

Он стоял, откинув голову назад, чтобы его длинные волосы не падали на лицо, и водил кистью вправо-влево по холсту. Инаков терялся в догадках, что же он такое рисует, а вернее – пишет.

Веилуанд витал мыслями далеко, и Инаков поинтересовался, в какой манере творит хозяин. Тот оживился, впервые глянул на гостя не как на предмет мебели, и принялся вещать об импрессионизме, упоминая Моне, Иванова, еще каких-то мастеров...

Вернуть его «на землю» стоило некоторых усилий.

Пришлось переключиться с импрессионистов вообще на алья в частности, а затем ненавязчиво завести разговор об иллюзиях. При слове «иллюзии» Танцор просиял и пустился в долгие и пространные рассуждения о преимуществах и тонкостях иллюзорной магии...

Тут-то Инаков и взял быка за рога:

– А не будет ли так добр многоуважаемый Веилуанд дать консультацию относительно магии иллюзий?

– Ну... право, не знаю... – замялся алья. – Вас интересует общее или частный случай?

– Частный, уважаемый. Настолько частный, что дальше некуда. Злоумышленник оплел

какой-то... – Антон хотел было сказать «дряню», но вовремя опомнился, – какой-то неизвестной нам иллюзией источник маах`керу.

– Простите, как?

– Злоумышленник оплел какой-то неизвестной магам «Семи холмов» иллюзией источник маах`керу, – повторил Инаков.

– Маах`керу? А какое отношение они имеют к вам?

– Долго объяснять... В общем, это наши друзья.

– О, даже так? – Танцор заулыбался.

– Совершенно верно. И их проблема связана напрямую с проблемами «Семи холмов». Вы ведь обещали поспособствовать в поисках нашего Ильи? Так помогите снять иллюзии.

– А что, его не нашли еще? – с оттенком досады спросил Веилуанд. – Впрочем, вижу, что нет. Жаль. Так что там с иллюзиями и источником? Я слушаю вас.

– Думаю, это лучше увидеть.

– Хм. Заинтриговали...

Альв, наклонив голову, прошелся по комнате.

– Речь об источнике на территории ВВЦ. Похоже, он окутан иллюзиями, и это сделано для того, чтобы скрыть, как мы предполагаем, следы другой магии. Ведь источник-то производит впечатление умершего. Но есть основания думать, что кто-то хотел обмануть маах`керу и источник на самом деле не так безнадежен... И помните, помогая нам, вы отводите подозрения от «Грантовитой палаты».

Альв возрился на Инакова с неудовольствием:

– Вот как? Так чего ж мы сидим? Поехали.

Через пять минут они спускались по лестнице.

Карим проснулся оттого, что кто-то осторожно погладил его по голове. Он открыл глаза... и увидел прямо перед собой мордашку Снежаны. И все вспомнил: прошедший чудесный вечер и свой тревожный сон.

– Ты такой смешной, когда спишь, дейвона, – заявила Снежана.

– Ты опять не называешь меня по имени, – сдвинув брови, погрозил пальцем Карим.

– А зачем? – Снежана перевернулась на спину. – К тому же «дейвона» мне нравится больше. Эксклюзивнее. Редкий экземпляр.

Карим не нашелся, что ответить. Даже универсальное «ух ты» показалось не к месту. И он просто почесал нос.

– Ну, давай вставать, что ли.

Снежана резво вскочила, но Карим успел схватить ее за руку.

– Нет! Стой. Не пойдешь. Я же редкий экземпляр. Разве можно разбрасываться редкостями?

Он притянул девушку к себе, и еще полчаса их ничего, кроме друг друга, не интересовало.

Когда желтая «Калина» доставила Антона и Веилуанда в парк ВВЦ, настроение у альва вновь существенно поменялось. Воодушевление сменилось меланхолией. Он нехотя вылез из машины и поплелся вслед за Инаковым к фонтану.

Карим, которого Антон предупредил, вместе с Дариной подходил к источнику с противоположной стороны. Снежаны с ними не было: она убежала на занятия испанскими танцами.

– Здравствуйте, почтенные, – обратилась хранительница к двум прибывшим магам.

– Здравствуйте, прелестная Дарина, – поклонился альв.

Инаков тоже пробормотал что-то приветственное.

Дарина вежливо улыбнулась:

– Любезный Веилуанд, не могли бы вы оказать нам честь и провести исследование покрова иллюзий, закрывающего источник? Если, конечно, мы не ошиблись.

– Насколько я понимаю, – сосредоточенно произнес альв, вглядываясь в статуи по краю фонтана, – здесь работали коллективно... Интересно, очень интересно. Пожалуй, я попробую

что-нибудь сделать.

Он встал перед бронзовой фигурой одной из девушек и сосредоточился.

Остальные на всякий случай отошли подальше.

Кариму раньше не доводилось видеть, как колдуют альвы, если, конечно, не считать боевой магии на Ярославском шоссе. Зрелище, учитывая, что с ними был один из сильнейших «голубых» Москвы, предстояло любопытное.

Танцор медленно поднялся в воздух на высоту не более полутора метров и не спеша двинулся по кругу бассейна. При этом он плотно закутался в туман и стал совершенно не виден. Через некоторое время на его пути материализовалось такое же серое облако, какое удалось воссоздать магам ассамблеи, только во много раз больше, затем второе, третье...

Вскоре Карим и остальные хорошо видели облачное кольцо по всему периметру фонтана.

Но альв на этом не остановился. С трудом поднявшись чуть выше, он стал перемещаться от края к центру и обратно, как бы рисуя в воздухе правильные зигзаги. И вот уже над фонтаном появилась серая облачная шапка. Сделав последний перелет, Танцор покинул бассейн и, совершенно обессиленный, сел прямо на землю.

Карим с Инаковым, стоявшие ближе всех, подошли к нему.

– Иллюзии, иллюзии... Действительно, иллюзии... – тяжело дыша, сообщил альв. – Это мог сделать только кто-то из наших. И все равно я не понимаю, как им удалось такое. Чтобы это снять, мне потребуется десять сильных альвов – это все лучшие маги, на которых я могу рассчитывать. Но я ручаюсь: никто из наших не прикасался...

– Успокойтесь, почтенный, никто вас не обвиняет, – заявила подросевшая Дарина. – Наоборот, вы очень помогли нам. Скажите, вы могли бы вместе с вашими магами снять эти иллюзии? Разумеется, не даром.

– Не знаю, что вам и сказать, уважаемая Дарина. Нет-нет, я не набиваю цену. Наоборот, из профессионального интереса и желания отвести подозрения от нас я попытаюсь сделать все, что в моих силах. Думаю, коллеги будут настроены так же. Но вот получится ли... гарантировать не могу. – Альв медленно встал. – Сейчас обзвоню самых искусных. Если они не смогут снять ваши иллюзии – не сможет никто.

Командор языка «слышащих» ордена Изумрудных Крыльев Олег Силенгин сидел в своем кабинете и разбирался с документацией, когда видеофон на столе тренькнул.

Командор нахмурился – магистр звонил очень редко, и если это произошло, вряд ли стоит ждать хороших новостей.

Когда на мониторе появился полковник ФСБ Игорь Березняков, командор уже успокоил внутреннюю дрожь и выглядел, как прежде, невозмутимым.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – отчеканил Силенгин.

Березняков усмехнулся:

– Оставьте это людям.

Магистр откинулся на спинку кресла, сложил руки перед грудью так, что сверкнул изумруд на его пальце.

– Объясните, командор, что происходит во вверенном вам городе? Хотелось бы понять: почему вы позволяете какому-то незначительному субъекту распоряжаться источниками? До меня дошли слухи, что в округе чрезвычайная ситуация, это так и есть?

– В каком-то смысле да, магистр. Но все под контролем. – ответил Силенгин.

– Не понимаю, объясните.

– Этот субъект преследует свои интересы, а мы благодаря совершенным им действиям защищаем свои. Клан Акалонов в Зеленограде очень силен. Влиять на настроение горожан из-за сатра крайне сложно. История же с источниками помогла ослабить вес Акалонов, что, надеюсь, будет косвенно способствовать назначению нового мэра.

– Вот как? Что ж, это понятно. А известно ли вам, командор, что необдуманные действия этого субъекта привели к катастрофе в Москве? Погибли «коричневые», «оранжевые», «зеленые» из Ксенфов, с которыми мы в хороших отношениях. А также кто-то

из Танцоров. Не думаю, что стоит позволять ему и дальше удовлетворять свое мелкое честолюбие. Заканчивайте это.

– Я вас понял, магистр, – отозвался Силенгин.

– Надеюсь.

Сеанс видеосвязи прекратился, экран погас.

Командор подумал некоторое время и вызвал Тудаковского.

Тот явился через минуту и застыл, вопросительно глядя на своего начальника.

– Убирайте помеху, – небрежно махнув рукой, приказал Силенгин. – Все, что мог, он уже отыграл. Нет смысла в дальнейшем беспорядке.

– Слушаюсь, – отчеканил Тудаковский и вышел.

Альвы собрались быстро.

Столпившись вокруг фонтана «Дружба народов», они перешептывались, поглядывая в центр снопа. Двое полезли в бассейн и о чем-то спорили. Карим не мог понять из их разговора ни единого слова.

Наконец Танцоры вылезли из фонтана и перекинулись парой фраз с Веилуандом.

– Родичи считают, что либо для наложения иллюзий был использован какой-то усилитель, либо альвов, сотворивших это, было очень много, – сообщил тот, подойдя к группе людей и маах'керу. – Не менее пятидесяти.

– Вы хотите сказать, что здесь побывало пятьдесят альвов и никто их не заметил? – Брови Дарины поползли вверх.

– Это чисто теоретически. На самом же деле, чтобы собрать пятьдесят магов подобной силы, придется задействовать все сообщества нашей сферы в Москве. А это просто нереально. Так что речь, скорее, об усилителе.

– Но что за усилитель? Какого рода? – недоумевала Дарина.

– О, этот вопрос не по адресу. – Веилуанд с достоинством поклонился.

– Так что же... Для снятия иллюзии тоже необходимо пятьдесят альвов? – спросил Карим.

– К счастью, на нас работает время, – ответил Веилуанд. – Если бы мы решились устранять эту магию сразу после того, как она была применена, пришлось бы приводить пятьдесят специалистов. Но заклинание создано таким образом, что с каждым днем оно само себя разрушает. Сегодня оно слабее, чем вчера, а завтра станет слабее, чем сейчас.

– Так, может, его просто-напросто не трогать? – воскликнул Инаков. – Через недельку-другую сойдет на нет и дело с концом?

– Боюсь, недельку-другую мы не протянем, – тихо сказала хранительница закона. – Мои мне просто не поверят. Слишком долго я кормлю их обещаниями.

– Ничего, прелестная Дарина, – отозвался Веилуанд. – Нас все-таки немало. А времени прошло прилично. Родичи считают, есть надежда.

Альвы выстроились цепью, взявшись за руки, а потом, словно по команде, все десять Танцоров одновременно поднялись в воздух и окружили сноп в центре фонтана.

Они замкнули кольцо и начали колдовать...

Сначала альвы воссоздали тот самый серый облачный купол, с которым в прошлый раз имел дело один Веилуанд. Вдесятером получилось гораздо быстрее, и никто не упал от усталости. Затем по краю образованного Танцорами живого круга за клубилась белая дымка. Она загустела и потекла в центр облачного купола. Там что-то вспыхнуло, и дымка исчезла.

Так повторилось раз пять или шесть.

У Карима зазвонил мобильник. Увидев, что это мама, он отошел в сторону и нажал на кнопку приема:

– Привет, мам.

– Привет, сынок. Как ты там?

– Все хорошо, мам, не волнуйся. Давай я позже перезвоню, а? Не могу сейчас...

– Я просто хотела услышать твой голос. Целую и жду звонка.

Карим вернулся к источнику.

Он успел увидеть, как серое облако распалось на рваные по краям клочья, напоминавшие растерзанное лоскутное одеяло. Они посыпались на землю, истаявая, не оставляя следов, и ожидавшие увидеть нечто особенное зрители подались вперед.

Под слоем иллюзий, в самом центре бассейна, обнаружилось круглой формы образование, напоминавшее решетку из часто переплетенных тускло-серебряных лучей.

Альвы опустились на землю.

– Что это за... крышка? – вырвалось у Карима.

– А вот этого, молодой человек, мы вам сказать не можем, – вздохнул Веилуанд и отвесил легкий поклон. – Мы свою задачу выполнили, большее нам не по силам. Заодно, надеюсь, мы доказали, что непричастны к тем гнусным делам, в которых нас пытались обвинить.

– Ясно одно: кто-то воспользовался иллюзиями, чтобы скрыть вот это заклинание, – заявила Дарина. – Вот только кто здесь отметился: Наблюдатели? Прятать концы в воду вполне в их стиле...

– Скорее уж – «злобные гномы», – пробормотала Снежана.

Карим бросил на нее быстрый взгляд:

– Ты хотела сказать: Часовщики?

– А ты не согласен?

Кариму вдруг пришла в голову одна мысль.

– Кажется, согласен. Но мне нужно проверить кое-что. А для этого я срочно отбываю в Зеленоград.

– Как – сейчас? – возмутилась Снежана. – Ты вот так вот нас бросаешь?

Карим помотал головой:

– Не бросаю. Наоборот: мне кажется, теперь я смогу закончить это дело, а может быть, и найти Илью. В любом случае – буду держать вас в курсе. А теперь – до свидания.

Вдохновленный Карим поцеловал Снежану, помахал рукой Дарине и направился к выходу из парка.

Журналист канала «НТВ» Мария Плотникова сидела за рулем своего старенького «Фольксвагена Пассат» и вела его в сторону Зеленограда.

Куда правильнее было бы взять служебный микроавтобус, но Мария не стала этого делать по нескольким причинам. Во-первых, они отправлялись в поездку вдвоем с оператором Никитой, во-вторых, камера была небольшой, она легко помещалась на заднем сиденье, и, в-третьих, что самое главное, Мария всюду возила с собой белого с черным пса, родителями которого были стаффордширский терьер и французский бульдог.

Собаку просто не с кем было оставить, а дома Мария из-за специфики работы иногда не появлялась целыми днями. Вот и приходилось псу подолгу жить в автомобиле.

Накануне вечером Мария набрала выданный ей редактором номер телефона.

– Алло, это Рассел? – спросила она.

– Да, – ответил скрипучий старческий голос.

– Вас беспокоит канал «НТВ», вы оставляли нам заявку. Меня зовут Маша Плотникова. Можно просто Маша. Простите, вы не указали своего имени...

– Называйте меня Рас-Сел, – проскрипел странный голос.

– Хорошо, Рассел. Мне дали задание снять репортаж по вашей теме. Завтра в тринадцать тридцать мы будем у здания окружной администрации. Хотелось бы, чтобы пришли вы и все, кому есть что сказать.

– Спасибо, рад. Конечно же, я приду. Скажите, а вы точно приедете?

– Да, не волнуйтесь. Будем обязательно. Если случатся пробки – приедем позже, скажем, не в полвторого, а в два.

– Прекрасно! Будем ждать.

...И вот теперь Мария, как обещала, ехала в Зеленоград.

Сзади копошился французский стаффорд. Оператор дремал.

Заслышав крики под окнами префектуры, Теодоракес нажал кнопку на селекторе и

вызвал начальника службы безопасности:

– Георгий, что там происходит?

– Митинг, шеф. Человек пятьсот... точнее, пятьсот альвов и людей с транспарантами.

– Каких альвов? Почему альвов? – удивился Теодоракес.

– Наших местных зеленоградских альвов, – терпеливо уточнил начальник безопасности. – Они требуют отставки префекта и всего кабинета.

Теодоракес встал и подошел к окну, выходившему на Дворец культуры.

На площади, между двумя зданиями – ДК и префектурой, – собралась внушительная толпа. Это были в основном люди, хотя попадались и Часовщики, и очень много было «голубых». Все с красными повязками на руках, мелькали красные знамена. Надписи на транспарантах отсюда было не различить. На импровизированную трибуну взгромоздился оратор и что-то горячо говорил, размахивая руками. Отдельные слова долетали до Теодоракеса, но в основном доносился лишь непрерывающийся гул. Рядом с оратором выделялся огромный детина в красном нагруднике с изображением серпа и молота поверх одежды.

Теодоракес узнал корреспондента газеты «Зеленоград завтра».

Выругавшись, он вернулся к столу.

– Так разгоните их! – крикнул он в селектор. – Вызовите ОМОН!

– Митинг санкционированный, – возразил Георгий. – Выступление лидеров компартии, приуроченное к Дню Победы. Там же – газета «Зеленоград завтра». Вы же сами поддерживали префекта: демократия и все такое. С ними и ветераны. А кроме того, там телевидение. «НТВ».

– Кто вызвал телевидение? – вскипел Теодоракес.

– Не знаю, – удивился Георгий. – А разве не вы? Я думал, это с вашего ведома.

– Ничего подобного!

Заместитель префекта вновь выглянул в окно.

Среди собравшихся носилась девушка в шубке и цветастом платке, напоминавшая Снегурочку, как говорится, «не при исполнении». Она, по всей видимости, руководила митингом, расставляя людей то так, то эдак, объясняла, в какой момент надо кричать и скандировать. Меланхоличный молодой человек с камерой следовал за ней по пятам.

– Это кто там, не вижу, – прищурился Теодоракес. – Амина?

– Да нет, Маша Плотникова.

– Ах, Машка. Понятно. Кто, интересно, ей стукнул? Ладно, дождитесь, когда уедет телевидение, а потом, если не разойдутся, все-таки вызовите ОМОН. Журналистке я позже позвоню.

Теодоракес выругался и отключил связь. Он совершенно забыл об этом мероприятии.

– Не знал, что Танцоры у нас все сплошь коммунисты, – усмехнулся он и отошел от окна.

Еще и это! Не было печали.

Зазвонил мобильник. Увидев, что беспокоит Маркаров, сатра выключил телефон.

Не было никакого настроения обсуждать сейчас совместные дела. Тем более вампир, конечно, поинтересуется, куда это делся «оранжевый». Теодоракес подошел к селектору и вызвал секретаршу.

– Вероника, меня нет, я на совещании, – велел он. – Соединяйте только с Георгием, если потребуется.

– И даже с Денисом Васильевичем не соединять? – предупредительно поинтересовалась секретарша.

– И с ним тоже. Он сам прорвется, если очень приспичит.

Секретарша удалилась, цокая каблучками.

День явно не заладился.

Карим позвонил матери и сказал, что едет.

Он летел по Ленинградке, поглощенный неожиданным озарением. Впрочем, не

озарение это было, просто все наконец-то встало на свои места и казалось очень простым и логичным.

Сбросил скорость он только тогда, когда впереди замаячил пост ГИБДД.

Карим въехал в город со стороны «Царского села». Он хотел было, как обычно, свернуть с Московского проспекта к седьмому району, но обратил внимание, что чуть дальше дорога перекрыта – на проезжей части стояли какие-то люди с транспарантами.

Раньше Карима не интересовал бы этот факт, но сейчас был совершенно иной случай. Подъехав ближе, он понял, что людей в пикете меньшинство – в основном тут были альфы. Ему замахали, и Сатин остановился. Один из Танцоров, лицо которого было неожиданно свирепым, подбежал к машине.

– Куда прешь? Не видишь: закрыто? Поворачивай!

Карим слегка опешил:

– А что там случилось?

– Митинг. К префектуре нельзя. К ДК можно, но только пешком.

«Оригинально», – подумал Карим, разворачивая машину. При этом он успел прочитать на плакате: «... великой Победы».

Что-то рано начали в Зеленограде праздновать День Победы, еще даже май не наступил.

Свернув на том самом повороте, который пропустил сначала, но уже с противоположной стороны, Карим пересек шестой микрорайон. У Черного озера, где располагался акалоновский источник, он заметил милицейские машины и вооруженных до зубов сатра и людей в форме. Здесь, к счастью, не развернули, даже не остановили, он спокойно проследовал мимо.

Выехав на Сосновую аллею, Карим направил машину к префектуре. Увидев издали такой же, как на Московском проспекте, кордон из воинственно настроенных альфов и людей, он заехал в первый попавшийся двор и припарковал «Мерседес».

Дальше пошел пешком.

Когда Сатин поднялся по мосту к площади, где располагались здание городской администрации и Дворец культуры, митинг был в самом разгаре. Протестующих групп было несколько: пять или шесть.

Первым в глаза Кариму бросился огромный квадратный лист бумаги – где только взяли такой? – на котором метровыми буквами было выведено: «Прочь из деревни Кутузово! Земля – зеленоградцам!» Людей, стоявших под этим плакатом было, что удивительно, раза в три больше, чем жителей того самого Кутузово.

Должно быть, тамошние обитатели нашли единомышленников.

На ступеньках Дворца культуры застыла кучка зевак: пенсионеры и подростки.

Карим подошел к ним:

– Что тут происходит?

– Да уже ничего, сейчас всех разгонят, – заявил один из мальчишек.

И действительно, прибыл ОМОН. С этого момента митинг стал больше напоминать драку политически активных граждан с представителями силовых структур. Транспаранты попадали наземь, в ход пошли дубинки. Но компартия – а насколько Карим мог судить по красным флагам, демонстрацию проводила именно она – не осталась в долгу, в омовцев полетели камни.

– А чего коммунисты хотели? – обратился Сатин к пенсионерам.

– Да там вроде не только коммунисты, – охотно отозвалась низенькая полная женщина. – Там работники культуры, что ли. И учителя. Хотят, чтоб школы не закрывали – для глухих детей, кажется, и для часто болеющих... И ветераны с ними.

– Хотят отставки префекта, – снисходительно пояснил ее сосед, хитрого вида дедок с портфелем в руке.

– Не префекта, а зама! – крикнул мальчишка. – Там у них на плакатах написано было: «Долой заместителя префекта»... как же его?.. Тьфу, фамилия такая...

Но Кариму и так было ясно, какой именно заместитель имелся в виду.

В это время толпа с остатками красных флагов хлынула с площади, и Сатин счел за благо убраться восвояси.

«Работники культуры, значит. И опять Кутузово. Совпадение?»

Сидя за компьютером, Рафаэль Маркаров с грустью смотрел на план-проект «коттеджного поселка Кутузово». Двенадцать запланированных зданий, каждое – с гаражом и флигелем, благоустроенная территория, московская регистрация.

Не сводя глаз с монитора, верог набрал номер топ-менеджера строительной фирмы Константина Чернова. Чернов ответил сразу же – он ждал звонка с нетерпением, от него зависела не только судьба объекта, но и карьера самого топ-менеджера.

– Замораживаем строительство, – произнес Маркаров.

После короткого молчания топ-менеджер отозвался:

– Понял.

Верог положил трубку.

Больше ничего сказано не было, все подробности Маркаров обсудил с Черновым накануне, умолчав лишь об истинных причинах такого решения.

По иронии судьбы, вампир ничего не знал о митинге. Просто перспектив восстановления источников в городе не наблюдалось никаких. Значит, не стоило строить здесь элитное жилье: оно не окупится. Не говоря уже о том, что незачем оставаться в Зеленограде самому. Доходы от МЖК можно получать и на расстоянии, а жить в Москве или где угодно еще...

Перед отъездом Маркаров решил все-таки заглянуть к отцу в «Никольский парк».

Старый верог, сидя на диване в общем холле в окружении соседей по пансионату, смотрел по телевизору футбол.

– Ну кто так бьет, а? Ну куда ты ломишься, ты пас, пас давай! Эх, мазила!

Рафаэль даже удивился: обычно отец не проявлял эмоции столь бурно.

Должно быть, повлияло общество пенсионеров или старый вампир просто развлекался, играл в человека.

Заметив сына, он не выразил особенной радости.

– Ну, чего тебе? Я несколько занят. Говори быстрее.

– Отец, я уезжаю в Москву.

– Послушался меня все-таки? – усмехнулся старый верог.

– Да. Я решил, что так будет лучше, – не вдаваясь в подробности, ответил Рафаэль.

– Ну и на здоровье. Счастливого пути.

– Ты не хочешь поехать со мной? – выдавил Рафаэль.

– Я? – искренне удивился старый верог. – С чего бы это? Мне и здесь хорошо.

– Ты уверен?

– Более чем! Да ты езжай, езжай, не напрягайся. Звони, если что.

Старый вампир небрежно махнул рукой и вновь уставился в экран. Рафаэль еще некоторое время понаблюдал за отцом, не до конца веря, что это именно его родитель размахивает руками и кричит: «Го-о-ол!»

Видимо, постоянное пребывание среди людей может менять очень сильно.

Даже вампира.

Не прощаясь, Рафаэль вышел.

Сев в машину, завел мотор и уже на ходу набрал номер Теодоракеса. Тот снова не ответил. Маркаров не очень расстроился, он просто позвонил его секретарше, и та взяла трубку.

– Приемная заместителя префекта.

– Вероника, здравствуйте, – произнес верог, выруливая на Ленинградское шоссе. – Беспокоит Рафаэль Маркаров. Шеф у себя?

– Нет, его нет, – отозвалась секретарша.

Рафаэль усмехнулся: голос звучал не слишком искренне, уж он-то мог распознать.

– Прошу вас, передайте, что я уезжаю из города. Надолго.

– Хорошо, господин Маркаров.

– Благодарю вас.

Верог отключил связь. Вот и все.

Акалон не глупый... сатра, сам догадается, как следует это понимать.

Судьба Александрова вампира совершенно не интересовала.

Карим въехал в свой двор, поставил машину на обычное место под деревом и поднялся в квартиру. Дверь он открыл своим ключом, и мать бросилась ему навстречу. Сатин только сейчас понял, как истосковался по родителям, по дому, по городу... А еще со страшной силой потянуло на работу.

Он обнял мать, и так они простояли в прихожей некоторое время.

– Отец на работе? – спросил, наконец, Карим.

– Да, сынок. Если б ты знал, как он скучал по тебе...

– А ты? – улыбнулся он.

– Да что про меня говорить, – мать смахнула слезу. – Пойдем, покормлю тебя.

Карим разделся, в ванной долго и с наслаждением мыл руки, потом прошел на кухню, где для него уже был приготовлен настоящий пир. Особенно обрадовался он фирменному материнскому пирогу с мясом, который она обычно пекла на Новый год и другие большие праздники.

– И когда ты успела? – удивился он, усаживаясь.

– Успела, сынок, успела. А что мне еще делать? Тебя ждала.

Почувствовав зверский аппетит, Карим набросился на еду.

Но при этом он прекрасно видел, что мать ждет от него рассказа и буквально сгорает от нетерпения, хоть и не задает вопросов.

– Сейчас, мам, – бросил он торопливо. – Поем и все расскажу.

– Не спеши, сынок, – откликнулась женщина. – Я просто очень давно тебя не видела.

На самом деле, с момента отъезда Карима прошло не так уж много времени, но казалось, что пролетела целая вечность.

Наконец, Сатин почувствовал, что наелся до отвала.

– Мам, мне нужно встретиться с матерью клана. Чем скорее, тем лучше.

– Сынок, ее сейчас нет в городе. Будет вечером или завтра. В ее отсутствие делами клана занимается Кирилл Владимирович Дориченко, это новый главный маг. Можно обращаться к нему.

– Что-то я такого не припоминаю, – удивился Карим.

– Он несколько лет назад уехал из Зеленограда в Москву, ты мог его и не знать. А сейчас вот вернулся, в такое тяжелое для нас время. И мать клана ему полностью доверяет. А значит, и мы должны ему доверять.

– Не очень хорошо, – нахмурился Карим. – Но выбирать не приходится, время дорого. Об источниках каких-нибудь новостей нет? А то я кое-что разузнал, но это настолько неожиданно, что...

– Были тут новости. Кто-то распустил слух, что в гибели колодцев виноваты сатра. И ты знаешь, сынок, почему-то мы все сразу в это поверили – все кланы. И кинулись предъявлять «зеленым» претензии.

– И что?

– А ничего. Не они это. Мать клана уже после разобралась, что это провокация. А ведь чуть до войны не дошло. Есть и другие новости, сынок. Тревожные новости. Многие наши уехали из города – не выдержали, испугались. Особенно после этой смерти...

– Чьей смерти? – насторожился Карим.

– Ах да, ты же не знаешь ничего. Погиб молоденький маг из «Позитрона», говорят – перерасход. С хулиганами какими-то столкнулся. Ну и... перестарался, – вздохнула мать. – Так что ты узнал, сынок?

– Ох, мам, долгий рассказ. Во-первых, тебе привет от дяди. Он жив, тебя помнит, и

вино твое очень хвалил.

– Да что ты? – растрогалась женщина. – Какая приятная новость!

– В общем, он посоветовал мне поискать «Дневники мага-воина» – это после того, как я передал ему слова провидицы.

– Так ты был у провидицы? Ну и как? – мать поджала губы.

– Ну как... – осторожно начал Сатин. – Самое внятное, что она сказала, это «пламя победы». Вот его дядя и посоветовал мне поискать в дневниках. Мам, скажи, эта Регина... провидица... знала моего отца?

– Она про него говорила? – быстро спросила мать.

– Спросила, счастлив ли он. Больше ничего.

Мать усмехнулась:

– У твоего отца с ней была любовь. Но давно. И я не хочу, чтобы ты отцу о ней говорил. Хорошо?

– Конечно, мам. Так вот, дальше. Мы встретились в Москве с главой Центрального землячества джинна, он знал о дневниках. И он сказал, что «пламя победы» – это огненный ритуал, его проводили немцы во время Второй мировой войны. Это нужно было для того, чтобы сделать армию сильной и неустрашимой. В солдат как бы вселялся огонь, понимаешь? Иногда этого огня было слишком много, и тогда происходили взрывы.

– Взрывы? – переспросила мать.

– Да. В общем, взрывы в метро в марте, это, похоже, дело рук джинна. Но они не сами до этого додумались – кто-то рассказал им про дневники, но не совсем правду. У меня есть предположение, но я пока не хочу его высказывать. А теперь – про источники. Помнишь, я говорил, что источник маах`керу в Москве тоже потух? С этого-то все и началось, видимо.

– Еще бы мне не помнить, – горько вздохнула мать.

– Так вот. Оказалось, что он не сам иссяк. Вернее – возможно, что он и не иссяк, а просто каким-то хитрым образом запечатан. На источнике маах`керу стоит неизвестное заклинание – московские маги не смогли его распознать. А чтобы это заклинание не было видно, сверху его закрывал плотный слой иллюзий – очень тщательно наложенных, их еле-еле сняли десять самых искусных альвов. Вот я и думаю, что с нашими источниками вполне может быть та же история. Скажи мне, мам: на месте нашего источника сохранилось светящееся пятно?

– Откуда же я знаю, сынок? Я и источник-то не вижу, – отозвалась женщина.

– Ах да, – спохватился Карим. – Я забыл. Это надо срочно выяснить. И если окажется, что и у нас, и у других колодец закрыт таким же заклинанием – это значит, что он не иссяк, понимаешь? Надо лишь снять заклинание. Найти, кто это сделал. И лучше бы побыстрее.

Подумав, Карим решил, что дожидаться приезда матери клана не стоит. Хотя он и не знаком с новоявленным главным магом клана, имеет смысл обратиться к нему. Мать дала Кариму телефон и адрес, и Сатин тут же позвонил.

Ответили почти сразу:

– Я вас слушаю.

– Кирилл Владимирович? – на всякий случай уточнил Карим.

– Да.

– Здравствуйте, вас беспокоит Карим Сатин, я...

– Говорите громче, ни хрена не слышно! – рявкнул Дориченко.

«Если он и умный, то не очень-то вежливый», – отметил Карим.

Уверенности в том, что с новым начальством будет легко найти общий язык, у него поубавилось.

– Я узнал ваш телефон... – сделал еще одну попытку Сатин.

– Мне кажется, мы незнакомы! – заявил собеседник и отключил связь.

Карим чуть не в бешенстве уставился на «пикающий» гудками телефон.

– Мам, а он точно наш главный маг? – крикнул Сатин.

– Забыла предупредить, сынок, – появилась из другой комнаты мать. – Мать клана

говорила, что у Кирилла Дориченко очень сложный характер. А кроме того, он недоверчивый.

– Я заметил, – пробормотал Карим. – Он не стал со мной разговаривать по телефону, надо ехать к нему.

Глава 15

Анюта, медсестра-лаборантка пансионата «Никольский парк», готовилась заняться обычным утренним забором крови.

Государство заботилось о пенсионерах – особенно об инвалидах и ветеранах, поэтому каждый год в преддверии Дня Победы во всех лечебных учреждениях проводилось массовое обследование.

Не миновало оно и «Никольский парк».

Анюта расставила в ряд пробирки, приготовила иглы, трубки, спирт и предметные стекла. Вызывать пациентов пансионата вниз, в лабораторию, было не принято, поэтому Анюта сложила все необходимое в переносной ящик и отправилась в номера.

Медсестра была невысокого роста и хрупкого сложения, поэтому ящик в ее руках казался огромным и создавалось впечатление, что слабая девушка несет непомерную тяжесть. Но она привыкла, а кроме того, ей нравилось таким образом подчеркивать свою женственность.

Ветеранов и инвалидов было немного, и девушка справилась с важной миссией за полчаса.

Последним в списке числился Рудольф Эдуардович Маркаров – вечно дремлющий и удивительно спокойный, по сравнению с остальными жильцами пансионата, пенсионер. Он никогда не раздражался, не изводил персонал бесконечными придирками, не жаловался, что умирает, поднимая сестер на ноги среди ночи. Он вообще не предъявлял никаких претензий, и весь персонал пансионата не мог нарадоваться на пациента, с которым нет никаких хлопот.

Сожалели лишь о том, что Рудольф Эдуардович такой одинокий.

Когда Анюта брала у Маркарова кровь, он, как обычно, сидел в инвалидном кресле с закрытыми глазами, хотя девушка прекрасно знала, что он не спит. Только один раз он поднял правое веко и подмигнул медсестре, так что от неожиданности она чуть не выронила флакон со спиртом. Но потом глаз снова закрылся, и больше Маркаров ничем себя не проявлял.

Закончив и пожелав любимцу пансионата хорошего дня, Анюта вышла из номера. Едва успела закрыть дверь, повернувшись спиной к холлу, как кто-то внезапно обхватил ее рукой за шею. От неожиданности девушка непременно выронила бы ящик, если бы ее, навалившись сзади, вместе с грузом не прижали к двери.

Девушке стало страшно. Деревянное ребро ящика упиралось в живот, к тому же было трудно дышать. Кричать в таком состоянии она не могла.

– Слушай внимательно, – прошипели Анюте в самое ухо. – Сейчас ты отдашь мне последнюю пробирку. Только последнюю пробирку с кровью и больше ничего. После этого ты прстоишь так лицом к двери, считая до ста. Потом можешь идти на все четыре стороны. Если ошибешься, отдашь не ту пробирку или вздумаешь повернуться раньше времени – я вернусь и тогда... Сделаю тебе больно и неприятно. Поняла?

– Угу, – жалобно промычала Анюта.

– Давай пробирку!

Дрожащими руками девушка вытащила пробирку из штатива. Это было несложно: она стояла в крайнем гнезде. От страха руки медсестры тряслись, но незнакомец вовремя перехватил пробирку, не дав крови выплеснуться.

– Молодец. Теперь ты досчитаешь до ста, как я сказал, а потом обо всем забудешь. Не вздумай никому рассказывать. Особенно Маркарову. Проговоришься – я узнаю и вернусь. Поняла?

Анюта молчала, видимо, плохо соображая, что от нее требуется.

Ее грубо ткнули в спину:

– Так поняла или нет?

Медсестра замычала, выражая согласие.

– Прекрасно. А теперь стой и не шевелись!

Анюта почувствовала, как хватка медленно ослабевает, ее уже не прижимали к двери. Ящик с пробирками у нее забрали и поставили на пол.

– Считай до ста! – скомандовал голос.

Анюта начала сбивчиво считать. За спиной послышались торопливо удалявшиеся шаги. Со счетом «девятью девять» силы покинули медсестру, и девушка опустилась на пол.

В этом состоянии ее и нашла убиравшая этаж санитарка.

На следующий день Анюта взяла больничный.

Проезжая мимо префектуры, Сатин вспомнил, что забыл спросить у матери про альвов, но потом рассудил, что это к лучшему: начнутся лишние вопросы и придется рассказать про нападение и похищение Ильи.

Впутывать в это родителей Кариму не хотелось.

Старшего мага клана надо было искать на улице Второй пятилетки.

Покружив между пятиэтажками и обнаружив наконец дом номер четыре, Карим припарковал «Мерседес» и направился к подъездам. Поскольку квартиры в адресе указано не было, он рассудил, что в здании должна быть какая-то контора. Повернув за угол, увидел козырек над крыльцом с крутыми ступеньками.

На крыльце жалось несколько человек, сплошь молодежь, юноши и девушки, все с сигаретами. Никто из них не был ни магом, ни дейвона. Никакой вывески не наблюдалось.

Спрашивать «скажите, пожалуйста, а что здесь такое?», Карим посчитал глупым, поэтому он просто поднялся на крыльцо. Никто из курильщиков не удивился, наоборот, все с готовностью расступились, так что Сатин смог открыть дверь. Сразу за дверью обнаружился крошечный «предбанник», из которого вели две двери.

На стене «предбанника» висел стенд с какими-то объявлениями. Рядом был прибит пластмассовый ящичек, в нем лежали бланки со штампом «ГИБДД МРЭО». Дверь в комнату прямо была плотно закрыта. Кабинет за открытой дверью слева был небольшим, но в нем, тем не менее, как-то умещались два письменных стола и четыре стула, да еще человек шесть людей. На стене висела план-схема города и герб Зеленограда.

Карим подошел к девушке, сидевшей за одним из письменных столов. Девушка была похожа на одну из фей Винкс – такая же глазастая, длинноволосая и глупо улыбающаяся, разве что без крыльев.

– Здравствуйте, мне бы Кирилла Владимировича.

– Он сейчас на экзамене, приходите через два часа, – отозвалась курносая «фея», приняв от стоявшего у стола молодого человека несколько сотенных купюр и тут же что-то записавшая в тетрадку.

Только сейчас Карим заметил, что все присутствующие стоят, сжимая деньги в руках.

– Мне бы срочно, – Сатин прижал руку к груди.

– Всем срочно! – фыркнула девушка. – Вас много, а он один. Заходите в класс, он там. «Душевно тут у них», – подумал Карим, отворяя следующую дверь.

Его взору предстал класс с тремя рядами столов.

Все места были заняты, кроме одного – в самом углу. В основном здесь находились молодые люди лет двадцати с небольшим, но попадались и постарше, даже парочка пожилых. У доски, вокруг которой были развешаны плакаты с дорожными знаками, восседал дейвона средних лет. Ауру его Карим не разглядел, видимо, незнакомец был сильным магом.

Сатину показалось, что он встречал его раньше, и даже не очень давно, но не мог вспомнить – где.

Да и полной уверенности у Карима не было, уж больно неброской внешностью тот обладал. В руках дейвона держал какую-то железяку, подозрительно напоминавшую древний

амортизатор.

Карим хотел было подойти к сородичу, но тут дверь распахнулась, чуть не прибив его, и в класс влетел еще один дейвона – высокий и тощий, как жердь, с кипой желтых листов бумаги в руках. Карим встречал его раньше, хотя близко знаком не был, тот же Сатина вообще не узнал.

– Садитесь, и так задержались, нам еще откатать надо, – бросил он Кариму.

– Да я, собственно... – начал было Сатин, указывая рукой на сидевшего у доски мага.

– Понимаю, что к Кириллу Владимировичу, все к Кириллу Владимировичу. Потом, потом. Все потом. Садитесь, молодой человек, пишите. Некогда. Фамилию указать не забудьте.

Он чуть ли не силой сунул Кариму в руки желтый листок и подтолкнул к единственному свободному месту, а сам помчался дальше, раздавая бумажки направо и налево и при этом приговаривая: «Пишем, пишем, не отвлекаемся». Сатин, сплюнув про себя, сел за стол и нехотя глянул на листок: это был вопросник, первый пункт которого гласил: «В каких случаях на буксируемом механическом транспортном средстве должна быть включена аварийная световая сигнализация?»

Справа на листке оставалось довольно много свободного места для ответов. Повернув бумажку боком, Карим написал:

«Здравствуйте, Кирилл Владимирович! Я Карим Сатин, из-за отсутствия матери клана не могу поговорить с ней лично, но она рекомендовала в случае необходимости обращаться к вам. Дело касается источников, это очень срочно!»

Написав это, Карим встал и решительно направился к Дориченко.

К нему тут же подскочил долговязый:

– Вы куда? Вы что, уже сдаете?

– Да! – рявкнул Карим.

Долговязый дейвона отступил.

Приблизившись к главному магу клана, Сатин молча протянул ему бумажку.

Кирилл Владимирович взял ее и начал читать.

– Ах... вот оно что. Так что ж вы сразу не сказали? – протянул он недовольным тоном, слегка постукивая «амортизатором» об пол.

– Я пытался, – развел руками Карим.

– Дело в том, что сейчас у меня, к сожалению, совершенно нет времени. Как только первые четыре человека напишут, мы едем с ними на площадку.

«Ему что, источник не нужен? Или он тут зарабатывает столько, что покупка энергии – не проблема? А как же остальные, о них он, что, не думает? И почему его вообще поставили руководить? Не понимаю...» – терялся в догадках Карим.

Видимо, сомнения отразились на его лице, и Кирилл Владимирович быстро сказал:

– Вы правы. Это очень важная тема. Если не возражаете – поехали с нами. Я тогда возьму не четырех, а трех человек.

– Хорошо, – ответил Сатин.

«Характер у него и правда странный», – подумал он.

Ощущение того, что он видел Кирилла Владимировича раньше, стало сильнее, но место вспомнить так и не удалось.

В течение каких-то пяти минут два человека написали тест, и Карим было обрадовался, что все складывается хорошо и быстро. Но успокоился он преждевременно: третьего экзаменуемого пришлось ждать дольше, почему-то никто больше не стремился сдать экзамен побыстрее.

Кирилл Владимирович отставил «амортизатор» в сторону и поднялся.

– В машину ко мне не хотят, черти. Знают, что гонять буду...

Он подошел к ближайшему столу в среднем ряду, за которым сидели две девушки.

– Ну что сидишь? – обратился он к той, что помоложе, лет шестнадцати на вид – хотя ей не могло быть меньше восемнадцати, иначе прав не получить. – Ну, написала же давно

все. Сдавай, поехали.

– Бою-усь, – протянула девчонка.

– Вот еще глупости. Не сдашь – пересдашь! – оптимистично заявил Кирилл Владимирович, забрал листок и быстро просмотрел. – Теорию ответила, хорошо. Так, вы трое – за мной. Пойдемте, Карим.

Главный маг клана размашистым шагом направился к выходу.

Следовавшие за ним напоминали обреченных на заклятие агнцев, и Карим не чувствовал, что он исключение. Дориченко подвел их к древней, обшарпанной и побитой, но чисто вымытой «пятерке». «Жигулей» столь яркого синего цвета Сатин и не видел-то на улицах города.

– Вы, Карим, садитесь впереди, – скомандовал маг. – А вы двое плотнее, плотнее. Дайте третьему сесть.

В результате девушка, севшая в середину, оказалась плотно зажатой между двумя не в меру упитанными, как на подбор, молодыми людьми.

– Одну секунду, – произнес Дориченко и быстро сотворил какое-то заклинание.

– Ну все, – сказал он, поворачивая ключ зажигания. – Теперь для них будут звучать стандартные байки о гаишниках. Я вас внимательно слушаю, Карим. Кстати, как поживает ваш друг? Ну этот, с «десантниками». Илья, кажется. А вас я узнал сразу же, как только вы вошли.

Кирилл Владимирович прибавил скорость, Карима так и вдавило в сиденье. Он вспомнил, где встречал этого дейвона и при каких обстоятельствах: это случилось в электричке, когда Скоробогатов предложил тому разменять пять тысяч.

Оказывается, это был новый главный маг их клана!

И он Сатина запомнил.

В другое время, скорее всего, Карим бы смутился, возможно, даже стал бы извиняться за поступок Ильи, по крайней мере – чувствовал бы себя неловко. Но сейчас все это отступило на второй план.

– На самом деле ваш друг прав, – продолжил Дориченко. – Конечно: если уж едешь на халяву, незачем это нагло всем демонстрировать. – Кирилл Владимирович усмехнулся.

Карим не переставал удивляться про себя – серьезный маг такими трюками баловаться не будет.

Да, своеобразным типом был их новый главный...

– Илья в беде, – начал Сатин без обиняков. – Его похитили, как раз когда мы расследовали проблему источников. Ассамблея, к которой он принадлежит, считает, что это дело рук альвов: при нападении были использованы иллюзии. Я тоже там был, поэтому знаю. И тоже считал, что это Танцоры, потому что они не один раз нападали на него и на меня, мешая нам вести расследование. Но «Грановитая палата» оказалась ни при чем, она даже помогла нам. Сейчас ассамблея ищет Илью по всей Москве, но мне пришло в голову, что попробовать надо здесь, в Зеленограде.

– Так, я ничего не понял, – заявил Дориченко. – То есть излагаешь ты связно, но что откуда взялось – неясно. Давай по пунктам. Илья пропал?

– Да. Его похитили.

– Не части. Кто похитил – неизвестно, но ты думаешь, что альвы?

– Угу.

– Дело было в Москве, как я понял? Далеко от нас?

– Практически район Ленинградского вокзала. Точнее – метро «Красные ворота».

– Ну это так, дополнительные сведения, – пробормотал Кирилл Владимирович. – Почему ты думаешь, что это сделали именно зеленоградские альвы?

Карим вспомнил сегодняшний митинг.

– Потому что они в последнее время стали необычайно агрессивными. Но главное, конечно, потому что я считаю: это из-за источников. Местные Танцоры причастны к истории с источниками и не хотят, чтобы кто-то это раскопал.

– Ну, опять понесся, – заметил Дориченко. – Рассказывай, что вы нарыли по источникам.

– Скажите, Кирилл Владимирович, на месте нашего источника сохраняется светящееся пятно?

– Да-да, – удивился главный маг. – Я обратил на это внимание, но объяснить не могу.

– А вы не в курсе: на других колодцах – то же самое?

– По крайней мере, на источнике «Позитрона» у людей и на двух источниках сатра – один же у них действует – то же самое. Когда мы с ними тут выясняли отношения – видели. Про остальных не в курсе.

– Ух ты! Ясно. Здорово! Вы даже не представляете, насколько. Это значит, что...

Как раз в этот момент автомобиль въехал на площадку.

– Постой. Сейчас мне придется их откатать, – главный маг кивнул в сторону заднего сиденья. – Ты пересаживайся туда и рассказывай по порядку дальше. А им глаза отведем, как будто и нет тебя.

– Хорошо.

«Жигули» остановились у края площадки, на которой уже каталось с пяток машин, и все по одному и тому же маршруту: змейка, параллельная парковка, бокс, эстакада, разворот. Молодые люди и девушка выбрались из машины, потом один из парней сел на освобожденное инструктором – и магом по совместительству – переднее сиденье. Карим перебрался на заднее, за его спиной.

Кирилл Владимирович уселся рядом с водителем и скомандовал:

– Поехали!

Машина начала выписывать кренделя между оранжевыми столбиками.

– Порядок, можно продолжать, – заявил главный маг, сотворив морок. – Так что там с пятном, Карим?

– В общем, из-за этого пятна мы стали исследовать колодец маах`керу с ВДНХ, он погас незадолго до наших...

– А, да-да-да, я слышал, – перебил главный маг. – Из-за этого «зеленые» обвинили оборотней, а потом и тебя.

– У вас прекрасная информация. Так вот: мы обнаружили сначала иллюзии, а когда альвы по нашей просьбе их сняли – под ними оказалось незнакомое заклинание. Похоже, что источник вовсе не уничтожен, а просто запечатан. Я всегда думал, что это невозможно... но они сумели это сделать...

Карим замолчал, наблюдая за произведенным эффектом. На несколько секунд Кирилл Владимирович застыл как изваяние и даже перестал следить за учеником. Очнулся он, только когда тот выполнил половину «парковки».

– Вот это номер, – произнес Дориченко. – Это значит, что и наши, скорее всего...

– Именно! Не иссякли, а живы. Надо только распечатать их.

– А с источником маах`керу это удалось? Что за заклинание на нем стоит?

– Пока нет. Альвы сняли иллюзии сегодня днем, после этого я сразу дунул сюда.

– Это ты молодец, – кивнул Дориченко. – Совершенно правильно сделал. Теперь только бы сообразить, как поступить дальше. Вот что, Карим, поведай мне всю историю с того момента, как ты уехал в Москву. Я ведь не в курсе. А чтобы принять какое-то решение, надо хоть представлять, откуда ветер...

Ученик тем временем пытался втиснуться в бокс, но с первого раза не получилось, поехал на второй круг. А Карим начал коротко рассказывать об основных событиях.

К моменту разворота в узком месте Кирилл Владимирович уже знал все.

– Та-ак, – протянул главный маг. – Сдал, проваливай. Через сорок минут едем в город, не разбегаться.

Радостный ученик вышел и уступил место девушке.

– Поехали... Настя! – скомандовал Кирилл Владимирович, заглянув в список, и продолжил: – Под подозрением, получается, не только альвы, но и Часовщики. И никаких,

главное, доказательств им не предъявишь. Домыслы одни. Скорее всего, домыслы-то верные, но как их призвать к ответу? И как они совершили подобное? Запечатать источник ведь невозможно! Попробуй заткни фонтан нефти? И как вытащить твоего друга, вот что в первую очередь надо понять.

Настя проходила змейку, пожалуй, слишком быстро, но уверенно.

– Знать бы еще, где они его прячут.

– Кто – Часовщики или альвы? Вот вопрос-то, – вздохнул Дориченко. – Я бы начал с альвов. Они больше подходят на роль похитителей.

– Почему вы так считаете?

– Карим, давай на «ты». Очень утомляет, честное слово. Считаю так потому, что Часовщики все время на виду. Мы с ними общаемся, в силу, так сказать, профессиональных особенностей. Вряд ли кто-то из верхушки «желтых» мотался в Москву, похитил там твоего друга... Да и ни к чему им лишние трудности с укрыванием пленника, образ жизни не тот. Другое дело – Танцоры. Они все время скрыты от посторонних глаз, даже своим туманом. Прятаться и прятать как раз в их духе.

Настя заезжала на эстакаду, и Карим машинально прикидывал: сможет ли она тронуться? Ручной тормоз у машины казался слегка разболтавшимся.

– Наверное, вы правы... В смысле, ты прав. Тогда я прямо сейчас – во Дворец творчества.

– Погоди. Вот Геннадий площадку откатает, потом они нас по очереди до Дворца и повезут. Сдала, вылазь.

Третий ученик площадку не сдал, и в город Кирилла Владимировича, Карима и Настю повез Саша – тот, который сдал теорию первым и первым же «откатался» на заданиях. Он благополучно достиг большого круга в девятом районе, но на нем наконец засыпался и был отпущен домой до пересдачи.

Дальше на его место села Настя. Ей повезло: маршрут оказался коротким, поскольку Карим с Кириллом Владимировичем направлялись во Дворец творчества, который находился в двух шагах. По дороге главный маг вызвонил кое-кого из подопечных и раздал некоторое количество указаний.

– Давай, иди туда, – сказал он Кариму, когда машина остановилась. – Вспугни там, кого сможешь, а мы тут подождем.

Дворец творчества детей и молодежи был построен в Зеленограде в восемьдесят восьмом году прошлого века и назывался сначала Дворцом пионеров и школьников. Кариму тогда было всего пять лет, и к тому времени, когда он достиг «пионерского» возраста, пионеров разогнали, а здание сменило название на теперешнее. Суть его, впрочем, от этого почти не изменилась: как тогда, так и сейчас во Дворце было множество кружков, секций, студий и прочих объединений.

Это место, как ни удивительно, притягивало городских детей со страшной силой. Недаром от адреса «площадь Колумба» веяло открытиями, путешествиями и прочей подростковой романтикой.

С момента постройки в окрестностях Дворца обосновались альвы.

Карим и сам в младших классах посещал один из возглавляемых Танцором кружков – увлекался керамикой. Ему ужасно нравилось лепить, обжигать, но особенно – расписывать. Интересно было толочь и смешивать специальные краски – сейчас он уже и не помнил, как они назывались.

Пару лет всевозможными вазочками, кружками и просто плоскими табличками с рисунком были заставлены дома все полки и сервант. Альв был ужасно доволен Каримом и даже как-то раз устроил ему персональную выставку.

Но лет в одиннадцать-двенадцать Сатину внезапно надоело это занятие. Стало вдруг скучно просиживать вечера напролет со ступкой и пестиком, превращая камень в порошок и порошок в краску, больше хотелось гонять мяч или хотя бы играть в шахматы.

Поэтому керамика оказалась заброшенной. Альв очень переживал, даже приходил к

Кариму домой, убеждал его родителей, что сын – будущий великий художник и их долг поддержать его, а заодно и кружок, который лишился одного из самых талантливых учеников, и так далее и тому подобное. Но отец Карима, пожав плечами, заметил, что «это занятие не для пацана», а мама, конечно, сказала: «Пусть решает сам».

И Карим выбрал футбол, а Танцор ушел несолоно хлебавши.

Футбольная секция была в школе, в шахматы Карим играл дома с отцом и больше во Дворце творчества не появлялся.

Сегодня же, когда он попал через калитку в выложенный плитками двор, воспоминания нахлынули все разом и были такими яркими, как будто он расписывал вазочки только вчера. Сатину даже подумалось: не эффект ли это альвовских заклинаний? Свою альма-матер Танцоры не просто любили, а тряслись над ней, чувствуя себя едва ли не священниками в храме.

На перилах пандуса катались дети – как мальчишки, так и девочки, их счастливые мамы сидели на скамейках во дворе. У входа в крыло, где размещалось спортивное отделение, стоял длинный разрисованный фургон с надписью «Передвижной практикум по нанотехнологиям».

«Ух ты, какие они тут нынче прогрессивные», – подумал Карим.

Он даже подошел к фургону – но дверь была закрыта, и никого живого поблизости не наблюдалось.

Сатин направился к главному входу.

Охранник – обычный человек, как ни странно, – потребовал от Карима пропуск.

– Какой пропуск? – с досадой отозвался Сатин. – У вас тут детская организация...

– И что, что детская? – ехидно заметил преклонного возраста мужчина, очень хлипкий на вид, намеревавшийся стоять до последнего. – Дети у нас все с пропусками. Которые без сопровождающих. А кто маленький – у того родители с пропусками. Иначе – ждите своего ребенка на улице.

В просторном вестибюле детей было великое множество, и не только человеческих – всяких. Кто-то с помощью родителей переодевался в спортивную форму, кто-то размахивал флейтой, кто-то громко объяснялся с соседом. Изрядная очередь выстроилась к столу с пирожками и соком. Некоторые носились друг за другом, сверкая чешками. Гвалт стоял на весь первый этаж.

У Карима возникла мысль, что, применив отвод глаз, он справится быстрее.

Жаль, что лишней энергии у него не было.

– Я не за ребенком, – пояснил он. – Я хотел бы увидеть директора.

– Директора нет.

– Ну тогда зама или кого-нибудь из администрации. Это можно сделать?

– А вам зачем? – с подозрением спросил охранник.

– А разве я обязан объяснять? – возразил Карим. – По делу. По важному делу.

– Подождите.

Охранник, прихрамывая, подошел к вахтерше, расположившейся за письменным столом по ту сторону от входа. Они долго о чем-то шушукались, затем женщина спросила:

– А кто вам нужен?

«Шайтан тебя задери!» – подумал Карим, но вслух терпеливо повторил:

– Желательно директор или его заместитель. Если их нет – кто-нибудь из заведующих секциями.

– Вы откуда? Если насчет работы – приходите завтра с утра, сегодня никого нет.

– Неужели? – вежливо заметил Карим. – В будни, в разгар рабочего дня никого нет на месте? Простите, не верю. Позвольте, я пройду.

Охранник с вахтершей громко запротестовали, так что пришлось все-таки отвести им глаза.

Карим свернул направо, в коридор. Среди нескольких дверей он без труда отыскал кабинет директора – тот был заперт.

Карим подергался в соседние двери. Открытой оказалась та, из-за которой долетали звуки пианино.

В просторном зале у станка танцевали несколько девочек в черных трико и прозрачных белых юбочках, подозрительно напоминавших тюль для занавесок. За пианино сидел лохматый женоподобный альв, облаченный в синий с блестками балахон.

Увидев Карима, он перестал играть, сложил руки на коленях и молча вытаращил большие голубые глаза. Девочки остановились, сбились в кучку и принялись шептаться.

– Здравствуйте, – начал Сатин, быстро оценивая обстановку.

Кого-то не хватало в этой идиллической картине, и он быстро сообразил кого. Не может занятие танцами проходить без хореографа. Так где же он? Поскольку альв молчал, лишь кивнул в ответ на приветствие, Карим продолжил:

– Мне очень нужно поговорить с кем-нибудь из вашего начальства.

– А никого нет, – елевым голосом ответил альв.

– А где же все? – наклоняясь к нему, тихо спросил Карим.

– На митинге, – моргая длинными ресницами, произнес Танцор.

Карим резко выпрямился.

– У префектуры? – почти утвердительно произнес он.

Альв радостно закивал.

– Митинг уже закончился, – железным голосом заявил Карим. – А сейчас мне очень нужен кто-то из администрации Дворца творчества либо старших вашей колонии.

Танцор заметно сник, даже голову опустил.

– Так я могу с кем-нибудь из них поговорить? – грозно спросил Карим.

– Боюсь, что нет, – ответил альв, подняв взгляд. – Из... старших действительно никого нет.

– Ну так я подожду, – вкрадчиво произнес Сатин и зловеще улыбнулся. – И дождусь обязательно. Иначе сюда придут мои старшие, и разговор будет уже на другом уровне. И с другими последствиями.

– А что вы, собственно, хотите? – прошептал Танцор, кутаясь в белый туман.

– Другой разговор, – кивнул Карим. – Нам нужна услуга, связанная с вашими особыми возможностями.

– А, так... вот в чем дело, – с явным облегчением вздохнул альв. – Это возможно, но только... директора действительно сейчас нет, а... без него такие вопросы никто не решает.

– А телефон директора можно? – Карим чувствовал, что вот-вот потеряет терпение.

– Попробуйте поговорить с Семеном Леонтьевичем. Второй этаж, кабинет краеведения и боевой славы... – сообщил альв.

– Спасибо, – подчеркнуто вежливо сказал Карим.

Покинув класс, он набрал номер Кирилла Владимировича.

– Я нашел кого-то из их старших, будь начеку на всякий случай, – сказал Сатин без предисловий. – Если дам один звонок и сброшу, значит – я спугнул его, и он бежит на вас.

– Понял. Будем караулить у выходов, – так же коротко ответил главный маг.

Быстро и бесшумно, как кошка, Карим поднялся на второй этаж.

Коридоры Дворца творчества были очень длинными, но, если бы альв задумал сбежать от Карима по другой лестнице, на крыльце его встретил бы Кирилл Владимирович. Два других выхода тоже не оставили без присмотра: у дверей спортивного отделения ждал тот самый долговязый дейвона по имени Роман Матвеев, а у выхода из концертного зала – две девушки-«серых».

Едва Карим начал плести «кокон Артемиды», как впереди, шагах в двадцати, открылась дверь и в коридор вышел... хорошо знакомый Кариму альв. Сейчас на нем не было серой куртки, но Сатин узнал его моментально.

«Голубой» застыл, тоже узнав Карима, и несколько мгновений оба не двигались с места. Потом Танцор пришел в себя и рванул прочь по коридору. Сатин кинулся за ним во всю прыть и даже выпустил «кокон Артемиды».

Но поспешил и промахнулся: альва не оказалось на том месте, где его только что видел Карим. На бегу выхватив мобильник, Сатин позвонил Кириллу Владимировичу и тут же сбросил звонок.

На лестнице он уже не увидел Танцора, сбежал вниз и оказался в вестибюле.

– Поймали? – спросил Карим, увидев Кирилла Владимировича.

– Где? – одновременно воскликнул Дориченко.

– Обманул, гад, – разочарованно протянул Сатин, быстро осматриваясь.

В это время у главного мага прозвенел телефон.

– Да? – сказал он в трубку.

– Кирилл, тут альв какой-то выпрыгнул в окно, теперь через забор сиганул! – донесся из трубки возбужденный голос. – Там машина у него стоит. Я за ним через забор, а вы меня подхватите. Он по просеке к девятому поедет, думаю...

– Понял, жди!

Дориченко кивнул Кариму, и они побежали к выходу.

Выскочив в боковую калитку, они сели в оставленную на стоянке у Дворца «пятерку» и, круто развернувшись, помчались в сторону леса. Когда повернули за угол, Карим увидел недалеко впереди Матвеева, бегущего по лесной дороге. Подъехав, Дориченко притормозил, и его помощник ввалился в салон, показывая рукой вперед.

Машина резко взяла с места и понеслась по просеке к жилым домам.

– Я его схватил, – рассказывал запыхавшийся Матвеев. – Но он меня отвлек какой-то дрянью, и я его потерял. Потом смотрю – через забор лезет. Забор-то двухметровый, как он на него... Не взлетал ведь. Ну я за ним – в азарте тоже запрыгнул, а он в «Дэу Матиз» сел и был таков. Опять я не успел.

– Ну ничего, может, догоним, – прибавляя газа, сквозь зубы произнес Кирилл Владимирович. – Ты молодец, не то что мы, олухи...

Карим виновато вздохнул.

Они пронеслись через девятый район и обнаружили темно-вишневый «Матиз», только выехав на Солнечную аллею, – тот во весь опор гнал в сторону Крюково.

– Поднажми, Владимирович. Иначе он на Пятницу выскочит, и там мы его хрен догоним, это не по городу, – прокричал Матвеев.

– Мигалку ставь, иначе куда больше жать, – отозвался Дориченко.

Порывшись под сиденьем, Матвеев выудил небольшой чемоданчик и раскрыл его. Внутри оказался проблесковый маячок синего цвета, совсем такой, как на милицейских машинах, прикрепленный к необычного вида присоске. Тут же нашелся не то крупный мобильник с антенной, не то небольшая трубка радиотелефона.

Было похоже, что к мобильнику зачем-то приделали антенну от другого аппарата.

Карим, повернувшись вполоборота, с интересом наблюдал за происходящим. Машина влетела на эстакаду, но разрыв не уменьшался. «Дэу Матиз» еле-еле виднелся впереди.

– Быстрее, Рома, уйдет же!

– Терпение, – спокойно ответил Матвеев.

Опустив до отказа боковое стекло, он взял в левую руку маячок с присоской и насколько мог вытянул руку вверх в окно. Шлепнув присоску на крышу автомобиля, с самого края, он схватил «радиомобильник» и принялся жать на нем кнопки. На потолке появилась синяя светящаяся точка, она медленно поползла от края к середине. Когда точка оказалась в центре, Матвеев нажал на кнопку в последний раз и с довольным лицом принялся закрывать окно.

– Там же «У»! – воскликнул Карим.

– Ее будет не видно. Зато сейчас я включу эту штуку, и наша синяя «пятерочка» станет белой и с надписью «ДПС».

Матвеев снова поколдовал с радиоустройством.

– Есть. Гони! – крикнул он.

Кирилл Владимирович включил четвертую скорость, затем еще что-то сделал, и

машина рванула вперед, как автомобиль Джеймса Бонда.

– Она у вас что, полностью Часовщиками переоборудована? – спросил Карим.

– Конечно. Не могу же я на обычной консервной банке ездить, так и влететь можно, на наших-то дорогах...

Карим не стал возражать, но про себя подумал, что с такой скоростью вероятность «влететь» гораздо больше.

Машина альва начала приближаться. Справа пронеслись последние дома пятнадцатого микрорайона, здание УВД, и «Матиз» резко повернул влево, на Андреевскую улицу. Впереди остался проезд «шестьсот пятьдесят семь», выводящий к Пятницкому шоссе.

Вот только куда свернет Танцор: направо, к Солнечногорску, или налево, к Химкам?

– Не переживай, – сказал Дориченко, когда Сатин озвучил этот вопрос. – Свернул бы налево, я бы предупредил ребят, чтоб перехватили. Они за старым мостом ждут.

– Все предусмотрели, Кирилл Владимирович? – удивился Карим.

– Все да не все. Тебе второго дать не догадался. Решил – не нужно. А не надо было тебя одного пускать.

– Ну, отвел бы он глаза обоим. Какая разница? Альв же, – возразил Матвеев. – Не поедет он налево, наверняка не поедет, перестрахуется...

Но альв повернул именно налево. Матвеев позвонил своим и предупредил, чтоб встречали машину Танцора у старого моста. Разрыв сократился еще больше, и «пятерка» уже, что называется, дышала «Матизу» в затылок.

Но в самый последний момент автомобиль вдруг пропал из виду.

– Где... где он? – закричал Кирилл Владимирович.

– Нету. Ушел, – с олимпийским спокойствием откликнулся Матвеев. – Испарился.

– Ну куда он тут мог деться! – кипятился Дориченко.

– А куда они всегда деваются. Альвы же.

– Вместе с машиной?!

– Ну, не одни же мы с Часовщиками дружим, – возразил Матвеев. – Мало ли что там у него присобачено. Или сам такой ушлый.

На всякий случай главный маг еще некоторое время продолжал ехать вперед, не сбавляя скорости – до тех пор, пока не поравнялся со старым мостом, у которого в «Опеле Вектра» ждали дейвона.

Подрулив к ним, Кирилл Владимирович остановил машину.

– А что это вы с мигалкой едете? – поинтересовался один из сородичей, подходя к «пятерке», и Карим узнал его – один из опытных, бывалых магов, никогда, впрочем, звезд с неба не хватавший.

– А чтоб ты спросил! Ну что, альва не было?

– Так не было.

– Сбежал, зараза. Ну надо же, упустили, что ты будешь делать...

Кирилл Владимирович с досадой сплюнул, чуть не попав на ботинок одному из дейвона.

– Но-но, полегче. Что делать-то будем?

– В самом деле: какие наши дальнейшие планы? – спросил Карим.

– Планы такие. Как только мать вернется – как я понял, сегодня или завтра рано утром, – мы с ней попробуем заняться источником сами. Один я не потяну, а вдвоем... Возможно. С Наблюдателями связываться мне неохота – скользкие твари. Сдается мне, именно они утку пустили, что сатра виноваты. Поехали.

Глава 16

Не успел вошедший в подъезд своего дома Карим пройти один лестничный марш, как с верхней площадки на него прыгнул человек. Сатин упал на спину, захрипел от пронзившей спину боли, да еще и ударился локтем.

Лицо нападавшего закрывала маска, аура не просматривалась.

В руке блеснул нож, но Карим успел перехватить нападавшего за запястье.

Напрягая все силы, чтобы удержать руку с ножом в нескольких сантиметрах от горла, Сатин, сконцентрировавшись, взглянул через прорезь маски в злые глаза врага и наколдовал «ночную тьму». Ослепший агрессор издал что-то вроде курлыканья и от неожиданности ослабил хватку.

Сцепившись, они покатались по полу, и уже Карим оказался сверху, прижал более мелкого противника к полу. В этот момент в кармане у Сатина громко зазвонил телефон. Он хотел было уже сорвать с лица неизвестного маску, как вдруг тот сильным рывком сбросил Карима и рванул вверх, при этом сильно поранившись о свой собственный нож.

Действие заклинания «ночная тьма» закончилось.

Нападавший убежал, телефон, все это время трезвонивший, замолчал – разрядился. Карим при падении еще приложился затылком о цементный пол, поэтому не смог вскочить так быстро, как ему хотелось бы.

Кое-как поднявшись – причем голова здорово гудела, – он обнаружил на рукаве брызги чужой крови. Была бы под рукой лаборатория – можно было бы моментально провести анализ и узнать хотя бы, представитель какой сферы напал на него.

Мчаться в больницу Сатину не особенно хотелось.

Но были и другие варианты...

Прижимая к туловищу руку с каплями крови на рукаве, он доковылял до лифта и вызвал кабину. Поднявшись к себе на этаж, Карим быстро достал ключ из кармана и отпер дверь.

Мать, увидев окровавленного сына, вскрикнула и поспешила к нему навстречу.

– Это не моя кровь, не волнуйся! – торопливо сказал Карим, и, не раздеваясь, бросился в свою комнату.

Он опустился на колени перед ящиком письменного стола, выдвинул его и, порывшись, извлек картонную коробку. В коробке лежала стопка перетянутых резинкой предметных стекол – такие предназначены для рассматривания препаратов под микроскопом. Высвободив одной рукой верхнее стекло, Карим осторожно стряхнул на него с рукава каплю крови. Положив «препарат» на стол и убрав оставшиеся стекла на место, Сатин открыл следующий ящик и достал оттуда блокнот.

Это был подарок одной из многочисленных фармацевтических фирм, представители которых минимум раз в неделю надоедали травматологам, навязывая «лучшие в мире хондроитинсульфаты». Причем помогают они или нет – об этом врачи разных стран так и не договорились, некоторые откровенно считали средства пустышками.

Карим придерживался иного мнения.

Но сейчас это не имело значения, главное, что в этом блокноте среди медицинских записок у него был записан пяток заклинаний, которые он раньше не делал, но хотел попробовать.

– Где же это... – пробормотал Карим, быстро листая блокнот.

Наконец он нашел, что искал.

«Для изготовления поисковика можно использовать капли крови, лимфы, слюны и любой другой физиологической жидкости. Во-первых, нужно поместить каплю физиологической жидкости на гладкую поверхность...», – прочитал Карим.

Это он уже сделал.

«Для основного наполнителя воспользуйтесь гибким или текучим, но обязательно плотным материалом...»

Дальше шло подробное описание того, как и что надо делать с жидкостью и материалом, какие заклинания использовать, чтобы получить субстанцию, способную указать местонахождение искомого существа.

Карим задумался. Он прекрасно понимал, что настоящий поисковик – например, такую ползающую змейку, да еще и с антенной, какую сделали сатра, охотившиеся на Снежану, –

ему не изготовить никогда в жизни. Но принцип он уяснил.

Осмотревшись в поисках чего-нибудь подходящего, он увидел лежащий на полке над столом градусник. Ртуть! Чем не плотный текучий материал? Сатин взял градусник, вытряхнул из коробки лежавший на столе компакт-диск и в два счета переломил градусник пополам. Мелкие стеклышки посыпались в упаковку от диска, ни один ртутный шарик не выскочил.

Тут Карим сообразил, что поторопился: надо было куда-то поместить ртуть.

На подоконнике, между цветочными горшками, стояла пластиковая бутылка из-под воды. Мать принесла ее для того, чтобы поливать комнатные растения, но еще не успела проделать дырочки в крышке. Карим быстро отвернул крышку и положил на стол. Дальше надо было вылить ртуть в крышку и, быстро накрыв стеклом, кровью вниз, произнести заклинание.

Когда Сатин это сделал, раздался чуть слышный хлопок.

Он убрал стекло и увидел, что ртуть приняла форму разорванного круга.

Карим знал, что поисковики могут выглядеть совершенно по-разному, но суть у всех одна: они указывают направление в ту сторону, где находится объект, частица которого использована при их создании.

Карим повернулся на девяносто градусов. Ртутное кольцо тут же изменило положение, и «вырез» сместился в ту же сторону, куда был направлен вначале.

– Сляпано на уровне табуретки, но, что удивительно, работает, – сказал себе Сатин.

Тут он вспомнил про мобильник и на всякий случай воткнул его в сеть – узнать, кто звонил. В «неотвеченных» обнаружился номер Снежаны. Карим быстро набрал его, она тут же отозвалась.

– Ты жив? – закричала маах`керу так, что ему даже пришлось отнять трубу от уха. – Я еду к тебе. Ты где?

– Да жив я, все в порядке. Что случилось?

– У меня ничего, с тобой-то что? Амулет среагировал, но как-то невнятно. Я уж думала... – Голос ее прервался.

– Да ты что? – как можно более спокойно сказал Карим. – Все хорошо, не волнуйся. Так ты меня спасать едешь? Не нужно, честное слово. Тут один хмырь на меня пытался напасть, но я его отделал. Все в порядке, клянусь тебе. Так что возвращайся домой и жди моего звонка. А я сейчас немножко занят, извини.

– Дейвона! – возмущенно закричала Снежана.

– Ну правда, правда очень занят. Спасибо, моя хорошая, я тебе перезвоню. – Карим прервал связь.

Он действительно торопился: примитивные поисковики работают очень недолго.

Зажав крышку в ладони, Сатин зашагал в прихожую. В ответ на вопросительный взгляд матери сказал: «Потом, потом, позже, мам, очень спешу», – и осторожно выглянул на лестницу.

Когда он вышел из подъезда на улицу, разрыв круга опять переместился. Сатин задумался: если он попытается воспользоваться машиной или даже городским транспортом, следить за направлением поисковика будет очень сложно.

Ничего не оставалось, как идти пешком с замороженным навигатором в руке. Пока ртуть указывала в сторону центра. Здравый смысл требовал хотя бы сообщить магам из клана, что он сейчас движется туда, где находится предполагаемый враг.

Неплохо бы, чтобы кто-нибудь подъехал и подстраховал.

Но Карим не знал, куда в конце концов приведет его поисковик, да и хватит ли его ресурса для того, чтобы довести до места. Того, что эта штука может вообще не работать и вводить в заблуждение, Сатин тоже не исключал.

Он протопал мимо Ледового дворца и центра «Благовест» с бассейном, мимо парка Победы и по Солнечной аллее мимо института электронной техники. Карим пожалел, что не сел на автобус – расстояние было немаленьким, да и действие поисковика могло вот-вот

прекратиться.

Потом пришлось свернуть в лес.

Пока Сатин шел, разрыв кольца чуть-чуть смещался то в одну сторону, то в другую. Но в целом было уже ясно: путь лежит в сторону девятого-десятого районов: снова Дворец творчества? Или дальше?

Тут Карим решился позвонить, но вспомнив, что толком не зарядил телефон, лишь быстро отстучал Кириллу Владимировичу:

«Двигаюсь с поисковиком в 9–10».

Ответного сообщения не было.

Выйдя из леса к площади Колумба, Карим увидел, что кольцо поисковика указывает не направо, в сторону Дворца творчества, а в направлении десятого микрорайона – прямо и чуть левее. Создавалось впечатление, что тот, кого Сатин ищет, был здесь, но направился дальше.

Он зашагал вдоль дороги мимо садоводческого товарищества «Трамвай» и в конце концов вышел к перекрестку, где располагалась автобусная остановка с недостроенным подземным переходом. Загорелся зеленый свет, Сатин уже собрался было перейти на ту сторону, в десятый микрорайон, к Школьному озеру, как вдруг поисковик дернулся и замкнул кольцо.

Это могло означать либо то, что он испортился, либо другое: искомый объект где-то в непосредственной близости.

Место здесь было не особо людное, жители особняков садоводческого товарищества не пользовались автобусной остановкой, и в данный момент никого поблизости не было. Вообще никого.

Походив вокруг остановки с пять минут – состояние поисковика не менялось, – Сатин все-таки перешел через дорогу и вновь взглянул на ртутное кольцо. Разрыв снова появился и указывал в обратном направлении. Карим вернулся в исходную точку – разрыв исчез, а еще через несколько секунд ртуть распалась на мелкие шарики – это означало, что заклинание больше не действует.

Плюнув с досады, Карим выбросил остатки поисковика в урну и зашагал назад к Дворцу творчества. Увидев фургон класса нанотехнологий, он, задумавшись на мгновение, направился прямо к нему.

Что-то странное было в том, что этот передвижной «практикум» стоит тут столько времени закрытый.

Карим приблизился к двери и, не долго думая, вышиб ногой замок.

Пошарив, нащупал на стене выключатель – вспыхнул неяркий свет.

Внутри были два отсека, разделенных перегородкой. В одном из них лежали три стенда. На них были разложены многочисленные детали, напоминавшие микросхемы. Во втором помещении он увидел несколько стеллажей вдоль стен и узкую передвижную койку со смятым одеялом. Окно, под которым располагалась кровать, покрывал полустертый слой пыли.

В самом углу Карим различил едва заметную надпись строчными буквами на этом слое: «дгеу». Причем, как ни странно, островок пыли вокруг этих букв остался нетронутым, а значит, вряд ли они являлись частью целого слова.

Потоптавшись еще немного и не обнаружив больше ничего интересного, Карим вышел из фургона. От досады, что никого не удалось найти, он пнул камень, и тот покатился по плиткам двора.

«Дгеу, – размышлял Карим, направляясь к калитке. – Что еще за дгеу? Странное слово»...

Он снова представил, как оно выглядит, начертанное пальцем на пыльном окне.

И остановился. Внезапно его осенило: вовсе это не «дгеу»! Это «grey»¹⁰!

¹⁰ «Серый» – (англ.).

Карим со всех ног припустил обратно к фургону.

Кто называет его серым? Кто предполагал, что Карим, возможно, придет сюда рано или поздно?

Это мог быть только Илья.

Карим ворвался в открытую дверь «передвижного класса нанотехнологий». Перевернул одеяло, отодвинул кровать. Под кроватью валялась крошечная бумажка. Сатин поднял ее.

Это оказался свернутый трубочкой билет на электричку Москва пассажирская – Крюково, купленный шестнадцатого апреля – как раз в тот день, когда они с Ильей ездили к Наблюдателям.

Значит, он не ошибся, Скоробогатова держали здесь! Но где искать его теперь?

С сильно бьющимся сердцем Карим вышел из фургона.

Прозвонил телефон, и Сатин поднес мобильник к уху:

– Да?

– Ну что там у тебя? – спросил Кирилл Владимирович. – Занят был, не мог перезвонить. Сейчас еду по Панфиловскому, где ты?

– Я иду к остановке у Дворца творчества. Никого не нашел, но кое-что обнаружил.

– Ну, значит, через пять минут встретимся там, дождись меня.

Дойдя до того места, где поисковик собирался в кольцо, Карим остановился и рассеянно оглядел незаконченный подземный переход.

Построен он был довольно странно. Обычно с каждой стороны от проезжей части под землю ведет лестница, они расположены друг напротив друга. Так было через дорогу, в десятом районе. Здесь же, рядом с автобусной остановкой, входы располагались не напротив, а почему-то перпендикулярно друг другу. Но на этом чудеса не заканчивались: одна из двух наземных частей – бетонный бортик – была очень длинной, с хорошим трехподъездным домом.

Карим подошел и перегнулся через бортик: вдоль него тянулся пандус – тоже не в меру длинный и очень неудобный для людей в инвалидных креслах – если предполагать, что он строился именно для них.

Сатин задумался. Альвы любят селиться под землей, это он знал точно, а ведь поисковик как раз на этом месте собирался в кольцо. Не значит ли это, что он не ошибся, правильно нашел дорогу и тот, кого он ищет, здесь, совсем рядом?

Карим отодвинул железную решетку, перекрывавшую спуск в тоннель.

Стоило, конечно, вести себя поосторожнее, но Сатин понадеялся, что вот-вот прибудет главный маг и в случае чего подстрахует. Он не спеша начал спускаться по пандусу. Оказавшись в темноте, Сатин включил подсветку телефона. Тот мигнул два раза и выключился.

В тоннеле было сыро и холодно, свет проникал только сверху, лампочки пока не вкрутили.

Карим разглядел впереди несколько дверей, должно быть, ведущих в подсобные помещения. Он подошел к первой и подергал за ручку, сам не зная зачем. Дверь, конечно, оказалась запертой.

Карим прошел еще пару шагов до следующей двери и снова потянул за ручку – то ли все еще на что-то надеясь, то ли просто для чистоты эксперимента. Каково же было его удивление, когда дверь подалась и за ней оказалось светло. Забыв про осторожность, Сатин шагнул в открывающийся проход...

И тут же получил по голове чем-то тяжелым.

На сей раз Карим не видел долгих сновидений.

Он шел в крошечной темноте, держась рукой за холодную шершавую стену. Вероятно, по длинному коридору с низким потолком – Карим едва не касался его головой.

И тут впереди, в полной тьме, что-то вспыхнуло, а в следующую секунду Карим почувствовал, как пол уходит из-под ног...

– О, очнулся, вы гляньте! Не прошло и года. Давай, серый, очухивайся, без тебя скучно.

Голос принадлежал... Илье!

Карим с трудом открыл глаза.

Голова гудела, словно в нее вдруг взяли и поместили целый улей пчел. Или рой шершней. Перед ним на стуле действительно сидел Скоробогатов – живой и здоровый, только небритый.

– Ну слава тебе, господи. А то я уже начал думать всякую муть...

– Илюха! Живой!

Карим резко поднялся на локте, но шершни в голове тут же возмущенно загудели. Перед глазами расплылись розовые круги.

– Ух ты... А что было-то? – пробормотал Карим.

– Да дудуктив был, – охотно пояснил Илья. – С боевиком вместе. Боевик начался с того момента, как ты просунул голову в дверь. Тут Танцор, который меня стерег, и саданул тебя по башке. Причем прилично так приложил, даром что «голубой»...

Но Карим почти не обратил внимание на объяснения.

– Как же я рад, что ты жив, – пробормотал он. – Я чертовски рад...

– Ну а что ты думал: я на дне Школьного озера валяюсь, что ли? Так не дождетесь.

Карим осторожно сел.

Каморку, где они с Ильей сидели, освещала одна лампочка, свисавшая с потолка. Посредине стоял квадратный стол, накрытый клеенкой, на столе высилась пачка одноразовых картонных тарелок и несколько запечатанных в полиэтилен пластиковых стаканов. На полу лежал кусок ковролина. Стены были обшиты панелями.

А сам Карим лежал – точнее, уже сидел – на раскладушке.

– Уютно ты устроился, я смотрю, – пробормотал Сатин.

– Почему бы и нет? – пожал плечами Илья. – Али я не человек? – Он подмигнул.

Дверь отворилась, и вошел Кирилл Владимирович.

– О, с добрым утром, – усмехнулся он. – Голова не болит?

– Гудит, – признался Сатин.

– Тебе еще повезло, что я рядом был. Когда подъезжал к остановке, успел заметить, что ты возле перехода крутишься. Не мог понять, зачем ты туда полез. Оказалось – не зря полез. Только вот по черепу получил...

– А где... А кто меня так приложил? – спросил Сатин, потирая ушибленную макушку.

– А вон, орел...

Главный маг кивнул в угол, и только сейчас Карим заметил связанного по рукам и ногам альва, обмякшего на полу.

– Я не виноват, это не я. Меня заставили! – забормотал незнакомый Кариму Танцор, вытаращив большие испуганные глаза. – Я не хотел...

– Ладно, рассказывай! – фыркнул Кирилл Владимирович. – Заставили его, как же. Ты нам сейчас все как на духу выложишь, иначе...

– Я расскажу. Я все расскажу, – заторопился альв. – Мне скрывать нечего.

Дверь снова отворилась, и вошел Матвеев. Он притащил огромный термос с чаем и пакет бутербродов с колбасой.

– Сидите? Ну-ну. Сидите-сидите, воркуйте. Голубки. – Он стал раскладывать еду по картонным тарелкам, потом разлил в пластиковые стаканчики чай.

– Илюха, там твои с ума сходят, – опомнился Карим. – Надо позвонить бы...

– Спohватился! – хмыкнул Илья. – Я уже всех обзвонил.

Скоробогатов взял со стола один из стаканов и сунул Кариму:

– Пей, серый. Отходи. А то какой-то ты тормознутый.

– А здорово ты придумал с «греем», – вспомнил Сатин, машинально отхлебывая из стакана.

– Я не очень-то на это надеялся, – признался Илья. – Как ты меня нашел-то?

– Поисковиком. Точнее, я не тебя искал, а вот его... Он напал на меня в подъезде, а я из его крови сделал ртутный поисковик. Ни разу раньше не делал – а вот получилось.

– Это не я, это не я, – заверещал альв. – Это Синуулаатон. Я лишь выполняю приказы.
– Не ври, – строго сказал Матвеев. – Если бы это был не ты, поисковик не привел бы к тебе.

– Синуулаатон был здесь, – сказал альв. – Он ушел за пять минут до того, как вы появились.

– Это правда, – вставил Илья. – Был тут тот самый хмырь, в серой куртке. Помнишь, Карим? Примчался, что-то буркнул этому и умотал тут же.

– И где этот ваш... Лаокоон? – вмешался главный маг. – Где он сейчас, а? Отвечай.

– Я не знаю, – альв опустил голову. – Наверное, все убежали... Синуулаатон сказал: скоро будет всем плохо, надо уходить.

– Интересно. А тебя чего ж оставили? Пленника стеречь?

– Угу, – печально ответил альв. – Сказали, если за ним придут – отдай. Но не объяснили – кто. А я очень боялся, что придут Наблюдатели, или Часовщики, или джинна – и убьют меня. Или так убьют, издалека. Я очень боюсь энвольтации на смерть...

Еле-еле выпив половину чая, Карим поставил стаканчик на стол – есть не хотелось совершенно: подташнивало.

– Может, «анальгин»? – понял Илья.

– Энергии мало, – тихо ответил Карим. Ему мучительно хотелось спать.

– Так чего ж ты молчишь, серый? Давай подзаряжу! Меня тут держали в каком-то коконе, колдовать не мог. Зато весь запал сохранился, – похвастался Илья.

Он сел рядом с Каримом на раскладушку и, положив ему руки на плечи, сосредоточился. Сначала Сатин ничего не почувствовал и даже подумал, что не получилось. Но постепенно появилось и стало нарастать ощущение теплоты, исходившее от рук Ильи. Теплота очень быстро переросла в покалывание, а затем в ощутимую боль, расползшуюся по всему телу.

Кариму казалось, что через него прогоняют электрический ток.

Наконец Скоробогатов опустил руки.

– Ну как? – поинтересовался он. – Может, достаточно? А то наэлектризую, будешь как эбонит притягивать мелкие бумажки.

– Достаточно, – морщась, кивнул Карим.

– Теперь, «анальгин»?

– Пожалуй.

Пока Карим лечил голову, два дейвона и Илья что-то оживленно обсуждали, и Сатин даже подивился, как быстро они нашли общий язык.

– Так, – сказал Кирилл Владимирович, когда маги закончили совещаться. – Рома, рассылай гонцов во все концы, как говорится. Пусть попробуют перехватить альвов. Ленинградка, Пятница, все возможные направления. Хотя, скорее всего, поздно уже, да и темно. Черт! Гнаться за ними, особенно по «Дороге смерти», без фонарей... Но вдруг повезет? А этот Аполлон нам сейчас все подробно расскажет от начала и до сего момента.

«Дорогой смерти» назывался участок Пятницкого шоссе между Зеленоградом и Химками, где дорожное освещение отсутствовало полностью. Аварии случались там очень часто, но автомобилисты все равно охотно пользовались этим путем до Москвы: меньше пробок.

Роман убежал поднимать других дейвона, а альв, так и не назвавший своего имени, ограничившись прозвищем – Пискун, принялся рассказывать.

Где-то полтора месяца назад к Синуулаатону явился кто-то из местных Часовщиков. Нет, Синуулаатон не Верховный альв, но фактически за главного, верховный очень стар и большую часть времени проводит в медитации и созерцании, дела этого мира его мало интересуют.

Пискун даже не был уверен, что Верховного ввели в курс дела.

Часовщик наобещал с три короба всяческих благ для альвов, если они совместно с ним провернут некую операцию.

«Вы получите энергию и мощь, сможете творить такое, что ранее не могли», – сказал «желтый».

Что за операция, Пискун не знал, знал только, что для участия в ней надо ехать в Москву.

Синуулаатон согласился и задействовал практически всех членов зеленоградской колонии. В стороне остались только он, Пискун, один альв-музыкант из Дворца творчества да с десяток молодых альвов послабее. Ну и Верховный, вероятно. С этого момента Танцоры Зеленограда начали активно запасаться энергией.

Старшие колонии говорили: «Грядут тяжелые времена», и запрещали трепаться с чужаками. Было заряжено много амулетов, а также применены другие способы, о которых знают только альвы и о которых он, Пискун, не расскажет даже под пытками – тут альв изобразил из себя гордого подпольщика в руках злобных фашистов.

На это Кирилл Владимирович махнул рукой, заверяя, что знает он эти альвовские ухищрения, «но для дейвона они не годятся все равно», а остальное его не волнует.

Двадцать восьмого марта, накануне того злополучного дня, Синуулаатон со всеми альвами отбыл в Москву. Что там произошло – неизвестно. Но вернулись все они оттуда совершенно другими существами, очень агрессивными и, как показалось Пискуну, несколько не в себе.

С этого момента в зеленоградской колонии Танцоров началась совсем другая жизнь. Альвы, обычно тихие и спокойные, принялись готовить чуть ли не вооруженное восстание: по крайней мере, собирались группами, печатали листовки и пели революционные песни, и даже вступили в союз с местными коммунистами.

– Против кого восставать-то собирались? – поинтересовался Кирилл Владимирович. – Чего вам не хватало?

– Ну как же! – в голосе альва промелькнуло благородное негодование. – Против чиновников! Против произвола властей! Против создания невыносимых условий для работы! Против низких зарплат, против...

– Понял, понял, – замахал руками Кирилл Владимирович. – Это все?

– А разве мало?

– Но ты-то... Вот лично ты. Не участвовал же в... скажем так, московском ритуале. Ты тоже протестовал против произвола? Раз так горячо поддерживаешь.

– Я – нет, – стушевался альв. – Я только... душой я с ними, но митинги... нет, это не мое.

– А что ты можешь рассказать про источники? – вмешался Карим.

– Источники... Источник погас, но мы были готовы. Мы поняли, насколько мудрыми и прозорливыми были наши старшие, предусмотревшие, что так может случиться. Не зря, как оказалось, были сделаны все приготовления. Другие кланы так хорошо подготовлены не были. Некоторые даже приходили к нам, просили продать энергию. Ну вот слаш, например.

– Слэш? «Черный» просил вас продать амулет? – недоверчиво протянул Кирилл Владимирович.

– Ну да. Ему срочно понадобилось что-то сделать, а источник-то приказал долго жить... Но мы отказали. Самим едва хватало.

– А Часовщики? Что с Часовщиками? – нетерпеливо спросил Сатин.

– С «желтыми» какие-то дела у Синуулаатона, – нехотя признался альв. – Я абсолютно не в курсе. И думаю, что и остальные, кто не принимал участия в их заговоре, тоже в полном неведении.

– Кирилл, а ведь пока мы тут заседаем, Часовщики тоже разбегутся. Может, надо бы...

– Да у меня дейвона на всех не хватит! – возмутился главный маг. – Еще и к каждому «желтому» приставлять по «серому» – ты что, смеешься? Мало мы Танцоров этих пасем.

– А может, кого-нибудь подключить? Тех же людей из «Позитрона»... Позвоните матери клана, она еще не вернулась?

– Москву попросите помочь, в конце концов, – вставил Илья. – Там же маги тоже

заинтересованы в связи со взрывами. Кстати, я так и не понял: если зачинщики – ваши Часовщики, то зачем они взорвали Московское метро?

Тут у Кирилла Владимировича зазвонил мобильник.

– О, мать прибыла. Легка на помине. Слушаю, почтенная! – сказал он в трубку.

Пока начальство клана долго и эмоционально совещалось, Карим смог наконец поговорить с Ильей. Сатин рассказал о разговоре с Амуровым, драке с альвами и о том, как снимали иллюзии с источника маах`керу.

– Как у тебя со Снежанкой-то? – перебил Скоробогатов, услышав про маах`керу.

– Порядок, – заверил его Карим.

– Н-да? Завидую... – многозначительно протянул Илья. – А я вот...

Но тут вмешался Кирилл Владимирович, закончивший разговаривать с матерью клана:

– Прекращаем базар. Мать хочет немедленно снять иллюзии с источников и пригласить соседей, чтобы все это видели.

– Так время-то к полуночи! – воскликнул Карим.

– Ну что поделать, – вздохнул Дориченко. – Я пытался спорить, но начальство не переубедишь.

Ярко-синяя «пятерка» с буквой «У» на крыше двигалась по Панфиловскому проспекту в сторону площади Юности. Между Каримом и Ильей на заднем сиденье находился пленный альв, вел машину Кирилл Владимирович. Направлялись к своему источнику, что располагался в небольшом круглом фонтане на площади.

Отзвонился Матвеев, не без досады доложил, что ни одного альва задержать не удалось.

– Может быть, попросим приехать хотя бы тех, кто остался? – с сомнением предложил Карим.

– Скажи-ка, друг любезный, Пискун, – заговорил Кирилл Владимирович, не отрывая глаз от дороги, – кто из не ударившихся сегодня в бега – маги? Есть такие?

– Есть, – с готовностью отозвался Пискун. – Ингуараон и я.

– Понятно. Ну что ж, на безрыбье...

Когда автомобиль подъехал к площади Юности, Карим увидел, что тут немало народу. Ярко горели фонари, и Сатин разглядел мать клана и еще двоих дейвона, Дениса – старшего мага-сатра, нескольких людей и двоих Наблюдателей, похоже, из разных орденов.

Как только Кирилл Владимирович, Илья и Карим вышли из машины, подкатил Матвеев на зеленой «десятке». Он привез Ингуараона – того самого музыканта из хореографического кружка.

Маги, до этого что-то бурно обсуждавшие, замолчали и дружно уставились на вновь прибывших.

– Ну здравствуй, здравствуй, Карим, – сказала мать клана. – Вижу, ты сумел многое узнать. Молодец, мальчик! Не зря ты один из наших сыновей. А это твой друг «коричневый»?

– Да, почтенная мать.

– Наслышана, что и он многое сделал, чтобы найти причину того, что произошло с источниками.

– Да, почтенная мать. Он даже пострадал из-за этого.

– И это знаю, – кивнула мать клана. – Твой друг будет вознагражден.

– Благодарю, почтенная мать, – вмешался Илья. – Но мне ничего не нужно.

– Бескорыстие и скромность – это хорошо, но к месту. Ты, Карим, можешь вернуться в город и в клан.

После этого она словно забыла об Илье и Кариме и начала что-то вполголоса обсуждать с Кириллом Владимировичем.

Совещание не заняло много времени. Потом мать клана, Кирилл Владимирович и Денис создали внушительных размеров «полог», чтобы скрыть и фонтан, и всех собравшихся.

Как только дело оказалось сделано, мать клана заговорила:

– Почтенные! Как вы все уже знаете, на наш источник и, предположительно, на ваши источники тоже наложены искусно выполненные иллюзии. Сейчас мы вместе попытаемся их снять. К сожалению, магов, которые наложили это заклинание, нам... заставить в городе не удалось. Попробуем обойтись своими силами. Будем уповать на то, что наш источник значительно менее мощный, чем колодец маах`керу в Москве, и поэтому иллюзии на нем тоже менее плотные. Считаю необходимым сообщить, что на время проведения нашего мероприятия уважаемый Теодоракес позволил мне и Кириллу подключиться к колодцу на Черном озере. Прошу вас, Денис, вас, Ингуараон, начинаем. Если еще кто хочет помочь, мы не будем против...

– Я думаю, стоит задействовать и вот этого парня, – Кирилл Владимирович указал на Илью. – Он прекрасно шарит в иллюзиях, к тому же не отключен.

Скоробогатов покраснел.

– А расстояние? – быстро спросил Карим.

– Приближается к ста километрам, честно говоря, – засмеялся Скоробогатов. – Но ничего, мне хватит.

Маги встали с разных сторон от колодца. Конечно, у них не получилось создать замкнутый контур, как это делали альвы на территории ВВЦ, но Карим подумал, что наверняка можно обойтись и без этого. Решивший помочь «бесцветный» извлек из кармана короткий черный жезл с набалдашником.

Ингуараон завернулся в густой непроницаемый туман, Денис воссоздал в воздухе что-то, напоминавшее клубы пара, из которых образовалось призрачное дерево с длинными ветвями. Мать клана закрутила черную воронку вихря, Наблюдатель принялся шевелить черным жезлом, а Кирилл Владимирович и Илья начали что-то шептать, один погромче, другой потише.

Потом маги одновременно подняли руки и застыли в неподвижности.

Такого облака, как было у альвов на ВДНХ, Карим не увидел. На мгновение над источником появилась тончайшая пленка в виде купола, но тут же лопнула, не все успели ее заметить. А вот открывшееся заклинание увидели абсолютно все, одновременно – точно такая же, как в парке ВВЦ на источнике в фонтане «Дружба народов», решетка из светящихся лучей.

– Итак, почтенные, – тяжело отдуваясь, сказала мать клана. – Заклинание есть, мы все его отлично видим, и, по имеющимся у нас данным, наложено оно, предположительно, гр-хч-сг-от...

– Прошу прощения, уважаемые, – вмешался Наблюдатель, принимавший участие в ритуале. – Ответственно заявляем: это заклинание совершенно точно наложено гр-хч-сг-от. Почерк желтой сферы.

Мать клана выглядела слегка удивленной.

– Вы ручаетесь, почтенный?

– Да. Позвольте не разглашать наши профессиональные секреты, но гарантии мы готовы дать: здесь поработали Часовщики.

– В таком случае, чего же мы ждем? – вмешался Кирилл Владимирович. – Надо срочно притащить сюда кого-нибудь из Часовщиков! Кто из вождей обитает поближе? Схватить за шкурку и сюда!

– Увы, – бесстрастно заявил тот же Наблюдатель. – Скорее всего, мы опоздали. Сегодня с утра нам, ордену Изумрудных Крыльев, не удалось обнаружить ни одного обладающего властью или магической силой Часовщика в местах их обычного пребывания. Жилища брошены.

– Ух ты. Вот так новость! – пробормотал Карим.

– Так чего же вы молчали, почтенные? – нахмурилась мать клана.

– Не было необходимости поднимать панику раньше времени, – парировал Наблюдатель. – В том, что на колодцах лежит заклинание, вы все, уважаемые, убедились

только сейчас. Знакомить магов города с результатами наших исследований раньше этого срока не имело смысла: наши обвинения выглядели бы голословными и, скорее, казались бы попыткой оклеветать гр-хч-сг-от.

– Вот так завернул, – пробормотал Илья.

– Наблюдатель же, чему удивляться. Все у него логично и своевременно, не в ущерб себе, – в тон ему отозвался Карим.

– И все же мы попытаемся отыскать хоть кого-нибудь... – заявила мать клана.

Теодоракес пришел на службу раньше обычного, проработал до вечера в каком-то лихорадочном возбуждении, то и дело вздрагивая от накатывавшего волнами тревожного предчувствия, и ближе к вечеру совершенно выбился из сил.

Не успел он подняться из-за стола, чтоб ехать домой, как вошла Вероника.

– Шеф, вас префект вызывает.

Теодоракес вздрогнул. Префект никогда не вызывал его через секретаршу – всегда приглашал лично. Поднявшись, он, полный самых мрачных предположений, направился в кабинет начальника.

Префект сидел за столом, протирая очки пылеотталкивающей салфеткой.

Когда заместитель вошел, он водрузил очки на нос и пристально уставился на него.

– Садитесь...

Префект был далек от мира за Пеленой и понятия не имел, с кем ему приходится работать.

– К сожалению, вынужден признать, что наш с вами тандем не сложился, – начал он. – В округе слишком много недовольных, это показал недавний митинг. Не надо было вообще устраивать его, я ведь вас предупреждал. Ваша инициатива до добра не довела.

Теодоракес опешил: идея с митингом принадлежала вовсе не ему, а самому префекту.

Как ловко он все перекроил!

– Кроме того, до меня дошли слухи о не очень хорошем судебном слушании дела конструкторского бюро «Горизонт». Рейдерство это, знаете ли, совершенно нам ни к чему. Тень брошена на всю администрацию округа.

– Но... я могу объяснить. Все не так!

Теодоракес никак не ожидал, что префект соберет в кучу все его грехи.

– Это не важно. Не важно. В последнее время в городе стало неспокойно. Думаю, что вы не справляетесь с теми задачами, которые были возложены на вас вместе с вашей высокой должностью.

Теодоракес не находил слов для ответа. Как? Почему? Почему именно сейчас, что случилось, кто пожаловался на него? Он терялся в догадках.

– Я бы рекомендовал вам оставить пост. Подумайте над этим. Хорошо?

– Ладно, – буркнул глава зеленоградских Акалонов и на ватных ногах вышел из кабинета.

Рас-Сел заглянул к себе в Кутузово буквально на минуту.

Он давно понял, что дело с источниками близится к финалу, и был готов к тому, что рано или поздно за ним придут.

Рюкзак, приготовленный на случай внезапного бегства, лежал всегда на виду, дела были доделаны, связи оборваны. Можно было дать деру раньше, не дожидаясь развязки, – все, что мог, он уже сделал, остальное зависело от других участников затеянного им представления. Но Рас-Селу очень хотелось досмотреть его если не до конца, то хотя бы до того момента, пока он жив.

В последние дни Часовщик скрывался в одном из приготовленных заранее убежищ, но сегодня вернулся в старый дом, чтобы забрать и перепрятать одну вещь. Он хотел даже оставить ее – для того чтобы кто-то из магов обнаружил, прочитал и узнал истину. Но теперь передумал – не было никаких гарантий, что ценная информация попадет в нужные руки. Уж лучше пусть не достается никому.

От энвольтации на смерть Часовщик застраховался всеми возможными способами:

запасся защитными амулетами, личные вещи и фотографии старался нигде не оставлять. Если бы пришлось в спешке покидать место, где он сейчас прятался, Рас-Сел тут же устроил бы пожар, чтобы уничтожить любые следы своего пребывания.

Хотя все эти предосторожности не имели особого смысла. Все равно смерть не сегодня-завтра наведается к нему. Ведь Часовщики живут недолго, гораздо меньше, чем люди.

Как бы там ни было, умирать мучительной смертью от рук врагов не хотелось.

Кутузово Часовщик заблаговременно окружил особой сигнализацией, на случай войны он запасся оружием, парочкой устройств типа дымовых шашек, способных сбить противника со следа. А главное – он добыл «крест верог», хотя и очень старый, так что была опаска, что тот рассыплется раньше времени.

Рас-Сел до последнего времени был уверен, что найдется маг, способный понять суть его замысла, и в том случае, если его, Рас-Села, уже не будет в живых, сумеет помочь городу. Он очень надеялся, что тот, кто догадается о причине «уничтожения» источников, успеет прийти сюда, и очень хотел, чтобы это оказался кто-то не из «бесцветных».

Когда Рас-Сел находился в своем доме, сигнализация сообщила, что с разных сторон к нему приближаются трое: два Наблюдателя из Изумрудных Крыльев, решивших проникнуть в деревню со стороны центра города, а также джинна, двигавшийся по Пятницкому шоссе со стороны Москвы.

До их появления около дома оставалось не более пяти минут.

Часовщик заработал мозгами: бежать, устроив пожар? Он успеет, но нет никаких гарантий, что по его следу не будет тут же отправлено поисковое заклинание.

То, что «бесцветные» не трогали его до сих пор, могло говорить о разном, но, скорее всего, они надеялись получить дневники. Наблюдатели уже были здесь, в Кутузово, но ничего не нашли. Если они решили вернуться – значит, либо о чем-то пронюхали, либо засекли его самого.

Рисковать не имело смысла, разумнее было вывести из строя потенциальную погоню.

Рас-Сел вскинул на спину рюкзак, достал пробирку с кровью Маркарова-старшего, «крест верог» и стал ждать.

Часовщик держал пробирку в одной руке, а крест – в другой, краем глаза поглядывая на подходивших к дому «бесцветных» в приоткрытую дверь. Через окно он мог видеть спешившего джинна. В обиталище Рас-Села не имелось второго этажа, но был крошечный чердак, на котором даже Часовщику приходилось сгибаться в три погибели. Туда вела обычная стремянка, а на крышу выходил люк.

На то, чтобы пройти этим путем, хозяин дома потратил не больше минуты.

Наблюдатели и джинна увидели друг друга одновременно, и на мгновение приостановились. Рас-Сел капнул из пробирки на каменный крест и метнул его с крыши. Кубарем скатился вниз и бросился бежать. Через четыре секунды позади раздался взрыв.

...Рас-Сел несколько не сожалел о том, что сделал: они сунулись к нему сами, он чужаков к себе не звал.

Глава 17

Карим наконец-то спал дома в своей постели и снов не видел.

Поднялся рано, быстро умылся и собрался заглянуть на работу. Хотя две недели отпуска еще не истекли и он имел законное право бездельничать, Карим решил хотя бы просто наведаться, узнать, как там дела – сил больше не было терпеть вынужденную разлуку с отделением, которое давно уже стало вторым домом.

Отец уже ушел на завод, мать тоже куда-то отправилась, и Сатин собирался в гордом одиночестве.

Выйдя из дома, он обнаружил, что потеплело.

Почки всего за ночь набухли, зеленая трава всю лезла из согретой солнцем земли, птицы очумело кричали на ветвях деревьев. Приближался май, но у Карима май уже был в

душе, несмотря на то, что заклинания с источников города все еще не были сняты.

Однако эта проблема в данный момент занимала Сатина не очень сильно, поскольку он решил позвонить Снежане.

– Привет, дейвона, – услышал Карим в трубке ее звонкий голос. – Ну, как успехи? Нашел «злобного гнома»?

– Нет, – признался Карим. – Не нашел. Но мы работаем в этом направлении. Как танцы?

– Танцуются, – ответила маах`керу. – Мне без тебя скучно, приезжай!

– Снежаночка, не могу я пока. Надо добить это дело.

«К тому же мне завтра неплохо бы выйти уже на работу», – подумал он, но вслух говорить не стал: обидится еще.

– Так я и знала, дейвона Карим, – недовольно протянула девушка. – Теперь тебя оттуда не выманишь.

– Но ты же можешь приехать ко мне, – сам того не ожидая от себя, выпалил Сатин.

– Ты правда этого хочешь? – с подозрением спросила маах`керу.

Карим задумался: а действительно, хочет или не хочет?

Он помнил, как впервые увидел Снежану в приемном отделении на каталке. Потом – как делал ей операцию. Как они вместе спасались от сатра и как из-за этого его выгнали из города. А потом было еще много всего другого. И самое главное, ему не хотелось, чтобы все это прекращалось.

– Правда хочу. Приезжай! Я тебя с моими познакомлю.

– С твоими дейвона? Да я их боюсь! – воскликнула девушка.

– С моими родителями, глупышка. Я серьезно: приезжай. Когда тебя ждать?

В трубке молчали, слышалось тихое хмыканье, очевидно, Снежана размышляла.

– А если я сегодня припрусь, не пожалеешь?

– Конечно, нет. Скинь эсэмэску, и я тебя встречу.

В отделение Карим заявился перед самой пятиминуткой и, не стучась, распахнул приоткрытую дверь кабинета заведующего.

– Ба, ординатор наш пожаловал, на целые сутки раньше, – сказал начальник, пребывавший, как и в то утро, когда Карим писал заявление на отпуск, в благодушном настроении. – Не выдержал, совесть заела? – заведующий рассмеялся.

– Да, именно так, – улыбнулся Карим. – Не смог усидеть.

– Зря, надо было сидеть. Все равно работать не с кем, анестезиологи поувольнялись, медсестер не хватает. После майских отправим тебя на учебу, чтоб не мелькал тут.

Карим не смог понять, шутит заведующий или говорит серьезно.

Он вышел из кабинета и направился в ординаторскую. Народ как раз стекался туда: кто-то после бурной ночи, кто-то со свежими силами из дома. Все кивали Кариму, будто он и не пропадал на две недели, а расстались с ним только вчера.

У окна в коридоре Сатин увидел Сет-Лану.

Она стояла и смотрела на него, и это было не совсем обычно. Чтобы эта медсестра вот так, ничего не делая, стояла у ординаторской, вместо того чтобы бежать на летучку, или в палаты к больным, или на пост за лекарствами, или в перевязочную – он не видел ни разу за все годы работы с ней. Но сейчас Часовщица не спешила заняться чем-то привычным, так что сомнений не было: она ждала его, Карима.

Сатин подошел к девушке и, улыбнувшись, поздоровался. Она осталась совершенно серьезной и протянула ему запечатанный белоснежный конверт без единой надписи.

– Это мне? – удивился Сатин и взял письмо. – Точно мне?

Сет-Лана молча кивнула, а потом, вместо того чтобы пойти в ординаторскую, зашагала к лестнице.

– Погоди, а от кого? – крикнул ей вслед Карим.

Но она уже исчезла из виду.

Прислонившись к подоконнику спиной, Карим осторожно надорвал конверт. Там

обнаружился узкий листок почтовой бумаги с одной только строчкой: «Если хочешь что-нибудь узнать, приходи сегодня в десять к хоспису. Один».

Карим вздрогнул – уж слишком мрачным выглядело это послание.

По коридору спешил заведующий – на летучку.

– Александр Сергеевич, – окликнул его Карим. – Светлана сегодня работает или сменилась?

– Светлана, к сожалению, уволилась, – развел руками заведующий. – С сегодняшнего дня не работает. Так что остались мы...

– Как – уволилась? – растерялся Карим. – Я ее только что в халате видел...

– М-да? Странно. Вчера еще забрала вещички. Вроде место получше нашла. Ну что тут удивительного?..

Заведующий прошагал в ординаторскую, а Карим так и остался стоять посреди отделения, пытаясь осмыслить услышанное. Уволилась лучшая медсестра! Невероятно.

Он вытащил мобильник и взглянул на время. До предполагаемой встречи оставалось чуть меньше часа. Карим набрал номер Дориченко.

– Это Сатин. – Карим отошел подальше от ординаторской, чтобы никто не мог намеренно или случайно подслушать разговор. – Наша медсестра передала мне только что странное послание. Просит явиться в десять к хоспису, чтобы сообщить какую-то информацию. Но я должен прийти один.

– погоди, кто просит, что за медсестра?

– Письмо без подписи. А медсестра – «желтая».

– «Желтая»? – Кирилл Владимирович чуть не задохнулся. – Она там, рядом?

– Нет, она только что ушла.

– Так чего ты стоишь, догони!

– Боюсь, поздно. Как всегда, я туго соображаю. Но если б знал, что она уволилась, не отпустил бы.

– Да, крайне глупая ситуация. Но ничего теперь не поделаешь, – пробурчал Кирилл Владимирович. – А хоспис, это ведь напротив шестнадцатого? Там открытое место, все хорошо просматривается... – он сделал паузу. – Нет, одного тебя нельзя отпускать, никак нельзя. Дай подумать... Сделаем так. Мы приедем с ребятами чуть раньше и будем тебя ждать у корпуса «шестнадцать-двадцать». Я даже «пятерку» брать не буду, чтоб не светиться, возьму «десятку» зеленую, она не примелькалась. А ты приходишь себе к хоспису, встречаешься с кем там надо, но если заметишь опасность, поднимай правую руку, это будет для нас сигналом.

– Хорошо, так и сделаю.

Здание хосписа было построено несколько лет назад приблизительно в то же время, что и новый роддом. Карим не раз задумывался: то ли это ирония властей, то ли случайное совпадение. Скорее всего, ни то, ни другое – просто типовой проект модернизации. Выглядел хоспис вполне благообразно, на больницу совершенно не походил. Полукруглое, со стеклянными дверями здание – скорее его можно было принять за какую-нибудь контору.

Разве что место – за пределами жилых районов, да рядом постоянно парковались один-два ритуальных автобуса.

Карим подкатил со стороны двадцатого микрорайона, поставил «Мерседес» у входа и вышел из машины. Не заметил поблизости ни других автомобилей, ни людей, ни нелюдей – вообще никого и ничего, зато через дорогу, в тени жилого корпуса «шестнадцать-двадцать» мелькнула зеленая «десятка».

Это несколько успокоило Карима: по крайней мере, свои поблизости.

Заняв наблюдательный пост, Сатин принялся ждать, но как ни вглядывался он в проезжающие мимо машины, как ни старался не дать застать себя врасплох – появление Часовщика все равно пропустил.

«Желтый» вырос рядом с ним неожиданно, как из-под земли.

Это был не Рас-Сел, а другой, незнакомый Часовщик, помоложе, с очень хмурым

взглядом.

– Карим Сатин? – спросил он тонким голосом.

– Да.

– Следуйте за мной.

– А куда мы идем?

Часовщик исподлобья взглянул на Карима:

– Тебе нужна информация или нет, серо-коричневый?

Так Карима еще никто не называл.

И хотя обращение «серо-коричневый» отражало суть, напоминая лишь о том, что Сатин – полукровка, оно ему не понравилось.

– Ух... ты, – растягивая слова, ответил Карим. – Ну, допустим, нужна. Но при этом мне хотелось бы еще остаться в живых и по возможности обойтись без травм.

– Не бойся, серо-коричневый. Ты останешься целым и невредимым. Кто-то же должен донести сведения до остальных. Идем.

«Часовщик» повернулся к Кариму спиной – как видно, ничего не опасаясь, и зашагал в сторону поселка Андреевка.

– До кого это «до остальных»? – спросил Сатин на ходу.

– До других «серых», других «коричневых» и до «фиолетовых» с ВДНХ, – терпеливо разъяснил Часовщик. – Остальные сами сообразят.

«Ух ты! Вот, значит, как. На меня возложена просветительская миссия. Ну что ж, я не против», – подумал Сатин.

– Ты ведешь меня к Рас-Селу? – спросил он у Часовщика.

– Ты слишком скор и любопытен, – отозвался «желтый». – Терпение, и все узнаешь. И твои друзья – те, что караулят через дорогу напротив, могут не волноваться. Мы вернем тебя в целости и сохранности.

Часовщик привел его к небольшому стадиону, находившемуся недалеко от школы поселка Андреевка.

Стадион был порядком раскурочен и требовал если не сноса, то, по крайней мере, капитального ремонта. Ничего удивительного в этом не было – Москва осталась через дорогу, в пятнадцатом-шестнадцатом районах Зеленограда. Здесь начиналась область, Солнечногорский район, и отношение властей к благоустройству было другим, да и финансирование – тоже.

Часовщик полез на стадион прямо через полуразвалившуюся ограду.

Карим направился следом и оказался в окружении целой толпы «желтых».

– Ух ты, черт! – вырвалось у Сатина.

– Не бойся, серо-коричневый, – пропищал Часовщик-поводырь. – Мы ничего тебе не сделаем. Считай, что это почетный эскорт. Только сначала тебе нужно завязать глаза. Поверь, так лучше. Нам спокойнее, а тебе и твоим друзьям меньше хлопот. И отдай свой мобильный телефон. Если не хочешь отдавать телефон – отдай аккумулятор. Потом тебе все вернут.

– А если я не соглашусь завязать мне глаза, что тогда? – осторожно поинтересовался Сатин, отдавая мобильник.

– Тогда мы расходимся, и ты просто ничего не узнаешь. Но и никто больше ничего узнать не сможет, – решительно заявил Часовщик-поводырь.

Остальные молчали, во все глаза разглядывая Карима.

Сатин с полминуты колебался. С одной стороны, ему все это не нравилось. С другой – вон их тут сколько. Хотели бы убить – уже сделали бы это. Да даже раньше можно было – прямо у хосписа, и без церемоний.

– Ладно, – нехотя согласился Карим.

Он присел на корточки. Часовщик-поводырь достал из кармана обычный мужской носовой платок в клетку, в руках щуплого приземистого Часовщика казавшийся огромным и нелепым. Карим позволил завязать себе глаза, после чего его схватили с двух сторон под

руки и куда-то повели.

Шагали минут пять.

Карим понял, что его завели в подъезд какого-то дома. Повязку тут же сняли, и Сатин обнаружил, что находится в тесном прямоугольном помещении.

Это был не подъезд, а гараж. Автомобильные камеры, канистры для бензина, литые диски, ржавые части автомобильного каркаса – всего этого было здесь в избытке. Не имелось только автомобиля, вместо него в углу на верстаке стоял компьютер, на экране которого светилось окошко «Скайпа».

– Ух ты! Нехило устроились, – пробормотал Карим.

– Садись, серо-коричневый, – пропищал один из Часовщиков. – Пользоваться умеешь?

– Умею, – буркнул Сатин, усаживаясь на положенные одно на другое три колеса.

Часовщик подсоединил к компьютеру непонятно откуда взявшуюся веб-камеру, после чего «желтые» поспешили ретироваться. На экране появился тот, кого Карим так жаждал увидеть. Рас-Сел. Места, где находится Часовщик, Сатин не распознал – казалось, что там очень тесно и темно.

Во всяком случае, Рас-Сел освещал помещение фонарем.

Со дня их первой и последней встречи – в тот самый день, когда поиски Игрока привели Сатина в деревню Кутузово, – Рас-Сел сильно сдал. Он похудел, хотя дальше худеть, казалось бы, некуда. Черты лица сильно заострились, глаза сияли лихорадочным блеском.

«Лицо Гиппократата, – машинально отметил Карим. – Такое характерно для умирающих. Сколько же ему лет? Отец ведь, кажется, говорил...»

– Привет, Сатин-младший, – прокрипел Часовщик. – Я рад, что ты оказался достаточно умным, чтоб докопаться до истины. Значит, не все так плохо в нашем королевстве, есть кому город оставить... – Он откашлялся. – Я действительно рад, что на твоём месте сейчас не сидит «зеленый» или «оранжевый». «Бесцветные» не в счет, я и не очень-то обольщался, что удастся ввести их в заблуждение. Надеялся сыграть на их же властолюбии. Так оно и вышло... Ты меня слушаешь? Что молчишь?

Карим кивнул: слушаю, мол.

– Мне пятьдесят два года, Сатин-младший, – продолжал Часовщик. – Многие годы я управлял моими сородичами, держась за спинами тех, кого вы считали нашими вождями, оставаясь в тени... Та власть, что видна, – фикция. Лишь тот, кто дергает за нитки, оставаясь в тени, может наслаждаться ею в полной мере... Я видел и пережил многое, я и так подзадержался на свете... Но я не мог не сделать того, что сделал, причем один, не привлекая сородичей-магов... Попроси я их, они бы не отказали, но тогда бы разделили со мной ответственность. А я этого не хотел. Теперь моя совесть чиста, можно отдохнуть. А вы копошитесь дальше.

Рас-Сел приглушенно захихикал, потом закашлялся, и некоторое время ему пришлось восстанавливать дыхание.

– Жаль, времени мало... Скажу тебе самое главное: я не собирался устраивать взрывы. Я не планировал никого взрывать, это не я. Не мы – не гр-хч-сг-от и не альвы. Мне сейчас ни к чему тебя обманывать. Это джинна. Весь фокус в том, что «пламя победы», которое они с такой радостью сотворили, да и не одно, пробуждает внутренний огонь, выводит его наружу...

Такое объяснение Карима не устроило.

– Вы хотите сказать, оно делает человека... и нечеловека агрессивным?

Часовщик слабо махнул рукой:

– Можно и так сказать, наверное. Тебе виднее. Но если говорить про джинна – «пламя победы» действительно разбудило их внутренний огонь, сделало их... безумными.

– Одержимыми? – уточнил Карим.

– Да, верно. Ну, ты лучше эти слова знаешь. Они сами полезли в метро, я не предполагал, что они направляются туда прямо после ритуала. Я с самого начала знал, что

джинна погибнут, они нужны были только как генераторы, но я никак не предполагал, что это произойдет в метро, где столько народу. В этом моя ошибка, каюсь. Я хотел лишь использовать энергию, полученную благодаря ритуалу, для заклинания-люка. Ну, ты видел его: светящаяся решетка, под ней спрятаны все якобы умершие источники. Для того чтобы создать это заклинание, я сотворил... Не буду говорить, как называется эта штука, ты все равно не выговоришь. Назовем ее «трансформатором»...

– Вы затеяли все это, – перебил Карим, – потому что джинна захватили наше уникальное предприятие? Потому что верог лишали вас крова? Потому что сатра их покрывали?

– А ты умнее, чем я думал, Сатин-младший, – захихикал Часовщик. – Все сосчитал, ничего не забыл.

– Нет, видимо, я как раз тупой, – холодно отозвался Карим. – Я не понимаю, в чем же виноваты остальные? Почему надо было лишать энергии всех? Что вам сделали дейвона и люди? А маах`керу?

– Э, да что ты! – вновь махнул рукой Рас-Сел. – Цель оправдывает средства. Ну, посмотри: верог Маркаров убрался и бросил свое строительство. Джинна Александров – ты этого, наверное, еще не знаешь – убит. Точнее, погиб в автокатастрофе – и я уверен, ему помогли в этом. Теодоракеса сняли. Разве плохо? А остальные не сегодня-завтра смогут вновь пользоваться источниками. Что касается маах`керу – их источник очень удачно оказался по дороге от центра Москвы к Зеленограду. Кто-то же должен был запустить это представление – они и начали, поперлись к сатра качать права... – Часовщик снова закашлялся.

Карим пытался переварить только что услышанное.

– А где дневники? Мне бы не хотелось, чтобы они попали в руки Наблюдателей или еще каких-нибудь любителей интриг...

Рас-Сел отдышался и вновь захихикал:

– А вот здесь мы с тобой мыслим одинаково. Дневники в надежном месте – там же, где и трансформатор. Как только меня не станет – а это, пожалуй, случится быстрее, чем я думал, – трансформатор самоуничтожится. Не сразу. Скорее всего – через час или через два. Ну и дневники уйдут в небытие вместе с ним и со мной. Чтобы больше никто и никогда...

– Подождите, но так же нельзя! – вскричал Карим. – Секрет заклинания, способного спрятать колодцы, должен быть доступен, ведь это может пригодиться! Ведь ранее считалось, что скрыть колодец так, чтобы он казался мертвым, невозможно!

– Тьфу ты! – рассердился Рас-Сел. – Да ты вовсе не умен, я ошибся. В дневниках нет ни слова о колодцах. Гитлер не владел этим секретом, и солдаты рейха тоже его не знали. Магиджинна умели лишь генерировать энергию, которая делала их и остальных, оказавшихся рядом, неустрашимыми, сильными. Вытаскивала наружу все, на что они были способны, и удешевляла эти качества – как хорошие, так и плохие. А использовать эту энергию для закрытия источников придумал я, я один. И этого заклинания нет нигде: оно только тут! – Он постучал себя по лбу.

– Я ничего не понял, – признался Карим.

– Объясняю еще раз, – прохрипел Рас-Сел. – С помощью ритуала я получил энергию джинна. В этом же ритуале участвовали альвы, они тоже получили энергию – последствия, думаю, ты видел. Но основная моя цель была не в этом. Я хотел спрятать источники, и для этого придумал трансформатор, который заставляет энергию джинна блокировать колодец. Создает пробку. Закрытый «люк», плотный кокон, не позволяющий не то что пользоваться источником, а даже видеть его. Понимаешь теперь?

– А джинна об этом знали?

– О, преисподняя! Да нет, конечно!

Рас-Сел внезапно замолчал и затих, закрыв глаза. Карим решил уж было, что Часовщик умер. Он несколько раз окликнул его. Наконец «желтый» шевельнулся и через силу хрипло произнес:

– Нет сил, Сатин... Но я все сделал... Через час трансформатор уничтожится, а колодцы оживут...

После этого Рас-Сел дернулся и умолк, теперь уже навсегда.

Фонарь, видимо, выпал у него из рук, на экране стало темно.

Карим медленно встал. В гараж тут же хлынули «желтые» и принялись что-то быстро обсуждать, суется вокруг компьютера. Сатин отыскал взглядом того, кто завязывал ему глаза, и схватил его за плечо:

– Послушай... как тебя... Скажи: где Рас-Сел?

– Почтенный Рас-Сел умер, да продлятся дни его в вечность, – пропищал Часовщик.

Потом достал из кармана широких штанов мобильный телефон Карима и отдал ему. Сатин включил телефон и убрал его во внутренний карман куртки.

– Я знаю. Но теперь, когда он умер, я уже ничем не смогу ему навредить. Пожалуйста, скажи мне, где он, – взмолился Карим. – Это очень важно.

– Нельзя. Почтенный Рас-Сел не хотел, чтобы его беспокоили после смерти. Почтенный Рас-Сел просил оставить его в гробнице...

Тут «желтый» вытаращил и без того выпуклые глаза, замолчал и юркнул к выходу.

Карим, выругавшись от досады, вышел из гаража.

На него никто больше не обращал внимания – Часовщики, похватав свои вещи, разбежались.

Карим зашагал к пятнадцатому району.

Что делать? И надо ли что-то делать? Меньше чем через час трансформатор уничтожится, а источники оживут, так сказал Рас-Сел. Значит, все хорошо. Но почему же тогда так беспокойно на душе?

Сатин подошел к дороге и увидел вдалеке спешившую к нему зеленую «десятку».

«Трансформатор самоуничтожится, а дневники уйдут в небытие вместе с ним и со мной», – так сказал Рас-Сел. Все знают, что после смерти мага заклинание, которое он наложил, перестает действовать. Но трансформатор – не заклинание, это техническое устройство. Как же он может самоуничтожиться? Вывод напрашивался только один: устройство взорвется.

Опять взрыв. А он, Карим, даже не знает, где оно находится, чтобы этот взрыв предотвратить. Если его можно предотвратить, конечно.

Сатин остановился напротив автобусной остановки.

Подкатила «десятка», и Кирилл Владимирович с Матвеевым резво выпрыгнули из нее.

– Ну что? Живой?

– Все нормально? Рассказывай! – потребовали они в один голос.

Карим в двух словах изложил суть.

– Вот же дьявол, мерзкий старикашка. Ни себе, ни дейвона, – буркнул Дориченко.

– Он уже покойник, – заметил Карим.

– Да помню я, – махнул рукой главный маг. – Но из-за этого покойника мы имеем кучу других покойников. Ты же еще не в курсе: сегодня ночью, точнее, уже рано утром, двое «изумрудных» Наблюдателей полезли-таки в Кутузово и напоролись на него. Но он метнул какую-то взрывчатку, в результате чего один из «бесцветных» склеил лапы, второй жив, в больнице. Повезло.

– В нашей? – быстро спросил Карим.

– Нет, в Москве. И с ними был кто-то третий, личность выясняется. Тоже погиб. Это, кстати, говорит о том, что Часовщик, общаясь с тобой, находился где-то поблизости. Иначе не успел бы он...

– Но Наблюдатели перерыли тут все. Они ручаются, что в Зеленограде его нет, – вставил Матвеев.

– Вечно они ручаются, – проворчал Кирилл Владимирович. – Если бы не морочили голову, сводя счеты с сатра, мы бы давно уже захватили этого Рас-Села. Пошли в машину, что стоять...

Дейвона залезли в машину – Роман за руль, остальные сзади, – и «Жигули» медленно двинулись по направлению к старому городу.

– Поблизости, но не в Зеленограде? – задумчиво произнес Карим. – Скорее всего, где-то в ближайших поселках или в деревнях. Андреевка отпадает: не стал бы он так близко прятаться... Фирсановка? Менделеево? Ржавки?

– Только не Ржавки – это же под носом у сатра. У них там и мышь не проскочит.

– Насчет Фирсановки тоже сомневаюсь, – протянул Матвеев. – Химкинский район, там элохим... Не, не мог он туда...

– А в Менделеево мы только доехать успеем. Искать уже некогда, – подытожил Карим.

– Но неужели же он, зараза такая, после того что уже натворил, опять расположился со своей хренюй там, где полно людей? – процедил Матвеев. – Неужели никаким местом не соображал?

– Может, и нет, – возразил Карим. – Может, наоборот, пустынное место. Там вообще темно и тесно было, склеп какой-то.

– Ага, склеп. С Интернетом. Хорошо подготовился к загробной жизни.

– Может, такой же гараж? – предположил Дориченко.

– Не похоже. В гараже у него вон и свет, и вообще... А там вот именно что – пусто. И темно. Но вы правы: чтоб такая связь была, рядом должна быть точка Сети. Где-то он рядом с городом. Эх, чует мое сердце, совсем рядом. Но, возможно, что людей там и нет. Не верю я, чтоб он опять подвергал город опасности. Он явно раскаивался.

Автомобиль тем временем заехал на эстакаду и теперь двигался к десятому микрорайону.

– Ты, Карим, не в суде присяжных. «Раскаивался»!

– Может, к провидице завернуть? – с отчаянием предложил Сатин. – Я уже даже не знаю... Хотя время потеряем.

– Ты же говорил, она в прошлый раз какую-то чушь несла. Про самолеты и танки.

– Не чушь! Она нас навела на мысль о «пламени победы»! А про самолеты говорила, потому что «Горизонт», на котором работал Рас-Сел, разрабатывает защиту от авиации... Для танков. И танк мне недавно снился, кстати, – вспомнил вдруг Карим. – Вообще, все сны оказались вещими. Только сейчас нам и сны помочь не могут – все глухо, как в танке!

Внезапно Карим замолчал.

Затем они с Кириллом Владимировичем посмотрели друг на друга.

– Рома, гони к Макдоналдсу! – закричал Сатин.

Роман ничего не понял, но прибавил газу.

Маша Плотникова, журналист канала «НТВ», проезжала на своем «Фольксвагене» мимо указателя «Зеленоград». Город в отличие от расположенных неподалеку Химок и Солнечногорска находился в стороне от Ленинградского шоссе.

– Вот и Макдоналдс, – заметила она знакомую «М» популярного ресторана. – А за ним промзона. Едем правильно.

– Угу, – поддакнул неразговорчивый обычно оператор Никита. – Как деревня называется?

Промелькнули верхние этажи зданий заводов, а потом потянулся лес.

– Чашниково, – ответила Маша. – Но нам не надо туда. Нам нужна поляна с танком, это не доезжая...

Стаффордширский бульдог завозился на заднем сиденье – устал от долгой дороги.

– Погоди, собака. Еще минут десять, и погуляешь, – пообещала хозяйка.

– Что с репортажем про митинг, Марусь? – хмуро спросил Никита.

– Да, я же не сказала. Представляешь: все-таки поставили в завтрашний эфир. Как только шеф узнал, что заместителя префекта сняли, тут же сунул передачу назад в сетку. Так что не зря мы с тобой парились.

– Ну и то хорошо, – сказал Никита. – А то обидно как-то. Сначала срывают: «Езжайте срочно, делайте», потом один звонок и – бац! «Идите на фиг, ребята, мы ссориться с

администрацией не хотим». Стараешься, катаешься по всей стране, а тебе кислород перекрывают.

– Да ладно, не ворчи, – миролюбиво отозвалась Маша. – Такая у нас работа. Теперь вот вандалов этих снимем – и премия наша...

Вчера вечером Плотниковой позвонил все тот же Рас-Сел и сообщил о планирующемся в окрестностях города акте вандализма. Поскольку речь шла о предполагаемом осквернении боевой машины – танка, участвовавшего в битве за Москву, а через несколько дней наступал День Победы, материал сочли «жареным», и Маша ринулась в Зеленоград.

Бульдог-терьер копошился на заднем сиденье, оператор Никита изредка оглядывался, опасаясь за целостность камеры, Маша сосредоточенно следила за дорогой, посматривала в зеркало заднего вида.

Все было как обычно.

Скромная «Ауди» двигалась по Панфиловскому проспекту, за рулем сидел Андрей Тудаковский.

– Алло, командор, – докладывал он в сотовый. – Следую за зеленой «десяткой». В ней полукровка и двое дейвона, едут по направлению к эм-десять¹¹. Какие будут инструкции?

– Действуйте по обстоятельствам.

Искать Часовщика оказалось делом достаточно утомительным и даже кровопролитным. Гораздо проще было сесть на хвост молодому энтузиасту Сатину, который в конце концов должен был привести «бесцветных» к заветной цели.

Так и произошло.

Пока Карим общался по «Скайпу» с Рас-Селом, Наблюдатели попытались запеленговать вторую точку связи. К сожалению, район, который удалось высветить, оказался немаленьким: северная и западная промзоны, Чашниково, пара поселков вдоль Ленинградского шоссе и все, что между ними.

Поскольку на предприятиях уже искали раньше, силы в первую очередь были брошены на поиски в деревне и придорожных поселках. И только Тудаковский следовал за дейвона – на всякий случай. Он был уверен, что они не знают о местонахождении дневников.

– Командор, «десятка» прибавила скорость, идет на отрыв, – доложил Тудаковский.

– Они заметили тебя?

– Не думаю. Скорее – они поняли, где искать.

– Не дай им уйти!

Тудаковский и так был намерен «довести» объект.

Ему начали звонить подчиненные, и доклады их звучали как под копирку – ничего не найдено. Наблюдатель обогнал зеленые «Жигули». Выруливая в левый поворот на Ленинградское шоссе, он увидел знакомый автомобиль, пронесшийся в сторону Чашниково.

– Командор, мной замечен «Фольксваген Пассат»... – он назвал номер. – Принадлежит журналистке канала «НТВ» Плотниковой, фигурировавшей в недавних событиях.

– Не упускай фигуранта. Он может понадобиться.

Наблюдатель увязался за «Фольксвагеном», и скоро оба автомобиля одновременно поравнялись со стоявшим на опушке танком.

– Командор, вижу танк!

Тудаковский разом все понял: ему тоже не давала покоя мысль, в каком таком тесном колодце сидит Часовщик.

Учительница третьего класса одной из школ первого микрорайона Анна Волкова, как всегда в преддверии очередной годовщины Победы, собиралась вести детей к танку, возлагать цветы. Обычно этот ритуал проходил несколько позже – шестого-седьмого мая, но выяснилось, что, начиная с завтрашнего дня и до самого праздника Победы, танку предстоит проходить косметический ремонт, поэтому любые визиты к нему будут отменены.

¹¹ М10 – российская автодорога федерального значения, включающая трассу Москва – Санкт-Петербург.

Девятого мая собрать класс уже нереально – выходной день, многих не будет в городе. Существовал еще вариант заменить ежегодное паломничество к боевой машине походом в парк Победы, к памятнику Рокоссовскому; к штыкам, на сорок первый километр или в Крюково, к монументу воина-освободителя. Но дети хотели к танку, и только к нему.

Руководство школы расценило это как проявление патриотизма, и акция была назначена на тридцатое апреля – на сегодня.

Все началось по плану: дети подходили к школьному крыльцу, одетые в парадную форму. Точнее, к форме относилась лишь белая рубашка или блузка, сочеталась она с совершенно разными по цвету штанами, юбками и жилетками, что в результате давало полную пестроту.

Учительница выстраивала класс в колонну по два.

В это время в кабинете директора прозвенел телефон.

Директор Оксана Александровна, до сей минуты с удовольствием взиравшая из окна на учеников, подняла трубку.

– Я вас слушаю!

– Госпожа директор? – раздался скрипучий голос.

– Да.

– Детей к танку не водите. Там сегодня будет взрыв.

– Теракт? – с ужасом переспросила директор.

– Именно. Теракт. Идите в другое место, если не хотите жертв.

– А кто... – начала было директор, но связь уже прервалась.

Оксана Александровна кинулась к двери.

Через пятнадцать минут двадцать пять человек с учительницей во главе в приказном порядке были отправлены к памятнику маршалу Рокоссовскому в парк Победы – подальше от опасного места.

А Оксана Александровна позвонила куда следует.

ОМОН и МЧС прибыли без задержки.

Когда Карим подъехал к танку, на поляне уже находились: телевидение, Наблюдатели из ордена Изумрудных Крыльев, отряд милиции особого назначения и подразделение Министерства по чрезвычайным ситуациям. Омоновцы огородили территорию, телевизионщики пытались снимать, пока их не отогнали.

Матвеев остановил машину чуть в стороне от поляны, маги вышли.

– Оцепили, надо же, – пробормотал Дориченко. – Кто-то предупредил.

Сатин сотворил щит – самый мощный, какой смог. Оставшуюся энергию он потратил на отвод глаз и пустился бежать к танку прежде, чем дейвона сообразили, что он задумал. Никто из людей его не заметил. Карим влез на постамент, открыл люк и заглянул в танк.

Трупа Часовщика он не увидел – либо тот лежал в глубине, либо кто-то, возможно, сами «желтые», уже позаботился о нем. Зато Карим почти сразу высмотрел небольшую металлическую конструкцию в виде цилиндра на треноге.

Поскольку неизвестная штука явно не имела никакого отношения к танку, сомнений не осталось: это и есть он, трансформатор. И самое главное: за металлическую скобу, расположенную сбоку на корпусе цилиндра, был всунут пластиковый файл с хрупкими, пожелтевшими от времени листочками бумаги.

Не успевая сообразить, что делает, Карим выдернул файл и сунул его за пазуху. Затем схватил цилиндр и, прыгнув сначала на постамент, а потом и на землю, бросился бежать к лесу.

За ближайшими деревьями должен быть небольшой овраг...

Пробежав несколько шагов по лесу, он увидел, что дальше тропа идет под горку. Сатин успел лишь метнуть вперед устройство и упасть на землю, когда прогрехотал взрыв...

Музыканты военного оркестра играли один военный марш за другим, на экране в ногу вышагивали курсанты – все с оружием, знаменами, все с напряженными сосредоточенными лицами. Следом шагали иностранные войска – многие приехали в Москву, чтобы

промаршировать по Красной площади.

Карим смотрел парад с самого начала, и уже успел увидеть в строю представителей всех одиннадцати сфер – даже слэш появились ради такого случая. Рядом с кроватью сидела Снежана и уговаривала Сатина успокоиться и поспать – ведь его лишь вчера перевели из реанимации в палату Бочкина.

При взрыве Карим получил травму головы, других повреждений не было.

– Молчи, женщина, я здесь врач! – заявлял он, не желая успокаиваться, и подпевал телевизору: – «Ведь если враг рискнет проверить нашу силу...»

На руке у него переливался под лучами майского солнца, светившего в окно, амулет-эхо.

В тот момент, когда произошел взрыв, Снежана была уже в Зеленограде.

С помощью среагировавшего амулета она с ужасом обнаружила Карима в той самой больнице, куда надеялась больше никогда не попадать. Разве что на этот раз она оказалась здесь в качестве сиделки и не отходила от Сатина целыми днями, за что он был безумно ей благодарен, хотя и не признавался.

За это время Снежана успела познакомиться не только с родителями Карима, но и с половиной сотрудников больницы, неизменно навещавших коллегу, а также со многими из зеленоградского клана дейвона.

Последним, кто появился в палате у Сатина, был, как ни странно, Илья.

Он громко возмущался, что «его не предупредили, ему не сообщили» и вообще, Карим «самое интересное» проделывает без него, а еще друг.

Так получилось, что Скоробогатов действительно дольше других оставался в неведении. Накануне того дня, когда произошел взрыв, он уехал к родителям в Москву, и именно поэтому Сатин отправился на встречу с Рас-Селом один.

А после взрыва про Илью просто забыли. Отец Карима позвонил ему уже позднее, через несколько дней, когда немного пришел в себя, потому что стало ясно: опасности для жизни сына нет.

Тело Рас-Села так и не нашли – должно быть, Часовщики сумели унести его, чтобы оно не попало в руки слэш. Дневники же, которые Карим вовремя изъяс, сохранились. Посовещавшись, маги-дейвона решили до поры до времени спрятать их в надежном месте, а позже решить, что с ними делать.

...В девять часов вечера, как обычно, над Зеленоградом полыхал салют.

Карим полусидел на кровати, обнимая Снежану, примостившуюся рядом на стуле. Не все огненные вспышки были видны здесь, в седьмом районе, и все же их было достаточно, чтобы вспомнить: а все-таки именно мы шестьдесят пять лет назад выиграли войну.

И именно здесь не пустили врагов к Москве.

– Ух ты! Вот оно, настоящее пламя Победы, – произнес Карим, махнув рукой на небо в сполохах. – А то так, ерунда...

Снежана мягко улыбнулась и кивнула.